П. 2204
-157 П 22
А-7

А. П. Лопухинъ.

Библейская Исторія

при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій.

ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ.

6156

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1914.

1г

Проверено 1956 г. МУЗЕЯ

Тип. Т-ва «Грамотность», 5-я Рождественская, 44.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

159
57

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга пятая.

Моисей и его время.

		стр.
Глава	XLV. Наканунѣ завоеванія земли обѣтованной . .	1
„	XLVI. Послѣдніе дни жизни Моисея	23

Книга шестая.

Религія и законы избраннаго народа.

Глава	XLVII. Единобожіе, какъ вѣра избраннаго народа .	41
„	XLVIII. Различныя имена Бога и древность монотеизма	58
„	XLIX. Человѣческія жертвы и кедешимы	76
„	L. Безсмертіе души и загробная жизнь . . .	89
„	LI. Религіозныя установленія	110
„	LII. Законы государственные и общественные .	120
„	LIII. Законы общественно-экономическіе	145
„	LIV. Законы о долгахъ	160
„	LV. Общій характеръ Моисеева законодательства и заключеніе.	175

Книга седьмая.

Завоеваніе Ханаана и времена судей.

Глава	LVI. Земля обѣтованная	191
„	LVII. Завоеваніе земли обѣтованной	203
„	LVIII. Общественное и политическое состояніе израильтянъ въ Палестинѣ	231
„	LIX. Религія хананеевъ	253
„	LX. Первые судіи	267
„	LXI. Девора и Варакъ	281
„	LXII. Гедеонъ	295
„	LXIII. Іефѳай	313
„	LXIV. Самсонъ	325

ГЛАВА XLV.

Наканунѣ завоеванія земли обѣтованной.

Многолѣтнія странствованія въ пустынѣ наконецъ сдѣлали свое дѣло. Въ теченіе цѣлаго поколѣнія израильтяне вели кочевую жизнь, переходя съ мѣста на мѣсто въ отыскиваніи пастбищъ, хотя Кадесъ все время оставался центромъ этихъ странствованій. Поколѣніе, вышедшее изъ Египта, постепенно вымерло, и его потомство выросло, подъ водительствомъ Моисея и его совѣтниковъ, въ сильный и бодрый народъ. Моисей далъ имъ законъ, и народъ научился считать себя народомъ Божіимъ, такъ что относиться къ нимъ, какъ къ рабамъ, подобно тому, какъ фараоны относились къ египтянамъ, считалось преступленіемъ противъ Іеговы. Моисей, хотя и былъ верховнымъ вождемъ, считалъ себя только орудіемъ и голосомъ Божіимъ, отъ котораго исходили всѣ ихъ законы и которому, какъ верховному своему Царю, они обязаны были и духовнымъ и гражданскимъ повиновеніемъ. Такъ какъ данное имъ законодательство основывалось на признаніи высшаго нравственнаго закона, то оно воплощало въ себѣ чистѣйшія и возвышеннѣйшія представленія объ обязанностяхъ человѣка въ отношеніи къ Богу и къ ближнимъ. Любовь къ ближнимъ, братское сообщество, равенство всѣхъ израильтянъ, благородство и высшая справедливость были тѣмъ идеаломъ, который предложенъ былъ народу. Такіе постановленія и законы, дѣйствуя на народное сознаніе, постепенно наконецъ внѣдрились въ самый духъ народа, хотя по временамъ и подвергались забвенію. По словамъ пророка, эти годы странство-

ванія въ пустынѣ видѣли «дружество юности и любовь ихъ къ Іеговѣ», когда народъ, какъ обрученная невѣста, слѣдовалъ за столпомъ божественнаго присутствія чрезъ пустыню, землю несасѣянную (Іерем., II, 2). Въ пѣсни Моисея говорится, какъ

«Господь нашелъ Свой народъ въ пустынѣ,
Въ степи печальной и дикой;
Ограждалъ его, смотрѣлъ за нимъ,
Хранилъ его, какъ зеницу ока Своего.
Какъ орелъ сторожитъ гнѣздо свое,
Носится надъ птенцами своими,
Распростираетъ крылья свои,
Беретъ ихъ и носитъ ихъ на перьяхъ своихъ;
Такъ Господь одинъ водилъ его,
И не было съ нимъ чужаго бога» [1]).

Вмѣстѣ съ религіозными понятіями, не менѣе развились и окрѣпли и военныя силы израильтянъ. Энергія, вызываемая трудностями и опасностями жизни въ пустынѣ; возбуждающая свѣжесть самаго воздуха пустыни; любовь къ свободѣ, воспламененная пользованіемъ ею въ теченіе цѣлаго поколѣнія; общеніе съ природой въ ея безмолвной обширности и возвышенности, приводившее ихъ лицомъ къ лицу съ Богомъ и съ своимъ внутреннимъ міромъ; взаимопомощь, поддерживаемая сознаніемъ необходимости общей борьбы съ природой и врагами; свободное самоуправленіе, которымъ пользовался народъ и, главнѣе всего, величественное религіозное представленіе, возбуждавшее все, что было благороднаго въ ихъ душѣ,—все это изгладило въ израильтянахъ слѣды египетскаго рабства, возбудило всѣ дремавшія въ нихъ лучшія качества и пробудило мужественный духъ ихъ великихъ предковъ. Но странническая жизнь должна была кончиться, когда она сослужила свою службу; иначе израильскій народъ превратился бы въ такое же кочевое пустынное племя, какими были и окружающія ихъ племена. Поэтому наконецъ дано было повелѣніе приготовиться къ овладѣнію давно обѣтованной землей Ханаанской. Какъ достигнуть этого, однако же еще не было опредѣлено. Подходъ съ юга былъ затрудненъ усиленными приготовленіями жителей, хотя удачное нападеніе на царя Арада (Числ. XXI, 21—24), владѣтеля Негеба, принимавшаго участіе въ пораженіи ихъ въ Хормѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, показывало, что теперешнее поколѣніе было совершенно

[1]) Втор. XXXII, 10—12.

инымъ, чѣмъ старое поколѣніе, и неизмѣримо превосходило его своимъ мужествомъ.

Но со времени выхода изъ Египта прошло уже столько лѣтъ, что время отразилось и на самыхъ мужественныхъ и сильныхъ представителяхъ того поколѣнія, которое вышло изъ Египта. Доселѣ ближайшій кружокъ великаго вождя оставался цѣлымъ; но вотъ и онъ долженъ былъ отдать неизбѣжную дань смерти. Моисей и Ааронъ были еще сохранены для того, чтобы подвести народъ ближе къ землѣ обѣтованной, но ихъ сестрѣ, Маріамъ, суждено было теперь же сложить свои кости въ пустынѣ. Она умерла къ концу странствованія въ Кадесѣ и была погребена тамъ, по свидѣтельству I. Флавія, съ великою пышностью, сопровождаемая всеобщею скорбью, которая выразилась публичнымъ оплакиваніемъ ея въ теченіе 30 дней. Будучи по лѣтамъ старше Моисея, она умерла въ стодвадцатилѣтнемъ возрастѣ, и отселѣ тѣнь смерти неизбѣжно должна была коснуться и духа великихъ братьевъ.

Такъ какъ прямая дорога къ сѣверу была неудобна, то лучше всего было идти по широкой низменной равнинѣ Арабы къ южной оконечности Мертваго моря, гдѣ израильтяне могли пройти вокругъ подошвы горъ Едомскихъ въ землю Моавскую, которая, вмѣстѣ съ страною аммонитянъ, тянулась вдоль восточнаго берега Іордана. Всѣ эти три народа по происхожденію были родственны израильтянамъ, и Моисей могъ ожидать, что они отнесутся дружественно къ нему и его народу, такъ какъ онъ только желалъ спокойно пройти чрезъ ихъ землю и не имѣлъ намѣренія безпокоить ихъ. Поэтому онъ обратился къ едомитянамъ съ просьбою о позволеніи перейти чрезъ ихъ сѣверную границу, обѣщая не наносить никакого вреда и строго держаться проторенныхъ дорогъ. Но опасеніе даже мирнаго вторженія такого многочисленнаго народа выразилось въ томъ, что едомитяне наотрѣзъ отказали въ этомъ позволеніи и даже пригрозили, что они, если понадобится, прибѣгнутъ къ силѣ, чтобы воспрепятствовать такому проходу. Вслѣдствіе этого, израильтянамъ пришлось спуститься къ Арабу, къ верховьямъ залива Акабы, восточной вѣтви Чермнаго моря, и, повернувъ оттуда кругомъ южной оконечности горъ Едомскихъ, идти по направленію къ Ханаану, на сѣверъ, внѣ ихъ восточнаго склона. Но едва Моисей двинулся въ путь въ этомъ направленіи, какъ совершилось печальное событіе, которое было грустнымъ предвѣстіемъ скораго осуществленія суда

Божія и надъ нимъ самимъ. Къ сѣверо-западу отъ каменистыхъ развалинъ Петры высоко поднимается надъ окружными холмами утесистая гора Оръ съ своими двумя остроконечными вершинами. По выраженію Риттера, она вздымается въ одинокомъ величіи, высоко поднимаясь въ синеву неба, подобно огромному, величественному, но разрушенному скалистому городу съ большими утесами, отвѣсными гранитными стѣнами, башнями и обнаженными остроконечностями всякаго рода [1]). На одной изъ этихъ вершинъ испустилъ духъ свой великій первосвященникъ израильскаго народа Ааронъ, въ объятіяхъ своего сына и преемника Елеазара и въ присутствіи истинно любящаго брата, который былъ для него путеводною звѣздою въ теченіе всей жизни. Нѣтъ ничего трогательнѣе, какъ восхожденіе этихъ двухъ престарѣлыхъ старцевъ и сына Аароннова на гору, долженствовавшую послужить могилой для старшаго изъ нихъ. Вотъ они на уединенной вершинѣ; съ умирающаго старца снимаются одежды, чтобы возложить ихъ на Елеазара, какъ преемника первосвященства; самая мѣстность, на которой покоились ихъ глаза, способна тронуть всякаго изслѣдователя. Поднявшись на вершину, они должны были видѣть вокругъ себя массу скалистыхъ, до содроганія обнаженныхъ, вершинъ, перемежающихся съ бездонными ущельями, которыя составляли древнюю область едомитянъ. Къ западу у ихъ ногъ разстилалась долина Арабы, подобно ложбинѣ большой рѣки, запруженной песчаными мелями и кое-гдѣ окаймленной хилымъ кустарникомъ; за нею далеко распростиралась пустыня, въ которой они странствовали 40 лѣтъ. Къ югу Араба простиралась до береговъ Чермнаго моря, показывая будущій путь народа, когда онъ обогнетъ землю Едомскую. Къ востоку небо покоилось на величественномъ хребтѣ желтыхъ горъ, гдѣ чрезъ долину, лежащую между ними и Едомомъ, Израиль долженъ былъ теперь направиться къ сѣверу для завоеванія своего давно обѣтованнаго наслѣдія. И наконецъ, тамъ, къ сѣверу, въ неясной синевѣ дали, виднѣлась даже холмистая почва обѣтованной земли, которая составляла многолѣтнюю мечту великихъ братьевъ, но въ которую имъ не суждено было войти. И вотъ, на этой вершинѣ и скончался первый израильскій первосвященникъ Ааронъ. Величественная гора была достойнымъ мѣстомъ смерти такого человѣка. Она была

---

1) Ritter, Erdkunde, XIV, 1127.

символомъ величія его духовной жизни, которая всецѣло была посвящена народу. Бѣдная гробница на вершинѣ этой горы у мѣстныхъ арабовъ почитается именно за гробницу Аарона. Она построена была на мѣстѣ гораздо лучшаго зданія христіанскаго происхожденія, мозаики котораго еще и теперь можно видѣть на полу теперешняго строенія. Если великій первосвященникъ лежитъ здѣсь, то его тѣло находится глубоко внизу подъ поломъ, хотя вообще трудно думать, чтобы такой именно склепъ могъ быть выкопанъ Моисеемъ и Елеазаромъ.

Смерть Аарона сдѣлалась предметомъ трогательныхъ легендъ, разсказывавшихся іудейскими раввинами. Одна изъ нихъ говоритъ слѣдующее: «Моисей былъ исполненъ печали, когда пришло къ нему слово Господне, что Ааронъ, его братъ, долженъ былъ умереть. Въ ту ночь онъ не имѣлъ покоя, и когда начало разсвѣтать утро, онъ всталъ и пошелъ въ палатку Аарона, который чрезвычайно удивился, увидѣвъ своего брата приходящимъ столь рано, и спросилъ его: «зачѣмъ ты пришелъ?» Моисей отвѣчалъ: «всю ночь я провелъ безпокойно и не спалъ, потому что нѣкоторыя постановленія въ законѣ чрезвычайно занимали меня и казались мнѣ тяжелыми и невыносимыми. Я пришелъ къ тебѣ, чтобы ты разрѣшилъ мнѣ недоумѣніе». И вотъ они оба открыли книгу закона и, прочитавъ каждое постановленіе, говорили, что оно свято, велико и праведно. Скоро дошли они до исторіи Адама; и когда они дошли до паденія, Моисей прекратилъ чтеніе и съ горечью вскричалъ: «о, Адамъ! ты принесъ смерть въ міръ». Ааронъ сказалъ ему: «почему ты столь огорченъ этимъ, братъ мой? Развѣ смерть не есть путь къ Едему?» «Это такъ»,—отвѣчалъ Моисей, «но все таки это весьма печально. Подумай только, что ты и я должны будемъ умереть когда нибудь. Сколько лѣтъ, думаешь ты, проживемъ мы?».—«Быть можетъ, двадцать»,—отвѣчалъ Ааронъ.—«О нѣтъ, не такъ много»,—замѣтилъ Моисей.—«Тогда пятнадцать».—«Нѣтъ, братъ мой, и не такъ много».—«Тогда, навѣрно проживемъ пять лѣтъ».—«Нѣтъ», отвѣчалъ Моисей, « я опять скажу, что и не столько». Тогда Ааронъ, приходя въ смущеніе, спросилъ: «такъ неужели только одинъ годъ?» И Моисей отвѣчалъ ему: «нѣтъ, даже и не столько». Встревоженный и опечаленный этимъ, Ааронъ безмолвствовалъ. Тогда Моисей нѣжно сказалъ ему: «о, возлюбленный мой! развѣ не хорошо было бы сказать о тебѣ, какъ было сказано объ Авраамѣ, что онъ

отошелъ къ своимъ отцамъ въ миръ?» Ааронъ продолжалъ молчать. Тогда Моисей сказалъ: «если бы Богъ сказалъ, что ты умрешь чрезъ сто лѣтъ, что бы ты отвѣчалъ на это?» Ааронъ сказалъ: «Господь праведенъ во всѣхъ путяхъ Своихъ и святъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ».—«А если бы Богъ», —продолжалъ Моисей, «сказалъ тебѣ, что ты умрешь въ этомъ году, то что бы ты отвѣчалъ?»—«Господь праведенъ во всѣхъ путяхъ Своихъ и святъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ»,—повторилъ Ааронъ.—«А если бы Онъ призвалъ тебя сегодня, то что бы ты сказалъ?»—Ааронъ опять отвѣчалъ: «Господь праведенъ во всѣхъ путяхъ Своихъ и святъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ».—«Тогда», сказалъ Моисей, «вставай и слѣдуй за мною». Въ тотъ же самый часъ Моисей вмѣстѣ съ Аарономъ и Елеазаромъ, его сыномъ, вышли изъ палатки; они взошли на гору Оръ, и народъ смотрѣлъ на нихъ, ничего не подозрѣвая, такъ какъ они не знали, что именно должно было совершиться. Тогда Всесвятой сказалъ Своимъ ангеламъ: «вотъ новый Исаакъ; онъ слѣдуетъ за своимъ младшимъ братомъ, который ведетъ его на смерть». Когда они достигли вершины горы, тамъ предъ ними открылась пещера. Они вошли въ нее и нашли смертный одръ, приготовленный руками ангеловъ. Тогда Моисей вскричалъ въ скорби: «горе мнѣ! Насъ было двое, когда мы утѣшали нашу сестру на ея смертномъ одрѣ; въ этотъ твой послѣдній часъ я нахожусь съ тобою для утѣшенія тебя; но когда я самъ буду умирать, кто утѣшитъ меня?» Тогда съ неба послышался голосъ: «не бойся; самъ Богъ будетъ съ тобою». И вотъ, по одну сторону Аарона стоялъ Моисей, а по другую—Елеазаръ. Они поцѣловали умирающаго старца въ чело и сняли съ него его первосвященническія одѣянія, чтобы облачить ими его сына, Елеазара. Вотъ они уже сняли часть священныхъ одеждъ и возложили ихъ на Елеазара; и когда они совершенно обнажили Аарона, серебряное покрывало облака ниспало на него, подобно мантіи, и покрыло его. Ааронъ, повидимому, склонялся ко сну. Тогда Моисей сказалъ: «братъ мой, что ты чувствуешь?»—«Я чувствую, что какъ будто облако обнимаетъ меня», отвѣчалъ онъ. Спустя нѣсколько времени, Моисей опять сказалъ: «братъ мой, что ты чувствуешь теперь?» И Ааронъ слабо отвѣчалъ: «облако окружаетъ меня и лишаетъ меня всякой радости». И вотъ душа Аарона разлучилась съ его тѣломъ. И когда она отошла, Моисей еще разъ вскричалъ: «увы, братъ мой! что ты чувствуешь?» И душа

его отвѣчала: «я чувствую такую радость, что желалъ бы, чтобы она пришла ко мнѣ раньше». Тогда Моисей вскричалъ: «о, ты благословенная, мирная смерть! О, да будетъ такая смерть и мнѣ удѣломъ!» Послѣ этого Моисей и Елеазаръ сошли съ горы одни, и народъ возопилъ, потому что Аарона не стало больше. Но гробница Ааронова поднялась, поемая ангелами въ виду всего народа, причемъ ангелы пѣли: «уста первосвященника хранили знаніе и изрекали правду»[1]). Своего великаго первосвященника народъ оплакивалъ въ теченіе тридцати дней.

Послѣ тридцатилѣтней стоянки подъ сѣнію горы Оръ, сдѣлавшейся могилой Аарона, народъ двинулся дальше, именно на югъ въ обходъ земли едомитянъ, не давшихъ согласія пропустить израильтянъ чрезъ свои владѣнія. Обходъ этотъ, по необходимости, опять былъ трудный, и народъ сталъ опять «малодушествовать» и роптать на Моисея. Воды оказывалось недостаточно для такой массы народа, и самая манна казалась народу теперь уже слишкомъ жалкимъ и несытнымъ хлѣбомъ. Но такое малодушіе, въ виду близости земли обѣтованной, было особенно преступнымъ, и поэтому народъ постигло страшное наказаніе. Именно, въ станѣ появилось множество ядовитыхъ змѣй, отъ которыхъ погибло множество народа. Замѣчательно, что путешественники и доселѣ встрѣчаютъ здѣсь множество змѣй, отличающихся крайнею ядовитостью. «Арабы разсказываютъ, что тутъ водится множество летучихъ змѣй, въ три фута длиною, очень ядовитыхъ, такъ что укушеніе ихъ влечетъ за собою смерть; онѣ не имѣютъ крыльевъ, но дѣлаютъ большіе скачки»[2]). Другой путешественникъ къ юго-востоку отъ Мертваго моря встрѣтилъ большую красную змѣю, которая выползала изъ дупла дерева и которую арабы объявили ядовитой. Буркгардъ пишетъ: «песокъ тамъ повсюду показывалъ слѣды пресмыкающихся. Мой вожакъ говорилъ мнѣ, что ихъ много въ этой мѣстности, и что рыбаки такъ боятся ихъ, что каждую ночь, прежде чѣмъ ложиться спать, раскладываютъ около себя огонь, чтобы отгонять ихъ». Подобнымъ же образомъ Шубертъ разсказываетъ, что ему «принесена была большая и чрезвычайно пятнистая змѣя, отличающаяся огненокрасными пятнами и полосами. Судя по ея зубамъ, было очевидно,

---

1) Baring Gould, Old Test. Legends. II, стр. 127—130.
2) Forster, Sinai, стр. 137, 138.

что она принадлежала къ одной изъ самыхъ ядовитыхъ породъ. Бедуины говорятъ, что этихъ тварей, которыхъ они чрезвычайно боятся, весьма много въ этой мѣстности» [1]). Единственное спасеніе отъ этого бѣдствія для израильтянъ было въ знаменіи вѣры, изображавшемся для нихъ въ видѣ мѣднаго змѣя на крестѣ, цѣлительная сила котораго заключалась въ томъ прообразовательномъ значеніи, которое онъ имѣлъ для искупительнаго распятія начальника Новаго Завѣта, по слову самого Избавителя: «и какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ, такъ должно возвнесену быть Сыну человѣческому, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную» (Іоан. III, 14, 15). Это было послѣднее для народа испытаніе, и оно, повидимому, произвело на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что они уже больше не обнаруживали своего малодушія въ неблагодарномъ и низкомъ ропотѣ на вождя, который былъ уже и безъ того крайне удрученъ не только тяжестью своихъ преклонныхъ лѣтъ, но и всѣми невзгодами, неимовѣрными трудами и огорченіями, выпавшими на его долю.

Но вотъ, начиная отъ восточнаго залива Чермнаго моря, съ каждымъ станомъ израильтяне все ближе подвигались къ предѣламъ земли обѣтованной. Вотъ они обошли земли Эдомскія и вступили въ землю Моавитскую. Въ теченіе минувшихъ лѣтъ они все время странствовали въ пустынѣ, и вотъ, когда они достигли этой страны, обильной водами, то какъ-бы новая жизнь зажглась въ сердцахъ народа. Когда имъ дано было приказаніе переправиться чрезъ потокъ Заредъ, долину, отѣняемую обильною растительностью, то это событіе считалось настолько достопамятнымъ, что оно было занесено въ Книгу воинствъ Господнихъ и оттуда перенесено было въ Библію. Народъ теперь могъ разбивать свои палатки при обильныхъ источникахъ. Скоро они достигли ужасно крутыхъ береговъ Арнона («стремительной рѣки»), первой рѣки, какую они только видѣли со времени оставленія береговъ Нила. При видѣ этой рѣки, шириною около 4 верстъ отъ одной прибрежной скалы до другой, и струившейся на 2000 футовъ подъ ихъ ногами, при видѣ богатой зелени, окаймлявшей ея берега и потоковъ свѣжихъ водъ, сверкавшихъ внизу, радость израильтянъ послѣ столь долгой жизни въ безводной пустынѣ была неописанная. Передъ взорами ихъ открывалась также лежав-

---

[1]) Отзывы эти приводятся у Бунзена въ его Bibel-Urkunden, т. I, стр. 317.

шая по другой сторонѣ Мертваго моря область Енгеди, и они могли видѣть, какъ съ ея крутыхъ склоновъ, сверкая на солнцѣ, бурно устремлялись потоки по каменистымъ оврагамъ къ морю. Но израильтяне впрочемъ перешли эту рѣку въ той части, гдѣ она была еще не особенно значительною, такъ что они должны были кое-гдѣ вырывать колодцы для возполненія запасовъ воды. Но вступленіе вообще въ страну, гдѣ уже не было сухихъ и обнаженныхъ пустынь, было столь великимъ и радостнымъ событіемъ, что оно прославлялось въ торжественныхъ пѣсняхъ, одна изъ которыхъ, несомнѣнно составленная въ воспоминаніе вырытія перваго колодца, извѣстнаго въ послѣдующіе вѣка подъ названіемъ «источника князей» (Беэръ-Элимъ—Исх. XV, 8), сохранена въ Библіи и читается такъ:

«Наполняйся, колодезь,—пойте ему;
Колодезь, который выкопали князья,
Вырыли вожди народа
Съ законодателемъ, жезлами своими!» [1]).

Съ прибытіемъ въ землю Моавитскую и вообще связывается взрывъ еврейской поэзіи, такъ какъ обыденныхъ словъ теперь уже недостаточно было для выраженія радости при вступленіи въ плодородныя страны по оставленіи безплодной пустыни.

Получивъ запрещеніе наносить какой-либо вредъ моавитянамъ или аммонитянамъ, какъ потомкамъ Лота, Моисей отправилъ пословъ къ первымъ, какъ онъ посылалъ ихъ и къ эдомитянамъ, прося позволенія спокойно пройти чрезъ ихъ землю и обѣщая, что имъ не будетъ сдѣлано никакого вреда. Израильтяне расположились станомъ въ пустынѣ Кедемоѳъ, въ округѣ, лежащемъ (по картѣ Киперта) верстахъ въ 35 къ востоку отъ Мертваго моря, и ждали тамъ, пока выяснится, что имъ дѣлать. Такъ какъ моавитяне отказали въ просьбѣ, то съ тѣмъ же самымъ предложеніемъ послы отправлены были къ аммонитянамъ, владѣнія которыхъ лежали къ сѣверу отъ моавитянъ; но и это посольство окончилось такою же неудачею. Положеніе было чрезвычайно затруднительное, но одно великое національное бѣдствіе, постигшее аммонитянъ нѣсколько времени предъ тѣмъ, наконецъ пришло на помощь Моисею. Царь аморрейскій, Сигонъ—«разрушитель», сдѣлалъ нападеніе на аммонитянъ и моавитянъ, повидимому, изъ Ханаана, и отнялъ у нихъ почти всю

1) Числ. XXI, 17, 18.

страну, между Арноном на югѣ и Іавокомъ, впадающимъ въ Іорданъ, на сѣверѣ, утвердивъ свою столицу въ сильно укрѣпленномъ городѣ Есевонѣ, лежавшемъ почти на 3,000 футовъ надъ уровнемъ Средиземнаго моря и болѣе, чѣмъ на 4,000 футовъ надъ уровнемъ Мертваго моря, которое видно изъ него. Къ нему такъ же, какъ и къ другимъ, отправлено было мирное посольство изъ стана въ Кадемоѳѣ, съ просьбою о пропускѣ чрезъ его царство. Но посольство и отъ него получило рѣшительный отказъ. Входъ въ Палестину могъ быть достигнутъ теперь только военной силой, чего Моисею хотѣлось бы избѣжать. Но необходимость заставила прибѣгнуть къ этой силѣ, тѣмъ болѣе, что Сигонъ съ войскомъ выступилъ противъ новыхъ пришельцевъ. Враждебныя войска встрѣтились. Моисей искусно развернулъ свои силы и Сигонъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Войско его бѣжало и, какъ разсказываетъ позднѣйшее преданіе, было избито при мѣстечкѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Іаца, гдѣ разбитые воины въ мучительной жаждѣ столпились на берегу горнаго потока. Вся страна между Арноном и Іавокомъ, включая и Есевонъ сразу же перешла въ руки израильтянъ. Отселѣ Арнонъ сдѣлался границей ихъ владѣній, и только страна къ югу отъ него осталась во владѣніи Моава [1]).

Израильтяне теперь были господами обширной страны, славившейся великолѣпными пастбищами и пересѣченной многочисленными плодородными равнинами и обильными потоками. Переправа чрезъ Арнонъ и открытіе перваго колодца уже воспламенили поэтическій духъ въ израильскомъ станѣ; но такая побѣда была еще болѣе достойной темой для ихъ вдохновенія. По обширному палаточному городу Израиля поэтому скоро раздались хвалебныя пѣсни побѣдителей Сигона, теперь съ торжествомъ возвращавшихся въ станъ. Одна изъ этихъ пѣсенъ сохранена въ Библіи и представляетъ собою замѣчательный образчикъ военныхъ пѣсенъ израильскаго народа. Пѣсня эта пѣлась двумя хорами и была слѣдующаго содержанія:

Первый голосъ (какъ-бы обращаясь насмѣшливо къ аморреямъ):

«Идите въ Есевонъ!
Да устроятъ и утвердятъ городъ Сигона [2]),

---

[1]) Числ. XXI, 15, 26; Втор. IV, 48.

[2]) Городъ этотъ былъ такъ разрушенъ, что сами израильтяне должны были построить его вновь. Числ. XXXII, 37.

Ибо огонь вышелъ изъ Есевона,
Пламень изъ города Сигонова,
И пожралъ Аръ-Моавъ,
И владѣющихъ высотами Арнона»!

Второй голосъ (какъ будто бы аморрей вспоминаетъ о прежнемъ торжествѣ своего народа надъ моавитянами):

«Горе тебѣ, Моавъ!
Погибъ ты, народъ Хамоса!
Разбѣжались сыновья его,
И дочери его сдѣлались плѣнницами аморрейскаго
царя Сигона» [1]).

Первый голосъ (разсказывая объ окончательной побѣдѣ Израиля):

«Мы поразили ихъ стрѣлами,
Погибъ Есевонъ до Дивона! [2])
Мы опустошили ихъ до Норы,
Мы опустошили ихъ огнемъ до Медовы».

Такъ превосходно пробужденный воинственный духъ народа скоро нашелъ новое удовлетвореніе въ походѣ на сѣверъ, подъ предводительствомъ двухъ вождей Іаира и Новаха, противъ Ога, («длинношейнаго»), аморрейскаго царя областей Галаада и Васана. Богатство всей этой области само по себѣ было достаточной приманкой для завоевателей, такъ какъ дубы васанскіе и громадныя стада дикаго скота, паспшагося на превосходныхъ зеленыхъ лугахъ этой мѣстности, славились повсюду не менѣе ландшафтовъ и богатыхъ пастбищъ Галаада. Превосходные естественные парки, большія полосы, покрытыя обильными нивами пшеницы и ячменя, вмѣстѣ съ деревьями и кустарниками, группирующимися съ очаровательнымъ разнообразіемъ повсюду, и наконецъ, темные лѣса и доселѣ очаровываютъ здѣсь путешественниковъ. Колѣна Рувима, Гада и полуколѣно Манассіи, чуствовавшія больше склонности къ скотоводству, чѣмъ къ земледѣлію, не могли выстоять противъ такого искушенія и, повидимому, въ союзѣ съ родственнымъ имъ племенемъ Аммоновымъ, скоро превозмогли всякое затрудненіе и овладѣли этою мѣстностью.

Однако же задача эта была не легкая, потому что Едрея («сильная»), столица Ога, была при обыкновенныхъ обстоятельствахъ почти

---

[1]) Тутъ очевидно дѣлается намекъ на то, что ихъ богъ Хамосъ оказался неспособнымъ защитить ихъ.

[2]) Мѣсто, гдѣ былъ найденъ знаменитый Моавитскій камень.

неприступною, такъ какъ она, странно сказать, построена была въ котловинѣ, искусственно вырытой на вершинѣ холма, который глубокимъ оврагомъ Іеромакса отдѣляется отъ окружающей мѣстности. Улицы, какъ можно видѣть еще и теперь, идутъ во всѣхъ направленіяхъ подъ теперешнимъ городомъ Адрагой. Но Кенаѳъ въ округѣ, называемомъ Аргобъ («каменный»), былъ еще сильнѣе, такъ какъ онъ построенъ былъ въ ущельяхъ большого острова изъ лавы, которая при охлажденіи растрескалась на такое множество щелей, что чрезъ лабиринтъ ихъ не могъ проникнуть ни одинъ непріятель. Въ этихъ щеляхъ находились улицы и дома города, изъ которыхъ иные болѣе поздняго времени съ каменными дверями, движущимися на каменныхъ петляхъ, остаются и до настоящаго времени. Для израильтянъ въ дѣйствительности было бы почти невозможно побѣдить столь сильно укрѣпленнаго народа, если бы въ этомъ отношеніи не помогли имъ громадные рои шершней (обычный бичъ Палестины), которые выгнали населеніе въ открытую мѣстность, гдѣ и можно было сдѣлать на него нападеніе [1]). Твердыни населенія не ограничивались и этимъ только. Израильтянамъ приходилось взять не менѣе 60 городовъ, которые всѣ были «укрѣплены высокими стѣнами, воротами и запорами» (Втор. III, 5); но всѣ эти города, несмотря на свою укрѣпленность, рано или поздно должны были пасть предъ неотразимымъ напоромъ израильтянъ, и долго спустя въ столицѣ ихъ союзниковъ, аммонитянъ, можно было видѣть одинъ изъ трофеевъ этой войны—исполинскую желѣзную кровать царя Ога или, какъ нѣкоторые думаютъ, огромный саркофагъ, приготовленный имъ для себя, какъ это было въ обычаѣ у ханаанскихъ царей [2]).

Въ самое короткое время большая часть земли къ востоку отъ Іордана, исключая той, что добровольно оставлена была въ рукахъ

---

[1]) I. Нав. XXIV, 12. Въ I. Нав. XV, 33, упоминается городъ Цора, что значитъ «мѣсто шершней». Яростное нападеніе роя шершней доводитъ скотъ и лошадей до бѣшенства. Впрочемъ, авторъ статьи Hornet (шершень) въ словарѣ Смита думаетъ, что слово это здѣсь употреблено въ метафорическомъ смыслѣ для означенія страха и ужаса, которые овладѣвали хананеями при приближеніи воинства Израильскаго. Но въ исторіи извѣстны и параллельные примѣры. Такъ, нападеніе мухъ вынудило Сапора снять осаду съ Низибіи, и по свидѣтельству Ямвлиха—пчелы принудили вавилонское войско къ бѣгству. Фасалеяне, одно Ханаанейское племя, также выгонялись постоянно изъ своихъ домовъ осами или шершнями.

[2]) Напр. найденъ былъ саркофагъ, приготовленный для себя Эсмунацеромъ, царемъ Сидонскимъ, и находящійся теперь въ Луврѣ. Шекспиръ былъ не первымъ, кто произнесъ проклятіе на тѣхъ, кто потревожилъ бы его кости.

родственнаго израильтянамъ племени Аммонова, была въ ихъ владѣніяхъ отъ горы Ермона до Мертваго моря (Втор. II, 1—17), и одна только рѣка Іорданъ отдѣляла ихъ отъ земли обѣтованной. Но прежде, чѣмъ вступить въ окончательное владѣніе этой землей, должно было произойти послѣднее столкновеніе между избраннымъ народомъ и міромъ языческимъ, — столкновеніе, которое должно было окончательно рѣшить судьбу того или другого и установить опредѣленныя отношенія между истинной религіей и язычествомъ, равно какъ и между царствомъ Бога и царствомъ міра сего. Израиль долженъ былъ познать, что языческіе народы не только представляютъ собою по отношенію къ нему враждебную политическую силу, но и что язычество, по самой сущности своей, враждебно царству Божію, что они несовмѣстимы между собой, и поэтому у Израиля не должно быть никакого общенія съ язычествомъ, и онъ даже не можетъ терпѣть самаго присутствія его на одной и той же землѣ. Этотъ глубоко важный урокъ преподанъ былъ народу Израильскому наканунѣ вступленія въ землю обѣтованную замѣчательной исторіей языческаго прорицателя Валаама.

Послѣ рѣшительныхъ побѣдъ надъ царями Сигономъ и Огомъ, входъ въ землю обѣтованную былъ совершенно открытъ для израильтянъ. Враги, которые могли бы заградить имъ путь въ нее, или остались позади, или были разсѣяны. И вотъ уже «сыны Израилевы остановились» на равнинѣ Моава при Іорданѣ, противъ Іерихона, гдѣ ими на продолжительное время устроенъ былъ станъ въ богатой низовинѣ Іордана, какъ разъ предъ впаденіемъ его въ Мертвое

Роллеръ прочиталъ надпись на саркофагѣ Эсмунацера, въ которой, между прочимъ, говорится: «проклятіе произносится противъ царскихъ лицъ или другихъ, кто откроютъ эту гробницу, или поднимутъ гробницу, содержащую меня, или переносутъ меня въ этой гробницѣ. Они да не будутъ погребены съ мертвыми, да не будутъ лежать въ гробу, да не оставятъ по себѣ потомковъ и святые боги да предадутъ ихъ въ руки враговъ ихъ, которые изгонятъ ихъ изъ страны своей». Саркофагъ этотъ былъ купленъ герцогомъ де-Люйнесъ и подаренъ французскому правительству. При этомъ замѣчаютъ любопытное совпаденіе съ значащимся на саркофагѣ проклятіемъ, такъ какъ графъ и его единственный сынъ, оба нашли смерть въ Папской войнѣ въ Италіи въ 1859 году. Чрезъ посредство императора Наполеона III саркофагъ былъ привезенъ въ Парижъ и поставленъ въ Луврѣ, и замѣчательно, что императоръ разбитъ былъ при Седанѣ и его тѣло покоится на чужой землѣ. Сынъ его палъ безвременную смерть вдали также отъ своего дома и въ рукахъ его враговъ. Ни у Наполеона III, ни у герцога Люйнеса не осталось никакихъ потомковъ.

море. Жара этой глубокой долины, вѣроятно, была сильная. Но обильная вода и тщательное орошеніе покрывали ее роскошною растительностью; потому что даже теперь богатыми садами покрыты ея водные потоки, дѣлая берега ихъ однимъ изъ роскошнѣйшихъ оазисовъ страны. Самое названіе ея Авель-Ситтимъ (луга или влажное мѣсто акацій), вѣроятно, вполнѣ соотвѣтствовало характеру мѣстности, такъ какъ еще и теперь здѣсь растетъ много акацій, особенно у западнаго края. Въ этихъ роскошныхъ рощахъ Израиль и впалъ въ тяжкій грѣхъ, и здѣсь именно Валаамъ видѣлъ ихъ съ вершины горы, посвященной богу Ваалъ-Фегору.

Такой успѣхъ Израиля наконецъ возбудилъ крайнее раздраженіе у моавитянъ, царь которыхъ, Валакъ, послѣ сомнительнаго нейтралитета, рѣшилъ оказать противодѣйствіе пришлому народу, который, по его словамъ, «поядалъ теперь все вокругъ, какъ волъ поядаетъ траву полевую». Но онъ въ то же время, имѣя въ виду участь царей Сигона и Ога, зналъ, какъ опасно выступать противъ израильтянъ съ оружіемъ въ рукахъ, и поэтому онъ прибѣгъ къ новому средству. Въ древности было общее вѣрованіе, что волшебные наговоры и причитанія, произнесенные противъ отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ народовъ, имѣли непреодолимую силу. Болѣе знаменитые знатоки волшебныхъ искусствъ, въ особенности, какъ предполагалось, знали формулы, противъ которыхъ ничто не могло выстоять: быть можетъ, тайное имя какого-нибудь бога или демона, стоявшаго выше признаннаго божества тѣхъ, противъ которыхъ направлялось проклятіе. Одно изъ этихъ причитаній, именно римское, дошло до насъ. Оно читается такъ: «Дис-Патеръ или Юпитеръ, если ты предпочитаешь этотъ титулъ,—или какимъ бы то ни было другимъ именемъ можно назвать тебя: я заклинаю тебя наполнить весь этотъ городъ и войско, которое я называю, страхомъ и ужасомъ, и повергнуть его въ бѣгство. Разрушь намѣренія этихъ войскъ, враговъ, людей, городовъ и земель, которые поднимаютъ оружіе противъ насъ; пролей тьму на нихъ свыше. Смотри на эти города, земли и лица и на весь ихъ народъ во всѣ вѣка, какъ на проклятый, и поставь въ условія, каковы бы они ни были, которыми непріятели могутъ быть совершенно преданы истребленію. Такъ я посвящаю ихъ тебѣ, и я, и тѣ, которыхъ я представляю, римскій народъ и ихъ войска,—мы являемся свидѣтелями. Если ты позволишь мнѣ и легіонамъ, занятымъ этимъ дѣломъ, благополучно за-

кончить это дѣло, и приговоръ этотъ будетъ исполненъ, я клянусь принести въ жертву тебѣ, о мать земли, и тебѣ, о Юпитеръ, три черныхъ овцы» [1]). Плутархъ также сообщаетъ, что предъ отправленіемъ Красса въ свой роковой походъ противъ парѳянъ, «Атей, подбѣжавъ къ воротамъ, когда выходилъ изъ нихъ Крассъ, поставилъ на нихъ жаровню съ горящимъ огнемъ, и возжигая куреніе и дѣлая возліяніе на нее, проклиналъ его страшными причитаніями, упоминая и призывая нѣсколькихъ чужихъ и страшныхъ божествъ; потому что, по вѣрованію римлянъ, въ этихъ священныхъ и древнихъ обрядахъ столь много силы, что ни одинъ человѣкъ не могъ избѣжать дѣйствія ихъ, да и самый произноситель проклятія рѣдко благоденствуетъ; такъ что они употребляются не часто, а только при великихъ случаяхъ» [2]). Въ послѣднее время, во время недавнихъ войнъ англичанъ съ Бирманской имперіей, генералы этого народа имѣли постоянно при себѣ волшебниковъ, которые часто проклинали англійскія войска, причемъ эти волшебники подкрѣплялись и многими вѣдьмами, когда причитанія ихъ оказывались безсильными. И вотъ, по обычаю древности, держась подобной вѣры въ дѣйствительность такихъ средствъ для погубленія непріятеля, Валакъ немедленно послалъ за однимъ знаменитымъ прорицателемъ, жившимъ въ Певорѣ, на Ефратѣ, въ надеждѣ, что его причитанія могутъ предать израильтянъ Моаву на расхищеніе и что этимъ онъ не только спасетъ оставшіяся земельныя владѣнія, но, быть можетъ, пріобрѣтетъ и земли, отнятыя ими у Сигона и Ога, которыя сначала также принадлежали ему.

Валаамъ — «пожиратель» (быть можетъ книгъ), былъ арамеянинъ по происхожденію и происходилъ изъ страны, гдѣ потомки Авраама еще въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ сохраняли вѣру патріарха. Онъ представляетъ собою одну изъ замѣчательнѣйшихъ личностей въ Библейской исторіи по той раздвоенности духа и смѣси въ немъ истины и заблужденій, которыя онъ обнаруживаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Его родной городъ Певоръ былъ центромъ всякаго рода волхвовъ и прорицателей, и пользовался обширною извѣстностью во всѣхъ окружающихъ странахъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ и былъ именно Валаамъ, который обладалъ

1) Macrobii, Saturnal., lib. III, cap. 9.
2) Plutarch, III, 350, Crassus.

знаніями, далеко превосходящими познанія обычныхъ языческихъ прорицателей. Въ нѣкоторыхъ своихъ изреченіяхъ онъ прямо обнаруживаетъ знаніе истиннаго Бога и даже тѣхъ обѣтованій, которыя были даны Аврааму и послѣдующимъ патріархамъ избраннаго народа. Это несомнѣнно объясняется прежде всего тѣмъ, что на рѣкѣ Евфратѣ среди населенія сохранялось преданіе о бывшихъ откровеніяхъ Аврааму, вышедшему именно изъ этой мѣстности, но затѣмъ и самымъ характеромъ положенія Валаама. Какъ прорицатель, пользовавшійся обширною извѣстностью у различныхъ сосѣднихъ народовъ, онъ, для поддержанія своей славы, очевидно долженъ былъ слѣдить за ходомъ религіозныхъ воззрѣній этихъ народовъ, изучать ихъ, чтобы при случаѣ не обнаружить своего невѣжества предъ прибѣгавшими къ его помощи царями. Отсюда, если сравнить его изреченія въ Числ. XXIII, 10 съ обѣтованіемъ Божіимъ Аврааму въ Быт. XIII, 15, и особенно Числ. XXIII, 24, XXIV, 9 съ Быт. XLIX, 9; Числ. XXIV, 17 съ Быт. XLIX, 10, то сразу же будетъ видно, что Валаамъ хорошо былъ знакомъ съ религіей Іеговы и исторіей избраннаго народа. Это знакомство не могло не имѣть на него благотворнаго вліянія, и онъ въ глубинѣ своей души носилъ искру истиннаго боговѣдѣнія и убѣжденія въ превосходствѣ Іеговы надъ всѣми языческими богами; но внѣшнее его положеніе въ качествѣ прорицателя и особенно обычное у волхвовъ корыстолюбіе не давали въ немъ разгорѣться этой искрѣ и заглушали ее до того, что онъ противился прямымъ внушеніямъ Божіимъ. Въ виду этого самые взгляды на него двоятся. Одни, какъ напр. Тертулліанъ и бл. Іеронимъ, считаютъ его истиннымъ пророкомъ, но только погрѣшившимъ чрезъ свою корысть и честолюбіе; другіе, какъ напр., Филонъ, св. Амвросій и бл. Августинъ, видятъ въ немъ ложнаго пророка и язычника, который только сдѣлался орудіемъ благословенія для израильтянъ. Само Св. Писаніе скорѣе даетъ основаніе въ пользу послѣдняго взгляда, такъ какъ онъ называется не словомъ *наби*, прилагаемымъ къ истиннымъ пророкамъ, а только *косемъ*, то-есть, прорицателемъ, волхвомъ, что дѣйствительно прилагается только къ людямъ, занимающимся волхвованіемъ, запрещеннымъ въ законѣ[1]).

Въ библейскомъ повѣствованіи ясно выступаетъ въ немъ эта раздвоенность характера, и ничего не можетъ быть возвышеннѣе

---

[1]) Втор. XVIII, 10 и слѣд.; 1 Цар. XV, 23 и др.

словъ, съ которыми онъ отвѣчалъ Валаку, когда устрашенный царь, при встрѣчѣ ихъ, спрашивалъ его: «съ чѣмъ предстать мнѣ предъ Господомъ, преклониться предъ Богомъ небеснымъ? Предстать ли предъ Нимъ со всесожженіемъ, съ тельцами однолѣтними? Но можно ли угодить Господу тысячами овновъ или неизсчетными потоками елея? Развѣ дамъ Ему первенца моего за преступленіе мое, и плодъ чрева моего за грѣхъ души моей?» (Мих. VI, 5). Согласно страшнымъ обычаямъ своей страны (4 Цар. III, 27), Валакъ готовъ былъ, если бы понадобилось, даже принести въ жертву своего старшаго сына для умилостивленія божественнаго гнѣва. Даже величайшій изъ древнихъ пророковъ не могъ бы дать болѣе чистаго и болѣе духовнаго отвѣта на этотъ дикій, отчаивающійся вопросъ, чѣмъ тотъ, который далъ Валаамъ, сказавъ: «о, человѣкъ! сказано тебѣ, что добро и чего требуетъ отъ тебя Господь: дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренномудренно ходить предъ Богомъ твоимъ». Несмотря на эту возвышенность возрѣній, онъ однако же съ полною готовностью повидимому входитъ въ окружающій его духъ идолопоклонства. Онъ употреблялъ въ пищу мясо животныхъ, принесенныхъ языческимъ богамъ, и мѣстомъ построенія своего перваго жертвенника избиралъ то, которое посвящено было Ваалу (Числ. XXII, 41; XXIII, 1). Кромѣ того, онъ повидимому вполнѣ сходился съ Валакомъ въ чисто языческомъ представленіи, что заговоръ могъ дѣйствовать съ одного мѣста лучше, чѣмъ съ другаго и даже въ числѣ своихъ жертвенниковъ и жертвъ онъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы вѣрилъ въ магическую силу священныхъ чиселъ. Израильтяне имѣли только одинъ жертвенникъ въ данномъ мѣстѣ, но Валаамъ повелѣваетъ построить семь жертвенниковъ и приноситъ семь жертвъ, подобно тому, какъ и въ настоящее время въ Индіи число 7 вообще считается священнымъ въ жертвоприношеніяхъ индусовъ. Въ случаѣ бѣдности они приносятъ семь орѣховъ, семь смоквъ и семь мѣръ риса, и если не въ состояніи сдѣлать этого, то стараются по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы приносить нечетное число. Но сходство съ языческими обычаями заключается и не въ этомъ только. Когда индійскій царь отправляется въ битву, онъ обыкновенно приноситъ жертву богинѣ царственнаго семейства, чтобы узнать о своемъ успѣхѣ въ предстоящей битвѣ и низвести проклятіе на своего врага. Съ этою цѣлью предъ храмомъ ставятся семь жертвенниковъ и около нихъ семь сосудовъ съ водою, въ каж-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

домъ изъ которыхъ находится по листку монговаго дерева и по нечищенному кокосовому орѣху. Около каждаго жертвенника устраивается яма, содержащая огонь. Затѣмъ приносятся жертвы, которыхъ можетъ быть 7, 14 или 21 и которыя состоятъ изъ буйволовъ, барановъ или пѣтуховъ; сильный человѣкъ отрубаетъ однимъ ударомъ голову каждаго жертвеннаго животнаго, послѣ чего трупъ бросается въ пылающую яму съ молитвами и причитаніями. Жрецъ затѣмъ подходитъ къ храму и приноситъ куреніе, возвращаясь послѣ нѣкотораго времени и объявляя дикими жестами, каковъ будетъ исходъ битвы. Если отвѣтъ оказывается благопріятнымъ для царя, то жрецъ беретъ по нѣсколько пепла изъ каждой ямы и, бросая его въ направленіи непріятеля, произноситъ на него самое страшное проклятіе.

Хотя въ душѣ Валаама и сохранилась искра истиннаго боговѣдѣнія, но, какъ прорицатель, онъ былъ представителемъ языческаго міра, и за богатые дары, несмотря на внушенія и предостереженія свыше, согласился на предложеніе Валака. Уже на самомъ пути къ Валаку, Валаамъ получилъ новое предостереженіе отъ безсловесной ослицы, которая, заговоривъ голосомъ человѣческимъ, «остановила безумье пророка». Но онъ возлюбилъ мзду неправедную (2 Петр. II, 16, 15) и за нее готовъ былъ пренебречь всякимъ предостереженіемъ. Узнавъ о его приближеніи, царь Валакъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу, и въ честь его задалъ блестящій пиръ. Затѣмъ приступлено было къ дѣлу проклятія. Валакъ возвелъ прорицателя на гору, посвященную Ваалу, откуда открывался видъ на станъ израильскій. Тамъ построено было семь жертвенниковъ и принесена богатая жертва. Предъ самымъ проклятіемъ Валаамъ все еще колебался совершить столь неправое дѣло и вопрошалъ Бога, отдавая себя въ Его полную волю. И воля Божія восторжествовала надъ любителемъ неправедной мзды. Вмѣсто проклятія, Валаамъ произнесъ торжественное благословеніе Израилю, сказавъ:

«Какъ прокляну я? Богъ не проклинаетъ его;
Какъ изреку зло? Господь не изрекаетъ на него зло.
Съ вершины скалъ вижу я его,
И съ холмовъ смотрю на него:
Вотъ, народъ живетъ отдѣльно,
И между народами не числится.
Кто исчислитъ песокъ Іакова,

И число четвертой части Израиля?
Да умретъ душа моя смертью праведниковъ,
И да будетъ кончина моя, какъ ихъ» [1]).

Изумленный и разгнѣванный Валакъ, сдѣлавъ укоръ прорицателю, возвелъ его на другую гору—Фасги, чтобы онъ оттуда попробовалъ проклясть его враговъ. Въ этомъ пунктѣ ландшафтъ давалъ обильную тему для возвышенныхъ изреченій. Къ востоку до самаго Евфрата тянется великая пустыня. Къ югу видиѣются красныя горы Эдомовы; за Мертвымъ моремъ вздымаются скалы Енгеди,—будущее мѣстожительство кенеевъ; позади жилищъ амаликитянъ, перваго врага израильтянъ, распростиралась южная пустыня; внизу, въ «луговинѣ акацій», на богатой равнинѣ восточной Іорданской долины (совершенно отличающейся отъ обработанныхъ полей плоской возвышенности) раскинутъ былъ обширный станъ израильтянъ; а тамъ дальше къ западу, за холмами Палестины, какъ извѣстно было Валааму, лежало великое море, изъ глубины котораго возвышались острова Хиттимскіе и воды котораго омывали земли будущаго. Изреченія прорицателя, когда «онъ услышалъ слово Божіе и увидѣлъ видѣніе Всемогущаго», лежа въ сновидѣніи, но имѣя открытыми свои духовныя очи, по справедливому замѣчанію Гердера, съ необычайною живостью, полнотою и вмѣстѣ краткостью отражаютъ на себѣ всю эту картину. Онъ мысленно видѣлъ жилища Израиля въ Ханаанѣ съ его великолѣпными долинами, наполненными зимою журчащими потоками; видѣлъ его обширныя равнины, которыя, подобно садамъ на берегахъ роднаго ему Ефрата, распростирались по всей странѣ, благоухая драгоцѣнными алойными деревами и блистая стройными кедрами. Съ горы Фасги Валаамъ, вмѣсто проклятія, опять произнесъ возвышенное благословеніе, говоря:

«Богъ не человѣкъ, чтобы Ему лгать,
И не сынъ человѣческій, чтобы Ему измѣняться;
Онъ ли скажетъ и не сдѣлаетъ,
Будетъ говорить и не исполнитъ?
Вотъ благославлять началъ я, ибо Онъ благословилъ,
И я не могу измѣнять сего.
Не видно бѣдствія въ Іаковѣ,
И не замѣтно несчастія въ Израилѣ,
Господь Богъ его съ нимъ,
И трубный царскій звукъ у него.
Богъ вывелъ его изъ Египта,

1) Числ. XXIII, 7—10.

Быстрота единорога у него.
Нѣтъ волшебства въ Іаковѣ,
И нѣтъ ворожбы въ Израилѣ.
Въ свое время скажутъ объ Іаковѣ
И о Израилѣ: вотъ, что̀ творитъ Богъ!
Вотъ народъ, какъ львица встаетъ,
И какъ левъ поднимается;
Не ляжетъ, пока не съѣстъ добычи,
И не напьется крови убитыхъ» [1]).

Раздраженный еще болѣе подобнымъ благословеніемъ, Валакъ попробовалъ еще разъ возвести прорицателя на третью гору, на вершина Фегора. Но оттуда Валаамъ произнесъ еще болѣе возвышенное благословеніе. Окинувъ взглядомъ великолѣпную картину израильскаго лагеря, «Валаамъ увидѣлъ, что Господу угодно благословить Израиля, и не пошелъ, какъ прежде, для волхованія, но обратился лицомъ своимъ къ пустынѣ. И взглянулъ Валаамъ, и увидѣлъ Израиля, стоявшаго по колѣнамъ своимъ; и былъ на немъ Духъ Божій. И произнесъ онъ притчу свою и сказалъ:

«Говоритъ Валаамъ, сынъ Веоровъ,
Говоритъ мужъ съ открытымъ окомъ,
Говоритъ слышащій слова Божіи,
Который видитъ видѣніе Всемогущаго;
Падаетъ, но открыты глаза его:
Какъ прекрасны шатры твои, Іаковъ,
Жилища твои, Израиль!
Разстилаются они, какъ долины,
Какъ сады при рѣкѣ,
Какъ алойныя дерева, насажденныя Господомъ,
Какъ кедры при водахъ.
Польется вода изъ бедра его,
И сѣмя его будетъ, какъ великія воды;
Превзойдетъ Агага царь ихъ,
И возвысится царство его.
Богъ вывелъ его изъ Египта,
Быстрота единорога у него,
Пожираетъ народы враждебные ему,
Раздробляетъ кости ихъ,
И стрѣлами своими разитъ врага,
Преклонился, лежитъ какъ левъ и какъ львица,
Кто подниметъ его?
Благословляющій тебя благословенъ,
И проклинающій тебя проклятъ».

Услышавъ такое возвышенное благословеніе, Валакъ отъ ужаса всплеснулъ руками и гнѣвно закричалъ Валааму: «я призвалъ тебя

---

1) Числ. XXIII, 18—24.

проклясть враговъ моихъ, а ты благословляешь ихъ вотъ уже въ третій разъ! Итакъ, бѣги въ свое мѣсто. Я хотѣлъ почтить тебя, но вотъ Господь лишаетъ тебя чести». Но Валаамъ, вполнѣ увлеченный духомъ истиннаго пророчества, уже не обращалъ вниманія на безсильный гнѣвъ царя и на потерю ожидавшейся имъ большой награды, а заключилъ свои невольныя благословенія явнымъ пророчествомъ о пришествіи Мессіи, сказавъ:

«Говоритъ Валаамъ, сынъ Веоровъ,
Говоритъ мужъ съ открытымъ окомъ,
Говоритъ слышащій слова Божіи,
Имѣющій вѣдѣніе отъ Всевышняго,
Который видитъ видѣніе Всемогущаго.
Падаетъ, но открыты очи его.
Вижу Его, но нынѣ еще нѣтъ
Зрю Его, но не близко.
Восходитъ звѣзда отъ Іакова,
И возстаетъ жезлъ отъ Израиля,
И разитъ князей Моава,
И сокрушитъ всѣхъ сыновъ Сиѳовыхъ.
Едомъ будетъ подъ владѣніемъ,
Сеиръ будетъ подъ владѣніемъ враговъ своихъ,
А Израиль явитъ силу свою.
Происшедшій отъ Іакова овладѣетъ,
И погубитъ оставшееся отъ города» [1]).

Послѣ такихъ благословеній Израилю, Валаамъ предсказалъ еще будущую судьбу тогдашнихъ историческихъ народовъ, и затѣмъ «пошелъ обратно въ свое мѣсто», а Валакъ, потерпѣвъ полную неудачу въ своемъ коварномъ замыслѣ, долженъ былъ изыскивать новыя средства для борьбы съ Израилемъ. Но ему помогъ въ этомъ опять, Валаамъ, который, лишившись своей «неправедной мзды» на одномъ дѣлѣ, очевидно, хотѣлъ получить ее на другомъ. По его совѣту, моавитяне попытались отвратить Израиля отъ его главной крѣпости, Іеговы, искушеніемъ сладострастія, и искушеніе было слишкомъ велико для столь непостояннаго народа. Онъ вполнѣ предался преступной страсти и началъ блудодѣйствовать съ до-

[1]) Числ. XXIV, 15—19. Эта звѣзда, восходящая отъ Іакова, этотъ жезлъ, поражающій Моава и всѣхъ враговъ Израиля, есть именно Мессія, какъ на это указываетъ самая торжественность тона, возвышенная иносказательность, отдаленность самаго времени, единогласное преданіе какъ іудеевъ, такъ и христіанъ. Мнѣніе, что подъ звѣздою здѣсь разумѣется Мессія, было столь распространено среди іудеевъ, что одинъ изъ лже-мессій, именно являвшійся при Адріанѣ, называлъ себя прямо «сыномъ звѣзды» (Баръ-Кохба). Отцы и учители церкви единогласно разумѣютъ Мессію.

черьми Моава (а также особенно съ мадіанитянками), и это преступное увлеченіе привело его къ идолопоклонству, такъ что Израиль «кланялся богамъ ихъ и прилѣпился къ Ваалъ-Фегору», то-есть, къ худшей формѣ языческаго распутнаго идолослуженія. Тогда «воспламенился гнѣвъ Господень на Израиля». Нужно было очистить станъ израильскій отъ такой скверны. Ревнителемъ истины выступилъ Финеесъ, сынъ Елеазара первосвященника, внукъ Аарона, и онъ, захвативъ одного наглаго блудника на мѣстѣ преступленія, копьемъ пронзилъ его вмѣстѣ съ мадіанитянкой, послѣ чего послѣдовало общее избіеніе всѣхъ блудниковъ, которыхъ и погибло 24,000 человѣкъ. Финеесу за благочестивую ревность дано было обѣтованіе вѣчнаго священства въ его потомствѣ. Но скоро постигъ праведный судъ Божій и самого совѣтника на злое дѣло. По повелѣнію Божію, израильтяне должны были истребить мадіанитянъ, и въ послѣдовавшемъ избіеніи убитъ былъ и Валаамъ.

Но предъ этимъ отмщеніемъ народу-соблазнителю произведены уже были, между прочимъ, важныя приготовленія къ вступленію въ землю обѣтованную. Съ этою цѣлью произведено было новое народосчисленіе, необходимое для правильности предстоящаго раздѣла земли. По этому исчисленію оказалось, что только колѣно Левіино возросло на 700 человѣкъ, а всѣ остальныя уменьшились въ числѣ на 1,828 человѣкъ, такъ что вся численность народа опредѣлялась въ 601,730 человѣкъ мужскаго пола, годныхъ для войны. Но это было уже новое поколѣніе, родившееся и воспитавшееся въ пустынѣ. Изъ стараго поколѣнія остались въ живыхъ только Іисусъ Навинъ и Халефъ—въ награду за свою вѣрность завѣту Божію. Затѣмъ сдѣланы были окончательныя распоряженія объ овладѣніи и раздѣлѣ земли обѣтованной. Такъ какъ колѣна Рувимово, Гадово и половина Манассіина, особенно богатыя скотомъ, просили Моисея позволить имъ остаться на привольныхъ пастбищахъ по восточную сторону Іордана, то вождь соизволилъ на ихъ просьбу, взявъ съ нихъ обѣщаніе помогать остальнымъ колѣнамъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Остальныя колѣна, по вступленіи въ землю обѣтованную, должны были совершенно очистить ее отъ идолопоклонниковъ хананеянъ и разрушить ихъ кумиры, и каждому колѣну заранѣе былъ назначенъ особый участокъ въ потомственное, неотъемлемое владѣніе.

Этими распоряженіями закончилась дѣятельность Моисея въ качествѣ предводителя народа.

ГЛАВА XLVI.

Послѣдніе дни жизни Моисея.

На порогѣ земли обѣтованной Моисей съ печалью вспомнилъ, что ему самому не суждено войти въ нее. Онъ чувствовалъ, что конецъ его приближался, и единственной его заботой теперь было внушить народу и возможно сильнѣе запечатлѣть въ немъ важность преданности Богу и исполненія всѣхъ повелѣній закона, даннаго чрезъ него израильтянамъ, если только они хотѣли получить благословеніе Божіе и избѣгнуть страшнаго наказанія, назначеннаго для непослушныхъ. Это онъ сдѣлалъ въ цѣломъ рядѣ бесѣдъ, которыя излагаются въ первыхъ тридцати главахъ книги Второзаконія, гдѣ Моисей то угрозами, то обѣтованіями, то обращеніями къ чувству благодарности, то къ разуму, сознанію выгоды и внутреннему чувству правды и неправды, увѣщеваетъ народъ удаляться отъ зла и дѣлать добро, избѣгать идолопоклонства и связаннаго съ нимъ распутства и ходить путемъ Господнимъ, бояться Его, и соблюдать Его заповѣди. Обобщая всѣ эти наставленія, онъ обращался къ народу съ такими словами: «вотъ, я сегодня предложилъ тебѣ жизнь и добро, смерть и зло; если будешь слушать заповѣдей Господа Бога твоего, которыя заповѣдуетъ тебѣ сегодня любить Господа Бога твоего, ходить по всѣмъ путямъ Его и исполнять заповѣди Его, и постановленія Его, и законы Его: то будешь жить, и размножишься, и благословитъ тебя Господь Богъ твой на землѣ, въ которую ты идешь, чтобы овладѣть ею. Если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, и станешь поклоняться другимъ богамъ, и будешь служить имъ, то я возвѣщаю вамъ сегодня, что вы погибнете и не пробудете долго на землѣ, которую Господь Богъ даетъ тебѣ, для обладанія которою ты переходишь Іорданъ. Въ свидѣтели предъ вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложилъ я тебѣ, благословеніе и проклятіе. Избери жизнь, дабы жилъ ты и потомство твое, любилъ Господа Бога твоего, слушалъ гласа Его и прилѣплялся къ Нему; ибо въ этомъ жизнь твоя и долгота дней твоихъ, чтобы пребывать тебѣ на землѣ,

которую Господь Богъ съ клятвою обѣщалъ отцамъ твоимъ, Аврааму, Исааку и Іакову, дать имъ» [1]).

Оставляя теперь навсегда свой народъ, Моисей естественно заботился о достойномъ себѣ преемникѣ. Такимъ преемникомъ уже рано предназначенъ былъ имъ его вѣрный спутникъ и слуга, Іисусъ Навинъ. И когда на это избраніе заявлено было высшее соизволеніе, то на Іисуса Навина торжественно возложено было званіе вождя народа, въ присутствіи первосвященника и народа. Подозвавъ къ себѣ Іисуса Навина и возлагая на него руки, Моисей торжественно, предъ глазами всѣхъ израильтянъ, сказалъ ему: «будь твердъ и мужественъ, ибо ты войдешь съ народомъ симъ въ землю, которую Господь клялся отцамъ его дать ему; и ты раздѣлишь ее на удѣлы ему. Господь самъ пойдетъ предъ тобою, самъ будетъ съ тобою, не отступитъ отъ тебя и не оставитъ тебя. Не бойся и не ужасайся» [2])!

Это было торжественное возложеніе на Іисуса Навина должности вождя народа. За нимъ немедленно слѣдовало торжественное утвержденіе этого акта самимъ Богомъ, который призвалъ Моисея и Іисуса Навина въ соприсутствіе къ Себѣ въ скинію завѣта, и тамъ Самъ Богъ утвердилъ избраніе Іисуса Навина, которому Онъ заповѣдалъ, говоря: «будь твердъ и мужественъ, ибо ты введешь сыновъ Израилевыхъ въ землю, о которой Я клялся; тамъ и Я буду съ тобою» [3]).

Наконецъ, Моисей позаботился и о книгѣ Закона. Книгу Закона Моисей писалъ въ различное свободное время, во время странствованія по пустынѣ. На пергаментѣ, который израильскіе художники могли искусно приготовлять изъ шкуръ убитыхъ животныхъ, или на папирусѣ, который Моисей могъ вынести съ собою изъ Египта, онъ записывалъ различные законы, издававшіеся ему Богомъ во время сорокалѣтняго его служенія, такъ что изъ нихъ составилась книга (сеферъ), которая отселѣ должна была служить правиломъ для жизни народа. Книгу эту онъ доселѣ хранилъ у себя, но такъ какъ теперь ему предстояло оставить земное поприще, то нужно было назначить другихъ хранителей для священной книги. Можно бы думать, что храненіе ея онъ ввѣритъ вмѣстѣ съ другими обязанностями служенія Іисусу Навину; но или онъ не находилъ удобнымъ

---

[1]) Втор. XXX, 15—20.
[2]) Втор. XXXI, 7, 8.
[3]) Втор. XXXI, 23.

сдѣлать это, или даже божественное внушеніе заставляло его поступить иначе. Іисусъ Навинъ былъ воинъ, а не пророкъ или первосвященникъ. Законъ, какъ правило жизни для всѣхъ, какъ руководство для всего обрядоваго богослуженія, совершать которое лежало на обязанности священниковъ, лучше всего было ввѣрить именно классу священниковъ, но съ нѣкоторымъ обезпеченіемъ, чтобы они не произвели въ немъ какихъ-либо измѣненій въ своемъ собственномъ интересѣ, или согласно своимъ собственнымъ воззрѣніямъ. Съ этою цѣлью Моисей озаботился о двоякомъ обезпеченіи. Онъ назначилъ священниковъ хранителями св. Книги вмѣстѣ съ «старѣйшинами Израиля» и потребовалъ, чтобы его автографъ былъ положенъ «одесную ковчега завѣта Господа», и при этомъ заповѣдалъ, чтобы законъ этотъ читался во всеуслышаніе всего народа однажды чрезъ каждыя семь лѣтъ, въ праздникъ Кущей,—весь законъ, или во всякомъ случаѣ главныя его постановленія. Трудно было предпринять лучшія предосторожности противъ сохраненія текста въ его неповрежденности и обезпечить передачу правилъ поведенія безъ всякаго измѣненія и поврежденія, отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ это именно сдѣлалъ Моисей.

Большая часть послѣднихъ распоряженій Моисея уже, повидимому, происходила подъ руководствомъ Іисуса Навина, а самъ Моисей, уже чувствуя на себѣ дыханіе смерти (хотя «зрѣніе его не притупилось и крѣпость въ немъ не истощилась»), свободно предался пророческому созерцанію и той внутренней духовной жизни, которая доселѣ стѣснялась въ немъ заботами обыденныхъ трудовъ. Передъ своей кончиной, еще разъ торжественно повторивъ народу весь законъ, данный ему Богомъ, а также обозрѣвъ и всѣ тѣ милости и чудеса, которыхъ удостоился народъ со времени освобожденія отъ рабства Египетскаго, чтобы еще болѣе внушить народу важность заповѣдей Божіихъ, онъ заповѣдалъ по переходѣ Іордана начертать ихъ на алтареобразномъ памятникѣ на горѣ Гевалъ и при всенародномъ собраніи произнести на этой горѣ проклятіе противъ нарушителей, а на горѣ Гаризимъ—благословеніе на блюстителей закона. Послѣ бесѣды Моисей воспѣлъ великую пророческую пѣснь: «внимай небо, я буду говорить, и слушай земля слова устъ моихъ». Въ ней изображены благодѣянія Божія, на которыя народъ столько разъ отвѣчалъ грѣхами и преступленіями, и она заканчивается предсказаніями о наступленіи времени, когда и язычники возли-

куютъ съ народомъ Божіимъ и совмѣстно прославятъ чудныя дѣла Божіи «пѣснью Моисея, раба Божія и пѣснью Агнца» [1]).

Но вотъ приблизился конецъ, и Моисей долженъ былъ разстаться съ своимъ народомъ. Предъ кончиной онъ однако же хотѣлъ въ послѣдній разъ, подобно прежнимъ великимъ патріархамъ, благословить свой народъ и высказать каждому колѣну его будущую судьбу. Подозвавъ къ себѣ представителей народа, онъ поочередно обращался къ родоначальникамъ колѣнъ и каждому произносилъ особое благословеніе и предсказаніе. Обращаясь къ Рувиму, Моисей сказалъ [2]):

Да живетъ Рувимъ,
И да не умираетъ [3]),
И Симеонъ да не будетъ малочисленъ! [4]).

Но объ Іудѣ сказалъ сіе:
Услыши, Господи, гласъ Іуды,
И приведи его къ народу его.
Руками своими да защититъ онъ себя,
И Ты будь помощникомъ противъ враговъ его.

И о Левіѣ сказалъ:
Туммимъ твой и уримъ твой
На святомъ мужѣ твоемъ,
Котораго ты искусилъ въ Массѣ,
Съ которымъ ты препирался при водахъ Меривы [5]),
Который говоритъ объ отцѣ своемъ и матери своей:
Я на нихъ не смотрю,
И братьевъ своихъ не признаетъ,
И сыновей своихъ не знаетъ.
Ибо они, левиты, слова Твои хранятъ,
И завѣтъ Твой соблюдаютъ,
Учатъ законамъ Твоимъ Іакова,
И заповѣдямъ Твоимъ Израиля.
Возлагаютъ куреніе предъ лицо Твое
И всесожженіе на жертвенникъ Твой.
Благослови, Господи, силу его,

---

1) Откр. XV, 3.

2) Втор. XXXIII, 6—25.

3) Колѣно Рувимово во время странствованія въ пустынѣ нѣсколько уменьшилось; при Синаѣ оно давало 46,500 способныхъ къ войнѣ мужей, а предъ выходомъ въ Ханаанъ въ немъ числилось только 43,730 м.

4) О Симеонѣ въ большинствѣ текстовъ совершенно не упоминается, такъ что этотъ стихъ относится къ Рувиму. Колѣно это быстро ослабѣвало.

5) О тяжеломъ положеніи Аарона въ Массѣ и Меривѣ (распрѣ), на что намекается здѣсь, см. Исх. XXVII, 1—7 и Чис. XX, 12, 13, 24; Втор. IX, 22; XXXII, 51.

И о дѣлѣ рукъ его благоволи.
Порази чресла возстающихъ на него и ненавидящихъ его [1]),
Чтобы они не могли стоять.

О Веніаминѣ сказалъ:

Возлюбленный Господомъ обитаетъ у Него безопасно,
Богъ покровительствуетъ ему всякій день,
И онъ покоится между раменами Его [2]).

Объ Іосифѣ сказалъ:

Да благословитъ Господь землю его [3]),
Вожделѣнными дарами неба,
Росою и дарами бездны, лежащей внизу,
Вожделѣнными плодами отъ солнца,
И вожделѣнными произведеніями луны,
Превосходнѣйшими произведеніями горъ древнихъ,
И вожделѣнными дарами холмовъ вѣчныхъ,
И вожделѣнными дарами земли,
И тѣмъ, что наполняетъ ее.
Благословеніе Явившагося въ терновомъ кустѣ [4])
Да пріидетъ на голову Іосифа
И на тебя, на лучшаго изъ братьевъ своихъ.
Крѣпость его, какъ первороднаго тельца,
И роги его, какъ роги буйвола;
Ими изободетъ онъ народы,
Всѣ до предѣловъ земли:
Это тьмы Ефремовы [5]),
Это тысячи Манассіины.

О Завулонѣ сказалъ:

Веселись, Завулонъ, въ путяхъ твоихъ,
И Иссахаръ въ шатрахъ твоихъ [6]).
Созываютъ они народъ на гору,
Тамъ заколаютъ законныя жертвы,
Ибо они питаются богатствомъ моря
И сокровищами, сокрытыми въ пескѣ [7]).

О Гадѣ сказалъ:

Благословенъ распространившій Гада.
Онъ покоится, какъ левъ,

---

[1]) Приверженцевъ идолопоклонства и его защитниковъ. Не лишне имѣть въ виду и жестокое избіеніе со стороны Саула священниковъ въ Номвѣ.

[2]) Указаніе на временное пребываніе скиніи въ колѣнѣ Веніаминовомъ.

[3]) Сравни Быт. XLIX, 25.

[4]) Т.-е. Бога, явившагося Моисею въ купинѣ несгораемой, Исх. III.

[5]) Ефремово колѣно здѣсь выставляется многочисленнѣе Манассіина, между тѣмъ въ Числ. XXVI это было наоборотъ.

[6]) Эти колѣна жили по сосѣдству и вели промышленную и торговую жизнь съ финикіянами.

[7]) Т.-е. занимались производствомъ стекла, приготовлявшагося изъ песка на финикійскомъ берегу моря.

И сокрушитъ и мышцу, и голову [1]),
Онъ избралъ себѣ начатокъ земли.
Тамъ почтенъ удѣломъ отъ законодателя,
И пришелъ съ главами народа,
И исполнилъ правду Господа
И суды съ Израилемъ.

О Данѣ сказалъ:

Данъ—молодой левъ,
Который выбѣгаетъ изъ Васана.

О Нефѳалимѣ сказалъ:

Нефѳалимъ насыщенъ благоволеніями,
И исполненъ благословенія Господа,
Море и югъ во владѣніи его [2]).

О Асирѣ сказалъ:

Благословенъ между сынами Асиръ,
Онъ будетъ любимъ братьми своими,
И окунетъ въ елей ногу свою.
Желѣзо и мѣдь запоры твои;
Какъ дни твои, будетъ умножаться богатство твое [3]).

Пророческое благословеніе народа было послѣднимъ дѣломъ исполненной всевозможныхъ трудовъ жизни Моисея. Теперь ему оставалось исполнить только двѣ вещи—удовлетворить свою жаждущую душу полнымъ созерцаніемъ земли обѣтованной, насколько это было возможно для него при данныхъ обстоятельствахъ, и затѣмъ умереть. Ему не суждено было перейти за Іорданъ, но онъ могъ усладить глаза свои и насытить свое сердце долгимъ, восторженнымъ, пристальнымъ взглядомъ на ту добрую землю, къ которой онъ теперь привелъ свой народъ и которая, какъ онъ зналъ, должна была стать его наслѣдіемъ. Онъ могъ «вглянуть своими глазами къ морю, и къ сѣверу, и къ югу, и къ востоку, и увидѣть ту добрую землю, которая за Іорданомъ, и ту прекрасную гору и Ливанъ» (Втор. III, 27, 25). Получивъ такое соизволеніе, Моисей долженъ былъ взойти на вершину горы Фасги и полюбоваться чудесной, несравненной, открывающейся оттуда, картиной. Нужно помнить, что, хотя будучи уже 120 лѣтъ отъ роду, Моисей отнюдь еще не былъ немощ-

[1]) Колѣно Гадово было, такъ сказать, аванпостомъ Израиля въ борьбѣ съ хищниками пустыни и оно прежде всего выносило ихъ нападенія.

[2]) Подъ моремъ разумѣется Генисаретское озеро съ его богатѣйшими окрестностями.

[3]) Положеніе Асирова колѣна вблизи горъ финикійскихъ давало ему возможность участвовать въ горнозаводской промышленности Финикіи.

нымъ старцемъ: «зрѣніе его не притупилось, и крѣпость въ немъ не истощилась» (Втор. XXIV, 7). Онъ способенъ былъ поэтому безъ всякой особой усталости или истощенія подняться съ низменной равнины Іорданской, гдѣ стоялъ станомъ народъ, и переходя со скалы на скалу и съ террасы на террасу, взойти вверхъ по скалистой горной цѣпи Моава до «высотъ», посвященныхъ Ваалу на вершинѣ скалъ, гдѣ находилась площадка для сторожевыхъ, и даже до той вершины, гдѣ стояло «святилище Фегора», «обращенное къ пустынѣ». «И ушелъ Моисей съ равнины Моавитской на гору Нево, на вершину Фасги, что противъ Іерихона»—такими словами св. Писаніе говоритъ объ этомъ трогательномъ событіи. Но І. Флавій прибавляетъ нѣкоторыя подробности, быть можетъ отчасти заимствованныя изъ преданія. По его свидѣтельству, Моисей удалился изъ стана среди всеобщаго плача народа, причемъ женщины ударяли себя въ грудь и дѣти предавались неудержимому плачу. Въ извѣстномъ пунктѣ восхожденія онъ сдѣлалъ знакъ плачущему народу не идти за нимъ дальше, и затѣмъ продолжалъ свой путь, взявъ съ собою только старѣйшинъ, первосвященника Елеазара и военачальника Іисуса Навина. На вершинѣ горы онъ отпустилъ старѣйшинъ и намѣренъ былъ обнять Елеазара и Іисуса Навина, когда облако мгновенно покрыло его, и онъ исчезъ изъ ихъ вида въ глубокой рытвинѣ или оврагѣ [1]).

Но прежде, чѣмъ умереть, ему дано было вполнѣ насладиться открывающимся съ горы зрѣлищемъ. Внизу раскинуты были палатки Израиля, приготовлявшагося къ дальнѣйшему походу, а дальше противъ нихъ явно виднѣлся въ своей рощѣ пальмовыхъ деревъ красивый Іерихонъ, сильный ключъ къ землѣ обѣтованной. Къ востоку волнообразно шли холмы, уходившіе въ безконечную даль Аравійскихъ степей. На юго-западѣ, въ мрачной котловинѣ, сверкало Мертвое море, а къ сѣверу голубой лентой извивался Іорданъ. За рѣкой вздымались вершины двухъ сосѣднихъ горъ: Гевала и Гаризима; дальше разстилалась равнина Ездрилонская, будущее боевое поле народовъ; за ней въ разныхъ мѣстахъ высились великанами Θаворъ и Ермонъ, а прямо на западъ даже виднѣлись отблески великаго Средиземнаго моря. Вотъ она—земля обѣтованная,

---

[1]) І. Флавій, Antiq. IV, 8, § 48.

которую всю показалъ ему Господь. «И сказалъ ему Господь: вотъ земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Іакову, говоря: сѣмени твоему дамъ ее. Я далъ тебѣ увидѣть ее глазами твоими, но въ нее ты не войдешь». Всѣ путешественники свидѣтельствуютъ, что видъ съ этой горы несравненный по своей изумительной картинности и разнообразію. Можно представить, какъ очарователенъ онъ былъ для Моисея, представляя для него картину той именно земли, для овладѣнія которой онъ привелъ свой народъ и пережилъ множество всевозможныхъ трудовъ и опасностей. Это была земля его мечтаній, лелѣянныхъ имъ въ теченіе всей жизни. Но если такое значеніе эта картина имѣла для Моисея, то она еще болѣе имѣетъ значенія для насъ теперь, такъ какъ картина эта распространяется до колоссальныхъ размѣровъ, и на ней умѣщаются всѣ тѣ величайшія событія, которыя совершились послѣ Моисея. Для насъ съ этой вершины невольно представляется, какъ гордый городъ пальмовыхъ деревъ палъ предъ силами Израиля; какъ копье Іисуса Навина постепенно водружалось, переходя съ одной вершины по землѣ обѣтованной на другую. А сколько событій, неизмѣримо болѣе чудесныхъ, чѣмъ какія-когда-либо происходили въ Египтѣ или на Синаѣ, должно было совершиться на виднѣющемся съ этой вершины хребтѣ Виѳлеемскомъ, въ глубокомъ бассейнѣ Галлилейскаго озера и подъ стѣнами тогдашняго Іезуса, ставшаго впослѣдствіи Іерусалимомъ!

Нѣкоторые толкователи полагаютъ, что данная Моисею возможность увидѣть «всю землю Галаадъ до самаго Дана, и всю землю Нефѳалимову, и всю землю Ефремову и Манассіину, и всю землю Іудину даже до самаго западнаго моря, и полуденную страну, и равнину долины Іерихона, городъ пальмъ, до Сигора» (Втор. XXXIV, 1—3)—была сверхъестественная, сообщенная, быть можетъ, при помощи необычайнаго расширенія зрительной способности умирающаго законодателя. Но въ дѣйствительности нѣтъ надобности въ такомъ предположеніи. Съ высочайшей вершины горы Нево, которая, повидимому, и носила названіе Фасги, естественный, невооруженный глазъ могъ достигать вплоть до лѣсистыхъ равнинъ Галаада и Васана, простираться на всю Іорданскую долину отъ конца до конца за Мертвое море и холмистую страну къ югу отъ него, за Іудейскую возвышенность и за горы Ефремовы и Манассіины; могъ видѣть даже плодородныя равнины, ютящіяся между Палестинскими холмами, равно какъ и древніе города, которыми увѣнчивались многія выдающіяся

скалы. Если земля Нефеалимова и не могла быть видна во всемъ своемъ объемѣ, то о ней можно было судить по снѣговой вершинѣ Ермона, величественно вздымающейся въ далекое сѣверное небо, и даже самое «западное море», хотя и закрытое отъ естественныхъ глазъ Іудейскими горами, могло быть, такъ сказать, чувствуемо по той синевѣ, которая распростирается надъ нимъ на западѣ. Такимъ образомъ, вся земля обѣтованная лежала предъ Моисеемъ, и въ прозрачной атмосферѣ южнаго неба онъ могъ видѣть ея отдѣльныя черты съ такою отчетливостью, о которой мы, сѣверные жители, живущіе въ туманахъ, едва ли можемъ составить себѣ достаточное представленіе. Онъ могъ видѣть и понять, какъ прекрасна и добра была эта земля, какъ пригодна для посѣвовъ, для производства вина, меда, маслинъ, смоквъ и гранатовыхъ яблокъ, въ которой его народъ будетъ «безъ скудости» ѣсть хлѣбъ свой, и гдѣ онъ ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка (Втор. VIII, 8, 9).

Вся красота открывающейся съ горы Нево картины, услаждая взоръ Моисея, въ то же время должна была поражать невольною скорбью его великое сердце, потому что въ предѣлы этой прекрасной земли ему не суждено было вступить. Но великіе люди бываютъ довольны малымъ, и великій вождь и законодатель Израильскаго народа, взглянувъ на обѣтованную землю, считалъ себя въ правѣ мирно оставить свое земное поприще. Онъ скончался на этой горѣ, и «о мѣстѣ погребенія его никто не знаетъ даже до сего дня» (Втор. XXXIV, 6). Но подробности смерти Моисея восполняются многими іудейскими сказаніями, которыя съ разныхъ сторонъ характеризуютъ его личность. Нѣкоторыя изъ нихъ настолько трогательны, что заслуживаютъ того, чтобы быть приведенными здѣсь. «Верховнымъ ангеламъ, говоритъ одно сказаніе, было повелѣно взять душу Моисея; но они медлили изъ страха предъ великимъ законодателемъ. Среди нихъ былъ Сагсагилъ, спеціальный учитель Моисея, и онъ сказалъ: «о, Господи! я былъ учителемъ Моисея, — какъ я могу взять душу моего ученика?» Тогда вызванъ былъ ангелъ смерти, который, съ готовностью разрушителя, извлекъ свой мечъ и приблизился къ Моисею. Но онъ увидѣлъ на его жезлѣ надпись непроизносимаго имени Всевышняго; онъ видѣлъ, какъ огненныя искры исходили изъ его устъ и чудесный свѣтъ сіялъ отъ его лица, потому что Моисей сіялъ подобно солнцу и имѣлъ видъ ангела изъ небеснаго воинства. Тогда ангелъ смерти былъ пораженъ ужасомъ, а Моисей,

обращая свой взоръ на этого ангела, спросилъ его: «кто послалъ тебя ко мнѣ?» На это ангелъ смерти отвѣчалъ: «Тотъ, кто сотворилъ міръ и который передалъ въ мои руки всѣхъ, находящихся въ мірѣ». Тогда Моисей сказалъ: «я одаренъ былъ величайшею властью, я былъ рожденъ со всѣми признаками истиннаго сына Израилева и одаренъ былъ способностью говорить при своемъ рожденіи. Моя мать получала вознагражденіе даже за молоко, которымъ она кормила меня. Съ дней моего дѣтства я сдѣланъ былъ пророкомъ, будучи предназначенъ принять законъ; я снялъ корону съ головы фараона. Восьмидесяти лѣтъ отъ роду я творилъ знаменія и чудеса; 600,000 израильтянъ я вывелъ изъ Египта. Для нихъ я раздѣлилъ море, сдѣлалъ двѣнадцать дорогъ. Я услаждалъ воды. Я высѣкъ изъ скалы каменныя скрижали и взялъ ихъ на твердь небесную. Лицомъ къ лицу я говорилъ съ Господомъ вселенной. Я побѣдилъ силы, которыя старались соперничать со мною въ верховномъ мірѣ. Я именно получилъ законъ. По внушенію Того, кто вдохновлялъ меня, я написалъ 613 заповѣдей и своимъ ученіемъ приводилъ ихъ въ исполненіе. Я побѣдилъ исполиновъ, которые послѣ потопа повсюду распространяли свое господство. Я опредѣлилъ движеніе солнца и луны въ ихъ кругахъ. Я былъ могущественнѣйшимъ изъ людей. А ты— мятежный ангелъ, для котораго нѣтъ мира, поэтому иди прочь!»— и ангелъ смерти убѣжалъ. Тогда раздался таинственный голосъ: «не противься, твоя жизнь продлится только на короткое время». Затѣмъ ангелу смерти опять приказано было взять душу Моисея. Но онъ сказалъ: «я могу еще болѣе углубить геенну, но надъ сыномъ Авраамовымъ я не могу возобладать. Противъ него я не могу выстоять. Его лицо сіяетъ подобно серафиму въ небесныхъ колесницахъ. Его лицо блистаетъ божественными лучами». Тогда Всемогущій обратился къ ангелу смерти и сказалъ: «ты мятежный ангелъ; ты образованъ былъ изъ огня геенны. Въ огонь геенны ты и возвратишься. Быстро ты вышелъ оттуда; но когда ты увидѣлъ величіе этого человѣка (т.-е. Моисея), ты въ унынiи отступилъ отъ него. Тѣмъ не менѣе, душа его должна быть принесена ко Мнѣ». Еще разъ ангелъ смерти извлекъ свой мечъ и приблизился къ Моисею который держалъ въ своей рукѣ божественный жезлъ съ надписью непроизносимаго имени. Этимъ жезломъ Моисей коснулся ангела смерти и съ укоромъ обратилъ его въ бѣгство. Свѣтъ лица не остав-

лялъ Моисея, когда въ послѣдній разъ раздался таинственный голосъ, восклицавшій: «конецъ твоей жизни насталъ». Моисей сталъ на молитву и сказалъ: «Ты, Господь вселенной, открывшійся мнѣ въ несгораемой купинѣ, вспомни, что Ты возносилъ меня на Твое небо, гдѣ я пребывалъ сорокъ дней и сорокъ ночей; помилуй меня и не предавай меня во власть ангела смерти». Его молитва была услышана. Моисей стоялъ на горѣ, какъ серафимъ, облеченный въ небесное величіе, и Тотъ, кто правитъ высочайшими небесами, Самъ принялъ душу Моисея, который призналъ благословеніе и милостивое правленіе Творца. Моисей самъ отдался этому милостивому Управителю міра. Тогда онъ послѣдовалъ за руководительствомъ Всевышняго».

Затѣмъ, другое сказаніе трогательно описываетъ самый моментъ смерти Моисея. «Когда Моисей поднимался на гору, говоритъ это сказаніе, онъ встрѣтилъ трехъ человѣкъ, рывшихъ могилу, и спросилъ ихъ: «для кого это вы роете могилу?» Они отвѣчали: «для человѣка, котораго Богъ Позоветъ къ Себѣ въ рай». Моисей попросилъ позволенія принять участіе въ вырытіи могилы для такого святаго человѣка. Когда могила была готова, онъ спросилъ: ««сняли ли вы мѣрку съ умершаго?»—«Нѣтъ, отвѣчали тѣ, «но онъ былъ твоего роста, лягъ въ нее».—Моисей легъ. Эти три человѣка были ангелы Михаилъ, Гавріилъ и Сагсагилъ. Ангелъ Михаилъ тогда сталъ по одну сторону Моисея, Гавріилъ—по другую, и Сагсагилъ сталъ у ногъ его, а надъ головой явилось величіе Бога. И Господь сказалъ: Моисею: «закрой вѣки твои», и онъ повиновался. Тогда Господь сказалъ: «приложи руку къ сердцу», и онъ сдѣлалъ такъ; «сдвинь ноги», и онъ сдѣлалъ такъ. Тогда Господь Богъ обратился къ душѣ Моисея: «святая душа, дочь Моя, въ теченіе стодвадцати лѣтъ обитала ты въ этомъ непорочномъ сосудѣ, теперь пришелъ часъ твой: выйди вонъ и войди въ рай». Но душа въ трепетѣ и съ прискорбіемъ отвѣчала: «въ этомъ чистомъ и непорочномъ тѣлѣ я пробыла такъ много лѣтъ, что полюбила его и не имѣю смѣлости оставить его».—«Дочь моя», отвѣчалъ Господь, выходи вонъ! Я помѣщу тебя на высочайшемъ небѣ, подъ херувимами и серафимами, которые носятъ Мой превѣчный престолъ». Но душа все медлила и трепетала. Тогда Богъ наклонился къ лицу Моисея и поцѣловалъ его. И душа прыгнула отъ радости и вмѣстѣ съ Божіимъ поцѣлуемъ пошла въ рай. Тогда печальное облако омрачило небеса и вѣтры завыли: «кто же теперь

остался на землѣ для борьбы съ грѣхомъ и заблужденіемъ?» И голосъ отвѣчалъ: «такой пророкъ никогда не возставалъ прежде». Земля плакала, говоря: «я потеряла святаго». Израиль плакалъ, говоря: «мы потеряли вождя». А ангелы пѣли: «онъ въ мирѣ отошелъ въ руцѣ Божіей».

Таковы позднѣйшія іудейскія сказанія. Въ дѣйствительности обстоятельства смерти Моисея должны навсегда остаться въ тайнѣ. Ни одинъ человѣческій глазъ не видѣлъ ея, и никто не зналъ точнаго момента ея. Въ безмолвіи и уединеніи, на вершинѣ Фасги, наединѣ съ Богомъ, великій законодатель, пророкъ и вождь, отошелъ въ вѣчный покой, котораго онъ такъ жаждалъ, отошелъ, не пораженный никакою мучительною болѣзнью, не истощенный постепеннымъ разрушеніемъ, но еще въ полномъ обладаніи своими умственными и тѣлесными силами, такъ что о его смерти можно сказать почти то же, что сказано о великомъ до-потопномъ праведникѣ: «и не стало его, потому что Богъ взялъ его» (Быт. V, 24). Душа его отлетѣла, а тѣло осталось и было погребено какимъ-то таинственнымъ образомъ, не Елеазаромъ и не Іисусомъ Навиномъ, въ одной изъ рытвинъ самой горы, но гдѣ именно, неизвѣстно. «И погребетъ на долинѣ въ землѣ Моавитской противъ Вее-Фегора, и никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сего дня» (Втор. XXXIV, 6). Израильтяне оплакивали Моисея на равнинахъ Моавитскихъ тридцать дней, но погребеніе это не сопровождалось никакими погребальными обрядами и церемоніями, и надъ самой могилой не воздвигнуто было никакого памятника, и вслѣдствіе этого не могло возникнуть впослѣдствіи никакого паломничества къ мѣсту его могилы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не могло явиться никакихъ суевѣрій. Гробница на горѣ Нево была навсегда окутана глубокимъ мракомъ и таинственностью, такъ что навсегда осталась въ неизвѣстности.

Итакъ, израильтяне лишились своего великаго вождя и законодателя. Чувство сиротства охватило ихъ всѣхъ: онъ былъ не только ихъ освободитель, но и отецъ и воспитатель. Своею законодательною мудростью онъ возвелъ ихъ на степень благоустроенной общественной жизни, далъ имъ законы и религію, благодаря которымъ они сдѣлались въ духовномъ отношеніи свѣтомъ для народовъ древняго міра. Его любовь къ своему народу была безконечно самоотверженна. Онъ въ правѣ былъ сказать о себѣ, что онъ лелѣялъ ихъ, какъ кормилица лелѣетъ дитя. Это былъ духовный исполинъ

съ исполинскимъ умомъ и безконечною добротою и кротостью сердца, великій законодатель и святой пророкъ.

Какъ личность, Моисей, по своему духовному качеству, высоко вздымается среди другихъ величайшихъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, нося на себѣ яркій отпечатокъ самобытнаго характера. Какъ Авраамъ получилъ въ Библіи особый титулъ «друга Божія», такъ Моисей носитъ присвоенный ему титулъ «служителя Божія» [1]). Этимъ титуломъ обозначалась его непоколебимая вѣрность, та безусловная преданность Богу, которою онъ отличался въ теченіе всей своей жизни, какъ въ Иліополѣ, гдѣ онъ ежедневно покланялся Богу внѣ стѣнъ этого города, обращаясь къ солнечному восходу,— въ землѣ Мадіамской, гдѣ онъ самымъ именемъ своего сына исповѣдалъ, что «Богъ былъ ему помощникомъ» (Исх. XVIII, 4), такъ и въ своей борьбѣ съ фараономъ, гдѣ онъ отъ начала до конца въ точности слѣдовалъ всѣмъ указаніямъ, дававшимся ему Богомъ, и въ своемъ водительствѣ народа, которое почти всецѣло состояло изъ постоянныхъ наставленій о томъ, что народъ Израильскій избранъ Богомъ, который поэтому и можетъ какъ благословлять его, такъ и наказывать. Моисей былъ «вѣренъ Богу во всемъ домѣ своемъ» (Евр. III, 5), то-есть во всемъ управленіи, которое ввѣрено было ему въ теченіе сорока лѣтъ надъ Израилемъ, этимъ домомъ Божіимъ. Онъ долженъ былъ постоянно свидѣтельствовать своему народу о соприсутствіи съ нимъ Бога. При всякомъ выдающемся событіи во время ихъ исхода изъ Египта и странствованія по пустынѣ, Моисей постоянно указывалъ на то, какъ Господь избавлялъ ихъ отъ неминуемой опасности, питалъ и поилъ ихъ въ пустынѣ, и при всякомъ случаѣ внѣдрялъ въ народъ сознаніе, что вся его судьба находится во власти Божіей. Даже и въ послѣдніе годы странствованія по пустынѣ, когда всевозможные труды и лишенія, повидимому, поколебали нѣкогда свѣтлую надежду самого Моисея, даже въ извѣстномъ случаѣ при водахъ Меривы, Моисей не проявилъ какого-либо недовѣрія къ Богу. Онъ былъ утомленъ, выказалъ нѣкоторое нетерпѣніе и обратился къ мятежникамъ съ укорительнымъ словомъ, говоря, что неужели онъ долженъ источить имъ воду изъ скалы. Это не значитъ, что онъ потерялъ довѣріе къ Богу, но значитъ только, что въ этотъ моментъ, подъ ужа-

1) Исх. XIV, 31; Числ. XII, 7; Евр. III, 5.

сающею тяжестью своего положенія, онъ на моментъ забылъ о соприсутствіи Бога, и поэтому какъ бы подумалъ, что ему самому лично приходится совершать столь великое чудо, наказаніе за что онъ и долженъ былъ понести въ той формѣ, которая могла быть особенно тяжелою для него.

Второю особенностью его характера было его изумительное терпѣніе въ управленіи строптивымъ и неблагодарнымъ народомъ. Сколько огорченій и самыхъ тяжкихъ оскорбленій приходилось ему переносить отъ освобожденнаго имъ народа; но онъ, будучи «кротчайшимъ изъ всѣхъ людей», великодушно предавалъ все забвенію и самъ же пламенными молитвами старался отвратить праведный гнѣвъ Іеговы. И эта особенность выступаетъ тѣмъ сильнѣе, что въ дѣйствительности въ характерѣ Моисея, особенно до его призванія на поприще великой дѣятельности, замѣтна была нѣкоторая раздражительность и вспыльчивость, которыя проявились особенно въ томъ, что въ Египтѣ онъ убилъ египтянина, и при Синаѣ въ раздраженіи разбилъ даже скрижали завѣта. Но эти и другіе подобные случаи всецѣло покрываются цѣлымъ рядомъ другихъ случаевъ, когда Моисей дѣйствительно во всемъ блескѣ показывалъ свое духовное величіе, особенно, когда онъ, несмотря на всѣ возмущенія неблагодарнаго и жестоковыйнаго народа, не разъ оскорблявшаго своего вождя всевозможными укорами и упреками и не разъ навлекавшаго на себя божественный гнѣвъ, забывая всѣ эти оскорбленія и обиды, умолялъ Господа объ отвращеніи Его праведнаго гнѣва.

Моисей числится среди того знаменитаго списка ветхозавѣтныхъ святыхъ, которые выставляются ап. Павломъ въ качествѣ примѣровъ христіанамъ, и въ этотъ списокъ онъ занесенъ вслѣдствіе своей вѣры. «Вѣрою Моисей, пришедши въ возрастъ, отказался называться сыномъ дочери фараоновой» (Евр. XI, 24). «Вѣрою оставилъ онъ Египетъ, не убоявшись гнѣва царскаго: ибо онъ, какъ бы видя Невидимаго, былъ твердъ» (ст. 27). Вѣра Моисея почти никогда не колебалась. Фараонъ угрожалъ его жизни (Исх. X, 28); онъ оказывался припертымъ къ Чермному морю надвигавшимся египетскимъ войскомъ (XIV, 9); народъ почти готовъ былъ побить его камнями (XVII, 4); амаликитяне дѣлали на него неожиданное нападеніе и пытались уничтожить его и весь народъ его (Втор. XXV, 17, 18); за грѣхи народа онъ осужденъ былъ на трид-

дативосьмилѣтнее безцѣльное странствованіе въ пустынѣ (Числ. XIV, 28—35); само родное колѣно его пыталось ниспровергнуть его власть (XVI, 1—32); даже ближайшіе къ нему оставляли его (XII, 1—11); весь народъ хотѣлъ отдаться другому предводителю (XIV, 4); Сигонъ заграждалъ ему входъ въ Палестину (XXI, 23); Валакъ выступалъ противъ него съ могущественными чарами языческаго міра (XXIV, 1); исполинскій Огъ выходилъ для битвы съ нимъ въ Едреѣ (XXI, 33),—и при всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ Моисей оставался твердымъ и непоколебимымъ: онъ возлагалъ свое упованіе на Бога и уже не боялся, что можетъ сдѣлать ему человѣкъ; онъ былъ увѣренъ, что Богъ поможетъ ему, что Онъ не допуститъ до разрушенія всего его дѣла, что онъ защититъ его честь и ничто не въ состояніи будетъ противостоять ему. Онъ всегда былъ твердъ, какъ бы видя Невидимаго; при всякомъ затрудненіи онъ обращался къ Нему, просилъ Его, умолялъ Его о милосердіи и заступленіи, а также и прощеніи. Хотя его вѣра была поддерживаема чуднымъ образомъ, такъ что онъ находился въ ближайшемъ общеніи съ Богомъ, но и при всемъ томъ вѣра его была поистинѣ чудесною и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ безпримѣрною. Она постоянно обращала его къ Богу, поддерживала его при всякомъ испытаніи и разочарованіи; въ теченіе 120 лѣтъ жизни Моисей, быть можетъ, не болѣе трехъ или четырехъ разъ показалъ нѣкоторые признаки колебанія, но и эти признаки онъ покрывалъ еще большимъ приливомъ вѣры и упованія. До послѣдняго издыханія Богъ былъ его главнымъ прибѣжищемъ, такъ что даже Авраамъ, отецъ вѣрующихъ, былъ не болѣе вѣрующимъ, чѣмъ великій законодатель ветхаго завѣта.

Но изъ всѣхъ его качествъ, изъ всѣхъ его многочисленныхъ достоинствъ, самою замѣчательною чертою Моисея было его несебялюбіе. Свой собственный интересъ, свое собственное возвышеніе никогда не были мотивомъ его жизни и дѣятельности. Онъ никогда не искалъ величія, а напротивъ—само величіе приходило къ нему. Въ Египтѣ онъ отказался отъ царскаго достоинства и отдался почти безнадежному дѣлу помощи своимъ угнетеннымъ братьямъ; въ землѣ Мадіамской онъ совершенно удовлетворялся долею пастуха и не стремился ни къ какому высшему положенію. Когда настало время его призванія, всѣ его усилія были направлены къ тому, чтобы уклониться отъ этого великаго призванія; въ первое время

своего служенія онъ всегда выставлялъ Аарона впередъ, а самъ оставался на второмъ планѣ; на Синаѣ онъ отклонилъ отъ себя предложеніе быть поставленнымъ въ положеніе Авраама и сдѣлаться отцемъ всѣхъ вѣрующихъ; позднѣе онъ молился даже о томъ, чтобы его имя скорѣе было изглажено изъ книги Божіей, чѣмъ чтобы милость и водительство Божіи были отняты отъ народа. Вынужденный при усиливавшихся бѣдствіяхъ и невзгодахъ выступить впередъ лично, онъ не добивался никакихъ особыхъ титуловъ, почестей и государственнаго положенія; не упрочивалъ никакого положенія за своими сыновьями ни въ теченіе своей жизни, ни послѣ, и назначилъ себѣ преемникомъ совершенно чужаго для себя человѣка. Честолюбивый и своекорыстный человѣкъ въ томъ положеніи, которое занималъ Моисей, непремѣнно основалъ бы династію. Моисей, по указанію Божію, далъ своему колѣну преимущество священства, но лично для своихъ потомковъ рѣшительно не просилъ ничего.

Но «кроткіе наслѣдуютъ землю» (Матѳ. V, 5). Свѣтъ нравственнаго величія Моисея блистательно просіявалъ чрезъ его внѣшнюю скромность. Онъ былъ для своего народа, если не при жизни, то, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти «человѣкомъ Божіимъ» (Втор. XXXIII, 1), «рабомъ Господнимъ» (XXXIV, 5), «пророкомъ, подобнаго которому не возставало впослѣдствіи» (ст. 10), «избранникомъ Божіимъ» (Пс. CV, 23), «возлюбленнымъ Богомъ и людьми Моисеемъ, котораго память благословенна» (Сирах. XLV, 1). Позднѣйшіе іудейскіе писатели, продолжая эту характеристику, свидѣтельствовали, что онъ «въ разумѣ превосходилъ всѣхъ людей», какъ «полководецъ, онъ имѣлъ немного равныхъ себѣ» [1]), былъ «великъ во всѣхъ отношеніяхъ», въ одно и то же время былъ «царь, законодатель, первосвященникъ и пророкъ, и однимъ словомъ, во всемъ, «что онъ ни дѣлалъ и ни говорилъ, былъ образцомъ для всѣхъ людей» [2]). Память о немъ не ограничивалась даже и предѣлами того народа, который подъ его именно руководствомъ пріобрѣлъ себѣ историческое величіе. О немъ зналъ египетскій лѣтописецъ Манеѳонъ, и говорилъ о немъ, какъ объ основателѣ іудейскаго государства и авторѣ іудейскихъ законовъ; греки познакомились съ его

[1]) I. Флавій, Antiq. IV, 8, § 49.
[2]) Филонъ, II, въ разныхъ мѣстахъ.

именемъ около времени Геродота и единогласно приписывали ему тѣ своеобразные обычаи, которыми іудейскій народъ отличался отъ всѣхъ другихъ народовъ. Историки Египта единогласно провозглашали, что онъ именно вывелъ іудеевъ изъ Египта въ землю обѣтованную. Изъ Греціи слава его перешла въ Римъ, гдѣ впервые вниманіе на него обращено было Корнеліемъ Александромъ во времена Суллы и гдѣ онъ скоро сдѣлался извѣстнымъ въ качествѣ «іудейскаго законодателя», и обращалъ на себя вниманіе Аполлонія Моло, Трога Помпея, Страбона, Ѳалла, отпущенника Тиверіева, Тацита, Ювенала, Лонгина и др. Лонгинъ называлъ его «необычайнымъ человѣкомъ»; Нуменій, пиѳагорейскій философъ говорилъ, что Моисей былъ «весьма могущественнымъ предъ Богомъ чрезъ свои молитвы»; Гекатей и Абдера восхваляли его мужество и практическую мудрость. Но истинною его похвалою и истинною его славою было то, что, воспитанный съ дѣтства при обстоятельствахъ, которыя легко могли склонить его къ идолопоклонству и роскошной жизни, онъ, силою своей воли, отвернулся отъ нихъ и избралъ лучшую часть, рѣшился твердо держаться единаго Бога, «Бога своего отца, Бога Авраама, и Бога Исаака, и Бога Іакова» (Исх. III, 6), предпочелъ раздѣлять долю своихъ братьевъ и «лучше захотѣлъ страдать съ народомъ Божіимъ, нежели имѣть временное, грѣховное наслажденіе» (Евр. XI, 25). Въ этомъ его великомъ рѣшеніи заключалось все; потому что этотъ Богъ возвысилъ его, этотъ Богъ вознаградилъ его,—не тѣмъ, правда, воздаяніемъ, на которое надѣются обыкновенные люди, то-есть, властью, почестями и богатствомъ, спокойною жизнью, проходящею въ мірскихъ наслажденіяхъ, высокимъ и мирнымъ положеніемъ среди сильныхъ міра сего,—но гораздо болѣе достойнымъ воздаяніемъ долгой жизни, труда на служеніе Богу, жизни, переполненной всевозможными трудами, лишеніями и огорченіями, но которая въ то же время находилась въ близкомъ общеніи съ самимъ Богомъ, поддерживалась сознаніемъ исполненнаго великаго долга. Поистинѣ, онъ могъ утѣшаться сознаніемъ того, что онъ именно освободилъ свой родной народъ, научилъ его божественнымъ и человѣческимъ законамъ и сдѣлалъ его способнымъ, наконецъ, послѣ сорокалѣтнихъ приготовленій, вступить въ землю обѣтованную, привести его въ которую и поручено было ему, и наконецъ, послѣ многочисленныхъ трудовъ, сдѣлалъ его пригоднымъ и въ будущемъ быть свидѣтелемъ о единомъ Богѣ, высоко дер-

жать знамя истины и предъ всѣми народами свидѣтельствовать о единомъ Богѣ, единомъ, чистомъ, совершенномъ, самосуществующемъ всесвятомъ Духѣ,—о томъ «Господѣ, Богѣ человѣколюбивомъ и милосердномъ, долготерпѣливомъ, многомилостивомъ и истинномъ,—который сохраняетъ правду и являетъ милость въ тысячѣ родовъ, прощаетъ вину, и преступленія, и грѣхи, но не оставляетъ безъ наказанія» (Исх. XXXIV, 6, 7).

«И не было болѣе у Израиля пророка такого, какъ Моисей, котораго Господь зналъ лицемъ къ лицу по всѣмъ знаменіямъ и чудесамъ, которыя послалъ его Господь сдѣлать въ землѣ Египетской надъ фараономъ, и надъ всѣми рабами его, и надъ всею землею его; и по рукѣ сильной, и по великимъ чудесамъ, которыя Моисей совершилъ предъ глазами всего Израиля» (Втор. XXXIV, 10, 12). Но Моисей былъ лишь представителемъ религіи закона—подготовительною ступенью къ болѣе совершенной религіи благодати. Поэтому свое дѣло и свой законъ онъ не считалъ окончательными: онъ прямо въ своемъ пророческомъ вдохновеніи предсказывалъ о другомъ, болѣе высокомъ Пророкѣ, который выступитъ на смѣну его съ благовѣстіемъ о новозавѣтной религіи благодати. «Пророка изъ среды тебя, изъ братьевъ твоихъ, какъ меня, воздвигнетъ тебѣ Господь Богъ твой», говорилъ Моисей народу своему,—«его слушай». Указывая на это мѣсто, Спаситель міра говорилъ: «Моисей писалъ о Мнѣ» (Іоан. V, 46). Въ своей жизни и дѣятельности Моисей, какъ пророкъ, законодатель и вождь ветхозавѣтной церкви, былъ прообразъ великаго Пророка, Законодателя и Главы церкви новозавѣтной—Господа нашего Іисуса Христа.

КНИГА ШЕСТАЯ

РЕЛИГІЯ И ЗАКОНЫ ИЗБРАННАГО НАРОДА.

ГЛАВА XLVII.

Единобожіе, какъ вѣра избраннаго народа.

Служеніе Моисея отмѣчаетъ собою величайшій моментъ въ исторической жизни избраннаго народа, именно тотъ моментъ, въ который совершилась глубоко важная перемѣна, какъ въ состояніи самого избраннаго рода, такъ и въ отношеніи къ нему Бога. До него избранный родъ состоялъ изъ отдѣльныхъ патріарховъ, которые послѣдовательно передавали другъ другу полученныя ими обѣтованія и ввѣренный имъ залогъ истинной религіи, получая въ то же время разъясненія, подтвержденія и дополненія въ личныхъ явленіяхъ и откровеніяхъ имъ Бога или Его святыхъ ангеловъ. Теперь избранное семейство размножилось въ цѣлый и многочисленный народъ, который частью подъ вліяніемъ египетскаго рабства и окружающаго идолопоклонства, а частью отъ естественнаго огрубѣнія въ своихъ чувствахъ, вслѣдствіе долговременнаго отчужденія отъ непосредственнаго общенія съ Богомъ отцовъ потерялъ способность къ такому общенію, и потому требовалось установить новый способъ взаимноотношенія.

Съ этою цѣлью Господь Богъ, явившійся Моисею и чрезъ него пробудившій въ народѣ сознаніе истинной религіи и связанныхъ съ нею обѣтованій, по освобожденіи народа отъ рабства египетскаго,

вновь заключилъ съ нимъ завѣтъ, и выраженіемъ этого завѣта съ народомъ было синайское законодательство. Въ немъ ясно и опредѣленно выражено все то религіозно-нравственное міровоззрѣніе, которое доселѣ открывалось по частямъ и сознавалось неполно и отрывочно. Цѣлью завѣта было выдѣлить израильскій народъ изъ среды остальнаго человѣчества и сдѣлать его избраннымъ царствомъ, въ которомъ могли бы сохраниться и возрость сѣмена спасенія, предназначеннаго впослѣдствіи распространиться на все человѣчество. Когда народъ израильскій находился у подошвы священной горы, Господь говорилъ ему чрезъ Моисея: «Вы видѣли, что Я сдѣлалъ египтянамъ, и какъ Я носилъ васъ, какъ-бы на орлиныхъ крыльяхъ и принесъ васъ къ Себѣ. Итакъ, если вы будете слушаться гласа Моего, и соблюдать завѣтъ Мой, то будете Моимъ удѣломъ изъ всѣхъ народовъ; ибо Моя вся земля. А вы будете у Меня царствомъ священниковъ и народомъ святымъ» [1]). Всѣ вы сегодня стоите предъ лицомъ Господа Бога вашего, начальники колѣнъ вашихъ, старѣйшины ваши (судьи ваши), надзиратели ваши, всѣ израильтяне, дѣти ваши, жены ваши, и пришельцы твои, находящіеся въ станѣ твоемъ, отъ сѣкущаго дрова до черпающаго воду твою, чтобы вступить тебѣ въ завѣтъ Господа, Бога твоего, и въ клятвенный договоръ съ Нимъ, который Господь, Богъ твой, сегодня поставляетъ съ тобою, дабы содѣлать тебя сегодня Его народомъ, и Ему быть тебѣ Богомъ. Да не будетъ между вами мужчины или женщины, или рода, или колѣна, которыхъ сердце уклонилось бы нынѣ отъ Господа, Бога вашего, чтобы ходить служить богамъ языческихъ народовъ» [2]). Главная цѣль учрежденія особаго «царства Іеговы» есть, какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ, сохраненіе истинной религіи, ученія о поклоненіи единому истинному Богу, въ противоположность идолопоклонству другихъ народовъ. Чтобы сохранить истинное ученіе о Богѣ, Іегова заключаетъ съ народомъ договоръ на тѣхъ, если такъ можно сказать, условіяхъ, что Онъ—царь всей земли—становится преимущественно царемъ израильскаго народа, получаетъ верховную власть надъ нимъ, дѣлается его законодателемъ, постановленія котораго и обязывается народъ принять и свято сохранять. Если израильтяне добровольно согласятся признать Іегову своимъ Господомъ

---

[1]) Исход. XIX, 36.
[2]) Второзак. XXIX, 10—13, 18.

и царемъ, сохранять Его завѣтъ и исполнять законы, признавать Его единымъ истиннымъ Богомъ и поклоняться только Ему, то Іегова, будучи Богомъ и верховнымъ правителемъ всего міра, всѣхъ народовъ земли, приметъ народъ израильскій подъ свое особенное покровительство, будетъ править имъ особенными законами, обезпечитъ ему пользованіе неоцѣнимыми преимуществами истинной религіи и дастъ ему, какъ возлюбленному и избранному народу между всѣми народами земли, всѣ блага свободы, мира и благоденствія. Совокупность такихъ отношеній Іеговы къ народу есть «теократія» или «Богоправленіе»—въ высшемъ религіозно-нравственномъ значеніи этого слова.

Понимаемая такъ «теократія» есть истинное царство Божіе на землѣ, и народъ, избранный Богомъ для того, чтобы быть орудіемъ Его промыслительнаго царствованія, долженъ былъ прежде всего въ своей мысли осуществлять ту первобытную правду, которая, подъ тяжестью грѣховныхъ помысловъ, затемнялась у большинства людей и народовъ, но которая по частямъ вновь открывалась и выяснялась избраннымъ праведникамъ и осуществлялась ими. Правда эта, осуществляемая въ религіи, должна была состоять въ вѣрѣ въ единаго истиннаго Бога, и эта вѣра была основнымъ закономъ и условіемъ самой избранности народа. Она была тѣмъ жизненнымъ источникомъ, изъ котораго вытекало самое право этого народа на существованіе, и не будь этой вѣры, самое избраніе народа было бы совершенно не нужнымъ. Каждый народъ имѣетъ свою историческую задачу, и если другіе народы имѣли миссію или культурную, какъ египтяне, или завоевательную, какъ ассиріяне, или торговую миссію, какъ финикіяне, то израильтяне имѣли своею миссіей, именно, сохранить вѣру въ единаго истиннаго Бога, потерянную другими народами, и пронести этотъ духовный свѣтъ чрезъ всѣ вѣка бурныхъ историческихъ переворотовъ, пока не исполнится то, что было цѣлью всего всемірно-историческаго развитія древняго міра, т.-е., пока не придетъ Христосъ, который Своею благодатною силою искупленія могъ свыше озарить сердца и умы всѣхъ языческихъ народовъ и сдѣлать ихъ способными къ воспринятію нѣкогда потерянной ими вѣры въ единаго истиннаго Бога. Въ виду такой важности этой вѣры въ исторіи израильскаго народа, нелишне подробно разсмотрѣть основныя начала и характеристическія черты ея, какъ они представляются въ законѣ Моисеевомъ и въ дальнѣйшей историче-

ской жизни народа. Вопросъ этотъ получилъ въ новѣйшее время тѣмъ большее значеніе, что раціоналистическая критика, усиливаясь совершенно расшатать все ветхозавѣтное міросозерцаніе, старается доказать, что израильскій народъ отнюдь не былъ избраннымъ народомъ, что по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ и своимъ учрежденіямъ онъ совершенно не выдавался изъ ряда другихъ народовъ, не имѣлъ никакой особой ему свойственной миссіи и не былъ даже сначала носителемъ вѣры въ единаго истиннаго Бога, а поклонялся, подобно другимъ семитамъ, многимъ богамъ подъ различными названіями. Монотеизмъ у него будто является даже искусственнымъ и притомъ позднѣйшимъ нововведеніемъ, виновниками котораго были позднѣйшіе пророки. До него же вся религія израильтянъ была грубымъ идолопоклонствомъ съ обычными идолопоклонническими обрядами, человѣческими жертвоприношеніями и даже омерзительнымъ культомъ распутства *(кодешимъ)*, какъ и у другихъ семитическихъ народовъ. Такой взглядъ, по мнѣнію раціоналистовъ, самый простой и естественный, такъ какъ всякій народъ постепенно совершенствуетъ свое религіозное вѣровоззрѣніе, а первоначальною степенью религіознаго мышленія былъ именно политеизмъ, какъ самая доступная первобытному уму форма религіознаго вѣрованія. Такія положенія критики, очевидно, ниспровергаютъ все зданіе ветхозавѣтнаго домостроительства. Къ счастію, положенія эти, хотя и поддерживаемыя ученностью, обнаруживаютъ свою предзанятость и оказываются совершенно несостоятельными предъ судомъ строгой и безпристрастной науки.

Прежде всего оказывается совершенно несостоятельнымъ положеніе, что первоначальная форма религіи вообще есть политеизмъ, и единобожіе есть лишь послѣдующая высшая степень духовной мысли. Совершенно наоборотъ,—тщательное изслѣдованіе исторіи религіи показываетъ, что первобытная форма ея есть лишь уклоненіе отъ этой формы, какъ результатъ умственнаго помраченія и нравственнаго огрубѣнія народовъ. Помимо прямаго свидѣтельства Библіи, изученіе преданій человѣчества повсюду обнаруживаетъ существованіе всеобщаго вѣрованія въ единаго Бога, раньше всякаго идолопоклонства. Ассирійскія надписи, правда, не представляютъ намъ еще достаточно древнихъ текстовъ, чтобы дать намъ возможность положительнымъ образомъ познакомиться съ первобытною религіею Вавилона и Халдеи, но іероглифическіе тексты самой древней эпохи,

которые гораздо старше наиболѣе древнихъ клинообразныхъ надписей, неопровержимо доказываютъ первенство монотеизма надъ политеизмомъ. Въ доказательство этого достаточно привести свидѣтельство ученыхъ, авторитетъ которыхъ признается всѣми и самъ по себѣ составляетъ ручательство достовѣрности. Такъ, извѣстный египтологъ де-Руже въ своемъ рефератѣ «О религіи древнихъ народовъ», между прочимъ, говоритъ: «мы можемъ возстановить, какъ древній Египетъ училъ о Богѣ, о мірѣ и о человѣкѣ. Я говорю о Богѣ, а не о богахъ. Первая черта этого ученія есть единство, выраженное въ высшей степени энергически:

«Богъ одинъ, единый, единственный,
И рядомъ съ Нимъ нѣтъ другихъ боговъ.—
Онъ есть единое существо живущее, истинно живущее.
Ты одинъ единый, и тысячи существъ выходятъ изъ Тебя.
Онъ сотворилъ все, и одинъ Онъ не сотворенъ...»

«Разсматриваемый въ своихъ отношеніяхъ къ міру, Богъ есть Творецъ:

«Онъ сотворилъ небо,
Онъ сотворилъ землю;
Онъ сотворилъ все существующее.
Онъ владыка существующаго и несуществующаго».

«Эти тексты написаны были, по меньшей мѣрѣ, за полторы тысячи лѣтъ до Моисея... Но не есть ли это прекрасное ученіе въ Египтѣ продуктъ послѣдующихъ вѣковъ? Положительно нѣтъ; оно существовало болѣе 2,000 лѣтъ до христіанской эры. Совершенно напротивъ, мы видимъ, что политеизмъ постепенно развивается и прогрессируетъ тамъ безъ перерыва до временъ Птоломеевъ. Болѣе 5,000 лѣтъ тому назадъ начался въ долинѣ Нила гимнъ единству Бога... и мы видимъ, что только въ позднѣйшія времена Египетъ пришелъ къ самому необузданному политеизму» [1]).

Совершенно въ томъ же смыслѣ говоритъ и другой египтологъ Марріетъ: «поверхъ всего египетскаго пантеона», говоритъ онъ, «витаетъ Богъ единый, безсмертный, несотворенный, невидимый и сокровенный въ недоступныхъ глубинахъ своего бытія; Онъ Творецъ неба и земли; Онъ сотворилъ все существующее, и безъ Него не яви-

---

[1]) De Rougé, Conférence sur la religion des anciens Egyptiens, 14 апрѣля 1869 г., стр. 12, 17, 26. Этотъ рефератъ прямо опровергаетъ тѣхъ, которые думаютъ, что политеизмъ предшествовалъ монотеизму.

лось ничто,—таковъ Богъ, ученіе о которомъ сохранялось въ тайникѣ святилища. Но Египетъ не умѣлъ или не хотѣлъ остановиться на этой возвышенной чистотѣ ученія» [1]). Третій египтологъ, свидѣтельство котораго также не можетъ быть отрицаемо врагами Библіи, именно Масперо, не менѣе ясно выражается въ этомъ отношеніи, какъ и другіе его ученые собратья. «Въ началѣ», говоритъ онъ, «существовалъ Ну, первобытный океанъ, въ безконечныхъ глубинахъ котораго смѣшанно плавали зародыши вещей. Отъ вѣчности Богъ зачался, и Самъ родился въ утробѣ этого жидкаго вещества, бывшаго еще безвиннымъ и какъ-бы несуществующимъ. Этотъ Богъ египтянъ былъ существомъ единымъ, совершеннымъ, одареннымъ знаніями и умомъ, непостижимымъ настолько, что нельзя даже сказать, въ чемъ Онъ непостижимъ. Онъ есть единственный, тотъ, который существуетъ по существу, единый, который живетъ въ сущности, единый жизнедателъ на небѣ и на землѣ, который Самъ не рожденъ, отецъ отцовъ, мать матерей. Всегда равный, всегда неизмѣнный въ Своемъ неизмѣнномъ совершенствѣ, всегда настоящій въ прошедшемъ, какъ и въ будущемъ, Онъ наполняетъ вселенную, такъ что никакой образъ въ мірѣ не можетъ дать даже хотя бы слабаго понятія о Его безконечности. Онъ ощущается повсюду, но нигдѣ нельзя осязать Его. Единый по существу, Онъ не единъ въ личности; Онъ есть Отецъ потому только, что Онъ есть; и совершенство Его природы состоитъ въ томъ, что Онъ вѣчно производитъ, никогда не ослабѣвая или никогда не истощаясь. Ему нѣтъ нужды выходить изъ Самого Себя, чтобы сдѣлаться плодороднымъ; Онъ въ Своемъ собственномъ существѣ находитъ вещество для Своего вѣчнаго произведенія. Единственно отъ полноты Своего бытія Онъ зачинаетъ свой плодъ, и такъ какъ у Него зачатіе не можетъ быть отдѣляемо отъ рожденія, то Онъ производитъ отъ вѣчности изъ Самого Себя другого Самого Себя. Онъ въ одно и то же время Отецъ, Мать и Сынъ Божій. Зачатый отъ Бога, рожденный отъ Бога, безъ выхода изъ Бога, эти три лица суть Богъ въ Богѣ, и не только не раздробляютъ единство божественнаго существа, но всѣ три соединяются въ Его единоличномъ совершенствѣ. Это Богъ троичный и

---

[1]) Mariette-Bey, Notice du Musée du Boulaq, 2-ое Александрійское изданіе 1868 г., стр. 20.

одинъ имѣетъ всѣ свойства Бога,—неизмѣримость, вѣчность, независимость, всемогущую волю, безграничную благость» [1]).

Изъ этихъ свидѣтельствъ, такимъ образомъ, съ достовѣрностью видно, что въ самыя древнія времена въ Египтѣ сохранялась идея единаго истиннаго Бога, какъ отголосокъ первобытнаго истиннаго преданія, и сначала подъ различными именами разумѣлся только единый Богъ. Съ теченіемъ времени, религія жителей Нильской долины приняла полуполитеистическій, полупантеистическій оттѣнокъ, но слѣды первобытнаго преданія сохранялись и позднѣе, такъ что еще при Даріѣ II, египетскіе писцы и жрецы пѣли въ прославленіе Бога такой гимнъ:

«Онъ живетъ вѣчно
Въ Свое имя,
Какъ солнце ежедневное...
Онъ есть Горъ душъ,
Богъ живущій....
Богъ Мемфиса,
Богъ живущій...
Аммонъ есть Его образъ,
Атумъ есть Его образъ,
Шепра есть Его образъ.
Ра есть Его образъ,
Онъ есть единый,
Онъ одинъ только сотворилъ Самого Себя
Милліонами путей...
Онъ живетъ вѣчно...
Онъ есть жизнь» [2]).

«Египетскія надписи, подъ выродившимися символами грубаго политеизма», справедливо говоритъ извѣстный оріенталистъ Вогюе, «открываютъ существованіе истиннаго религіознаго ученія. Ученіе

---

[1]) Maspero, Histoire, 2-ое изд., стр. 27, 28. Нѣмецкіе египтологи также допускаютъ, что монотеизмъ былъ первичной формой религіи въ Египтѣ. Такъ, Эберсъ говоритъ: «единственный Богъ, который Самъ Себя произвелъ и есть источникъ Своего собственнаго бытія, двойной Богъ, въ одно и то же время свой собственный Отецъ и Сынъ, который есть сегодня, вчера и завтра и называется Я есмь, который есмь (анукъ-пу-анукъ), ясно выступаетъ изъ богословскихъ сочиненій древняго Египта; конечно, это ученіе такъ густо затѣнено и такъ сильно завалено безчисленными и пестрыми образами богатаго міра боговъ Нильской долины, что его существо можетъ быть только съ трудомъ понято и познано непосвященными. Книга Мертвыхъ, надписи на гробницахъ и памятникахъ, представляютъ для изслѣдованія въ этой области богатый матеріалъ». Ebers, Durch Gosen, стр. 528.

[2]) Brugsch, Reise nach der grossen Oase El Khargeh, in 4°, Лейпцигъ, 1878, стр. 49—52.

толкователи этихъ надписей, при помощи формулъ и изображеній, показали, что въ основѣ египетской религіи, несмотря на кажущуюся внѣшность, лежало вѣрованіе въ единаго и вѣчнаго Бога; менѣе личный Богъ, чѣмъ Богъ Библіи и, во всякомъ случаѣ, менѣе отличный отъ сотворенной матеріи, египетскій Богъ есть всегда безтѣлесный, невидимый, безъ начала и безъ конца: безчисленныя божества египетскаго пантеона суть олицетворенныя свойства, обоготворенныя силы существа непостижимаго и неприступнаго. Какъ причина и первообразъ видимаго міра, Онъ имѣетъ двоякое существованіе, Онъ воплощаетъ въ Себѣ два начала всякаго земнаго произведенія: начало мужское и начало женское; и эта двойственность въ единствѣ и послужила основой для происхожденія цѣлаго ряда женскихъ божествъ». Таковъ имено Богъ, котораго намъ открываютъ египтологи [1]).

Хотя у насъ нѣтъ еще пока достаточныхъ данныхъ для опредѣленія сущности религіи ассиро-халдейской въ ея первобытномъ состояніи, но тѣмъ не менѣе можно составить нѣкоторое понятіе и объ этой религіи, какъ оно выясняется изъ клинообразныхъ надписей,—и эти надписи вполнѣ подтверждаютъ то же, что и іероглифическіе тексты. «Религія Ассиріи и Вавилона,—говоритъ Ленорманъ,—была въ своихъ основныхъ началахъ и въ общемъ духѣ, проникавшемъ ея умозрѣніе, религіей такого же рода, какъ и религія Египта и вообще всѣ религіи языческаго міра. Если проникнуть за предѣлы внѣшней оболочки грубаго политеизма, въ который она облачалась въ народныхъ суевѣріяхъ, и возвыситься до представленій высшаго порядка, бывшихъ для нихъ исходною точкою, то тамъ мы найдемъ основное понятіе божественнаго единства, послѣдній остатокъ первобытнаго откровенія, но искаженный чудовищными измышленіями пантеизма» [2]). «Въ основѣ кушитскихъ религій, какъ и въ основѣ всѣхъ другихъ религій,—говоритъ Масперо,—мы находимъ Бога въ одно и то же время единаго и много различнаго: единаго потому, что матерія истекаетъ изъ Него, и Онъ смѣшивается съ матеріей; многоразличнаго потому, что каждый изъ актовъ, которые Онъ совершаетъ въ Самомъ себѣ надъ матеріей, считается какъ бы произведеніемъ существа отличнаго и но-

---

[1]) Vogüé, Melanges d'archéologie orientale, 1868, стр. 50, 51.
[2]) Lenormant, Manuel de l'histoire, 4 изд., т. II, стр. 180, 181.

сящаго особое имя. Въ началѣ эти отдѣльныя существа не распредѣлены еще по степенямъ правильной іерархіи; они сосуществуютъ безъ соподчиненія, и каждое изъ нихъ пользуется преимущественнымъ поклоненіемъ предъ всѣми другими въ извѣстномъ городѣ или у извѣстнаго народа: Ану въ Урукѣ, Белъ въ Нипурѣ, Синъ въ Урѣ, Мардукъ въ Вавилонѣ. Ану, Белъ, Синъ, Мардукъ представляютъ лишь одно и то же существо, но это единое существо, имѣющее столько различныхъ названій, имѣетъ двоякую сущность: оно объединяетъ въ одномъ и томъ же лицѣ два начала, необходимыя для всякаго произведенія, именно, начало мужское и начало женское. Каждый богъ удвояется въ соотвѣтствующей богинѣ: Ану и Синъ въ богинѣ Нана, Белъ въ Белитѣ, Мардукъ въ Царпанитѣ. Божественныя существа уже не понимаются отдѣльно, но подъ видомъ четъ, и каждая изъ четъ, составляемыхъ ими, есть лишь выраженіе первоначальнаго единаго Бога, несмотря на двойственность ея природы, подобно тому, какъ Онъ единъ, несмотря на множество своихъ названій [1]). Кушитская религія, о которой говоритъ здѣсь Масперо, есть одно и то же, что первобытная религія Халдейская.

Тотъ же первобытный монотеизмъ мы находимъ и въ Финикіи, въ Ханаанѣ и въ Сиріи. «Культъ финикійскаго бога Ваала», говоритъ наиболѣе авторитетный ученый въ области финикійскихъ надписей, именно Вогюе, «заключалъ въ себѣ первоначально вѣрованіе въ единаго Бога, подобно тому, какъ и сосѣдніе культы Бела ассирійскаго, Адада сирійскаго, Молоха аммонитскаго, Марны филистимскаго и прочія божества, въ самыхъ названіяхъ своихъ заключаютъ идею единства и верховнаго главенства. Множество второстепенныхъ Вааловъ не болѣе говорятъ противъ этого первоначальнаго единства, чѣмъ и подраздѣленіе египетскаго Бога на обоготворенныя силы; только въ Финикіи это распредѣленіе божественнаго могущества имѣетъ болѣе географическій и политическій, если такъ можно сказать, чѣмъ философскій характеръ. Тутъ не столько само божество, сколько мѣстныя святилища давали рожденіе второстепеннымъ богамъ, Ваалямъ, какъ покровителямъ главныхъ городовъ. Ваалъ, боготворимый въ Тирѣ, въ Сидонѣ, въ Тарсѣ, дѣ-

[1]) Maspero, Histoire, стр. 148, 149. Максъ Дункеръ также признаетъ первобытный монотеизмъ вавилонской религіи. См. его Geschichte des Alterthums, 4 изд. 1874 г., т. I, стр. 201.

лался Ваалъ-Цуромъ, Ваалъ-Сидономъ, Ваалъ-Тарсомъ. Какъ такой, онъ можетъ принимать особое имя, которое впослѣдствіи въ народномъ представленіи можетъ затемнить его первоначальный характеръ; но оно не препятствуетъ продолженію существованія смутнаго понятія о его первоначальномъ единствѣ. Это именно доказываетъ намъ одна надпись, состоящая изъ двухъ словъ: «Мелъ-Картъ», великій богъ Тирскій, культъ котораго былъ далеко распространенъ тирскими колонистами, былъ не что иное, какъ Ваалъ метрополіи: «господину Мелъ-Карту, Ваалу Тира!» — такъ начинается посвященіе двухъ принесенныхъ ему въ жертву свѣтильниковъ, найденныхъ на островѣ Мальтѣ. Это—богъ верховный, разсматриваемый какъ мѣстное божество, особенно покровитель городовъ, и это представленіе вполнѣ согласуется съ самой этимологіей слова, такъ какъ Мелъ-Картъ есть лишь сокращеніе словъ Мелекъ-Каратъ, то есть «царь города». То же самое, по мнѣнію ученаго оріенталиста, замѣчается, когда мы вникнемъ въ сущность женскихъ божествъ. Самое названіе женскихъ божествъ показываетъ, что они образовались изъ обоготворенія имени тѣхъ же самыхъ боговъ. Такъ, Астарта, богиня Сидонская, стоящая въ надписи Есмунацера рядомъ съ Вааломъ Сидонскимъ, называется Шемъ-Ваалъ, то есть имя Ваалово, и въ другомъ мѣстѣ—«лицомъ» Вааловымъ. Эти названія «имя» и «лицо» въ представленіи народа впослѣдствіи получили реальный характеръ, и изъ нихъ образовались совершенно самостоятельныя божества, именно женскія.

«Такъ, Астарта есть именно олицетвореніе имени, которому всѣ древнія религіи придавали таинственное значеніе. Финикіяне придали этому имени отдѣльное существованіе; и этотъ фактъ проливаетъ интересный свѣтъ на происхожденіе финикійскихъ миѳовъ и на самый способъ ихъ развитія. Тутъ, можно сказать, осязательно представляется самый фактъ преобразованія идей, создавшихъ весь финикійскій пантеонъ: мы видимъ, какъ первоначальныя отвлеченности послужили поводомъ къ происхожденію политеизма. У евреевъ понятія «Имя Господне», «Лицо Господне» не разрушили божественнаго единства, какъ не разрушили его и еще болѣе образныя выраженія—«Голосъ Господень», «Рука Господня». То же самое было сначала и у финикіянъ, но первоначальныя понятія у нихъ измѣнились, хотя и съ сохраненіемъ формулъ, въ которыхъ они выражались и раньше; возникла идея женскаго божества, идея, которая,

такъ сказать, удвоила творческое могущество, не разрушая его существеннаго единства, но которая открыла дверь для всякихъ заблужденій и для всякихъ злоупотребленій практическаго политеизма» [1]).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ главнѣйшихъ представителей египтологіи, ассиріологіи и финикійской эпиграфіи, съ достаточностью видно, что первоначальной формой религіи у этихъ идолопоклонническихъ народовъ былъ именно монотеизмъ, слѣды котораго сохранились въ ихъ древнѣйшихъ памятникахъ, ясно свидѣтельствуя собою, что ихъ многобожіе было лишь позднѣйшимъ произведеніемъ и результатомъ потемнѣнія первобытныхъ истинныхъ религіозныхъ понятій. Если такъ это оказывается у народовъ языческихъ и идолопоклонническихъ, то тѣмъ понятнѣе становится фактъ, что единобожіе есть существенная религія избраннаго народа, того именно народа, которому Промыслъ судилъ быть носителемъ этой религіозной истины среди языческаго міра, погружавшагося съ теченіемъ времени все въ большее и большее религіозное заблужденіе. Несмотря на это, новѣйшая раціоналистическая критика усиливается показать, что и первоначальною формою религіи избраннаго народа былъ именно политеизмъ, такъ что единобожіе есть лишь позднѣйшее искусственное насажденіе въ немъ. «Первоначальной религіей сыновъ Израиля», говоритъ одинъ новѣйшій критикъ [2]), «была религія натуралистическая, въ которой преобладалъ звѣздный элементъ. Даже, если бы Библія не говорила объ этомъ выразительно, мы нашли бы почти на каждой страницѣ древнихъ книгъ Израиля и пророковъ VIII столѣтія факты, которые свидѣтельствуютъ объ идолопоклонническомъ фетишизмѣ и натуралистическомъ политеизмѣ семитовъ. Библія не разъ изображаетъ потомковъ Авраама идолопоклонниками и политеистами. Въ книгѣ Іисуса Навина, Ѳарра, отецъ Авраама, изображается, какъ язычникъ и политеистъ, какъ и его предки, обитавшіе въ древности «за рѣкою», то-есть, за Евфратомъ... Рахиль похищаетъ у отца своего идоловъ... Іаковъ зарываетъ подъ дубомъ, близъ Сихема, идоловъ, талисманы и амулеты, отобранные у членовъ своего дома» [3]). На это нужно сказать, что всѣ эти факты отнюдь не доказываютъ, будто

1) Vogüé, Melanges, pp. 51—56.
2) Jules Soury, въ Revue des deux Mondes, февраль 1872 г., стр. 603.
3) Тамъ же, стр. 756.

всѣ евреи первоначально были политеисты. Кромѣ того, что идолопоклонство Ѳарры, отца Авраама, не служитъ еще доказательствомъ, что идолопоклонниками были и потомки Авраама, самое мѣсто, приведенное изъ книги Іисуса Навина, показываетъ наоборотъ, что они были монотеисты, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о противоположности между религіей потомковъ Авраама и религіей его предковъ (I. Нав. XXIV, 2, 3). Въ книгѣ этой весьма ясно говорится даже, что Богъ вывелъ Авраама въ землю Ханаанскую именно съ тою цѣлью, чтобы удалить отца евреевъ изъ идолопоклонической среды Халдеи и изъять изъ-подъ гибельнаго вліянія его родства. Объ этомъ же свидѣтельствовало и послѣдующее преданіе, насколько оно сохранено аммонитяниномъ Ахіоромъ. «Выслушай, господинъ мой, слово изъ устъ раба твоего», говорилъ онъ Олоферну; «я скажу тебѣ истину объ этомъ народѣ (то-есть, еврейскомъ), живущемъ близъ тебя въ этой нагорной странѣ, и не выйдетъ лжи изъ устъ раба твоего. Этотъ народъ происходитъ отъ халдеевъ. Прежде они поселились въ Месопотаміи, потому что не хотѣли служить богамъ отцевъ своихъ, которые были въ землѣ Халдейской, и уклонились отъ пути предковъ своихъ, и начали поклоняться Богу неба, Богу, котораго они познали; и халдеи выгнали ихъ отъ лица боговъ своихъ—и они бѣжали въ Месопотамію, и долго тамъ обитали» (Іудиѳ. V, 5—8).—«Это разсужденіе аммонитянина», говоритъ одинъ нѣмецкій критикъ, «содержитъ историческія данныя, восходящія до глубочайшей древности и заслуживающія особеннаго вниманія» [1]).

Отъ Авраама до Іисуса Христа, народъ израильскій, хотя и часто оказывавшійся невѣрнымъ, поклонялся единому и даже единственному Богу, тому, котораго онъ во всемъ св. Писаніи называетъ Богомъ своихъ отцевъ, Богомъ Авраама, Исаака и Іакова. «Мы знаемъ», справедливо говоритъ Эвальдъ, «какъ трудно было для религіи Іеговы, при ея возвышенныхъ представленіяхъ и налагаемыхъ ею обязанностяхъ, со времени Моисея твердо укрѣпиться въ народѣ. Но, съ другой стороны, изъ всѣхъ древнихъ воспоминаній, которыя намъ представляетъ Моисеева религія, нѣтъ, такого, которое было бы непоколебимѣе того, что Богъ, котораго Моисей провозгласилъ своему народу, есть одинъ и тотъ же, какъ и Богъ ихъ предковъ;

---

1) Wolff, Das Buch Judith, in 8°, Лейпцигъ, 1861 г., стр. 137.

онъ отличенъ отъ боговъ всѣхъ другихъ народовъ, но существенно тотъ же, которому поклонялись три главныхъ патріарха, праотцы этого народа. Мысль объ этомъ тождествѣ не могла быть введена въ Моисееву религію впослѣдствіи. Она происходитъ съ самаго начала и всегда сохранялась въ груди этого народа, какъ священное воспоминаніе величайшей важности, и въ самыя древнія Моисеевы времена народъ называлъ Іегову просто Богомъ своего отца, т.-е. Іакова, тѣсно связывая себя этимъ съ своимъ прошлымъ. Невозможно, чтобы столь твердое свидѣтельство, вполнѣ подтверждаемое наукой, могло оказаться обманчивымъ» [1]). Мѣсто, гдѣ въ книгѣ Бытія разсказывается, что Іаковъ зарылъ подъ дубомъ идоловъ членовъ своего семейства, доказываетъ только, что Іаковъ не былъ идолопоклонникомъ. Онъ ясно даже показываетъ намъ, что боги, боготворимые нѣкоторыми членами семейства этого патріарха, были чужіе: Іаковъ прямо говорилъ членамъ своего дома и всѣмъ бывшимъ съ нимъ: «бросьте боговъ *чужихъ*, находящихся у васъ,—*Элоге ганнегаръ*». (Быт. XXXV, 2).

Эти и другіе подобные факты, которыхъ можно бы привести много, вполнѣ доказываютъ, что среди израильтянъ было не мало идолопоклонниковъ, но отнюдь не доказываютъ того, чтобы всѣ они первоначально были идолопоклонниками. Конечно, если бы критики только утверждали, что израильтяне часто впадали въ идолопоклонство, то намъ нечего бы и спорить съ ними; Библія на каждой страницѣ свидѣтельствуетъ объ этомъ, и никому еще на умъ не приходило отрицать этого. Увлекаемые необузданною склонностью къ чужимъ религіямъ, къ тѣмъ дикимъ божествамъ, которыя питались кровью дѣтей и бояться которыхъ заставлялъ ихъ слѣпой страхъ, или къ тѣмъ «счастливымъ и чувственнымъ божествамъ», которыя придавали священный характеръ удовлетворенію самыхъ низкихъ страстей, и склоняться къ которымъ побуждало ихъ собственное чувственное влеченіе, — они, время отъ времени, боготворили ложныхъ боговъ всѣхъ народовъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ ними — халдеевъ, финикіянъ филистимлянъ, сиріянъ, савеевъ, и во времена Маккавеевъ, изъ выгоды или по слабости, боготворили даже боговъ грекосирійскихъ. Между тѣмъ, этотъ идолопоклонническій культъ, безъ

---

[1]) Ewald, Jahrbücher der biblischen Wissenschaft, v. X, p. 10.

всякаго исключенія, изображается намъ не какъ культъ законный, правильный, всеобщій, истиннонаціональный, но какъ невѣрность, недостатокъ, блудодѣйство, преступленіе. Даже въ самыя худшія времена исторіи царства Израильскаго, послѣ отпаденія десяти колѣнъ, когда, въ царствованіе нечестиваго Ахава, даже пророкъ Илія предался унынію, не только въ Іудеѣ, но даже и въ предѣлахъ отдѣлившихся идолопоклонническихъ колѣнъ Іегова считалъ еще 7000 вѣрныхъ поклонниковъ, которые никогда не преклоняли колѣнъ предъ Вааломъ и не воздавали ему никакихъ почестей (3 Цар. XIX, 18). Всѣ эти ложные боги, почитаемые невѣрными израильтянами, которые скорѣе слушали голоса своихъ страстей, чѣмъ голоса своей совѣсти, не представляли собою Бога Израильскаго, который есть единый, Богъ живой, Богъ единственный: «Іегова (Богъ твой) есть Богъ, и нѣтъ еще кромѣ Его» [1]). Это боги чужіе или, въ буквальномъ смыслѣ, боги иные, чѣмъ истинный Богъ *элилимы*, то-есть ничтожества, и *гиллулимы*, то-есть мерзости, какъ они часто называются въ Пятокнижіи [1]).

Въ то время, какъ всѣ идолопоклонническіе семиты, поклоняясь своимъ національнымъ богамъ, въ то же время признавали божественность боговъ сосѣднихъ народовъ, какъ Іеговы, такъ и другихъ, въ то время, какъ они боялись ихъ и старательно избѣгали всего, что могло бы навлечь на нихъ гнѣвъ ихъ, такъ что ассирійскій побѣдитель Аравіи съ честью отсылаетъ побѣжденной имъ царицѣ статуи аравійскихъ боговъ, ограничившись посвятительною надписью на нихъ богу Ассуру, чтобы засвидѣтельствовать о превосходствѣ могущества своего бога,—израильтяне приписывали истинную божественность только своему единому Богу; они считали ложными богами всѣхъ тѣхъ, которыхъ почитали чужеземные народы; они относились къ нимъ съ презрѣніемъ, и пророки изображали тщетность идоловъ въ картинахъ, краснорѣчіе которыхъ не-

---

[1]) Втор. IV, 35. См. также Втор. IV, 32—39; VI, 4; X, 17; XXXII, 39; 2 Цар. VII, 22; 3 Цар. VIII, 60 и проч. Величественное мѣсто Втор. VI, 4 («слушай, Израиль, Господь Богъ нашъ Господь единъ есть») есть какъ бы исповѣданіе вѣры іудеевъ. Евреи еще и теперь списываютъ это мѣсто на клочкѣ пергамента и прикрѣпляютъ его ко лбу и къ лѣвой рукѣ при совершеніи своей утренней молитвы. Этотъ пергаментъ называютъ словомъ, которымъ начинается это мѣсто: «Сема».

[2]) Втор. VI, 14; VII, 4; Левит. XIX, 4; Втор. XXIX, 17, и въ другихъ мѣстахъ. Гиллулимъ есть несомнѣнно презрительное названіе и означаетъ, по нѣкоторымъ, stercora.

досягаемо. Въ Библіи есть только одно мѣсто, которое, повидимому, представляетъ нѣкоторое исключеніе изъ этого правила. Это именно въ книгѣ Судей, гдѣ Іефѳай, отправляя посольство къ царю аммонитянъ, поручаетъ своимъ посланнымъ сказать ему: «не владѣешь ли ты тѣмъ, что далъ тебѣ Хамосъ, богъ твой (Элогимъ)? и мы владѣемъ тѣмъ, что далъ намъ въ наслѣдіе Господь Богъ нашъ (Элогимъ» [1]). Но это мѣсто представляетъ собою лишь дипломатическій языкъ, а не есть исповѣданіе вѣры, и, слѣдовательно, отнюдь не доказываетъ, чтобы Іефѳай вѣрилъ въ божественность Хамоса. Оно доказываетъ только, что судія Израильскій хотѣлъ говорить съ царемъ аммонитскимъ языкомъ, который былъ ему пріятенъ, чтобы чрезъ это достигнуть желаннаго мира. Но даже если бы взять эти слова въ ихъ буквальной строгости, то, несмотря на это отдѣльное мѣсто, все-таки осталось бы не мало доказательствъ, что было глубокое различіе въ томъ, какъ понимали своего Бога евреи и какъ понимали своихъ боговъ сосѣдніе народы. Сыны Израиля, принося жертвы идоламъ, дѣлали это по слабости и по страсти; но эти случаи невѣрности избраннаго народа, эти «блудодѣйства», какъ ихъ называютъ своимъ энергическимъ языкомъ пророки, при всей ихъ преступности, отнюдь не измѣняютъ сущности собственной религіи Израиля. Царь Соломонъ представляетъ намъ примѣръ слабаго и колеблющагося сына Іаковова. Онъ признаетъ единство Бога, исповѣдуетъ Его и воспѣваетъ, и несмотря на это, подчиняясь недостойнымъ слабостямъ, онъ поклонялся омерзительнымъ идоламъ; въ день посвященія величественнаго храма, воздвигнутаго имъ во славу живаго Бога, онъ именно говорилъ въ своей возвышенной молитвѣ: «да познаютъ всѣ народы, что Господь есть Богъ, и нѣтъ кромѣ Него» (3 Цар. VIII, 60); и нѣсколько лѣтъ спустя (такъ непостижима слабость человѣческаго сердца!), въ угоду своимъ женамъ, соблазнамъ которыхъ онъ не умѣлъ противостоять, онъ построилъ капища въ честь Молоха, Хамоса, Астарты—самыхъ жестокихъ и самыхъ омерзительныхъ божествъ.

Такова именно исторія Израиля. Онъ зналъ истиннаго Бога съ самаго начала, но страхъ или похотливость часто повергали его къ подножію языческихъ боговъ съ ихъ безчеловѣчнымъ и постыднымъ культомъ. Его отцы, его вожди до отпаденія десяти колѣнъ были

---

1) Суд. XI, 24.

вообще монотеистами, но масса народа иногда впадала въ идолопоклонство съ изумительнымъ увлеченіемъ. Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, двѣнадцать патріарховъ, отцевъ двѣнадцати колѣнъ; Моисей, освободитель израильтянъ отъ рабства египетскаго; Іисусъ Навинъ, завоеватель земли обѣтованной; Самуилъ, давшій ему перваго царя; Давидъ, наиболѣе славный герой и доблестнѣйшій изъ его монарховъ, знаменитѣйшій и популярнѣйшій изъ его поэтовъ; пророки, эти столь изумительные по своей самобытности люди, что подобныхъ имъ нельзя встрѣтить ни въ какое другое время и ни у какого другаго народа,—всѣ эти великіе мужи были поклонниками единаго Бога. Изъ многихъ другихъ мѣстъ достаточно привести въ подтвержденіе этого нѣсколько мѣстъ изъ возвышенныхъ гимновъ сладостнаго псалмопѣвца Израилева. Въ Псалмѣ, начинающемся словами: «возлюблю Тебя, Господи, крѣпость моя», псалмопѣвецъ восторженно восклицаетъ: «ибо кто Богъ, Кромѣ Господа (Іеговы)»? (Пс. XVI, 32). Затѣмъ въ Псалмѣ: «храни меня, Боже», составленномъ, по мнѣнію лучшихъ изслѣдователей, въ то время, когда гоненія Саула заставляли Давида жить среди идолопоклонническихъ филистимлянъ, псалмопѣвецъ восклицаетъ:

«Храни меня, Боже; ибо я на Тебя уповаю.
Я сказалъ Господу: Ты Господь мой;
Пусть умножаются скорби у тѣхъ,
Которые текутъ къ Богу чужому;
Я не возлію кровавыхъ возліяній ихъ,
И не помяну именъ ихъ устами моими,
Господь есть часть наслѣдія моего и чаши моей,
Ты держишь жребій мой» [1]).

Когда пророкъ Нафанъ объявилъ объ обѣтованіи Божіемъ, Давидъ, благодаря Бога, воскликнулъ:

«По всему великъ Ты, Господи мой (Іегова), Господи (Элогимъ),
Ибо нѣтъ подобнаго Тебѣ,
И нѣтъ Бога, кромѣ Тебя» [2]).

Эти и тому подобныя изреченія показываютъ, какъ глубоко идея единаго истиннаго Бога лежала въ сердцѣ лучшихъ представителей народа; но идея эта имѣла глубокіе корни даже и вообще въ массѣ народной, такъ что даже у тѣхъ, которые иногда преда-

[1]) Пс. XV, 1—6.
[2]) 2 Цар. VII, 22.—Ср. прекрасное мѣсто у Ис. XLV, 5—8, 21.

вались идолопоклонству, заблуждалось больше сердце, чѣмъ умъ. Подтвержденіемъ этого служитъ одно обстоятельство, которое, по самой своей неожиданности, является совершенно безспорнымъ. На востокѣ религіозныя вѣрованія, какъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ людей, въ древности нѣкоторымъ образомъ запечатлѣвались въ ихъ собственныхъ именахъ, такъ что эти имена могутъ служить средствомъ ознакомленія съ ихъ религіей, какъ бы нѣкоторыя окаменѣлости и геологическіе залежи. Религіозная исторія народовъ Востока разсказывается въ нихъ съ неподлежащею подозрѣнію искренностью и разсказывается свидѣтелемъ какъ бы полусознательнымъ. У евреевъ, какъ и у другихъ семитовъ, имя Бога часто входило, какъ составная часть, въ ихъ имена. Если бы они съ самаго начала были политеистами, мы находили бы неизгладимыя черты этого въ именахъ ихъ собратьевъ, такъ какъ не во власти никакого историка, никакого поддѣльщика, измѣнить историческія имена. Между тѣмъ, ихъ единобожіе проявляется тутъ съ изумительною ясностью. У финикіянъ мы встрѣчаемъ всѣхъ ихъ боговъ въ ихъ собственныхъ именахъ: Аделюмъ тирянинъ—«служитель элимовъ или боговъ»; Балеазаръ, царь Тирскій,—«Ваалъ есть помощь»; Аддастартъ, царь Тирскій—«служитель Астарты» и т. д. Подобнымъ же образомъ, достаточно взять списокъ царей ассирійскихъ и вавилонскихъ, чтобы познакомиться съ ихъ главными богами: Ассурбанипалъ означаетъ «Богъ Ассуръ далъ сына»; Белсаруссалъ (Валтазаръ)—«богъ Бель покровительствуетъ царю»; Сеннахиримъ—«Синъ (богъ луны) умножилъ братьевъ»; Нергалсаруссуръ (Нериглиссаръ)—«богъ Нергалъ покровительствуетъ царю»; Набукудуруцуръ (Навуходоносоръ)—«богъ Неба покровительствуетъ коронѣ» и проч. То же самое было и у египтянъ. Но среди евреевъ, помимо весьма ограниченнаго числа исключеній, притомъ спорныхъ и во всякомъ случаѣ не имѣющихъ важнаго значенія; мы въ собственныхъ именахъ ихъ, гдѣ только божество входитъ, какъ сложный элементъ, всегда встрѣчаемъ имена истиннаго Бога Эль или Іа, сокращеніе слова Іегова. Во время исчисленія израильтянъ въ пустынѣ, среди двѣнадцати главъ колѣнъ перечисляются восемь такихъ, имена которыхъ сложены изъ Эль и какого-либо качества [1]). Іегова, или сокращенное Іа, находится въ именахъ всѣхъ царей Іудейскихъ, начиная отъ Авіи, сына Ровоамо-

[1]) Числ. I, 5—15.

ва, до плѣна Вавилонскаго, за исключеніемъ только четырехъ. Элъ и Іа встрѣчаются также, и безразлично употребляются одно вмѣсто другаго во всей послѣдующей исторіи избраннаго народа: дѣти посвящались Элу или Іеговѣ, какъ теперь ихъ посвящаютъ святымъ, по имени которыхъ имъ даютъ имена. Даже тѣ цари, которые постыдно предавались поклоненію ложнымъ богамъ, подобно тѣмъ христіанскимъ родителямъ, которые все-таки даютъ своимъ дѣтямъ христіанское воспитаніе, хотя сами и не живутъ по-христіански, — эти цари давали своимъ дѣтямъ религіозныя имена, составляющія осужденіе ихъ собственнаго невѣрія и ихъ собственной жизни. Такъ, Ахавъ, тотъ нечестивый царь Ахавъ, который воздвигъ въ Самаріи храмъ Ваалу и поставилъ тамъ Ашеру, мужъ сидонянки Іезавели, самой упрямой покровительницы культа ложныхъ боговъ,—этотъ Ахавъ далъ своему сыну имя Охозія, что значитъ «Іегова владѣетъ мною», и своей дочери далъ имя Гоѳолія, то-есть «Іегова есть моя сила». То же самое явленіе замѣчается у всѣхъ царей израильскихъ, хотя они, по своимъ политическимъ видамъ, были невѣрны истинному Богу: это, во всякомъ случаѣ, поразительное доказательство жизненности и твердости единобожія въ сердцѣ сыновъ Іакова.

ГЛАВА XLVIII.

Различныя имена Бога и древность монотеизма.

Случаи идолопоклонства, сообщаемые въ св. Писаніи, такимъ образомъ, не доказываютъ сами по себѣ, что среди израильтянъ не было когда-либо поклонниковъ истиннаго Бога. Чтобы доказать, что политеизмъ былъ первоначальной религіей израильскаго народа, для этого нужно бы доказать, что внѣ чужихъ боговъ, которымъ онъ часто совершалъ жертвоприношенія, по примѣру сосѣднихъ народовъ, онъ также съ патріархальной эпохи поклонялся нѣсколькимъ различнымъ богамъ, признававшимся всѣми и пользовавшимся законнымъ признаніемъ. Доказать это и усиливается критика.

Богъ въ Библіи называется не однимъ только какимъ-либо опредѣленнымъ именемъ. Эта множественность именъ, по увѣренію критиковъ, и служитъ неопровержимымъ доказательствомъ множественности боговъ. Дѣйствительно, еврейскій языкъ называетъ Бога

различными именами: Элъ или Элогимъ, Іегова, Адонаи, Шаддай, Эліонъ, подобно тому, какъ и на языкѣ христіанскихъ народовъ Онъ называется Вѣчнымъ, Господомъ, Всемогущимъ, Всевышнимъ. Но сама по себѣ множественность именъ отнюдь не непримирима съ единствомъ Бога. Извѣстно, что даже мусульмане, столь строгіе единобожники, имѣютъ не менѣе 99 различныхъ именъ для обозначенія единаго Бога. Сама по себѣ множественность именъ Бога не имѣетъ значенія. Отсюда еще ничего нельзя заключать, пока не установлено, что эти названія не простые синонимы, а напротивъ—означаютъ различныя личности. Это и утверждаютъ раціоналистическіе критики. По нимъ Элъ есть верховный Богъ евреевъ, Іегова есть обоготворенное солнце; при этомъ Элъ будто бы есть самый древній Богъ, а Іегова сталъ боготвориться только послѣ исхода изъ Египта. «Этотъ Богъ Элъ, который оставался національнымъ Богомъ сыновъ Израиля до времени выхода изъ Египта», говоритъ новѣйшій критикъ, «и который въ повѣствованіи почти всегда является мѣстѣ съ какимъ-нибудь аттрибутомъ, какъ напр. Элъ-Эліонъ, Элъ-Шаддаи, Элъ-Канна, Элъ-Гай, — этотъ Богъ Элъ, повидимому, былъ общимъ у всѣхъ семействъ семитической расы: Элъ встрѣчается въ финикійскихъ колоніяхъ, въ Карѳагенѣ. Что касается его всеобщности, то Элъ въ семитическомъ пантеонѣ есть то же, что «Дьяусъ» въ пантеонѣ индо-европейскомъ. Идея Бога, по-ассирійски, выражается словомъ Илу, и идіографическій характеръ этого понятія имѣлъ въ началѣ форму звѣзды. Это было самое высшее божество вавилонянъ, какъ указываетъ самое названіе великаго города, главнымъ божествомъ котораго былъ Элъ,—именно Бабъ-Элъ или Бабъ-Илу («врата Эла»). По свидѣтельству Санхоніатона, Кронозъ называется у финикіянъ Элъ. Такимъ образомъ, верховный Богъ сыновъ Израиля былъ тотъ же, что и верховный богъ хананеевъ»[1]).

Указывая на это обстоятельство, критикъ старается именно доказать, что израильтяне, называя Бога Эломъ, не представляли себѣ никакого другаго божества, кромѣ того, которому поклонялись и другіе семиты. Но онъ могъ бы еще болѣе расширить это обобщеніе и сказать, что Элъ былъ даже Богомъ Іисуса Христа, который въ Своей смертельной агоніи вскричалъ на крестѣ: «Или-Или лама савахѳани»; что это былъ Богъ человѣческаго рода, потому что имя

1) Revue des deux mondes, февраль 1872 г., стр. 557.

Бога находится во всѣхъ человѣческихъ языкахъ, и Элъ не имѣетъ другаго значенія. Израильтяне были вынуждены называть Бога Эломъ одинаково съ халдеями и хананеями, потому, что они говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, и на ихъ языкѣ Богъ назывался Элъ, подобно тому, какъ и теперь христіанскіе народы, напр. романскаго племени, французы, итальянцы и испанцы, называютъ Бога однимъ и тѣмъ же словомъ Dieu, Dio и Dios, хотя это слово есть ни что иное, какъ Djaus, что по-санкритски значитъ «блестящій», то же, что Зевсъ, который по-гречески означаетъ Юпитеръ; потому что это имя и есть то общее названіе, которымъ, несмотря на его происхожденіе, идея Бога выражается въ одной вѣтви индо-европейскихъ языковъ. Нѣтъ употребленія Элъ, поэтому, отнюдь нельзя заключать о политеизмѣ евреевъ, какъ нельзя заключать изъ употребленія слова Deus о политеизмѣ новѣйшихъ романскихъ народовъ.

Всѣ аналогіи, напротивъ, заставляютъ насъ думать, что *Илу* первоначально означалъ по-ассирійски единаго Бога. Это слово въ клинообразныхъ надписяхъ употребляется какъ нарицательное имя. Боги называются *Илуи* и съ особенною выразительностью *Илани*. Собственному имени каждаго божества обыкновенно предшествовалъ въ качествѣ опредѣлительнаго идеографическій знакъ Илу; Небо, Меродахъ, Самасъ, Синъ, однимъ словомъ, всѣ боги ассирохалдейскаго пантеона суть Илу. Илу Небо есть надзиратель другихъ Илу; Илу Меродахъ есть величайшій изъ Илу; Илу Самасъ (Солнце) есть великій судія Илу; Илу Синъ (Луна) есть управитель Илу; богиня, госпожа боговъ, Белита есть мать Илу; жертвенники называются подножниками боговъ. Самъ Илу называется Абу-Или, то-есть отецъ боговъ. Если бы Илу не обозначалъ сначала единаго Бога, то онъ и не сдѣлался бы, такимъ образомъ, общимъ названіемъ для всѣхъ боговъ. Это названіе даже въ ассирійскомъ, какъ и въ еврейскомъ, не имѣетъ женской формы; по крайней мѣрѣ, она неизвѣстна. Богини называются «белитами», то-есть, госпожами, что само по себѣ уже показываетъ, что богини представляютъ произведеніе болѣе позднѣйшей эпохи, вслѣдствіе чего къ нимъ и прилагали уже существующую женскую форму Бела, что значитъ «господинъ»,—слово, которое вообще прилагалось къ богамъ и людямъ въ семитическихъ языкахъ, а не исключительно принадлежало божеству, какъ Илу.

Такимъ образомъ, общность названія Бога Элъ у израильтянъ

вмѣстѣ съ другими семитами отнюдь не доказываетъ того, что они представляли себѣ божество такимъ же, какъ и другіе языческіе народы. Напротивъ того, все показываетъ, что Элъ съ теченіемъ времени получилъ значеніе единственнаго Бога евреевъ. Это, напр., ясно изъ того, что Богъ у нихъ часто называется Богомъ ревнивымъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, Элъ такъ часто называется ревнивымъ? Священный текстъ вполнѣ разъясняетъ это: потому, что Онъ не допускалъ, чтобы рядомъ съ Нимъ избранный народъ боготворилъ другихъ боговъ: «Я, Господь Богъ твой, который вывелъ тебя изъ земли Египетской, изъ дома рабства. Да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ Моимъ; ибо Я Господь Богъ твой, Элъ-Канна, Богъ ревнитель» [1]). Возможно ли еще яснѣе выразить единство Бога? Другія качества, придаваемыя Элу, равнымъ образомъ имѣютъ своею цѣлью отличить Его отъ ложныхъ боговъ, которые въ семитическихъ языкахъ назывались также Элами. Когда Элъ не сопровождался какимъ-нибудь аттрибутомъ, то чтобы его не смѣшивали съ элимами идолопоклонниковъ, имени этому обыкновенно предшествуетъ опредѣленный членъ (Га-Элъ), чтобы показать, что здѣсь рѣчь идетъ о единомъ истинномъ Богѣ [2]).

Но потерпѣвъ неудачу въ этой аргументаціи, критика ищетъ опоры въ другомъ своеобразномъ библейскомъ выраженіи, именно Элогимъ, каковымъ именемъ Богъ чаще всего называется въ Библіи. Это названіе стоитъ во множественномъ числѣ и оно представляетъ собою то же слово, что и арамейское Алого, или столь хорошо извѣстное арабское слово Аллахъ. По мнѣнію знаменитыхъ гебраистовъ, каковы Гезеніусъ и Фюрстъ, Элогимъ есть лишь удлиненная форма, видъ особенно выразительной формы названія Элъ. Но несмотря на это, раціоналистическая критика съ особенною настойчивостью указываетъ на это выраженіе, какъ на доказательство, или, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе первобытнаго политеизма израильтянъ. Вотъ что, напр., говоритъ новѣйшій критикъ: «это имя божества, встрѣчающееся почти въ каждомъ стихѣ, именно Элогимъ, стоитъ въ множественномъ числѣ. Это, говорятъ, множественная форма для выраженія величія и превосходства,—пусть такъ. Извѣстно, что гдѣ только было возможно, позднѣйшіе редакторы священныхъ книгъ

---

[1]) Исх. XX, 2—5. Эти слова повторяются во Втор. V, 9. Та же идея выражается въ Исх. XXXIV, 14; Втор. IV, 24; VI, 15.

[2]) Быт. XXXI, 13; Втор. VII, 9 и проч.

ставили въ единственномъ числѣ слова, которыя сначала стояли въ множественномъ, но они не въ состояніи были настолько изгладить всякій слѣдъ политеизма, чтобы не осталось поразительныхъ слѣдовъ въ нѣкоторыхъ оборотахъ рѣчи, которые пережили разрушеніе древнихъ израильскихъ вѣрованій. Народные обороты рѣчи, самые вѣрные и подлинные памятники идей народа, не всегда поддавались благочестивымъ сомнѣніямъ книжниковъ [1]). Въ извѣстныхъ параллельныхъ мѣстахъ древнѣйшая редакція согласовала глаголъ съ Элогимъ, тогда какъ новѣйшая ставила его въ единственномъ. Дѣлалось еще даже больше этого. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, отъ которыхъ имѣется двоякая редакція, можно видѣть, какъ *ведѣ* на мѣсто Элогимъ подставлялось слово Іегова [2]). Въ книгахъ Пророковъ общимъ выраженіемъ для обозначенія божества служитъ уже исключительно Іегова. Слово Элогимъ весьма рѣдко встрѣчается въ этомъ смыслѣ, и оно употребляется только въ нѣкоторыхъ формулахъ или оборотахъ рѣчи, освященныхъ обычаемъ. Напротивъ, чѣмъ далѣе мы уходимъ по времени къ древнимъ памятникамъ еврейской литературы, тѣмъ чаще мы встрѣчаемъ употребленіе слова Элогимъ. Въ книгахъ Левитъ и Чиселъ, за исключеніемъ двѣнадцатой по двадцать четвертую главы, уже совершенно господствуетъ Іегова, между тѣмъ какъ въ Исходѣ документы элогистическіе и іеговистическіе почти уравновѣшиваются между собою, а въ книгѣ Бытія господствуютъ первые. По нашему мнѣнію, Элогимъ есть лишь множественное число отъ Элоахъ. Элогимъ, такимъ образомъ, указываетъ на нѣсколько элоаховъ. Элогимъ есть неопровержимое и очевидное для всѣхъ доказательство первоначальнаго многобожія сыновъ Израиля» [3]).

По нашему мнѣнію, Элогимъ есть также множественное число отъ единственнаго въ позднѣйшее время образовавшагося Элоахъ; но оно отнюдь не обозначаетъ собою нѣсколькихъ первоначальныхъ элоаховъ и нисколько не доказываетъ первоначальнаго политеизма сыновъ Израиля. Прежде всего замѣтимъ, что въ древнемъ еврейскомъ языкѣ слово «Элогимъ» употреблялось исключительно во

---

[1]) Быт. XX, 13; XXXV, 7; Исх. XXXII, 4, 8; Втор. V, 26; I. Нав. XXIV, 19. Ср. 1 Цар. XVII, 26; 2 Цар. VII, 23; 3 Цар. XIX, 2; Пс. LVIII, 12; Іерем. X, 10; XXIII, 36.

[2]) Пс. XIV и LIII.

[3]) Revue des deux mondes, pp. 583—584.

множественномъ. «Только уже гораздо позже, къ седьмому столѣтію», говоритъ Эвальдъ [1]), «поэты, всегда любившіе неологизмы, какъ Іовъ, Исаія, Аввакукъ и затѣмъ писатели, находившіеся подъ арамейскимъ вліяніемъ, какъ Даніилъ, Неемія, авторъ книгъ Паралипоменонъ, употребляли единственное Элоахъ». Такимъ образомъ, Элогимъ первоначально было однимъ изъ тѣхъ словъ, которыя не имѣютъ единственной формы, какъ это встрѣчается и во всѣхъ другихъ языкахъ. Но почему это? Послѣ многихъ вѣковъ трудно, конечно, проникнуть въ тайны образованія языковъ; но тѣмъ не менѣе, руководясь нѣкоторыми аналогіями еврейской грамматики, ученые утверждаютъ, и не безъ вѣроятія, что множественная форма Элогимъ усвоена была для обозначенія того, что Богъ заключалъ въ себѣ сумму всѣхъ совершенствъ. Это мнѣніе въ своей сущности принимается учеными, которые пользуются большимъ авторитетомъ даже въ лагерѣ раціоналистовъ, напр., Фюрстомъ. «Древнее употребленіе множественнаго Элогимъ для обозначенія Бога», говоритъ Фюрстъ, «встрѣчается чрезвычайно часто, потому что древность смотрѣла на божество, какъ на собраніе безконечныхъ силъ» [2]). Замѣчательно, что въ эѳіопскомъ языкѣ, имѣющемъ два вида множественной формы, одинъ для собирательныхъ именъ, другой для обыкновенныхъ существительныхъ, къ имени Бога прилагается форма множественнаго собирательнаго (*амлакъ*). Въ еврейскомъ языкѣ часто употребляется множественная форма вмѣсто единственной для выраженія единичныхъ предметовъ, но неопредѣленныхъ, состоящихъ изъ цѣлаго ряда элементовъ и нѣкоторымъ образомъ неосязаемыхъ, какъ жизнь, юность, старость [3]). Элогимъ, несмотря на множественное число, тѣмъ не менѣе, остается единымъ названіемъ Бога, и оно означаетъ то же, что и Адонаи, Шаддаи и проч. Эти обороты на первый разъ удивляютъ насъ, но они отнюдь не будутъ удивительны, если мы обратимъ вниманіе на то, что совершенно подобные же обороты существуютъ и въ новѣйшихъ языкахъ. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на употребленіе формъ множественнаго числа, напримѣръ, «вы», «они»

---

[1]) Единственная форма Элоахъ въ дѣйствительности болѣе древня, потому что мы встрѣчаемъ ее два раза въ поэзіи, въ пѣснѣ Моисея: Втор. XXXII, 15, 17.

[2]) Fürst, Hebräisches Handwörterbuch, 2 изд. 1863 г., т. I, стр. 88.

[3]) Haïm, nehurim, zequenim. См. Gesenius, Lehrgebäude, § 124, стр. 535.

при обращеніи къ одному лицу. Для древняго израильтянина такой оборотъ показался бы даже болѣе изумительнымъ, чѣмъ намъ кажется употребленіе ими имени единичнаго Бога во множественномъ числѣ. Но изъ подобнаго употребленія мѣстоименій никакая критика не станетъ выводить, что то лицо, къ которому дѣлается такое обращеніе, есть не единичное лицо, а множественное. Также незаконенъ и выводъ изъ слова Элогимъ, касательно множественности боговъ у древнихъ израильтянъ.

Но и помимо этихъ ясныхъ доводовъ, въ Библіи имѣется доказательство, которое рѣшительнымъ образомъ разрушаетъ все ложное построеніе раціоналистической критики касательно политеизма израильтянъ. Мнѣніе это всецѣло основывается на предположеніи, что слово Элогимъ первоначально было дѣйствительно множественной формой, всегда согласуемой съ глаголами во множественномъ числѣ, и что вслѣдствіе этого оно не могло употребляться для обозначенія единственнаго лица. Только позднѣе, будто бы въ интересахъ единобожія, ему придали значеніе единственнаго числа, и чрезъ измѣненіе въ числѣ глаголовъ старались изгладить слѣды древняго политеизма. Все это построеніе рушится въ самой своей основѣ, если окажется возможнымъ безспорными цитатами доказать, что во всѣ эпохи слово Элогимъ употреблялось для обозначенія единичнаго существа, и нѣтъ ничего легче этого. Во всѣхъ книгахъ Ветхаго Завѣта, къ какой бы эпохѣ онѣ ни относились, встрѣчаются мѣста, которыя, по самой своей сущности, не могли подвергаться какому-нибудь измѣненію и гдѣ слово Элогимъ прилагается къ единичному существительному. «Іегова есть мой Элъ, Элогимъ моего отца», пѣлъ избранный народъ по переходѣ Чермнаго моря. Во множествѣ подобныхъ же мѣстъ Іегова, имя несомнѣнно единственное, равнымъ образомъ называется и Элогимомъ. Даже Ваалъ, Астарта, Дагонъ, Веельзевулъ каждое отдѣльно называются каже Элогимомъ [1]).

Потерпѣвъ неудачу съ словомъ Элогимъ, раціоналистическая критика переходитъ къ доказательству своей излюбленной мысли, пользуясь самымъ словомъ Іегова, которое, по ея мнѣнію, есть позднѣйшаго происхожденія, но въ то же время носитъ на себѣ слѣды древняго идолопоклонства, такъ какъ Іегова означаетъ—Бога свѣта

[1]) Исх. XV, 2. См. Быт. XVII, 7; Втор. IV, 39; 3 Цар. XVIII, 21; Іуд. I, 31 и проч.

и огня. «Когда потомки Ѳарры», говоритъ критикъ, «оставили Халдею и перешли на другую сторону Евфрата, то они, между другими богами, поклонялись и Богу Іаве (Іеговѣ). Теперь доказано, что во время выхода изъ Египта, въ пустынѣ и даже въ эпоху судей, свѣтъ и огонь были для израильтянъ не символами божества, но самимъ божествомъ. Іаве—Богъ свѣта и огня—есть не что иное, какъ солнце, почитаемое подобно Молоху. Какъ Молохъ, Іаве изображался подъ видомъ молодого тельца изъ металла—мѣди, желѣза и золота»[2]). Заявленіе это отличается такою рѣшительностью, что приходится почти вѣрить на слово критику, особенно когда онъ говоритъ, что «теперь доказано». Въ дѣйствительности же наука отнюдь не доказала, что Іегова есть солнце. Критикъ, повидимому, желаетъ установить это положеніе при помощи одного греческаго оракула Аполлона Кларскаго, подлинность котораго онъ признаетъ вслѣдъ за Моверсомъ, хотя многіе ученые, вслѣдъ за Яблонскимъ и Гезеніусомъ, продолжаютъ приписывать этого оракула іудействующему гностику. Аполлонъ именно заявляетъ, что «Іао есть величайшій изъ боговъ, Адъ зимою, Зевсъ весною, Солнце лѣтомъ и нѣжный Іао осенью». Эпитетъ пріятнаго и нѣжнаго, придаваемый здѣсь Іао, ясно показываетъ, что дѣло идетъ объ Адонисѣ. Такъ, въ Финикіи Іао считался источникомъ жизни, оживляющимъ всю природу. Іао есть солнце. Намъ нѣтъ надобности настаивать на томъ, что не у финикіянъ, еще менѣе у грековъ Малой Азіи въ началѣ нашей эры нужно доискиваться того, что такое былъ Іегова евреевъ во времена Авраама и Моисея. Этотъ оракулъ, если бы онъ основательно доказывалъ, что Іегова есть солнце во время одной четверти года, подобнымъ же образомъ доказалъ бы, что онъ есть Плутонъ и Юпитеръ во время зимы и весны. Если же мы спросимъ самихъ израильтянъ, то они отвѣтятъ намъ, что Іегова не есть солнце, но Творецъ солнца, и что Онъ отличенъ отъ него, какъ дѣлатель отъ своего дѣла, и имъ запрещено было, подъ страхомъ побіенія камнями, «поклоняться солнцу или лунѣ, или всему воинству небесному, такъ какъ Господь (Іегова), Богъ ихъ, удѣлилъ эти свѣтила всѣмъ народамъ, подъ всѣмъ небомъ»[1]). Они разскажутъ

[2]) Revue des deux mondes, pp. 580, 581. Не лишне замѣтить, впрочемъ, что самъ Сури въ своихъ Etudes historiques сознался въ ложности уподобленія Іеговы Молоху. Именно онъ говоритъ на стр. 28: «Іаве не болѣе есть Богъ египетскій, какъ онъ не есть и Молохъ. Я разумѣю бога огня или солнца, по крайней мѣрѣ, при его происхожденіи».

[1]) Втор. XVII, 3—5; IV, 19.

намъ, какъ они воспѣвали вмѣстѣ съ своимъ псалмопѣвцемъ: «аллилуія, хвалите Господа небесъ, хвалите Его въ вышнихъ, хвалите Его солнце и луна, хвалите Его всѣ звѣзды свѣта» [1]). Священныя книги говорятъ намъ нерѣдко объ идолопоклонническомъ культѣ, воздаваемомъ солнцу невѣрующими израильтянами; но предметъ ихъ святотатственнаго поклоненія называется Семесъ, а не Іегова [2]). Въ Библіи рѣшительно нѣтъ ничего такого, что бы давало право на отождествленіе Іеговы съ солнцемъ. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Библіи, напр., говорится, что Господь есть огонь поѣдающій, и Ему приносились различныя жертвы, въ принесеніи которыхъ огонь дѣйствительно имѣлъ первенствующее значеніе, въ особенности въ жертвахъ всесожженія. Но это обстоятельство отнюдь не даетъ никакого права на дѣлаемое критикою заключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, христіане также въ своихъ храмахъ возжигаютъ огонь предъ лицомъ изображеній Бога, Спасителя и святыхъ, имѣютъ своего рода неугасимыя лампады, и однако же никто отсюда не думаетъ и не имѣетъ права заключать, что предметъ боготворенія христіанъ есть солнце или огонь.

Изъ всего сказаннаго ясно слѣдуетъ, что Эль, Элогимъ и Іегова, суть только различныя имена, обозначающія одного и того же Бога, какъ и въ нашемъ языкѣ для обозначенія Бога существуютъ различныя названія—Господь, Всевышній, Всемогущій, Превѣчный, Владыка и т. д. Чтобы установить, что каждое изъ этихъ словъ выражаетъ въ Библіи отдѣльное божество, нужно бы доказать, что каждое изъ нихъ представляетъ собою существо отличное по свойственнымъ ему аттрибутамъ, по особымъ функціямъ и особымъ культамъ. У языческихъ семитовъ, каждый богъ имѣлъ особый для себя храмъ и особыхъ жрецовъ; въ каждомъ городѣ былъ особый богъ. Сами евреи, когда они предавались идолопоклонству, также имѣли для своихъ идоловъ особые храмы и особыхъ жрецовъ, которыхъ авторъ книги Царствъ для выраженія своего презрѣнія и съ цѣлью не осквернять священнаго названія *когенимъ*, то-есть, священниковъ истиннаго Бога, называетъ арамейскимъ словомъ *кемаримъ*. Если Эль, Элогимъ и Іегова, по мнѣнію раціоналистической критики, были различные боги, то пусть намъ покажутъ, гдѣ же былъ храмъ Элавъ, отличіе отъ храма Элогима или отъ храма Іеговы; какіе были

---

1) Пс. CXLVIII, 1, 3.
2) Іезек. VIII, 16; 4 Цар. XXIII, 11.

священники, служившіе культу каждаго изъ нихъ, и въ чемъ состояли отличительные обряды каждаго изъ этихъ культовъ; какой городъ Палестины боготворилъ Эла или Элогима и какой поклонялся Іеговѣ. Вопросъ этотъ весьма важный, но критика и не пыталась даже подвергнуть его разсмотрѣнію. Во всѣхъ миѳологіяхъ боги отличаются одни отъ другихъ именно этими своими внѣшними особенностями, равно какъ и своими генеалогическими отношеніями и различными свойствами. Почему же нѣтъ ничего подобнаго въ Библіи? Какимъ образомъ даже плодовитому воображенію раціоналистовъ не удалось открыть во всемъ св. Писаніи какихъ-либо слѣдовъ генеалогическихъ отношеній, никакой особенной черты, отличающей Эла отъ Элогима или Іеговы, какъ, напр., отличаются Юпитеръ отъ Юноны, Аполлонъ отъ Меркурія, Небо отъ Мелитты, Ваалъ отъ Астарты? Причина этого ясна, и она заключается въ томъ, что у насъ имѣется миѳологія ассирійская и хананейская, но нѣтъ никакой миѳологіи еврейской.

Достаточно одной клинообразной надписи для того, чтобы узнать, какими свойствами отличались между собою отдѣльные боги Ниневіи. Такъ, на скульптурныхъ волахъ Хорсабада мы читаемъ: «Самасъ (Солнце) даетъ мнѣ удачу въ моихъ намѣреніяхъ; Бинъ приноситъ мнѣ изобиліе; Белъ-Элъ полагаетъ основу моего города; Милитта-Татъ растираетъ на своей груди масти; Ганнесъ содѣйствуетъ трудамъ моей руки; Истара водитъ людей въ битву; Салманъ руководитъ браками; владычица боговъ (Белита) помогаетъ роженицамъ...; Ассуръ удлиняетъ годы царей, которыхъ онъ поставилъ, защищаетъ войска городскихъ стѣнъ; Нинипъ, который заложилъ первый каменъ, укрѣпляетъ стѣны до отдаленнѣйшихъ временъ»[1]). Вотъ сколько отдѣльныхъ боговъ съ совершенно различными свойствами мы находимъ въ десяти строкахъ клинообразныхъ надписей, и въ то же время нѣтъ ничего подобнаго во всей Библіи. Въ библіотекѣ Ассурбанипала открыты безчисленные миѳологическіе фрагменты, генеалогіи боговъ, плитки, гдѣ перечисляются божества, боготворимыя въ каждомъ городѣ Ассиріи и Вавилоніи. Ничего подобнаго нѣтъ во всемъ собраніи священныхъ книгъ; тамъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ миѳологической генеалогіи. Въ еврейскомъ языкѣ даже не было особаго слова для обозначенія богини, такъ

1) Oppert, Inscriptions de Dour-Sarkayan, pp. 10. 111.

что евреи богиню Астарту должны были называть также Элогимомъ. Въ священныхъ книгахъ нѣтъ ни одной такой божественной черты, которая бы не прилагалась безразлично къ Элогиму или Іеговѣ. Гебраисты, желавшіе во что бы то ни стало открыть хотя тѣнь различія въ употребленіи этихъ двухъ синонимовъ, съ большимъ трудомъ, при самомъ тщательномъ и тонкомъ анализѣ, могли только заявить, что Богъ называется Элогимомъ, когда священный текстъ изображаетъ Его въ качествѣ Бога вселенной вообще, и называется Іеговой, когда Онъ разсматривается какъ Богъ Израилевъ въ особенности, и несмотря на это, они были вынуждены сознаться, что и это общее правило, въ сущности ничего не говорящее въ пользу раціонализма, терпитъ многочисленныя исключенія [1]). «Элогимъ и Іегова», говоритъ раціоналистъ Фюрстъ, «безразлично употребляется одно вмѣсто другого, какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзіи, безъ какого бы то ни было различія въ смыслѣ» [2]). Достаточно открыть Библію, чтобы убѣдиться въ этомъ. «Знай», говоритъ Моисей своему народу, «что Господь (Іегова), Богъ твой (Элогимъ), есть Богъ (Элогимъ), Богъ вѣрный (Элъ)» [3]). «Богъ боговъ Господь» (Элъ, Элогимъ, Іегова), говорятъ сыны Рувима, Гада и полуколѣна Манассіина (дважды повторяя «Элъ, Элогимъ, Іегова»), Онъ знаетъ (знаетъ въ единственномъ числѣ), и Израиль да знаетъ»—каковою формулой они торжественно подтверждали истинность своей клятвы» [4]). Послѣ этого нельзя уже и желать болѣе рѣшительнаго доказательства тождественности этихъ трехъ божественныхъ именъ во время исхода изъ Египта, такъ какъ выраженіе это находится въ одной изъ древнѣйшихъ книгъ Библіи. Подобныхъ цитатъ можно бы привести множество. Но чтобы закончить этотъ вопросъ, мы приведемъ слѣдующія прекрасныя мѣста изъ псалмопѣвца:

«Храни меня, Боже (Элъ), ибо я на Тебя уповаю.
Я сказалъ Господу (Іеговѣ): Ты Господь мой (Адонаи).
Пойду я къ жертвеннику Божію (Элогима), къ Богу (Элъ)
радости и веселія моего
И на гусляхъ буду славить Тебя, Боже, Боже мой (Элогимъ,
Элогимъ мой).
Возстань, Господи (Іегова), Боже мой (Элъ),

---

[1]) См. Kurtz, Geschichte der alten Bundes, т. I, стр. 18 и слѣд.
[2]) Fürst, Hebräisches Handwörterbuch, 2 изд. т. I, стр. 88.
[3]) Втор. VII, 9. Іегова называется болѣе 200 разъ въ Второзаконіи Элогимомъ Израиля.
[4]) I. Нав. XXII, 22. То же самое выраженіе находится въ Пс. IV, 1

Вознеси руку Твою, не забудь угнетенныхъ Твоихъ до конца.
Зачѣмъ нечестивый пренебрегаетъ Бога (Элогимъ),
Говоря въ сердцѣ своемъ: Ты не взыщешь?» [1]).

Несмотря на столь ясныя доказательства первобытнаго существованія единобожія среди избраннаго народа, — единобожія, которое нашло столь торжественное провозглашеніе въ Синайскомъ законодательствѣ, раціоналистическая критика продолжаетъ отстаивать свое положеніе касательно первоначальнаго политеизма евреевъ, и для подтвержденія своей мысли приводитъ различныя доказательства въ пользу того, что монотеизмъ имѣетъ позднѣйшее происхожденіе и есть лишь нововведеніе пророковъ. Таково, именно, мнѣніе большинства новѣйшихъ раціоналистовъ. Извѣстный голландскій ученый Тиле, вполнѣ считая доказаннымъ положеніе, что израильтяне первоначально были политеистами, говоритъ: «между тѣмъ, благодаря, особенно, дѣятельности пророческихъ школъ, строгій іавизмъ (то-есть, религія Іеговы) несознательно и незамѣтно усвоилъ нѣсколько элементовъ туземной религіи (ханаанской) и привелъ ихъ въ согласіе съ своимъ духомъ и съ своими желаніями. Это особенно замѣтно въ космогоніи, въ разсказахъ касательно рая, потопа и др. Такимъ образомъ, образъ страшнаго Бога пустыни Іаве мало-помалу началъ заимствовать различныя черты у благодѣтельнаго Ваала, бога благословенія и изобилія. Такимъ-то путемъ идея перваго, не теряя своего первоначальнаго характера, замѣтно смягчилась. Съ этого времени не было никакой надобности дополнять принадлежащій ему культъ еще боготвореніемъ ханаанскаго бога земледѣлія. Іаве теперь достаточно походилъ на Ваала, чтобы онъ одинъ могъ удовлетворять потребностямъ цивилизованнаго и осѣдлаго населенія». Тѣмъ, что сказано въ предыдущей главѣ, уже напередъ было доказано, сколько ложнаго заключается въ подобныхъ положеніяхъ. Пророкамъ нечего было создавать монотеизма, когда онъ существовалъ уже раньше ихъ. Мы не будемъ возвращаться къ этому факту, который уже ранѣе доказанъ, и ограничимся только замѣчаніемъ, что вѣра въ единство Божіе настолько мало есть произведеніе пророковъ, что всѣ тексты, которые уже приведены выше для доказательства вѣры израильскаго народа въ единаго Бога, извлечены не изъ пророческихъ книгъ, но изъ историческихъ, большая часть кото-

---

[1]) Пс. XV, 1, 2; XLII, 4; IX, 33, 34.
[2]) Tiele, Manuel de l'histoire des religions, pp. 88—87, № 54.

рыхъ древнѣе эпохи царей и пророковъ. Такъ произвольны и противны всякой истинѣ измышленія невѣрующаго раціонализма! Не менѣе ложно изображать Ваала, какъ благодѣтельнаго бога, въ противоположность съ Іеговой, изображаемымъ чертами какого-то страшнаго Бога. Ваалъ былъ богъ, котораго жрецы его почитали нанесеніемъ себѣ кровавыхъ ранъ и принесеніемъ ему человѣческихъ жертвъ[1]). Что же касается истиннаго Бога, то нужно ли даже напоминать, что одно изъ свойствъ Его есть справедливость, а другое—милосердіе[2]). Какимъ образомъ можно изображать Іегову исключительно, какъ страшнаго Бога, когда священный текстъ сто разъ изображаетъ Его избавителемъ Своего народа отъ рабства египетскаго, ведущимъ его въ благодатную и счастливую, текущую молокомъ и медомъ землю, любящимъ Своихъ дѣтей и требующимъ отъ нихъ любви, носящимъ ихъ на крыльяхъ, подобно тому, какъ орелъ носитъ своихъ дѣтей? Не есть ли Богъ, сотворившій небо и землю, благословившій потомъ труды рукъ Своихъ,—Богъ изобилія и благословенія! Какимъ же образомъ можно приписывать эти свойства Ваалу и отнимать ихъ у истиннаго Бога? Ни одно языческое божество, какимъ бы именемъ оно ни называлось, никогда не понималось его боготворителями въ качествѣ отца, исполненнаго любви и нѣжности къ людямъ; одни только израильтяне почитали Іегову, какъ своего Творца въ самомъ строгомъ смыслѣ слова; только они одни считали себя истинными тварями, созданными по Его образу и подобію. Наконецъ, не менѣе ложно и то, что израильтяне приписали своему Богу характеръ Ваала и что таково, будто бы, было происхожденіе монотеизма. Сыны Іакова такъ далеки были отъ отождествленія ханаанскаго бога съ своимъ собственнымъ Богомъ, что въ то время, къ которому относятъ это слiяніе, исторія намъ показываетъ ихъ невѣрными Іеговѣ, измѣнивъ которому, они совершали идолослуженіе Ваалу. Даже Тиле вынуждается признать это, несмотря на то противорѣчіе, въ которое онъ впадаетъ при этомъ. «Это постепенное видоизмѣненіе идея божества», говоритъ онъ, «открыло путь реформаторской дѣятельности великихъ пророковъ, которые, начиная съ восьмого столѣтія до Р. Хр., начали настаивать на исключительномъ поклоненіи Іеговѣ. Для достиженія этой цѣли, они возставали не только противъ бога

---

[1]) 3 Цар. XVIII, 26—28; Іерем. XIX, 5.
[2]) Исх. XX, 6 и проч.; см. Исх. II, 22, и проч.

огня, называемаго обыкновенно израильтянами только Молохомъ, которому въ ассирійскій періодъ, несомнѣнно по примѣру своихъ сосѣдей, они приносили въ жертву своихъ дѣтей и вообще людей, но также противъ почестей, воздаваемыхъ туземному Ваалу, и даже противъ положительно національнаго культа солнца, луны и звѣздъ, которому многіе израильтяне еще оставались вѣрными».[1]). Судя по этому мѣсту, Богъ израильскій, очевидно, не болѣе смѣшивался съ Вааломъ, какъ и съ Молохомъ, солнцемъ, луной и звѣздами, которымъ идолопоклонническіе израильтяне во время періода царей, какъ и раньше, часто совершали святотатственное служеніе. Слѣдовательно, сочетаніе между ложнымъ и истиннымъ Богомъ совершенно воображаемое. Въ этомъ отчасти неохотно сознается и Тиле, говоря, что послѣ плѣна іудеи не поклонялись болѣе ни Ваалу, ни Молоху. Впрочемъ, не въ эту эпоху, по нему, монотеизмъ сдѣлался окончательно установившейся религіей Израильскаго народа. «Пророки,—говоритъ онъ,—не были только учителями своего народа, но также и истолкователями того, что происходило въ глубинѣ души народа. Монотеизмъ, бывшій послѣднимъ и самымъ своеобразнымъ плодомъ пророческой проповѣди, до плѣна Вавилонскаго возросталъ медленно и всегда оставался безусловно національнымъ. Изъ понятія верховенства Іеговы надъ другими богами страны произошла идея Его безусловнаго владычества надъ Израилемъ. Первые пророки преобразованнаго мозаизма не сходили замѣтно съ этой точки зрѣнія. Даже книга Второзаконія, написанная въ ихъ духѣ, еще приписываетъ каждому народу своего особаго бога, между тѣмъ, какъ Всемогущаго Израиль взялъ себѣ. Іеремія первый и послѣ него вавилонскій Исаія, еще съ большею энергіею и вдохновеніемъ, выражаютъ мысль, что Іаве есть Богъ вѣчный, рядомъ съ которымъ нѣтъ другихъ и въ сравненіи съ которымъ другіе боги суть не что иное, какъ суета» [2]).

Такимъ образомъ, по Тиле и принадлежащимъ къ той же самой школѣ ученымъ, Іегова сначала былъ національнымъ Богомъ, существовавшимъ рядомъ съ чужими богами. Мало-по-малу, благодаря пророкамъ, этотъ національный Богъ выступилъ на первый планъ; всѣ другіе боги считались ниже Его по могуществу, пока при даль-

---

1) Tiele, Manuel, стр. 87, 88.
2) Tiele, Manuel, прим. 56, стр. 88, 89.

нѣйшемъ развитіи, совершенномъ послѣдними пророками, они не низведены были и не свергнуты съ своихъ алтарей; и только тогда Іегова былъ провозглашенъ единымъ Богомъ, и всѣ другіе пали въ ничтожествѣ предъ нимъ. Между тѣмъ, даже и послѣ такого рѣшительнаго шага, понятіе о божествѣ еще не достигло всего своего развитія. «Пантеистическій монотеизмъ арійцевъ, который считаетъ всѣ божества простыми именами единаго, безконечнаго, обнимающаго все, оставался имъ чуждымъ, продолжаетъ Тиле; и даже знаменитѣйшій изъ нихъ не могъ подняться до универсальнаго монотеизма Евангелія, который всецѣло разрушилъ предѣлы національности въ религіи. Великое значеніе проповѣди заключается въ ихъ нравственномъ характерѣ и въ чистой, возвышенной идеѣ, которую они давали касательно своего Іаве. Но даже и это понятіе о божествѣ еще не полно, и ихъ универсализмъ остается не чуждымъ партикуляризма. То, что они противополагали религіямъ чужихъ народовъ, не было еще религіей универсальной, а только ихъ собственной національной религіей, и они ожидали, что всѣ обратятся къ ней и признаютъ единое верховенство ихъ національнаго Бога». На это нужно сказать, что, по пророкамъ, всѣ народы признаютъ не просто верховенство Іеговы, а Его Божественное единство. Они будутъ почитать его не какъ національнаго Бога іудеевъ, а какъ единственнаго Бога, Творца неба и земли. Христіанство нисколько не измѣнило характера Божества, которому воздавалъ поклоненіе народъ Авраамовъ; Іисусъ Христосъ открылъ намъ истины, которыхъ мы не знали, но и Онъ Самъ сказалъ, что Онъ пришелъ не нарушить законъ или пророковъ, а исполнить ихъ (Матѳ. V, 17). То же и пророки являлись отнюдь не для того, чтобы измѣнять понятіе своихъ предковъ касательно Іеговы. Они отнюдь не создавали благодѣтельнаго Бога по образу Ваала и не приписали національному божеству верховенства, котораго, будто бы, не знали ихъ предки. Для того, чтобы обосновать эти ложныя положенія, Тиле переворачиваетъ всю хронологію еврейской литературы: онъ относитъ, согласно съ раціоналистическою школою, составленіе Второзаконія къ весьма позднему времени; вторую часть Исаіи приписываетъ пророку, жившему во время Вавилонскаго плѣна; но, несмотря на всѣ эти анахронизмы, онъ можетъ дѣлать свои выводы только тогда, когда совершенно не обращаетъ никакого вниманія на стоящіе ему на пути факты. Чтобы ниспровергнуть враговъ Библіи, достаточно привести хотя

одно мѣсто изъ пророковъ, гдѣ формально выражаются приписываемыя имъ идеи. Священные писатели никогда не выдаютъ свое богословіе за совершенно новое; напротивъ, они постоянно заявляютъ, что то, что они проповѣдуютъ, есть вѣра въ Бога ихъ отцевъ, въ Бога Іакова, какъ называетъ Его Исаія въ своей второй главѣ, подлинность которой никто не оспариваетъ; какъ называетъ Его Михей, современникъ Исаіи, и такъ называютъ Его псалмопѣвцы [1]). Пророки не только не думаютъ вводить чего-либо новаго, а напротивъ, хотятъ сохранить старую религію. У израильтянъ были, какъ истинные, такъ и ложные пророки; тѣ и другіе постоянно находились въ борьбѣ между собою; ихъ споры всегда касаются возвѣщаемыхъ ими событій или ложныхъ божествъ, которыя, будто бы, вдохновляли ихъ; и въ то же время у нихъ никогда не было споровъ о сущности истиннаго Бога или о способѣ Его пониманія.

Правда, что пророки иногда называютъ ложныхъ боговъ богами народовъ и Іегову называютъ своимъ Богомъ, Богомъ Израиля. Но предполагать отсюда, что израильтяне и сами пророки считали Іегову лишь національнымъ Богомъ, значитъ злоупотреблять этими выраженіями и придавать имъ смыслъ, котораго они въ дѣйствительности не имѣютъ. Развѣ теперь Богъ для насъ есть Богъ отдѣльный и національный, рядомъ съ которымъ существуютъ другіе боги, лишь на томъ основаніи, что мы взываемъ къ Нему, какъ къ *нашему* Богу, и говоримъ о богахъ язычниковъ, грековъ и римлянъ? Мы, конечно, отнюдь не думаемъ этимъ самымъ приписывать Юпитеру или Аполлону хотя бы малѣйшаго божественнаго характера и просто лишь собразуемся въ своей рѣчи съ обыденностью. Израильтяне дѣлали совершенно то же самое: они давали Ваалу названіе бога хананскаго, потому что хананеи считали его такимъ; они называли Іегову Богомъ Израильскимъ, потому что Израиль Его только и почиталъ Богомъ. Слѣдовательно, нѣтъ ни малѣйшаго права относить ихъ къ политеистамъ, какъ нѣтъ ни малѣйшаго права считать политеистами и насъ самихъ, хотя мы употребляемъ совершенно подобные же обороты рѣчи.

Когда священныя книги, не съ точки зрѣнія относительной и исторической, а съ точки зрѣнія безусловной и метафизической, го-

---

[1]) Ис. II, 3; Мих. IV, 2; Пс. XVIII, 2; XXII, 6; XLIV, 8; LXXIII, 10; LXXIII, 2 и проч.

ворятъ о томъ, что такое Богъ, онѣ выражаются совершенно инымъ образомъ; онѣ изображаютъ Его не только какъ достопокланяемаго Владыку Израиля, но какъ верховнаго Владыку неба и земли. Онъ, именно, сотворилъ все существующее, и, слѣдовательно, нѣтъ ничего божественнаго, кромѣ Его, и идолы, которыхъ заблудшіе люди почитаютъ за божества, суть не что иное, какъ тіари. Первая строка Библіи есть превосходное исповѣданіе вѣры монотеиста и составляетъ ключъ къ св. Писанію. Она не выражаетъ этой великой истины какимъ-либо отвлеченнымъ образомъ, но возвѣщая ее въ самыхъ простыхъ и опредѣленныхъ словахъ, дѣлаетъ это основное ученіе доступнымъ разумѣнію всѣхъ: «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю». Этимъ сказано все; никакой философъ, древній народъ или даже новый не изобрѣлъ формулъ и выраженій, которыя были бы равны этимъ. Тутъ отрицается существованіе всякаго второстепеннаго бога на ряду съ Тѣмъ, который одинъ, безъ всякой посторонней помощи, единымъ словомъ, т.-е. Своею волею создалъ все существующее. Такимъ образомъ, уже первый стихъ Библіи провозглашаетъ вѣру въ единаго Бога, и все, что противъ этого выставляютъ раціоналисты, не можетъ выстоять противъ священныхъ текстовъ. Нужно замѣтить, кромѣ того, что раціоналисты нисколько не объясняютъ въ своей системѣ происхожденія вѣры въ единаго Бога. Извѣстно, откуда происходитъ она. Она имѣетъ свой особый характеръ, отнюдь не похожа на пантеистическій монотеизмъ арійцевъ, и, несмотря на это, раціоналистическая критика не указываетъ никакой удовлетворительной причины для объясненія всѣхъ этихъ явленій. Все, что можетъ сказать въ этомъ отношеніи критика, заключается въ томъ, что въ VIII столѣтіи до нашей эры вдругъ является приписываемый Моисею законъ, который вмѣсто того, чтобы быть древнѣе пророковъ, оказывается ихъ дѣломъ или позже ихъ, и весь народъ принимаетъ этотъ вымыселъ. «Это пророческое движеніе», говоритъ раціонализмъ устами Тиле, «дало рожденіе религіозной сектѣ или подзаконной религіи, основы которой уже были заложены до плѣна Вавилонскаго закономъ, состряпаннымъ въ царствованіе Іосіи, во время и послѣ плѣна Іезекіилемъ и священниками-законодателями, и которая была организована, главнымъ образомъ, Ездрою, въ видѣ священническаго государства. Изъ мозаизма пророковъ и вышло іудейство» [1]).

[1]) Tiele, Manuel, прим. 57, стр. 90.

Въ отвѣтъ на это достаточно привести слова новѣйшаго богослова, тщательно изучившаго теоріи новѣйшей раціоналистической школы. «Изслѣдуемъ», говоритъ аббатъ Брольи, «новую исторію Израиля, резюмируемую въ такой формулѣ: пророки суть авторы религіи Израиля, законъ явился послѣ пророковъ. Въ чемъ состоитъ сущность этой теоріи? Она предполагаетъ, что до пророковъ не было религіознаго закона. Въ такомъ случаѣ, неимѣя закона, народъ израильскій долженъ былъ слѣдовать обычаямъ сосѣднихъ народовъ и долженъ бы быть языческимъ... Въ этой языческой странѣ вдругъ являются, неизвѣстно почему, пророки, провозглашающіе самый чистый и самый возвышенный монотеизмъ. Еще болѣе странно то, что этихъ пророковъ, говорящихъ отъ имени единаго Бога, Іеговы, и провозглашающихъ Его Творцомъ міра, слушаетъ этотъ языческій народъ и почитаетъ ихъ особыми выразителями божественной воли. Ученіе этихъ пророковъ имѣетъ, кромѣ того, весьма поразительный характеръ,—оно догматическое и нравственное и никогда не имѣетъ литургическаго характера: они считаютъ благоугоднымъ Всевышнему не обряды, а расположеніе сердца. Такъ, именно, выходитъ изъ ихъ подлинныхъ сочиненій, и это не отрицается даже писателями разсматриваемой школы. Но вотъ во времена Езекіи оказывается новое чудо. Изъ нѣдръ этой первобытной основы языческой религіи, на которую слоемъ легло нравственное, а не литургическое ученіе пророковъ, возникаетъ новый культъ,—самый узкій литургическій монотеизмъ, который характеризуется отсутствіемъ всякаго изображенія и единствомъ своего святилища. Эта система состоитъ, такимъ образомъ, изъ двоякаго самопроизвольнаго произведенія: произведенія монотеистическихъ пророковъ среди языческаго народа, и произведенія литургистовъ, вышедшихъ изъ пророческой школы, въ которой литургическое ученіе не имѣло никакого значенія. Если сравнить эту ново-изобрѣтенную въ Германіи исторію съ нашей старой библейской исторіей, съ той, которая допускаетъ, что единобожіе и богослуженіе, съ исключеніемъ изображеній, обѣ происходятъ отъ Моисея; что пророки и священники изъ колѣна Ааронова составляютъ два ряда представителей одного и того же ученія той же вѣры въ единаго Бога, и что объединенная дѣятельность этихъ двухъ классовъ дѣятелей, разобщенныхъ отчасти во время раздѣленія Израильскаго народа, и произвела, именно, религіозную реформу Езекіи, то всякій здравомыслящій и добросовѣстный человѣкъ

несомнѣнно скажетъ, что правдоподобіе находится на сторонѣ именно старой исторіи, т.-е., на сторонѣ той, за которую говорятъ преданіе и писанные памятники. Что же, такимъ образомъ, остается въ пользу противоположнаго мнѣнія? Рѣшительно ничего, кромѣ одного: именно, авторитета нѣсколькихъ новѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Но въ нашихъ глазахъ этотъ авторитетъ не имѣетъ никакого значенія въ настоящемъ случаѣ—прежде всего потому, что вопросъ объ относительной древности закона Моисея и пророковъ касается столь великихъ и очевидныхъ фактовъ, что здѣсь скорѣе нужно руководиться здравымъ смысломъ, чѣмъ мелочною эрудиціею, и во-вторыхъ потому, что на библейской почвѣ раціоналистическіе критики мало заслуживаютъ вѣры, такъ какъ всякое соприкосновеніе съ сверхъестественными предметами производитъ у нихъ нѣчто въ родѣ головокруженія, проявляющагося въ столь неразумныхъ гипотезахъ, что ихъ никогда бы никто не принялъ, если бы дѣло шло о простой гражданской исторіи» [1]).

ГЛАВА XLIX.

Человѣческія жертвы и кедешимы.

Раціонализмъ, не ограничиваясь низведеніемъ общаго религіознаго воззрѣнія избраннаго народа на уровень языческихъ религій, старается отыскивать въ Библіи и отдѣльные слѣды древняго язычества съ его наиболѣе характеристическими установленіями. И этотъ раціонализмъ, къ сожалѣнію, проникаетъ уже и на страницы общихъ курсовъ исторіи. Такъ, въ извѣстной «Исторіи древняго міра» Макса Дункера мы читаемъ: «мы знаемъ, что Іегова былъ призываемъ на высотахъ и на горахъ; что Онъ проявлялся въ громѣ, молніи и землетрясеніяхъ; что Онъ Самъ являлся въ воспламененныхъ облакахъ и въ огнѣ; что Онъ былъ Богъ ревнивый и страшный, одинъ видъ котораго поражалъ смертью. Такъ какъ Онъ ненавидѣлъ всякую производительность, то все, что выходило въ первый

[1]) Abbé de Broglie, «L'unité du sanctuaire dans la religion d'Israel et la date du Pentateuque». См. «Annales de philosophie chrétienne», ноябрь 1880, стр. 101—103.

разъ изъ утробы матери, по древнему понятію, принадлежало Ему: первые плоды, все перворожденное отъ животныхъ и отъ женщины. Это право Бога, подставленіе левитовъ на мѣсто первородныхъ, исторія жертвоприношенія Исаака несомнѣнно доказываютъ, что у евреевъ и вообще были человѣческія жертвы... Іефѳай обрекаетъ свою дочь на всесожженіе и приноситъ ее въ жертву... Самуилъ заклалаетъ Агага предъ Іеговой въ Галгалѣ. Гаваонитяне говорятъ: «пусть будутъ выданы намъ семь сыновей (Саула), чтобы мы повѣсили ихъ предъ Іеговою въ Гивеѣ. И они повѣсили ихъ на горѣ предъ Іеговою». Іегова, правда, не устанавливаетъ человѣческихъ жертвъ, подобно жертвамъ племенъ той же расы, аммонитянъ и моавитянъ, или жертвамъ ханаанеевъ, но Онъ предписываетъ выкупать первородныхъ извѣстнымъ жертвоприношеніемъ. Обрѣзаніе также, повидимому, было замѣной кровавой жертвы, предназначенной идти въ выкупъ жизни каждаго ребенка мужскаго пола» [1]).

Въ этихъ словахъ заключается все, что только можно привести въ доказательство того, будто бы существованіе человѣческихъ жертвъ въ честь Іеговы было несомнѣннымъ фактомъ и продолжалось до времени Іосіи, быть можетъ, даже до возвращенія изъ плѣна Вавилонскаго. Но такая положительность вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, до какой степени новѣйшая критика ослѣплена предвзятыми мнѣніями и, вопреки несомнѣннымъ и очевиднымъ заявленіямъ священныхъ документовъ, утверждаетъ то, что лишь соотвѣтствуетъ этимъ мнѣніямъ. Правда, Дункеръ имѣлъ достаточно безпристрастія, чтобы вспомнить и принять во вниманіе, при провозглашеніи своихъ смѣлыхъ положеній, законъ книги Левитъ, запрещающій, подъ страхомъ смерти, принесеніе человѣческихъ жертвъ [2]), но послѣдующіе критики уже совершенно упустили изъ вниманія подобное ничтожное, на ихъ взглядъ, обстоятельство, и беззастѣнчиво поддерживаютъ высказанныя положенія. Что среди израильтянъ были достаточно безчеловѣчные люди для того, чтобы приносить въ жертву своихъ дѣтей Молоху, объ этомъ свидѣтельствуетъ также и св. Писаніе. Человѣческія жертвы были однимъ изъ величайшихъ преступленій ханаанскихъ народовъ, однимъ изъ тѣхъ, по причинѣ

---

[1]) Duncker, Geschichte des Alterthums, 3 изд. Берлинъ, 1863 г., т. I, стр. 277, 278.

[2]) Лев. XX, 25; XVII, 21. См. также Втор. XII, 31; XVIII, 10.

которыхъ Богъ обрекъ ихъ на истребленіе [1]). Не всѣ израильтяне умѣли избѣгнуть зараженія этимъ худымъ примѣромъ; многіе также сдѣлались повинными въ двойномъ преступленіи противъ природы и противъ явной воли Божіей; но, во всякомъ случаѣ, они приносили эти чудовищныя жертвы не Іеговѣ, и, такимъ образомъ, не религіи народа Божія нужно ставить ихъ въ вину. Священная исторія представляетъ намъ только одинъ примѣръ, гдѣ Іегова требуетъ человѣка въ жертву, то-есть, когда Онъ именно хотѣлъ *испытать* Авраама и этимъ доказать его послушаніе и его вѣру. Этого выраженія «испытаніе» *(нисса)*, употребленнаго бытописателемъ (Быт. XXII, 1), одного достаточно для доказательства того, какъ авторъ книги Бытія относился къ человѣческимъ жертвамъ. Послѣдующее повѣствованіе равнымъ образомъ показываетъ, что этотъ варварскій обычай былъ совершенно осужденъ Богомъ. Принесеніе Исаака въ жертву не есть человѣческое жертвоприношеніе, такъ какъ въ это время человѣкъ въ дѣйствительности не былъ заклатъ, и само небо воспротивилось этому жертвоприношенію; оно было лишь назидательнымъ подтвержденіемъ для Авраама и его потомковъ ученія, которое во время Моисея сдѣлалось формальнымъ закономъ, запрещающимъ проливать человѣческую кровь въ честь не только уже Іеговы (законодатель не предполагаетъ даже возможности появленія подобной мысли въ душѣ своего народа), но даже въ честь Молоха, чужаго бога. Самыя выраженія, употребленныя во Второзаконіи, показываютъ, что израильтяне считали человѣческое жертвоприношеніе не національнымъ обычаемъ, но обычаемъ чужеземнымъ. Если-бы израильтяне были повинны въ такомъ преступленіи [2]), то св. Писаніе не могло бы тогда и указывать на него, какъ на причину отверженія этихъ народовъ, изгнанныхъ въ пользу израильтянъ.

Что касается жертвоприношенія дочери Іефая «своимъ отцомъ», то, какъ показано будетъ ниже, этотъ фактъ, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, можетъ подлежать и совершенно иному объясненію, именно, въ смыслѣ простаго посвященія дочери на служеніе Богу въ дѣвственности, какъ къ этому склоняются большинство

---

[1]) Втор. XVIII, 10 и 12.

[2]) Втор. XII, 31. Ср. Лев. XX, 2: «кто изъ сыновъ Израилевыхъ и изъ пришельцевъ, живущихъ между израильтянами, дастъ изъ дѣтей своихъ Молоху, тотъ да будетъ преданъ смерти; народъ земли да побьетъ его камнями».

наиболѣе серьезныхъ толкователей настоящаго времени. Но даже и помимо этого, подобный случай, какъ отдѣльный, отнюдь не говорилъ бы въ пользу существованія подобнаго обычая вообще, такъ какъ самъ Іефѳай, какъ человѣкъ, вышедшій изъ низкой въ нравственномъ отношеніи среды и проведшій большую часть своей жизни въ дикихъ степяхъ среди идолопоклонническихъ народовъ, естественно, могъ заразиться ихъ собственными религіозными воззрѣніями, и, такимъ образомъ, изъ ложно-понятой религіозной ревности могъ совершить запрещенное закономъ жертвоприношеніе; но тогда это жертвоприношеніе, какъ вытекающее изъ необдуманнаго обѣта, само по себѣ теряетъ всякую доказательную силу. Критика указываетъ затѣмъ на заклаиіе Самуиломъ Агага Іеговѣ; но для объясненія этого обстоятельства, нужно вникнуть въ самую подлинность выраженія, гдѣ говорится не «Іеговѣ», но «предъ Іеговою», чѣмъ обозначается, что Богъ, карающей руки котораго ничто не избѣжитъ, былъ свидѣтелемъ этой казни хищническаго царя. Достаточно прочитать пятнадцатую главу 1 Книги Царствъ, чтобы убѣдиться, что смерть Агага была мѣрой политической, а не религіознымъ жертвоприношеніемъ. Самуилъ повелѣлъ Саулу предпринять противъ амаликитянъ истребительную войну и не щадить жизни никому. Царь Израильскій въ дѣйствительности истребилъ остріемъ меча весь побѣжденный народъ, но, увлекаемый чувствомъ алчности, оставилъ для себя въ качествѣ добычи все, что было лучшаго изъ стадъ, домашнихъ принадлежностей, одеждъ, и сохранилъ жизнь начальнику враговъ. Такой поступокъ такъ неблагоугоденъ былъ Господу, что Онъ отвергъ Саула. И вотъ для того, чтобы загладить актъ непослушанія этого царя, пророкъ и предалъ смерти царя амаликитянъ. Только человѣкъ, мало знакомый съ обычаями евреевъ, можетъ вообразить себѣ, что идолопоклонникъ могъ считаться жертвой, достойной быть принесенной Іеговѣ, такъ какъ законъ строго запрещалъ приносить жертву, которая не была чиста и безпорочна. Сами хананеи такъ были проникнуты мыслью, что только невинная жертва могла быть пріятна божеству, что они предметомъ своихъ варварскихъ жертвоприношеній выбирали дѣтей. Наконецъ, что касается третьей ссылки на гаваонитянъ, то также всѣмъ извѣстно, что они не изъ религіозной ревности, но изъ собственнаго мщенія добивались погибели семи членовъ семейства Саулова, которыхъ они считали отвѣтственными за несправедливое

отношеніе къ нимъ этого царя. Нужно уже совсѣмъ чувствовать недостатокъ въ надлежащихъ доводахъ, чтобы превращать преступниковъ, или, по крайней мѣрѣ, считаемыхъ такими, въ человѣческія жертвы, казнь—въ жертвоприношеніе, и эшафотъ — въ жертвенникъ.

Но что же такое означаетъ посвященіе первородныхъ Іеговѣ, спрашиваетъ критика, что такое вообще обрѣзаніе, если не видоизмѣненіе этихъ человѣческихъ жертвоприношеній, неизбѣжно совершившееся вслѣдствіе облагороженія нравовъ? Обрѣзаніе, установленное раньше жертвоприношенія дочери Іефѳая, раньше даже жертвоприношенія Исаака, который водимъ былъ на гору Моріа для закланія только уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ обрѣзанія, отнюдь не можетъ считаться видоизмѣненіемъ человѣческихъ жертвъ. Св. Писаніе прямо опредѣляетъ его значеніе въ самомъ повѣствованіи о его учрежденіи: «сей есть завѣтъ Мой, который вы должны соблюдать между Мною и вами, и между потомками твоими послѣ тебя (въ роды ихъ); да будетъ у васъ обрѣзанъ весь мужскій полъ. Обрѣзывайте крайнюю плоть вашу, и сіе будетъ знаменіемъ завѣта между Мною и вами [1]). Посвященіе первородныхъ Господу отнюдь не есть также воспоминаніе о человѣческихъ жертвахъ, какъ опять видно изъ самаго закона объ этомъ: «каждаго первенца человѣческаго изъ сыновъ твоихъ выкупай», говоритъ законъ. «И когда послѣ спроситъ тебя сынъ твой, говоря: что это? то скажи ему: рукою крѣпкою вывелъ насъ Господь изъ Египта, изъ дома рабства. Ибо когда фараонъ упорствовалъ отпустить насъ, Господь умертвилъ всѣхъ первенцевъ въ землѣ Египетской, отъ первенца человѣческаго до первенца изъ скота: посему я приношу въ жертву Господу все разверзающее ложесна, мужскаго пола, а всякаго первенца изъ сыновъ моихъ выкупаю» [2]).

Не довольствуясь подобными явными несообразностями съ историческими обстоятельствами дѣла, критика старается находить слѣды человѣческихъ жертвоприношеній даже у пророковъ, и одинъ новѣйшій критикъ, будто бы, открылъ у пророка Исаіи новое доказательство существованія подобныхъ жертвъ въ честь Іеговы. Но если бы онъ, видимо, не расчитывалъ на общее незнакомство съ

---

1) Быт. XVII, 10, 11.
2) Исх. XIII, 13—15.

семитическимъ языкомъ со стороны читателей того журнала, гдѣ онъ помѣщалъ свои критическія статьи, то онъ, во всякомъ случаѣ, представилъ бы рѣдкій примѣръ того легкомыслія, съ какимъ критика позволяетъ себѣ относиться къ священному тексту. «Въ теченіе всего періода монархіи», говоритъ Сури, «человѣческія жертвоприношенія имѣли мѣсто въ царствахъ Израильскомъ и Іудейскомъ, особенно въ долинѣ Гинномовой, близъ Іерусалима, къ югу отъ горы Сіона. Тамъ находился знаменитый *тофетъ*, особаго рода топильня, огонь въ которой постоянно поддерживался священниками. Вотъ, нѣсколько словъ пророка Исаіи, на которыхъ можно остановиться съ особымъ заслуживаемымъ ими вниманіемъ, такъ какъ они, на мой взглядъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія касательно сущности тофета: «ибо тофетъ давно уже устроенъ; онъ приготовленъ для Молоха, глубокъ и широкъ; въ кострѣ его много огня и дровъ; дыханіе Іеговы сжигаетъ какъ потокъ сѣрный» [1]). Въ эту-то топильню евреи и бросали своихъ первородныхъ. Іаве, жертвенное пламя, пожиралъ эти приношенія» [2]). Трудно собрать въ немногихъ словахъ больше безсмыслицъ, чѣмъ сколько ихъ заключается въ приведенномъ мѣстѣ. Такъ, прежде всего, слово «тофетъ», употребленное Исаіей, не означаетъ собою той части долины Гинномовой, которая называлась Тофетомъ; это лишь образное выраженіе для обозначенія мѣста, гдѣ сожигались трупы. Таковъ, именно, смыслъ придаетъ этому слову Фюрстъ [3]), какъ и всѣ безъ исключенія лучшіе гебраисты Германіи. Затѣмъ, вторая безсмыслица: у пророка Исаіи рѣчь идетъ не о Молохѣ, но о царѣ ассирійскомъ, что, очевидно, совершенно иное дѣло. Всѣ новѣйшіе толкователи согласны въ этомъ отношеніи. Критикъ измѣнилъ Масаретскій текстъ Библіи, въ которомъ говорится не о Молохѣ, что въ этомъ мѣстѣ не имѣло бы смысла, а о Мелекѣ, то-есть царѣ (ассирійскомъ) Сеннахиримѣ. Затѣмъ, послѣднюю часть текста критикъ переводитъ: «дыханіе Іеговы сжигаетъ, какъ потокъ сѣрный»; между тѣмъ, въ дѣйствительности, текстъ гласитъ: «дуновеніе Господа, какъ потокъ сѣры, зажжетъ его» (костеръ). Критикъ придалъ глаголу бааръ значеніе сожиганія,

---

1) Исх. XXX, 33.

2) **Revue des deux mondes**, 1872 г., стр. 586. Нужно отдать честь критику, что онъ въ отдѣльномъ изданіи своихъ критическихъ изслѣдованій вычеркнулъ это мѣсто.

3) Въ своей еврейской Конкорданціи и въ своемъ Словарѣ.

между тѣмъ, какъ онъ означаетъ здѣсь «зажигать», «обнимать», и при этомъ забылъ или намѣренно выпустилъ дополненіе этого глагола *(ба)*, именно, мѣстоимѣніе, стоящее вмѣсто «костра» и препятствующее придавать этому мѣсту смыслъ, который приписываютъ ему. Наконецъ, независимо отъ этихъ явныхъ нелѣпостей въ подробностяхъ, весь переводъ, во всемъ своемъ цѣломъ, представляетъ собою нелѣпость, такъ какъ пророкъ говоритъ отнюдь не о человѣческихъ жертвахъ, но о сожиганіи труповъ. Одно изъ самыхъ элементарныхъ, самыхъ простыхъ и безспорныхъ правилъ критики требуетъ опредѣленія смысла изреченій по контексту или по предшествующимъ и послѣдующимъ изреченіямъ. Между тѣмъ, этотъ новѣйшій критикъ, какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, совершенно забылъ это правило. Иначе онъ не впалъ бы въ эти огромныя нелѣпости, потому что эта тридцатая глава книги пр. Исаіи настолько ясна сама по себѣ, что касательно ея не можетъ быть двухъ различныхъ толкованій. Пророкъ порицаетъ въ ней іудеевъ, которые возлагали свою надежду на Египетъ и разсчитывали на него въ дѣлѣ защиты противъ ассиріянъ. Но не люди, а самъ Іегова избавитъ ихъ отъ этихъ враговъ. «И возгремитъ Господь величественнымъ гласомъ Своимъ, и явитъ тяготѣющую мышцу Свою въ сильномъ гнѣвѣ и пламени поядающаго огня, въ бурѣ и наводненіи, и въ каменномъ градѣ. Ибо отъ гласа Господа содрогнется Ассуръ, жезломъ пораженный. Ибо тофетъ (мѣсто сожиганія труповъ) давно уже устроенъ (для сожженія труповъ убитыхъ ассирійскихъ воиновъ); онъ приготовленъ и для царя (Сеннахирима), глубокъ и широкъ; въ кострѣ его много огня и дровъ; дуновеніе Господа, какъ потокъ сѣры, зажжетъ его» [1]).

Отсюда видно, какъ неосновательно положеніе раціоналистической критики, когда она старается низвести религію избраннаго народа на одинъ уровень съ религіями другихъ языческихъ народовъ. Но предубѣжденіе выше всякаго разума, и критика не только не считаетъ себя обязанною принимать во вниманіе безспорныя данныя, идущія вопреки ея предзанятыхъ мнѣній, а, напротивъ, изыскиваетъ и другія данныя, чтобы низвести религію Іеговы на уровень безобразныхъ языческихъ культовъ и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, не довольствуясь обвиненіемъ религіи Іеговы въ при-

1) Исх. XXX, 30—33.

частности къ человѣческимъ жертвамъ, критика (къ счастью, въ лицѣ ея наименѣе компетентныхъ представителей) бросаетъ въ лицо этой религіи еще болѣе гнусное и отвратительное обвиненіе, будто бы она причастна была также и возмутительнаго культа распутства, составлявшаго особенность идолослуженія ханаанскихъ народовъ. «Послѣ человѣческихъ жертвоприношеній», говоритъ раціоналистическій писатель, «религіозная проституція составляла существенную черту первоначальной религіи сыновъ Израиля. Блудники были обоего пола. Мужчины назывались кедешимъ, женщины кедешотъ, то-есть, посвященные, давшіе обѣтъ. Книга Второзаконія свидѣтельствуетъ, что тѣ и другіе приносили въ сокровищницу храма Іаве доходы отъ своего распутства. Этимъ именно оплачивались отчасти расходы культа въ Іерусалимѣ, какъ и въ Библосѣ и въ Пафѣ» [1]).

Такова-то, по мнѣнію раціоналистической критики, тотъ Богъ, который истребилъ Содомъ для наказанія за эти противоестественные пороки: Онъ, будто бы, принималъ отъ своихъ поклонниковъ почитаніе посредствомъ тѣхъ самыхъ преступленій, которыя совершались въ Содомѣ! Критикъ утверждаетъ, что это составляетъ существенную черту первоначальной религіи Израиля, и въ доказательство этого даже приводитъ свидѣтельство книги, которая, по его же мнѣнію, написана была только въ царствованіе Іоисіи, то-есть, почти тысяча лѣтъ послѣ Моисея, и которая говоритъ все какъ разъ противъ того, что ей приписываютъ. Откроемъ, напр., книгу Второзаконія, и мы читаемъ слѣдующее: «не должно быть блудницы изъ дочерей израилевыхъ, и не должно быть блудника изъ сыновъ Израилевыхъ. Не вноси платы блудницы и цѣны пса въ домъ Господа Бога твоего ни по какому обѣту, ибо и то и другое есть мерзость передъ Господомъ Богомъ твоимъ» [2]). И вотъ, книга, въ которой находится такое мѣсто, будто бы, доказываетъ, по мнѣнію критики, что кедешими и кедешоты (блудники и блудницы) вносили въ сокровищницу храма Іаве доходы отъ своего блудодѣйства, что ихъ принимали тамъ и что, будто бы, при помощи этихъ приношеній отчасти оплачивались и расходы культа въ Іерусалимѣ, какъ это было въ храмѣ Венеры въ Пафѣ! Приведенный критикъ, очевидно,

---

1) Revue des deux mondes, 1872 г., стр. 599—601.
2) Втор. XXIII, 17, 18.

поступаетъ такъ, какъ поступилъ бы историкъ, который, для изображенія нравовъ и обычаевъ извѣстнаго народа, перелистовалъ бы сводъ законовъ о наказаніяхъ и приписалъ бы ему всѣ преступленія, которыя онъ нашелъ бы тамъ запрещенными.

Ни одно законодательство не было столь строгимъ противъ проституціи, какъ законодательство Моисеево. Въ то время, какъ новѣйшіе законы терпятъ ее, законъ Моисеевъ безусловно запрещалъ ее дочерямъ израильтянъ, и если не по буквѣ, то по духу—и всѣмъ прочимъ, какъ туземицамъ, такъ и чужеземкамъ. Строгость въ этомъ отношеніи онъ доводилъ до того, что осуждалъ на сожженіе дочь священника, которая нарушала правила стыдливости [1]). Что эти строгія предписанія не всегда соблюдались, это, конечно, не должно быть предметомъ особеннаго изумленія, особенно, среди насъ. Было время, когда храмъ Божій осквернялся временнымъ торжествомъ идолопоклонства, которое вводило кедешимовъ въ дома, смежные съ храмомъ Іерусалимскимъ. Царь Іосія разрушилъ эти жилища. Подобные злополучные періоды торжествующаго нечестія извѣстны и въ новѣйшее время. Въ концѣ прошлаго столѣтія, на престолѣ Парижской Богоматери, какъ извѣстно, воцарилась постыдная куртизанка, да и въ самое послѣднее время въ нѣкоторыхъ государствахъ христіанской Европы можно слышать самыя ужасныя богохульства противъ истинной религіи и Бога. Но эти безумства позорятъ только ихъ виновниковъ. Религія Іеговы была не болѣе запятнана мерзостями кедешимовъ, какъ и христіанство богохульственными сатурналіями какой-нибудь коммуны.

Чтобы придать какой-нибудь кредитъ своимъ болѣе чѣмъ рискованнымъ увѣреніямъ, критикъ увѣряетъ, что «никогда родъ человѣческій не имѣлъ болѣе сладострастнаго темперамента», и въ доказательство этого приводитъ свидѣтельство Тацита, который называетъ іудеевъ «самымъ преданнымъ блудодѣйству народомъ» [2]) и изображеніе іудеянки, подражая въ этомъ отношеніи наиболѣе безстыднымъ писателямъ, грязная откровенность которыхъ извѣстна всѣмъ. Это изображеніе, гдѣ восточная танцовщица возводится въ типъ всѣхъ израильскихъ женщинъ, столь же ложно, какъ и неприлично. Если законамъ Моисея не удалось оградить

---

1) Лев. XIX, 29; Втор. XXIII, 19; Лев. XXI, 9.
2) «Projectissima ad libidinem gens».

нравовъ народа отъ вторженія въ нихъ развращенія, то они, по крайней мѣрѣ достигли того, что израильскій народъ былъ между всѣми азіатскими народами такимъ, который лучше всего могъ избѣгать развращенія. Большинство историковъ даже допускаютъ, что куртизанки Палестины не были вообще уроженками самой страны, и многіе видятъ доказательство этого въ часто придаваемомъ имъ названіи *нокри*, «чужеземка» [1]). Но, какъ бы то ни было, если бы даже іудеи и іудянки были именно такими, какъ изображаетъ ихъ критика, слѣдуетъ ли отсюда, что они дѣлали изъ удовлетворенія своимъ страстямъ религіозный актъ въ честь Іеговы? Мы знаемъ, что сыны Израилевы не всегда умѣли воздерживать свое сердце, знаемъ, что въ пустынѣ многіе изъ нихъ не могли устоять противъ соблазновъ культа Ваалъ-Фегора; но мы знаемъ также, что Моисей для устраненія всѣхъ тѣхъ, которые могли бы чувствовать искушеніе, подражать имъ, позднѣе безпощадно предавалъ виновныхъ смерти. А религія отвѣтственна только за то, что она постановляетъ. Первоначальная религія Израиля, вмѣсто того, чтобы одобрять распутство, формально и строго запрещаетъ его.

Мы видѣли, какимъ страннымъ способомъ критикъ превращаетъ запрещеніе закона въ доказательство своего положенія. Другіе, приводимые имъ, доводы не больше чести дѣлаютъ его изворотливости. «Подобныя жертвы», говоритъ онъ, «вообще приносились на высотахъ, и палатки религіозныхъ блудницъ обыкновенно ставились рядомъ съ головой Ваала или Іаве и символомъ Астарты». Тутъ очевидная ложь: ни одинъ изъ приводимыхъ авторомъ въ доказательство своего положенія текстовъ [2]), ни одинъ вообще текстъ въ Библіи не говоритъ, чтобы палатки блудницъ ставились рядомъ съ головой Іаве или вообще въ честь Іеговы; ни одинъ текстъ не доказываетъ совершенія безстыдствъ хананейскаго культа; всѣ напротивъ, формально осуждаютъ ихъ. Но критикъ продолжаетъ: «Библія называетъ праздникъ религіозныхъ блудодѣйствъ *сукотъ-беноть*, то-есть, палатка дѣвицъ. Дѣло, очевидно, идетъ о Вавилонскомъ праздникѣ сакеевъ. Мнѣніе Моверса, который приравниваетъ это названіе къ названію одного изъ величайшихъ праздниковъ іудейскаго года, именно, къ празднику кущей, въ настоящее время

[1]) См. Winer, Biblisches Realwörterbuch, 2 изд. т. I, стр. 612, 3 изд. т. I, стр. 917.

[2]) Исх. LVII, 7 и слѣд.; 4 Цар. XVII, 30; XXIII, 7; Іезек. XXIII, 14: Ос. IV, 13.

получило преобладаніе въ наукѣ. Прибавимъ, что въ Палестинѣ даже былъ городъ, названіе котораго, очевидно, происходитъ отъ *сукотъ*—палатки». Критикъ, безъ сомнѣнія, надѣялся, что никто не будетъ вникать въ основу этой аргументаціи, иначе онъ едва ли осмѣлился бы написать ее. Вся эта аргументація представляетъ собою извращенное изложеніе трактата Ленормана о Берозѣ, сдѣланное съ цѣлью подтвердить предзанятое мнѣніе. Въ дѣйствительности, ученый историкъ нисколько не даетъ права на подобное отождествленіе іудейскаго праздника Кущей съ вавилонскимъ праздникомъ сакеевъ, и, напротивъ, Ленорманъ прямо говоритъ, что праздникъ Кущей въ законѣ Моисеевомъ былъ праздникомъ, посвященнымъ истинному Богу въ благодарность за хорошій сборъ жатвы» [1]). Этотъ фактъ съ достаточностью показываетъ, какими нечестными средствами пользуется иногда раціоналистическая критика, чтобы только набросить тѣнь сомнѣнія на религію Іеговы! [2]).

Послѣ всего сказаннаго, можно сдѣлать общее заключеніе. Первоначальной религіей Израиля, его истинной религіей во всѣ времена былъ монотеизмъ. Служеніе Іеговѣ никогда не осквернялось ни ханаанскими жестокостями, ни вавилонскими мерзостями. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, народъ Божій былъ хранителемъ и носителемъ вѣры въ единство Бога, такъ какъ народъ этотъ былъ какъ бы проповѣдникомъ и апостоломъ истинной вѣры среди языческихъ народовъ. Онъ исполнилъ свою миссію не величіемъ своего генія, не въ силу прогрессивнаго развитія своихъ идей или своихъ учрежденій, но по благодати Божіей, несмотря на свою склонность къ политеизму. Вся его исторія носитъ видимый отпечатокъ дѣятельности Промысла. Таковъ, именно, величественный выводъ, который выходитъ изъ всего, что сказано было нами досель.

Предоставленный самому себѣ, родъ Авраамовъ не замедлилъ бы погрузиться въ бездну идолопоклонства, теперь онъ едва былъ бы извѣстенъ даже завзятымъ ученымъ, которые бы добивались рѣшенія вопроса, что такое былъ онъ, какъ они добиваются рѣшенія вопроса о томъ, что такое были суммиры, аккады, хеты, ротенну и многія

---

[1]) Lenormant, Essai de commentaire des fragments cosmogoniques de Berose, pp. 171—172.

[2]) Надо отдать честь французскому критику, что онъ, высказавъ подобное положеніе, въ отдѣльномъ изданіи своихъ статей сознался въ лживости своего собственнаго уподобленія и уничтожилъ это мѣсто.

другія племена, имена которыхъ открыты теперь на памятникахъ Египта и Ассиріи. Господь, руководящій родомъ человѣческимъ по намѣреніямъ Своего милосердія, не хотѣлъ, чтобы то же случилось и съ Его избраннымъ народомъ, и относился къ нему, какъ къ сыну возлюбленному. Никогда отецъ не воспитывалъ сына съ большею нѣжностью, никогда не окружалъ его большею заботливостью и бережливостью, какъ Богъ Свой избранный народъ. Сначала Онъ вывелъ Авраама изъ Месопотаміи для сохраненія его вѣры. Онъ заставилъ его жить, какъ и его сына Исаака, и его внука Іакова, въ Палестинѣ, которая должна была сдѣлаться землей монотеизма, когда Израиль возрастетъ въ сильный народъ. Народъ Авраамовъ жилъ тамъ лишь столько, сколько необходимо было для того, чтобы глубоко запечатлѣть въ памяти своего будущаго рода мысль, что эта земля обѣтованная—его наслѣдственная земля, которую онъ нѣкогда покоритъ и овладѣетъ ею. Склонные къ идолослуженію, живя еще въ маломъ числѣ среди народа, который говорилъ тѣмъ же языкомъ, имѣлъ тѣ же самые обычаи, потомки Авраама, Исаака и Іакова, которые по необходимости должны были вступать въ браки съ хананеянками, чего еще избѣгали ихъ отцы, скоро исчезли бы въ массѣ, погасили бы въ своихъ сердцахъ пламя вѣры и прпняли бы культъ хананеевъ, отъ которыхъ они отличались только религіей. Чтобы не допустить до этого бѣдствія, когда израильтяне достаточно проникнлись мыслью, что они со временемъ сдѣлаются обладателями Палестины, Богъ удалилъ ихъ отсюда и затѣмъ опять привелъ ихъ сюда уже тогда, когда семейство Іакова сдѣлалось многочисленнымъ народомъ, способнымъ жить тамъ самостоятельно и независимо. Въ ожиданіи этого, Промыслъ заставилъ весь этотъ народъ переселиться въ Египетъ, т.-е. въ страну, гдѣ онъ вынужденъ былъ жить отчужденно отъ другихъ, потому что онъ былъ предметомъ отвращенія для туземцевъ, имѣлъ своими покровителями ненавидимыхъ покорителей страны и не имѣлъ ничего общаго съ египтянами ни въ языкѣ, ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ. Тамъ онъ не подвергался искушенію оставить свою собственную религію и промѣнять ее на религію Мицраима: нѣтъ, онъ чувствовалъ тамъ по отношенію къ культу египетскихъ боговъ все то отвращеніе, которое подвергающійся худому обращенію рабъ чувствуетъ къ своему жестокому господину, угнетаемый, къ своему угнетателю. Чѣмъ болѣе онъ становился чуждъ своимъ гонителямъ, тѣмъ сильнѣе привязывался къ Богу своихъ

отцевъ. Правда, изъ исторіи его освобожденія мы видимъ, что рабство ослабило духъ, нѣкогда столь отважныхъ сыновъ Іакова. Но мы не открываемъ ни малѣйшаго слѣда противодѣйствія наставленіямъ Моисея касательно религіи Іеговы. Только уже послѣ выхода изъ Египта идолопоклонство проявилось въ поклоненіи золотому тельцу. До этого времени масса народа оставалась вѣрною, и случаи политеизма, на которые указываютъ пророки, были лишь исключеніемъ.

Когда народъ сдѣлался способнымъ самостоятельно занять землю Ханаанскую, когда явилось новое мужественное поколѣніе, воспитавшееся среди испытаній въ безплодной пустынѣ и проводившейся въ ней суровой жизни, то этотъ носитель единобожія овладѣваетъ святою землею, изъ которой онъ долженъ былъ выйти не ранѣе того момента, когда ему предстояло совершить новую миссію, въ эпоху плѣна вавилонскаго и основанія христіанства. Само небо, повидимому, создало Палестину для того, чтобы сложить тамъ сокровища первобытнаго откровенія. Бросьте взглядъ на карту извѣстнаго древнимъ міра, и вы увидите, что земля обѣтованная географически была въ немъ центромъ, сердцемъ или, какъ въ то время говорили, пупомъ земли [1]). Вникните въ особенности расположенія этой страны, и вы замѣтите, что расположенная нѣкоторымъ образомъ въ пунктѣ соприкосновенія трехъ частей древняго міра,—въ пунктѣ, чрезъ который пролегали всѣ большіе торговые пути, ведшіе въ Финикію, бывшую тогда всемірнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ и промышленности всѣхъ народовъ, она была въ то же время, по самому характеру и особенностямъ своей почвы, лишена торговли и промышленности, а вслѣдствіе этого и жизни международной. Въ ней была только одна рѣка и притомъ несудоходная, которая терялась въ Мертвомъ морѣ и не давала никакого выхода изъ него. Удобнѣйшіе берега Средиземнаго моря—богатая равнина Шефела—только уже позднѣе принадлежала израильтянамъ. Они долго должны были довольствоваться горами и долинами, этимъ огромнымъ собраніемъ скалистыхъ стѣнъ, глубокихъ рытвинъ, пещеръ, горловинъ и возвышенностей. Пророкъ Исаія точно изображалъ свое отечество, называя его «виноградникомъ огражденнымъ». Эта страна

[1]) Іезек. XXVIII, 12. По переводу Вульгаты читается: «umbilicus terrae»; по русскому синодальному переводу «вершина земли».

была такимъ образомъ болѣе всякой другой свободна отъ всякаго чужеземнаго соприкосновенія, и Израиль жилъ тамъ въ необходимомъ отчужденіи для того, чтобы сохранить безъ всякой нечистой примѣси вѣренный ему залогъ преданія. Но когда насталъ моментъ для разсѣянія драгоцѣннаго сѣмени единобожія на всѣ четыре стороны неба, это отчужденіе и отдѣленіе прекратились, Израиль въ мгновеніе ока распространился изъ этого центра ко всѣмъ точкамъ окружности. Онъ разсѣялся по всѣмъ великимъ путямъ сообщенія, которые связывали Азію съ Африкой и съ Европой чрезъ Сирію. Плѣнъ вавилонскій разсѣялъ его сыновъ по всей обитаемой тогда землѣ, и когда пришелъ Спаситель міра и послалъ Своихъ апостоловъ повсюду проповѣдывать евангеліе, то апостолы уже во всѣхъ народахъ нашли іудеевъ, которые уже подготовили умы къ воспріятію ученія о единомъ Богѣ, и всякая синагога, гдѣ они проповѣдывали христіанское благовѣстіе, обыкновенно составляла и первый узелъ христіанской общины. Вотъ дѣло Божіе, а не дѣло человѣческое! Только слѣпое предубѣжденіе можетъ отрицать здѣсь руководящій перстъ божественнаго Промысла.

ГЛАВА I.

Безсмертіе души и загробная жизнь.

Вмѣстѣ съ вѣрой въ единаго истиннаго Бога неразрывно связывается вѣра въ безсмертіе души и въ ожидаемыя въ загробной жизни награду и наказаніе за соотвѣтствующія дѣла земной жизни. Вѣрованіе это настолько составляетъ основную черту въ св. Писаніи и настолько соотвѣтствуетъ всему внутреннему характеру ветхаго завѣта, что до позднѣйшаго времени въ существованіи такой вѣры не было никакого сомнѣнія; но въ новѣйшее время раціоналистическая критика нашла возможнымъ подвергнуть сомнѣнію и это вѣрованіе. Поэтому неизлишне будетъ разсмотрѣть и этотъ предметъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что вѣра въ безсмертіе души есть вѣра общечеловѣческая. Нѣтъ такого народа, который бы не имѣлъ подобной вѣры, и однимъ изъ наиболѣе знаменательныхъ показателей

этого вѣрованія служатъ погребальные обычаи. Такъ, у халдеевъ, повидимому, существовалъ особый родъ священнаго мѣста для гробницъ, которыя ихъ благочестіе окружало особеннымъ благоговѣніемъ, потому что въ городахъ Нижней Халдеи и особенно въ Варкѣ, древнемъ Эрехѣ временъ Нимрода, открывается безчисленное множество человѣческихъ останковъ. Сначала изслѣдователи чувствовали сильное удивленіе, не находя въ Ассиріи ассирійскихъ гробницъ. Но впослѣдствіи открыто было, что некрополемъ Ассиріи была Халдея. Тѣла умершихъ, повидимому, сплавлялись по Тигру и Евфрату въ эту послѣднюю страну, какъ въ священную землю. Саркофаги, въ которые складывались тѣла, были небольшихъ размѣровъ: давая возможно меньше мѣста каждому умершему, при этомъ, повидимому, руководились мыслью, чтобы оставить мѣсто и для многочисленныхъ будущихъ поколѣній. Большая часть гробовъ украшены. Они изъ глины, и именно не жженой, но высушенной на солнцѣ. Форма ихъ довольно близко похожа на форму большой туфли. Совнѣ можно видѣть правильные ряды рельефныхъ украшеній, между которыми не разъ повторяется изображеніе человѣческой фигуры съ согнутыми ногами, причемъ правая рука опирается въ бедро, а лѣвая вооружена короткимъ кинжаломъ. Верхняя часть гроба на одной изъ своихъ оконечностей имѣетъ большое отверстіе. Это отверстіе закрывалось плоской крышкой, тщательно замазывавшейся по краямъ. Тѣла умершихъ, похороненныхъ въ Халдеѣ, обматывались различными повязками или пеленами, какъ это описывается въ Евангеліи, при разсказѣ о воскрешеніи Лазаря. Свободными оставались только руки, сложенныя на груди, и голова. Въ каждой рукѣ была своего рода боевая дубина съ круглой головкой, которая, безъ сомнѣнія, представляла собою религіозную эмблему, хотя значеніе ея еще неизвѣстно. Чтобы предохранить тѣла отъ гніенія, ихъ повидимому обмазывали земляной смолой. Не лишне замѣтить, что саркофаги эти часто содержатъ въ себѣ различныя драгоцѣнности, расписанные и рѣзные кирпичи, которые представляютъ собою, безъ сомнѣнія, семейные памятники, свѣтильники и въ особенности вазы, которыя клались въ могилы видимо для пользованія умершихъ въ другой жизни, такъ какъ въ нихъ содержались различныя пищевыя вещества. Въ Мугейрѣ, древнемъ Урѣ, родинѣ Авраама, Тэйлоръ находилъ въ каждомъ гробѣ по двѣ вазы: въ одной еще были косточки фиников, а

въ другой—кости птицъ, кости рыбъ и другіе остатки пищи [1]). Эта заботливость касательно умершихъ и всѣ эти погребальные обряды ясно указываютъ на вѣру ассиро-вавилонянъ въ безсмертіе души.

Хотя мы весьма мало знаемъ о погребеніи первыхъ израильскихъ патріарховъ въ землѣ Ханаанской, но все-таки о нихъ извѣстно достаточно для того, чтобы видѣть всю важность, придававшуюся ими гробницамъ. Авраамъ хотѣлъ имѣть семейную гробницу, мѣсто для которой онъ и купилъ за высокую плату. Тамъ онъ похоронилъ Сарру, свою жену, тамъ же былъ похороненъ самъ, и тамъ же были похоронены впослѣдствіи его сынъ Исаакъ, и Ревекка, жена Исаакова. Іаковъ тамъ же похоронилъ свою жену, Лію, и настойчиво увѣщевалъ своихъ сыновей на своемъ смертномъ одрѣ похоронить тамъ и себя самого, что и было исполнено ими. Іосифъ равнымъ образомъ завѣщалъ перенести свое тѣло въ землю обѣтованную, когда его народъ вступитъ во владѣніе ею, и его потомки дѣйствительно похоронили его также среди древнихъ патріарховъ въ Сихемѣ. Все это заставляетъ думать, что вѣтвь халдейскаго племени, переселившаяся съ береговъ Евфрата въ Палестину, оказывала смертнымъ останкамъ своихъ умершихъ почести, почти подобныя тѣмъ, которыя оказывались имъ на ихъ родинѣ, и придавала этимъ обрядамъ то же возвышенное значеніе, подтверждая ими вѣру въ вѣчную жизнь души послѣ смерти.

Кромѣ этихъ погребальныхъ обычаевъ, разсказъ о потопѣ, сохраненный Берозомъ, даетъ прямое и положительное доказательство вавилонской вѣры въ загробную жизнь. Когда послѣ обсушенія земли Ксисутръ принесъ жертву богамъ, то онъ исчезъ вмѣстѣ съ сопровождавшими его. Между тѣмъ тѣ, которые остались въ кораблѣ, не видя его возвращенія, въ свою очередь сошли на землю и стали искать, называя его по имени, но они не нашли его больше, и свыше раздался голосъ, говоря имъ: «почитайте боговъ! Ксисутръ, въ награду за свое благочестіе, взятъ для обитанія отселѣ съ богами, какъ и его жена, его сынъ, и матросъ корабля». Клинообразная надпись о потопѣ въ общемъ подтверждаетъ это повѣствованіе Бероза и такимъ образомъ даетъ ручательство за его глубокую древность: она показываетъ, что человѣкъ, спасшійся отъ потопа, получилъ отъ бо-

---

[1]) Taylor, Journal of the Royal Asiatic Society, t. XV, 1855, p. 269 и слѣд. Loftus, Travels, p. 202.

говъ безсмертіе. Издубаръ только для этого идетъ къ устьямъ рѣкъ —поискать его, чтобы научиться тайнѣ возможности жить вѣчно. Газизадра оканчиваетъ свой разсказъ о великомъ потопѣ словами: «если Газизадра, его жена и народъ будутъ взяты, чтобы сдѣлаться равными богамъ, тогда Газизадра будетъ жить въ сокровенномъ мѣстѣ у устья потоковъ. Они взяли меня, и поставили въ уединенное мѣсто у устья потоковъ».

Въ этихъ мѣстахъ, правда, не заключается ясная исповѣданія вѣры въ безсмертіе души, но изъ нихъ мы по крайней мѣрѣ видимъ, что халдеи вѣрили въ возможность безсмертія человѣка и, что еще важнѣе, считали это безсмертіе наградой за добродѣтель. Но есть и другія мѣста, болѣе выразительныя въ этомъ отношеніи, и особенно замѣчательны гимны, такъ называемая молитва за царя и сказаніе о сошествіи Истары въ адъ. Ассиро-халдейское небо описывается въ этихъ гимнахъ подъ различными формами, какъ жилище блаженства, домъ жизни, земля жизни. Жизнь блаженныхъ изображается пріятною: они покоются на постеляхъ, пьютъ чистые напитки въ обществѣ своихъ друзей и своихъ родичей. Воинъ имѣетъ вокругъ себя добычу, которую онъ взялъ во время битвъ вмѣстѣ съ плѣнниками, и онъ задаетъ великія пиршества въ своей палаткѣ. Самый разсказъ о сошествіи Истары въ адъ предполагаетъ собою существованіе именно загробнаго міра. Аралъ, неизмѣняемая страна, страна мертвыхъ у вавилонянъ и ассиріянъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ аду наиболѣе древнихъ греческихъ поэтовъ. Вѣрованіе халдеевъ въ загробную жизнь во всякомъ случаѣ несомнѣнно. Они вѣровали въ жилище мертвыхъ, въ страны неизмѣняемыя, откуда нѣтъ возврата, въ мѣста мрака и темноты, гдѣ нѣтъ другой пищи, кромѣ пыли, и гдѣ души летаютъ, какъ птицы. Чтобы войти туда, нужно лишиться всего. Богиня, царствующая тамъ, неумолима, даже по отношенію къ другимъ богамъ и въ особенности по отношенію къ Истарѣ, богинѣ жизни. Въ Британскомъ Музеѣ есть таблица, въ которой говорится о существованіи даже бога ада, и таблица эта начинается словами:

«Бездна, куда нисходитъ господинъ сынъ жизни, пылающая страсть Истары,
Господинъ жилища мертвыхъ, господинъ холма бездны».

Затѣмъ въ надписи продолжается рядъ сравненій, изображающихъ пустынность рва, служащаго входомъ въ адъ, ужасы области, кото-

рую получаетъ богъ, лишенный любви небесной богини [1]). Несмотря на связанныя съ этими и подобными надписями неясности, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ странахъ, которыя были колыбелью евреевъ, вѣрованіе въ существованіе души послѣ смерти имѣло твердое существованіе.

Если перейти изъ Халдеи, гдѣ родился Авраамъ, въ землю Египетскую, гдѣ его потомки сдѣлались народомъ, то мы вступимъ въ ту именно страну, жители которой въ глазахъ древнихъ считались первыми учителями вѣры въ безсмертіе души [2]). Мы не думаемъ, чтобы египтяне именно открыли это великое ученіе: оно не было изобрѣтеніемъ человѣка, а откровеніемъ Бога. Тѣмъ не менѣе свидѣтельство греческой древности драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, гдѣ именно греческіе философы заимствовали свои идеи касательно этого важнаго предмета. Во всякомъ случаѣ менѣе древніе изъ греческихъ философовъ сами приписывали восточное происхожденіе идеямъ, которыя они проповѣдывали касательно состоянія души послѣ смерти. Такъ, Платонъ, желая придать санкцію своему ученію о загробной жизни, приводитъ исторію Гера Армянскаго; Сократъ приводитъ свидѣтельство волхва Гобрія, когда онъ описываетъ Антіоху состояніе душъ въ подземномъ царствѣ, куда онѣ сходятъ послѣ смерти. Тотъ изъ греческихъ философовъ, который послѣ Ферекида, своего учителя, болѣе всего содѣйствовалъ развитію психологіи на западѣ, Пиѳагоръ, по выразительному свидѣтельству Геродота и Діодора Сицилійскаго, заимствовалъ свои идеи о душѣ въ Египтѣ. Вслѣдствіе этого-то именно египетское ученіе о будущей жизни и сдѣлалось столь знаменитымъ у всѣхъ народовъ древности.

Происхожденіе этого вѣрованія терялось во мракѣ временъ. Недавно открытый Папирусъ Эберса, относящійся къ XVII вѣку до Р. Хр. и, повидимому, представляющій копію съ еще гораздо болѣе древняго документа, занимается, между прочимъ, болѣзнями и отношеніями души и тѣла, показывая, къ какой древности относятся психологическія изслѣдованія въ долинѣ Нила. Всѣмъ извѣстно теперь, что египтяне всегда вѣровали въ безсмертіе души, вмѣстѣ съ

---

1) Lenormant, Premières civilisations,, т. II, стр. 95.
2) Геродотъ, II, 123.

ученіемъ о наказаніяхъ и наградахъ»[1]). Изъ знаменитой Книги Мертвыхъ, нѣкоторые экземпляры которой восходятъ къ весьма отдаленной эпохѣ, можно видѣть, что идеи египтянъ о будущей жизни такъ же древни, какъ и самое существованіе этого народа[2]). Эта книга показываетъ, какъ это уже отчасти извѣстно было изъ свидѣтельства древнихъ, что человѣкъ послѣ своей смерти былъ приводимъ Горомъ къ судилищу Озириса, возсѣдавшаго на своемъ престолѣ. Тамъ, предъ четырьмя геніями аменти, то-есть, мѣстопребыванія мертвыхъ, умершихъ долженъ былъ оправдаться предъ 42 судьями въ 42 видахъ грѣховъ. Душа должна была такою рѣчью защищать свою праведность предъ подземнымъ судьею: «почтеніе вамъ, владыки истины и правды! Почтеніе тебѣ, великій богъ, господинъ истины и правды! Я пришла къ тебѣ, о господинъ мой, и представляюсь тебѣ для созерцанія твоихъ совершенствъ! Ибо извѣстно, что я знаю твое имя и имена этихъ 42 божествъ, которыя находятся съ тобою въ палатѣ истины и правды, живутъ развалинами грѣшниковъ и питаются ихъ кровью въ тотъ день, когда взвѣшиваются слова предъ Озирисомъ правдивымъ. Двоякій духъ, господинъ истины и правды, имя твое. Я, конечно, знаю васъ, владыки истины и правды; я принесла вамъ истину, я разрушила чрезъ васъ ложь. Я не совершила никакого обмана противъ людей! Я не угнетала вдовы; я не лгала въ судилищѣ; я не признавала лжи! Я не дѣлала ничего запрещеннаго! Я не вымогала отъ надсмотрщика за работами ежедневно больше работъ, чѣмъ онъ сколько долженъ былъ сдѣлать!.. Я не была небрежною! Я не была лѣнивою! Я не была слабою! Я не была немощною! Я не дѣлала ничего такого, что омерзительно для боговъ! Я не уничижала раба предъ его господиномъ! Я не клеветала! Я не вызывала слезъ! Я никого не убивала! Я не приказывала совершать убійства обманомъ. Я не совершала ни надъ кѣмъ обмана! Я не отнимала хлѣбъ у храмовъ! Я не лишала боговъ

---

[1]) De Rougé, Revue archéologique, 1860, т. I, стр. 73. Отчетъ о Папирусѣ Эберса см. въ Journal Officiel, 1 іюня 1873 г.

[2]) «Книга Мертвыхъ», называемая также «погребальнымъ обрядникомъ», представляетъ собою собраніе молитвъ, раздѣленныхъ на 165 главъ: эти молитвы должны были прочитываться мертвыми, чтобы дать ихъ душѣ силу перенести загробныя испытанія и очистить ее въ виду будущаго суда. Чтобы дать возможность покойнику въ точности читать эти молитвы, вмѣстѣ съ муміей всегда клался болѣе или менѣе полный экземпляръ книги, въ царствованіе XII династіи часть ея писалась даже на саркофагахъ. Въ Лувркомъ Музеѣ находится богатое собраніе экземпляровъ «Книги Мертвыхъ».

жертвоприношеній! Я не брала пищи и пелень у мертвыхъ! Я не дѣлала обманныхъ пріобрѣтеній! Я не измѣняла хлѣбныхъ мѣръ! Я не обманывала ни на перстъ руки! Я не захватывала чужихъ полей! Я не дѣлала обманныхъ пріобрѣтеній посредствомъ гирь на вѣсахъ! Я не отнимала молока отъ устъ младенцевъ! Я не охотилась на священныхъ животныхъ на ихъ пастбищахъ! Я не ловила въ силокъ священныхъ птицъ! Я не ловила священныхъ рыбъ въ ихъ прудахъ! Я не запружала воды въ ея время! Я не пресѣкала рукава воды въ ея теченіи! Я не угашала священнаго огня въ его очагѣ! Я не оскорбляла божественнаго круга въ его избранныхъ дарахъ! я не угоняла воловъ, принадлежащихъ богамъ! Я не оскорбляла Бога въ его процессіи! Я чиста! Я чиста! Я чиста»! [1]).

Дѣла умершаго въ загробномъ мірѣ взвѣшивались на вѣсахъ истины и записывались Тотомъ, причемъ за самымъ взвѣшиваніемъ наблюдалъ Анубисъ [2]). Если человѣкъ велъ жизнь безупречную, онъ «дѣлался Озирисомъ», вступалъ въ блаженство и обиталъ въ поляхъ Аалу посреди боговъ въ постоянномъ свѣтѣ, на берегахъ небеснаго Нила. Если, напротивъ, его жизнь была преступна, то онъ превращался въ животное и запирался въ темное мѣсто для наказанія тамъ.

Эти вѣрованія не только были записаны на папирусахъ, но и проникли въ нравы, такъ что имѣли весьма большое значеніе и сдѣлались, такъ сказать, осязательными въ жизни. Въ Египетъ невозможно было шагнуть безъ того, чтобы не видѣть этихъ сценъ суда и взвѣшиванія душъ, которыя изображались на памятникахъ, равно какъ невозможно было не быть нѣсколько разъ свидѣтелемъ похоронъ, гдѣ съ необычайною торжественностью тянулись длинныя процессіи, въ которыхъ цѣлыя массы плакальщицъ заявляли свою скорбь самыми выразительными знаками. Ни у какого еще другаго народа древности вся жизнь не проникалась столько идеей безсмертія, какъ у египтянъ. Ихъ гробничная архитектура была въ высшей степени оригинальной и самой замѣчательной изъ ихъ созданій, потому что для египтянина самой важной задачей земной жизни было приготовиться къ будущей жизни. Вся религія, вся философія

---

1) «Книга Мертвыхъ», глава 125; Maspero, Histoire, стр. 44, 45.

2) См. рисунокъ предъ началомъ главы, стр. 777.

древнихъ египтянъ основывается на ученіи о безсмертіи души и о существованіи посмертнаго возмездія.

Израильтяне долго жили среди египтянъ. Отсюда ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ отрицать, чтобы они незнакомы были съ идеями египтянъ касательно будущей жизни. Они видѣли, какъ видимъ мы, изображенія сценъ будущей жизни и самые похороны; они часто слышали разсказы о судѣ надъ душами; они сами бальзамировали Іакова и Іосифа по египетскому способу, и въ честь Іакова дѣлали такія же погребальныя процессіи, какія обыкновенно дѣлались въ честь великихъ сановниковъ фараонова дворца. Въ виду этого, совершенно невозможно предполагать, какъ предполагаютъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, будто-бы израильтяне не имѣли понятія о безсмертіи души. Имѣя же понятіе о безсмертіи, они принимали его. Мы рѣшительно нигдѣ не встрѣчаемъ опроверженія этого вѣрованія съ ихъ стороны. Если-бы они отвергли его, то слѣды этого отрицанія мы находили бы въ ихъ священныхъ книгахъ. Пятокнижіе формально отвергаетъ и осуждаетъ всѣ заблужденія и всѣ предосудительные обычаи народовъ, съ которыми Израиль приходилъ въ соприкосновеніе. Отвергать все, что казалось предосудительнымъ или опаснымъ, въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключалась одна изъ цѣлей, которую имѣлъ въ виду законодатель сыновъ Израиля. Между тѣмъ, ни одинъ критикъ не можетъ въ настоящее время привести ни одного слова изъ книгъ Моисея противъ вѣрованія въ безсмертіе души, и въ законѣ рѣшительно нѣтъ ничего такого, что бы давало основаніе отрицать это вѣрованіе.

Великій законодатель Израиля былъ настолько проникнутъ вѣрою въ загробную жизнь, что не нападалъ на эту вѣру угнетателей своего народа даже и въ виду того, что культъ мертвыхъ, какъ онъ не могъ не знать, могъ сдѣлаться источникомъ опаснаго заблужденія для его народа. Онъ повелѣлъ приносить въ жертву животныхъ, которыхъ египтяне почитали какъ боговъ [1]); онъ разбилъ и растеръ въ порошокъ золотого тельца, котораго израильтяне сдѣлали себѣ идоломъ, на подобіе египтянъ [2]); онъ истребилъ три тысячи человѣкъ для того, чтобы показать все свое отвращеніе къ такому

---

[1]) Исх. VIII, 26; XXIX, 1.
[2]) Исх. XXXII, 20.

египетскому идолопоклонству [1]); мало того, онъ энергично осудилъ извѣстные погребальные обряды при похоронахъ [2]); онъ запретилъ, какъ мерзость, вызываніе мертвыхъ [3]); но въ то же время онъ ничего, безусловно ничего, даже въ этомъ послѣднемъ запрещеніи, не сказалъ ни противъ почитанія мертвыхъ, ни противъ существованія загробной жизни. Мало того, почести, воздаваемыя умершимъ, даже прямо узаконены въ нѣсколькихъ мѣстахъ Пятокнижія.

Но и помимо этихъ отрицательныхъ выводовъ можно привести положительныя и прямыя доказательства въ пользу вѣры израильтянъ въ безсмертіе души. Они несомнѣнно имѣли идею безсмертія, такъ какъ считали смерть наказаніемъ за первородный грѣхъ и вѣровали, что Адамъ и Ева не переставали бы жить, если-бы не нарушили заповѣди Божіей. Сама смерть въ ихъ представленіи не была полнымъ и совершеннымъ уничтоженіемъ человѣка. Послѣ паденія, потомство Адамово, осужденное выносить послѣдствія грѣха своего праотца, жило здѣсь только какъ въ мѣстѣ изгнанія въ землѣ чужой. Со времени Іакова и Давида до апостоловъ Петра и Павла постоянно раздавался въ груди народа Божія одинъ и тотъ же голосъ: «ибо не имѣемъ здѣсь постоянаго града», говоритъ ап. Павелъ, «но ищемъ будущаго» [4]). «Услышь, Господи, молитву мою», молился царь Давидъ, «ибо странникъ я у Тебя и пришлецъ, какъ и всѣ отцы мои» [5]). «Дней странсвованія моего сто тридцать лѣтъ; малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лѣтъ жизни отцовъ моихъ въ дняхъ странствованія ихъ» [6]). Таковы были слова, которыми Іаковъ ствѣчалъ, по своемъ прибытіи въ Египетъ, Фараону на его вопросъ о лѣтахъ. «Онъ назвалъ свою жизнь странствованіемъ на землѣ, потому что онъ имѣлъ сознаніе о загробномъ отечествѣ», справедливо замѣчаетъ Деличъ. «Тѣ, которые такъ говорятъ», замѣчаетъ ап. Павелъ, «показываютъ, что они ищутъ отечества. И если-бы они въ мысляхъ имѣли то отечество, изъ котораго вышли, то имѣли бы время возвратиться. Но они стремились къ лучшему, то-есть къ небесному» [7]).

---

1) Исх. XXXII, 28.
2) Лев. XIX, 27, 28; Втор. XIV, 1; XXVI, 14.
3) Втор. XVIII, 11, 12.
4) Евр. XIII, 14; ср. 2 Кор. V, 6—8; Ефес. II, 19.—См. также 1 Пет. II, 11.
5) См. Пс. XXXVIII, 13; CXVIII, 19, 54.
6) Быт. XLVII, 9.
7) Евр. XI, 14—16.

Смерть, по воззрѣніямъ древнихъ израильтянъ, была окончаніемъ земнаго странствованія. Для нихъ умереть значило возвратиться къ своимъ отцамъ, приложиться къ своему народу. Эти замѣчательныя выраженія, которыя можно читать во всѣхъ книгахъ Библіи и особенно въ Пятокнижіи [1]), «означаютъ болѣе чѣмъ обыкновенное преданіе землѣ», говоритъ Деличъ. «Подобно тому, какъ выраженіемъ, что патріархи умирали, насыщенные днями, указывается не только на пресыщеніе и недовольство трудами этой жизни, но и на ожиданіе лучшей жизни; такъ равнымъ образомъ и приложеніе къ отцамъ означаетъ не только возсоединеніе ихъ тѣлъ, но и возсоединеніе самыхъ ихъ личностей» [2]). Эти выраженія такимъ образомъ составляютъ неотразимое доказательство вѣрованія израильтянъ въ безсмертіе души. Они весьма отчетливо различаютъ въ своемъ языкѣ смерть, погребеніе и приложеніе умершаго къ своимъ отцамъ. Напрасно было бы доказывать, какъ стараются нѣкоторые критики, что «приложиться къ своему народу», «возвратиться къ своимъ отцамъ» значитъ, будто бы, быть похороненнымъ въ той же самой гробницѣ или въ томъ же самомъ мѣстѣ: Авраамъ, который «приложился къ своему народу» [3]), былъ погребенъ въ Хевронѣ, въ пещерѣ Махпела, между тѣмъ какъ Ѳарра, его отецъ, умеръ въ Хевронѣ, въ Сиріи, и его предки жили и умерли въ Халдеѣ. Измаилъ также «приложился къ своему народу» [4]), хотя онъ и не былъ погребенъ въ гробницѣ своего отца, Исаака. О смерти Іакова разсказывается такимъ образомъ въ книгѣ Бытія: «и окончилъ Іаковъ завѣщаніе сыновьямъ своимъ, и положилъ ноги свои на постелю, и скончался, и приложился къ народу своему» [5]). Когда онъ «приложился къ своему народу», Іосифъ бросился на бездыханное тѣло своего отца и покрывалъ его поцѣлуями и слезами; потомъ смертные останки патріарха были бальзамированы, египтяне справляли трауръ въ теченіе 70 дней, и только послѣ этихъ церемоній Іосифъ отправился похоронить своего отца въ гробницѣ Авраамовой. Іаковъ, слѣдовательно, приложился къ своему народу гораздо

---

[1]) Быт. XV, 15; XXV, 8; 17; XXXV, 29; Числ. XX, 24, 26; Втор. XXXI, 16; Суд. II, 10; 4 Цар. XXII, 20; Іер. VIII, 2 и проч.
[2]) Delitsch, Die Genesis, 1853, т. I, стр. 425.
[3]) Быт. XXV, 8.
[4]) Быт. XXV, 17.
[5]) Быт. XLIX, 33.

раньше, чѣмъ его останки были поставлены рядомъ съ останками его предковъ. Лишенный обѣтованія вступить въ землю обѣтованную, Ааронъ умеръ на горѣ Орѣ и тамъ былъ погребенъ. Ни одинъ еще израильтянинъ не былъ положенъ вмѣстѣ съ нимъ, а между тѣмъ о немъ также говорится, что онъ «приложился къ народу своему» [1]). Моисей, въ свою очередь, умеръ на горѣ Нево, за Іорданомъ, въ странѣ Моава, и никто не зналъ мѣста его погребенія, а между тѣмъ онъ также «приложился къ народу своему» [2]). Тѣнь Самуила въ Аендорѣ возвѣщаетъ Саулу, что онъ завтра же будетъ съ нимъ [3]), между тѣмъ, какъ царь, убитый въ Афекѣ, не былъ погребенъ рядомъ съ помазавшимъ его пророкомъ. Такимъ образомъ ясно, что «приложиться къ отцамъ» есть совершенно иное дѣло, чѣмъ быть похороненнымъ, и израильтяне временъ Моисея вѣровали въ мѣстопребываніе, гдѣ души собирались послѣ смерти. Это мѣстопребываніе душъ предковъ, какъ будетъ показано ниже, называлось *шеолъ*. Оно было не только извѣстно по своей сущности, но также и подъ этимъ названіемъ уже во времена патріарховъ. Когда Іакову возвѣстили о погибели его сына Іосифа, онъ предался сильной скорби, и когда его дѣти хотѣли утѣшить его, онъ отвѣчалъ: «съ печалью сойду къ сыну моему въ преисподнюю» (шеолъ) [4]). Этотъ шеолъ, очевидно, не былъ простой гробницей какъ предполагаютъ нѣкоторые новѣйшіе толкователи и переводчики, потому что Іаковъ предполагалъ, что его сынъ растерзанъ или пожранъ дикимъ звѣремъ, и, слѣдовательно, не могъ надѣяться, чтобы его кости могли покоиться рядомъ съ костями Іосифа.

Такимъ образомъ, мы находимъ уже въ эпоху патріарховъ и Моисея въ самомъ Пятокнижіи безспорные слѣды вѣры израильтянъ въ безсмертіе души. Слѣды эти равнымъ образомъ встрѣчаются и въ другихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, и въ подтвержденіе этого достаточно, напр., вспомнить знаменитую исторію Саула, когда онъ въ своемъ отчаяніи вызывалъ умершаго уже Самуила. Самое это вызываніе умершаго ясно предполагаетъ собою существованіе души вызываемаго за гробомъ. Моисей строго запретилъ вызываніе умершихъ, какъ мерзость [5]). Но это суевѣріе, основанное на дѣй-

---

1) Числ. XX, 24; Втор. XXXII, 50.
2) Втор. XXXII, 50; XXXIV, 6.
3) 1 Цар. XXVIII, 19.
4) Быт. XXXVII, 35.
5) Втор. XVII, 11, 12.

ствительности существованія загробной жизни, настолько укоренилось въ народѣ, что даже и позднѣйшіе пророки, какъ, напр., пророкъ Исаія, должны были возставать противъ этого суевѣрія, хотя безъ сомнѣнія съ малымъ успѣхомъ. «И когда скажутъ вамъ, говорилъ этотъ пророкъ: обратитесь къ вызывателямъ умершихъ, и къ чародѣямъ, и шептунамъ, и чревовѣщателямъ, тогда отвѣчайте: не долженъ ли народъ обращаться къ своему Богу? спрашиваютъ ли мертвыхъ о живыхъ? Обращайтесь къ закону и откровенію [1]. Самая живучесть этихъ суевѣрныхъ обычаевъ среди израильтянъ во всѣ времена ихъ исторіи служитъ безспорнымъ доказательствомъ ихъ вѣры въ загробную жизнь. Иначе было бы нелѣпо думать, что народъ обращался съ вопросами о своей судьбѣ къ существамъ, существованія которыхъ онъ не признавалъ. Въ книгѣ Притчей безсмертіе души прямо опредѣляется буквально. Въ той части этой книги, составленіе которой всѣми приписывается царю Соломону, говорится: «на пути правды жизнь, и на стезѣ ея безсмертіе» [2]. Здѣсь выраженіе *ал-маветъ* съ неоспоримою ясностью указываетъ именно на безсмертіе въ его психологическомъ значеніи, какъ это признается высшими, наиболѣе авторитетными гебраистами, даже несмотря на раціоналистическую предзанятность ихъ мысли въ другихъ отношеніяхъ.

Но если у израильтянъ безспорно существовало вѣрованіе въ безсмертіе души, то что такое была та преисподняя, которая, очевидно, была сборнымъ мѣстомъ душъ? Это мѣсто въ Библіи называется, какъ мы сказали, шеоломъ и названіе это встрѣчается не менѣе 65 разъ. Оріенталисты расходятся въ мнѣніяхъ касательно происхожденія слова шеолъ. Одни производятъ его отъ *саалъ*, «рыть» и придаютъ ему значеніе пещеры; другіе, напротивъ, производятъ его отъ саалъ «требовать», въ какомъ смыслѣ оно означаетъ: «ненасытное мѣсто, которое не перестаетъ требовать новыхъ жертвъ». Нѣкоторые толкователи полагаютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шеолъ означаетъ просто гробницу. Какъ бы то ни было, всѣ ученые, что особенно и важно въ настоящемъ случаѣ, согласны въ томъ, что по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ слово шеолъ означаетъ

---

[1]) Ис. VIII, 19.

[2]) Притч. XII, 28. Въ русскомъ синодальномъ переводѣ вмѣсто «безсмертіе», стоитъ «нѣтъ смерти».

не гробницу, которая называется по еврейски *кеберъ*, а мѣсто, гдѣ живутъ души послѣ смерти. Это мнѣніе признавалось во всѣ времена [1]). Такое мнѣніе ученыхъ весьма ясно подтверждается цѣлымъ рядомъ мѣстъ, которыя показываютъ, что у израильтянъ шеолъ дѣйствительно означалъ мѣсто, куда удалялись души послѣ смерти, и что въ этомъ мѣстопребываніи онѣ не лишались сознанія и жизни, и, слѣдовательно, израильтяне во всѣ времена допускали безсмертіе души и существованіе другаго міра.

Вотъ описаніе царства мертвыхъ по даннымъ, представляемымъ священными книгами. Въ это обиталище нисходятъ по окончаніи настоящей жизни. Туда входятъ, по поэтическому описанію, встрѣчающемуся въ различныхъ мѣстахъ, особыми вратами, которыя называются также устами и которые могутъ расширяться безъ мѣры [2]). Мѣсто это чрезвычайно глубокое, темное и мрачное, хотя оно и обнажено предъ Богомъ. Оно обширно, ненасытимо, неумолимо и непреклонно [3]). По другимъ свидѣтельствамъ, въ шеолѣ есть мѣста еще болѣе удаленныя и болѣе глубокія, назначенныя, безъ сомнѣнія, для отягченныхъ грѣхами душъ. Это-то Моисей въ своей послѣдней пѣснѣ и называетъ «адомъ преисподнимъ», то-есть отдаленнѣйшимъ шеоломъ [4]). Въ это обитаніе мертвыхъ переходятъ всѣ души,

---

1) Греческіе переводчики переводятъ слово шеолъ въ 61 случаѣ словомъ «адъ», то-есть, словомъ, которое въ греческомъ языкѣ означало мѣсто, куда удалялись души, послѣ разлученія съ тѣломъ. Два раза только они перевели это слово словомъ «смерть» (2 Цар. XXII, 6. Прит. XXIII, 14. Греческіе переводчики опустили это слово въ двухъ другихъ мѣстахъ, гдѣ оно употребляется по-еврейски, именно: Іов. XXIV, 19, Іезек. XXXII, 21). Въ латинской Вульгатѣ слово это постоянно переводится словами infernus или inferi, inferus (48 разъ infernus, 17 разъ inferi или inferus). Терминъ шеолъ настолько сдѣлался обычнымъ для обозначенія пребыванія душъ, что Онкелосъ и Іонаѳанъ въ своихъ халдейскихъ парафразахъ обыкновенно сохранили его (за исключеніемъ пяти мѣстъ). Самаританскій текстъ Пятокнижія вездѣ читаетъ шіолъ. Сирійскій переводъ Библіи всегда передаетъ слово шеолъ Ветхаго Завѣта и слово «адъ», соотвѣтствующее ему въ Новомъ, словомъ шіулъ. Большинство нѣмецкихъ гебраистовъ, даже изъ раціоналистовъ, признаютъ, что древніе переводы правильно передавали смыслъ шеола; они сами чаще всего передаютъ его словомъ Schattenreich, то-есть «царство тѣней», или Unterwelt, «подземный міръ», «адъ» (Кнобель, Фюрстъ и др.); locus, ubi mortui, umbrarum instar, degunt, говоритъ Розенмюллеръ. Гезеніусъ опредѣляетъ такъ: «Locus subterraneus... habitatus a mertuorum animabus».

2) Быт. XXXVII, 35; Ис. XXXVIII, 10; Іов. XVII, 16; Ис. V. 14.

3) Іов. XI, 8; X, 21, 22; XXVI, 6; Втор. XXXII, 22; Аввак. II, 5; Притч. I, 12; XXX, 16; Ис. V, 14; Пѣсн. VIII, 6.

4) Втор. XXXII, 22.

и соборное мѣсто это назначено для всѣхъ людей, оно есть «домъ собранія всѣхъ живущихъ»[1]). Обитатели шеола нѣсколько разъ называются въ Библіи рефаимами,—словомъ, которое означаетъ иногда племя исполиновъ, но въ приложеніи къ грѣшникамъ, повидимому, означаетъ существа немощныя и безсильныя. Рефаимы лишены части жизненной силы, но они не лишены всей силы, ни всего сознанія. Пророкъ Исаія въ величественной главѣ, гдѣ онъ предсказываетъ о паденіи царя Вавилонскаго, даетъ намъ возможность проникнуть въ самый шеолъ и такъ описываетъ состояніе его обитателей: «сокрушилъ Господь жезлъ нечестивыхъ, скипетръ владыкъ», провозглашаетъ пророкъ... «вся земля отдыхаетъ (теперь), покоится, восклицаетъ отъ радости... Адъ преисподней пришелъ въ движеніе ради тебя, чтобы встрѣтить тебя при входѣ твоемъ; пробудилъ для тебя рефаимовъ, всѣхъ вождей земли; поднялъ всѣхъ царей языческихъ съ престоловъ ихъ. Всѣ они будутъ говорить тебѣ: и ты сдѣлался безсильнымъ, какъ мы! И ты сталъ подобенъ намъ! Въ преисподнюю низвержена гордыня твоя, со всѣмъ шумомъ твоимъ; подъ тобою подстелется червь и черви покровъ твой. Какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари! Разбился о землю попиравшій народы. А говорилъ въ сердцѣ твоемъ: взойду на небо выше звѣздъ Божіихъ, вознесу престолъ мой и сяду на горѣ, въ сонмѣ боговъ, на краю сѣвера; взойду на высоты облачныя, буду подобенъ Всевышнему. Но ты низверженъ въ адъ, въ глубины преисподней; видящіе тебя всматриваются въ тебя, размышляютъ о тебѣ: тотъ ли это человѣкъ, который колебалъ землю, потрясалъ царства, вселенную сдѣлалъ пустынею и разрушалъ города ея, плѣнниковъ своихъ не отпускалъ домой? Всѣ цари народовъ,—всѣ лежатъ съ честью, каждый въ своей усыпальницѣ; а ты поверженъ внѣ гробницы своей, какъ презрѣнная вѣтвь, какъ одежда убитыхъ, сраженныхъ мечомъ, которыхъ опускаютъ въ каменные рвы, ты, какъ попираемый трупъ[2]).

Подъ шеоломъ вообще разумѣется то мѣсто собранія умершихъ вообще, то пребываніе добрыхъ, то пребываніе злыхъ; или скорѣе мѣсто, куда нисходятъ всѣ умершіе, какъ говорятъ Іовъ и Моисей. Езекія противопоставляетъ его землѣ живущихъ, безъ всякаго раз-

---

[1]) Іов. XXX, 23; Быт. XXXVII, 36; Числ. XVI, 30.
[2]) Ис. XIV, 5—19.

личія между праведными и неправедными [1]). Псалмопѣвецъ говоритъ также, что это мѣсто, куда вынужденъ будетъ удалиться всякій живущій человѣкъ [2]). Но въ книгѣ Чиселъ шеолъ есть пропасть, въ которой божественный гнѣвъ поглотилъ Корея и его мятежныхъ соучастниковъ [3]). Въ книгѣ Іова мы читаемъ:

«Засуха и жары поглощаютъ снѣжную воду;
Такъ преисподняя (шеолъ)—грѣшниковъ» [4]).

Въ псалмахъ и другихъ мѣстахъ нѣсколько разъ онъ означаетъ пребываніе добрыхъ: «Ты не оставишь души моей въ адѣ (шеолъ)», воспѣваетъ Давидъ, говоря отъ имени Мессіи, «и не дашь святому Твоему увидѣть тлѣніе» [5]). На основаніе этихъ мѣстъ, бл. Августинъ и нѣкоторые другіе отцы и учители церкви различали два ада до пришествія Іисуса Христа: одинъ—верхній, гдѣ обитали души праведныхъ, пока таинство искупленія не открыло имъ вратъ небесныхъ, и другой—нижній, куда низвергались злые. Во всякомъ случаѣ ясно, что хотя названіе шеолъ безразлично придается въ Ветхомъ Завѣтѣ мѣстопребыванію добрыхъ и мѣстопребыванію злыхъ, это во всякомъ случаѣ не значитъ, что будто-бы добрые и злые были смѣшаны вмѣстѣ, и еще менѣе, чтобы они вмѣстѣ переносили одни и тѣ же мученія [6]). Но несомнѣнно, что души праведныхъ, находясь въ шеолѣ, не получали должной награды за свои заслуги и не наслаждались блаженствомъ. Потому-то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорится, что въ этомъ пребываніи мертвыхъ нельзя было славить Бога [7]).

Изъ всего сказаннаго съ ясностью вытекаетъ, что израильтяне вѣровали въ безсмертіе души и существованіе загробной жизни. «Идея», говоритъ одинъ изслѣдователь, «которую Ветхій Завѣтъ даетъ намъ о загробной жизни, отличается менѣе чѣмъ можно было бы сначала предполагать, отъ идеи, которую имѣли язычники объ адѣ, если только не впадать въ заблужденіе вслѣдствіе окутывающихъ ее миѳологическихъ покрововъ. Превосходство Ветхаго За-

1) Ис. XXXVIII, 18—19.
2) Пс. LXXXVIII, 48.
3) Числ. XVI, 33.
4) Іов. XXIV, 19.
5) Пс. XV, 10.
6) Ср. Лук. XVI, 26.
7) Ис. XXXVIII, 18; Пс. CXIII, 17; Вар. II, 17.

вѣта въ этомъ отношеніи состоитъ вообще въ трезвости его изображеній и въ томъ, что онъ основываетъ существованіе шеола на монотеизмѣ. Но смерть еще не потеряла своего могущества, и вѣчная жизнь не проявлялась во всей своей полнотѣ» [1]).

Вообще, мы встрѣчаемъ у народовъ самыхъ различныхъ языковъ, нравовъ и происхожденія преданія, которыя тѣсно связываются, если только не принимать во вниманіе преувеличенія и разнообразія въ краскахъ, съ преданіемъ библейскимъ. Гезіодъ въ своей *Теогоніи* показываетъ, что всѣ люди нисходятъ въ жилище ада. Гомеръ изображаетъ души мертвыхъ, обитающими въ мрачной землѣ, въ томъ печальномъ мѣстопребываніи, гдѣ никогда не сіяетъ солнце и гдѣ со скорбью блуждаютъ тѣни. Эта общность идей должна исходить изъ общаго источника, который не можетъ быть другимъ, кромѣ первобытнаго откровенія, такъ какъ человѣкъ самъ по себѣ не можетъ знать о томъ, что происходитъ по смерти. Такъ какъ народы совершенно различнаго происхожденія имѣли по этому предмету сходныя представленія, то эти представленія не могли быть плодомъ воображенія, но представляютъ остатокъ откровеній, сдѣланныхъ Богомъ праотцу человѣческаго рода. Нужно постоянно имѣть въ виду, что только при сверхъестественномъ сообщеніи мы можемъ знать положительнымъ образомъ то, что происходитъ въ другой жизни, особенно касательно награды и наказанія, разсмотрѣніемъ которыхъ мы и займемся теперь.

Прежде, чѣмъ изслѣдовать этотъ вопросъ, нелишне замѣтить, что христіанство не заинтересовано въ отвѣтѣ. Хотя бы даже пришлось сказать вмѣстѣ съ св. Іоанномъ Златоустомъ, что обѣтованія будущей жизни не было въ томъ неполномъ откровеніи, которое сдѣлано израильтянамъ Моисеемъ, и что вообще въ Пятокнижіи не дѣлается никакихъ обѣтованій загробной жизни, обѣтованій, которыя ясно возвѣщены уже только Христомъ и Евангеліемъ, христіанство отнюдь не пострадало бы отъ такого отвѣта. Это было бы только въ томъ случаѣ, когда было бы доказано, что израильская религія, для которой христіанство служитъ восполненіемъ и на которой оно опирается, сама покоилась на заблужденіи, именно на отрицаніи безсмертія души. Но такое утвержденіе ни на минуту не можетъ выдержать серьезнаго изслѣдованія. Въ дѣйствительности

[1]) Güder въ Herzog, Real-Encyclopädie, т. V, 1856 г., стр. 441.

вполнѣ извѣстно, что ни въ одномъ мѣстѣ священныхъ книгъ не отрицается вознагражденіе по дѣламъ въ загробной жизни. При этомъ нужно также имѣть въ виду, что въ самыхъ древнихъ книгахъ, и въ особенности въ Пятокнижіи, нигдѣ не излагается формально ученія о наградахъ и наказаніяхъ по смерти. «Законъ Моисеевъ», говоритъ Боссюетъ, давалъ человѣку лишь первичное понятіе о сущности души и о ея блаженствѣ: тайны загробной жизни не были тогда всеобще раскрыты, и только уже во времена Мессіи этотъ великій свѣтъ открыто возсіялъ для всѣхъ. Только уже новое поколѣніе людей стало полагать вѣру въ будущую жизнь въ основу своей религіи» [1]). Извѣстно, что одна изъ главныхъ особенностей, отличающихъ между собою религію іудейскую отъ религіи христіанской, состоитъ въ томъ преобладающемъ значеніи, какое имѣетъ во второй вѣрованіе въ рай и адъ,—значеніи, слѣды котораго мы мало замѣчаемъ въ первой до времени Маккавеевъ. Но нужно различать между знаніемъ извѣстнаго ученія и вліяніемъ, которое оно оказываетъ на умы. Даже христіанскіе догматы, одинаково признаваемые во всѣ вѣка, тѣмъ не менѣе различно проявлялись въ жизни народовъ въ различныя времена. Безспорно, что почитаніе Приснодѣвы, напр., признавалось и существовало во всѣ времена въ церкви, но оно проявлялось не всегда подъ однѣми и тѣми же формами, да и теперь разнообразится въ своемъ внѣшнемъ выраженіи въ различныхъ мѣстахъ и у различныхъ народовъ. Поэтому неудивительно, что и Моисей говорилъ о загробной жизни и о вознагражденіи въ ней не такимъ же яснымъ языкомъ, какъ напр. говорилъ ап. Павелъ ученикамъ Христовымъ: «наше жительство на небесахъ. О горнемъ помышляйте, а не о земномъ» [2]). Сыны Іакова недостаточно были свободны отъ чувственности, чтобы воспринимать такіе высокіе уроки и подниматься до столь возвышенныхъ мыслей. Должны были протечь еще цѣлые вѣка, прежде чѣмъ Искупитель нашелъ землю достаточно подготовленною для воспринятія божественнаго сѣмени и оплодотворенія его. Но ко времени Его пришествія все уже измѣнилось: Онъ хотѣлъ основать религію вселенскую, и ей нужно было дать болѣе широкую основу, чѣмъ основа религіи іудейской. Тогда уже невозможно было болѣе связы-

[1]) Bossuet, Discours sur l'histoire universelle, partie II, ch. XIX. Oeuvres, изд. Vives, t. XXIV, pp. 459, 460.

[2]) Филип. III, 20; Кол. III, 2.

вать земныя благословенія только съ соблюденіемъ закона. такъ какъ новая церковь должна была обнимать не одинъ только народъ, какъ древняя, но всѣ народы земли. Антагонизмъ между членами великой вселенской церкви, какъ народами, былъ неизбѣженъ. Но если между ними неизбѣжно должны были происходить, такъ сказать, матеріальныя состязанія, борьба за вліяніе или за различные матеріальные интересы, то по крайней мѣрѣ они могли быть направляемы однимъ и тѣмъ же духовнымъ побужденіемъ къ своей высшей цѣли, къ обладанію небомъ.

Часто утверждали, что Моисей не говорилъ ясно о загробномъ вознагражденіи для того, чтобы предотвратить опасность идолопоклонства среди израильтянъ. На этой мысли сильно настаивали такія ученыя личности, какъ напр. Боссюетъ и другіе. Но для этого были и другія причины. Моисей не заявлялъ притязанія на то, что онъ давалъ своему народу новую религію: онъ хотѣлъ только охранить религію патріарховъ отъ всякой нечистой примѣси, окружая ее, такъ сказать, покровительственной оградой. Онъ сильно настаивалъ на тѣхъ пунктахъ, которымъ угрожало видоизмѣненіе или искаженіе, какъ, напр., единство Бога, и не останавливался на другихъ. Онъ былъ болѣе законодатель гражданскій и политическій, чѣмъ преобразователь религіозный. Въ своемъ кодексѣ онъ не выставлялъ будущую жизнь въ качествѣ санкціи установленнаго имъ закона; вѣрно также и то, какъ говоритъ бл. Августинъ, что «въ томъ завѣтѣ, который вѣрно называется ветхимъ и данъ на горѣ Синайской, не находится открытыхъ обѣтованій, кромѣ, какъ о блаженствѣ земномъ»; но что удивительнаго въ этомъ? Кто удивится напр., тому, что о небѣ и адѣ не упоминается также и въ нашихъ гражданскихъ кодексахъ Уложеній? Еще менѣе Моисей составлялъ философскій или богословскій трактатъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. Древніе восточные люди не имѣли понятія объ умозрительной книгѣ, составляемой по правильному и строгому методу и разсматривающей предметъ со всѣхъ сторонъ, не упуская ни одной. Эти методы потомковъ арійцевъ были совершенно неизвѣстны сынамъ Сима. Авторъ Пятокнижія сохранилъ исторію своего народа, онъ опровергъ господствующія заблужденія и злоупотребленія, но онъ находилъ излишнимъ говорить о томъ, что извѣстно было всѣмъ и во что вѣровали всѣ. Если бы Десятословіе составлялъ какой-нибудь перипатетикъ или схоластикъ, то онъ навѣрно, во главѣ всего

поставилъ бы доказательство бытія Божія. Моисей, напротивъ, не дѣлаетъ такого утвержденія касательно бытія Божія: оно всегда предполагалось само собою, и поэтому онъ никогда не формулировалъ его. То же самое и по вопросу о наградахъ въ загробной жизни. Онъ зналъ о нихъ, въ чемъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ онъ былъ воспитанъ во всей мудрости египетской, а египтяне допускали ее; онъ вѣрилъ въ нихъ, такъ какъ онъ нигдѣ не отрицаетъ ихъ и хотя онъ опровергалъ и изобличалъ все, что казалось ему ложнымъ въ мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ народовъ, среди которыхъ жилъ его народъ, онъ не считалъ нужнымъ упоминать о его вѣрѣ въ этомъ отношеніи, такъ какъ это упоминаніе казалось совершенно излишнимъ. Іудеи во всѣ времена допускали, что было много истинъ, которыя не были записаны въ законѣ, но сохранялись и передавались между ними отъ поколѣнія къ поколѣнію устнымъ преданіемъ: вѣра въ награды и наказанія въ загробной жизни была въ числѣ этихъ истинъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній укажемъ теперь тѣ слѣды этой истины, которые мы встрѣчаемъ въ священныхъ книгахъ. Первый заключается въ исторіи Еноха. «Енохъ», говоритъ священный бытописатель, «ходилъ предъ Богомъ; и не стало его, потому что Богъ взялъ его»[1]). Взятіе Еноха, несомнѣнно, выставляется, какъ награда за его благочестіе. Слова, правда, весьма неясныя, произнесенныя Богомъ послѣ потопа, повидимому представляютъ запрещеніе убійства и содержатъ угрозу наказаній въ загробной жизни: «Я взыщу за вашу кровь, въ которой жизнь ваша; взыщу ее отъ всякаго звѣря, взыщу также душу человѣка отъ рукъ человѣка, отъ руки брата его[2]). Минуя многія другія мѣста, смыслъ которыхъ довольно ясенъ, въ подтвержденіе разсматриваемой истины, мы прямо перейдемъ къ книгѣ Екклесіастъ. Іудейское и христіанское преданія, составленіе Екклесіаста приписываютъ Соломону, и Рейшъ, въ спеціальномъ трудѣ, доказалъ, что нѣтъ никакого основанія отвергать это древнее мнѣніе. Вотъ нѣсколько ученій Екклесіаста. Въ этой книгѣ безсмертіе души и будущій судъ Божій суть предметы умственнаго доказательства, и авторъ представляетъ ихъ какъ заключеніе, выведенное изъ изученія нравовъ міра. Другими словами, Екклесіастъ старается установить и подтвердить умозрѣніемъ уже существующее въ народѣ вѣрованіе. Какъ человѣкъ можетъ удовлетворить не-

1) Быт. V, 24.
2) Быт. IX, 5.

преодолимую потребность, которую онъ испытываетъ въ установленіи постоянной гармоніи между своими способностями? Какъ можетъ онъ слѣдовать своему сердцу и своимъ страстямъ, и въ то же время слушать своего разума и своихъ лучшихъ инстинктовъ? Увы! рѣшеніе этой трудной проблемы невозможно для человѣка здѣсь, на землѣ. Удовольствія производятъ пресыщеніе; часто они худы, и добродѣтель осуждаетъ ихъ. Добродѣтель въ свою очередь не защищаетъ отъ страданія и несчастья; нечестивый, повидимому, часто бываетъ даже счастливѣе, чѣмъ праведный, попираемый имъ; нечестіе торжествуетъ даже предъ судьями. Что можетъ служить объясненіемъ этого безпорядка, столь противнаго благости и правдѣ Божіей? А вотъ что: «видѣлъ я подъ солнцемъ: мѣсто суда, а тамъ беззаконіе; мѣсто правды, а тамъ неправда. И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: праведнаго и нечестиваго будетъ судить Богъ, потому что время для всякой вещи и суда надъ всякимъ дѣломъ тамъ» [1]). Слѣдовательно, именно *тамъ*, предъ судилищемъ Бога, въ загробной жизни, будутъ разрѣшены всѣ загадки настоящей жизни. Изъ этой мысли именно авторъ Екклесіаста дѣлаетъ общій выводъ всей своей книги: «знай же, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ... и возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ; а духъ возвратится къ Богу, который далъ его. Выслушаемъ сущность всего: бойся Бога и заповѣди Его соблюдай, потому что въ этомъ все для человѣка. Ибо всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ и все тайное, хорошо ли оно или худо» [2]).

Такимъ образомъ, если въ Ветхомъ Завѣтѣ мы еще и не видимъ такъ сказать, солнца, въ его полуденномъ блескѣ, то несомнѣнно мы видимъ уже тамъ зарю его. Ветхій Завѣтъ, конечно, не описываетъ блаженства, которымъ еще не наслаждались избранные; это сдѣлалось возможнымъ только съ пришествіемъ Іисуса Христа, который одинъ могъ отворить двери неба и открыть всѣ чудеса рая; но все тамъ уже заставляетъ предчувствовать это великое событіе, и тутъ, какъ и вездѣ, Ветхій Завѣтъ былъ приготовленіемъ къ Новому.

Наконецъ, съ ученіемъ о безсмертіи души, тѣсно связывается и ученіе о воскрешеніи тѣла, и это ученіе также находитъ ясные отголоски въ ветхозавѣтныхъ книгахъ и особенно въ книгѣ Іова. Извѣст-

---

1) Екл. III, 16, 17.
2) Екл. XI, 11; XII, 7, 13, 14.

но, что книга Іова имѣетъ своею цѣлью разрѣшеніе вопроса о промышленіи. Человѣкъ страдаетъ, и притомъ страдаетъ праведникъ: какимъ образомъ Богъ можетъ поражать невиннаго такими же бѣдствіями, какъ онъ поражаетъ и виновнаго? Этотъ вопросъ подробно разсматривается въ знаменитой бесѣдѣ Іова съ его тремя друзьями, и во время этихъ разсужденій Іовъ не разъ высказываетъ свою надежду на то, что Богъ во всякомъ случаѣ воздастъ справедливость послѣ смерти и окончательное воздаяніе будетъ совершено по воскресеніи тѣла:

«Я знаю, говоритъ онъ, Искупитель мой живъ,
И Онъ въ послѣдній день возставитъ изъ
Распадающуюся кожу мою сію;
И я во плоти моей узрю Бога.
Я узрю Его самъ;
Мои глаза, не глаза другаго, увидятъ Его» [1]).

Великій страдалецъ, котораго друзья обвиняли въ тайномъ грѣхѣ, зналъ и въ пророческомъ видѣніи предвидѣлъ своего отмстителя и своего Искупителя; въ немъ онъ привѣтствуетъ начальника и виновника будущей жизни, источника вѣчной награды,—того, который въ свое время явится для того, чтобы возстановить это изможденное тѣло, теперь разлагающееся и омерзительное. Это именно упованіе и поддерживало въ страдальцѣ бодрость духа и служило причиной его успокоенія. Почти всѣ отцы церкви признавали въ приведенныхъ словахъ Іова весьма ясное исповѣданіе вѣры въ воскресеніе тѣла, и въ первые вѣка церкви послѣ гоненій благочестивые христіане начертывали на гробницахъ этотъ актъ вѣры, какъ выраженіе ихъ собственнаго вѣрованія.

И такъ, сдѣлаемъ общее заключеніе. Израильтяне ясно отличали душу отъ тѣла; они вѣровали въ ея безсмертіе и въ будущую жизнь; они имѣли по крайней мѣрѣ предчувствіе о вознагражденіи въ будущей жизни и о воскресеніи тѣлъ. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы не признавать, что идея будущей жизни не занимаетъ въ Ветхомъ Завѣтѣ вообще и въ книгѣ Іова, въ частности, столь большаго мѣста, какъ въ Новомъ Завѣтѣ и въ книгахъ христіанскихъ. Истины эти были вполнѣ раскрыты только въ христіанствѣ. Когда Спаситель въ одной изъ своихъ прекраснѣйшихъ притчей разсматривалъ вопросъ о неравномъ и, повидимому, несправедливомъ рас-

[1]) Іов. XIX, 23—27.

предѣленіи благъ и золъ въ этомъ мірѣ, онъ въ двухъ словахъ разрѣшилъ его самымъ яснымъ и положительнымъ образомъ: бѣдный Лазарь, потерпѣвъ здѣсь, перенесенъ былъ въ лоно Авраамово; наоборотъ, злой богачъ, наслаждавшійся здѣсь на землѣ, былъ низвергнутъ въ адъ [1]). Іовъ получилъ свою награду уже здѣсь на землѣ, и священный авторъ не говоритъ о своей наградѣ на небѣ. Но было бы нелѣпо пренебрежительно относиться къ источнику малаго ручья, который скоро сдѣлается большой рѣкой, и отрицать свѣтъ восходящаго солнца потому только, что оно еще не достигло своего полуденнаго блеска.

ГЛАВА II.

Религіозныя установленія.

Какъ Правитель или Царь своего избраннаго народа, Господь Богъ долженъ былъ имѣть особое мѣсто своего присутствія среди народа, и такимъ мѣстомъ сдѣлалась скинія.

По своему устройству скинія раздѣлялась на три части: внѣшній дворъ, святилище и святое святыхъ. Внѣшній дворъ представлялъ собою правильный четырехугольникъ, пространствомъ въ 100 локтей длины и 50 ширины; онъ обнесенъ былъ со всѣхъ сторонъ загородью въ пять локтей высоты, прерывавшеюся лишь входною дверью съ восточной стороны. Входная дверь имѣла двадцать локтей ширины и закрывалась изящно расшитыми и разноцвѣтными занавѣсями. Въ передней части двора находился жертвенникъ всесожженія, на которомъ приносились всѣ жертвы, кромѣ жертвы за грѣхъ, которая приносилась внѣ стана. Жертвенникъ этотъ представлялъ собою ящикъ въ 5 квадратныхъ локтей ширины и 3 высоты; онъ сдѣланъ былъ, какъ и всѣ главныя принадлежности скиніи, изъ дерева ситтимъ, обложенъ кованою мѣдью и имѣлъ внутри мѣдную рѣшетку для дровъ, а по бокамъ кольца для ношенія его на шестахъ. Выдававшіяся по угламъ возвышенія, такъ называемые «роги», служили тѣмъ мѣстомъ, держаніе за которое служило выраженіемъ желанія всецѣло предаться милосердію Божію, равно какъ и обезпе-

[1]) Лук. XVI, 22.

ченіемъ неприкосновенности и безопасности для искавшихъ спасенія отъ мщенія людей. Между этимъ жертвенникомъ и самою скиніей находилась мѣдная умывальница, содержавшая въ себѣ воду для умовенія священниковъ. Затѣмъ дверь вела въ самую скинію, именно въ первое ея отдѣленіе, такъ называемое святилище. Оно занимало двѣ трети всего пространства скиніи и представляло собою вторую (послѣ внѣшняго двора) ступень въ постепенномъ приближеніи къ соприсутствію съ Богомъ. Въ немъ содержались три особыя принадлежности: 1) жертвенникъ кадильный, находившійся въ самой срединѣ святилища, 2) трапеза по правую и 2) свѣтильникъ по лѣвую сторону. Жертвенникъ кадильный (на подобіе стола въ 2 локтя вышины и по 1 локтю въ ширину и длину) обложенъ былъ золотомъ и имѣлъ по бокамъ кольца для ношенія его на шестахъ. На немъ каждое утро утро и вечеръ приносилось куреніе благовонныхъ травъ—сначала Ааронъмъ и его сыновьями, а затѣмъ священниками, поочередно совершавшими свое богослуженіе, и по важнѣйшимъ случаямъ первосвященникомъ. Огонь для куренія брался съ жертвенника всесожженія и возжиганіе его представляло собою символъ ходатайства священника предъ Богомъ за народъ, который въ это время молился на дворѣ скиніи. Приносить «чуждый» огонь или самовольно присвоивать себѣ это служеніе священника считалось великимъ преступленіемъ. Надавъ и Авіудъ были убиты за это именно преступленіе. Трапеза представляла собою продолговатый столъ съ ножками—въ два локтя длины, 1 ширины и $1^1/_2$ высоты. На этомъ столѣ находились двѣнадцать хлѣбовъ, по шести на каждой сторонѣ, съ ладономъ на верху. Хлѣбы эти, называвшіеся вслѣдствіе предложенія ихъ Іеговѣ, хлѣбами предложенія, каждую субботу вновь перемѣнялись священниками, которые съѣдали старые въ святилищѣ, причемъ никто еще не имѣлъ права вкушать отъ нихъ. По правую или южную сторону жертвенника кадильнаго стоялъ свѣтильникъ, сдѣланный изъ литаго кованаго золота и вѣсившій цѣлый талантъ. Онъ представлялъ собою подобіе дерева съ шестью развѣтвленіями, которыя вмѣстѣ съ главнымъ стволомъ составляли семь отдѣльныхъ свѣтилень. Свѣтильни зажигались во время вечерняго возношенія, а главная свѣтильня была неугасима. Свѣтильникъ освѣщалъ все пространство святилища, но свѣтъ его не проникалъ чрезъ тяжелую завѣсу, отдѣлявшую отъ святилища вторую и святѣйшую часть ски-

нiи—именно святое святыхъ, занимавшее одну треть всего пространства скинiи. Внутренность этого отдѣленiя погружена была въ непроницаемый таинственный мракъ и въ немъ находилась лишь одна, но самая священная принадлежность, именно ковчегъ завѣта. Онъ былъ сдѣланъ также изъ дерева ситтимъ и представлялъ собою небольшой ящикъ ($2^1/_2$ локтя длины и по $1^1/_2$ ширины и высоты), которой совнѣ и свнутри обложенъ былъ чистымъ золотомъ. На крышкѣ изъ чистаго золота были два херувима со склоненными другъ къ другу лицами и соприкасающимися крыльями и межу ними находился самый престолъ Іеговы, «обитавшаго между херувимами». Мѣсто это также называлось мѣстомъ умилостивленiя, потому что тамъ Іегова открывался въ великiй день очищенiя, какъ Богъ прощающiй беззаконiе, преступленiе и грѣхъ. Внутри ковчега находились скрижали завѣта, а рядомъсъ ними золотой сосудъ съ манною и жезлъ Аарона расцвѣтшiй. Золотыя кольца у нижнихъ угловъ ковчега служили для ношенiя его на шестахъ во время странствованiя. Разсматриваемая какъ мѣсто соприсутствiя Бога, скинiя была храмомъ церкви ветхозавѣтной, и вслѣдствiе этого всѣмъ своимъ устройствомъ явственно прообразовала церковь Христову, какъ мѣсто, гдѣ человѣчество, искупленное Христомъ, вступило въ тѣснѣйшее общенiе и единенiе съ Божествомъ. Самый входъ въ скинiю съ востока означалъ, что ветхозавѣтная церковь еще ожидала явленiя солнца правды—Христа. Во дворъ ея могли входить вмѣстѣ съ iудеями и язычники, и этимъ предзнаменовалось будущее призванiе въ церковь Христову всѣхъ потомковъ Адама, т.-е. всѣхъ народовъ земли. Стоявшiе во дворѣ скинiи жертвенникъ и умывальница изображали: первый всемiрную жертву—Христа, открывшаго всѣмъ людямъ входъ въ царство небесное, а вторая служила образомъ купели крещенiя, чрезъ которое мы вступаемъ въ церковь новозавѣтную. Святилище, въ которомъ могли стоять только священники, предъизображало истинновѣрующихъ христiанъ. Свѣтильникъ, трапеза съ хлѣбами и жертвенникъ кадильный прообразовали I. Христа, который просвѣщаетъ, питаетъ и возноситъ наши молитвы къ Богу Отцу. Святое святыхъ, въ которое могъ входить одинъ только первосвященникъ однажды въ годъ съ жертвенною кровью, означало самое небо, куда Христосъ Спаситель вошелъ съ кровью своею за насъ предъ лицо Божiе. Ковчегъ завѣта со скрижалями десяти заповѣдей былъ какъ-бы самымъ престоломъ Господа Бога, изрекавшаго людямъ Свою святую волю.

Выраженіемъ воли Божіей служило все синайское законодательство, которое въ отдѣльныхъ своихъ постановленіяхъ распадается на законы религіозные, законы нравственные и законы гражданскіе.

Сущность религіозныхъ законовъ выражена въ первыхъ четырехъ заповѣдяхъ, составляющихъ первую скрижаль. Въ нихъ опредѣляется истинное отношеніе человѣка къ Богу, и для укрѣпленія его въ народномъ сознаніи установлены внѣшнія учрежденія, которыя, группируясь около скиніи, состояли изъ священныхъ лицъ, временъ и дѣйствій.

Священныя лица были избранниками изъ избраннаго народа для посвященія ихъ на исключительное служеніе Богу. Они составляли все колѣно Левіино, и соотвѣтственно тремъ частямъ скиніи раздѣлялись на три степени—левитовъ, священниковъ и первосвященника. Левиты были простые церковнослужители, которые назначены были для исправленія низшихъ обязанностей при скиніи. При передвиженіи они должны были носить скинію со всѣми ея принадлежностями, наблюдать за порядкомъ, чистотою и сохранностью священныхъ предметовъ и сосудовъ; приготовлять необходимые матеріалы для священнодѣйствія и заботиться о поступленіи должныхъ доходовъ на содержаніе скиніи и ея учрежденій. Левитами считались всѣ члены мужскаго пола колѣна Левіина, кромѣ семейства Ааронова, въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ. Они раздѣлялись на три класса, сообразно съ родовымъ происхожденіемъ ихъ отъ трехъ сыновей Левія—Герсона, Каѳа и Мерари, и каждому классу назначены были особыя обязанности при служеніи и особенно при перенесеніи скиніи. На служеніе они поступали чрезъ особое посвященіе, состоявшее въ очищеніи ихъ, рукоположеніи и принесеніи жертвъ. Священниками были всѣ сыновья, а затѣмъ и потомки Аарона, достойные этого священнаго званія по своимъ нравственнымъ и тѣлеснымъ качествамъ. На свое служеніе они посвящались чрезъ окропленіе священнымъ муромъ, смѣшаннымъ съ кровью. На нихъ лежала обязанность приносить въ опредѣленное время жертвы во дворѣ скиніи и куреніе въ святилищѣ, зажигать каждый вечеръ свѣтильникъ въ немъ, перемѣнять каждую субботу хлѣбы предложенія, трубить въ трубы для созванія народа, очищать по особому чиноположенію прокаазу и другія нечистоты и поучать народъ въ законѣ Божіемъ. Какъ представителямъ священнослуженія

имъ дано было особое одѣяніе, въ которое они должны были облачаться при священнослуженіи. Одѣяніе ихъ состояло изъ 1) нижняго льнянаго платья—*надрагъ* «для прикрытія тѣлесной наготы отъ чреслъ до голеней», 2) верхнято бѣлаго платья,—*хитона*, спускавшагося до полу и подхватывавшагося на таліи бѣлымъ 3) *поясомъ*, украшеннымъ разноцвѣтнымъ шитьемъ; затѣмъ круглое головное покрывало — *кидаръ*, довершало это облаченіе для священниковъ, для которыхъ не полагалось обуви, такъ какъ святость мѣста богослуженія требовала совершенія священнослуженія съ босыми ногами. Во главѣ священныхъ лицъ стоялъ первосвященникъ, высшая должность котораго присвоена была лично Аарону, а затѣмъ старшему въ его родѣ по преемству. Ему одному позволялось входить въ святое святыхъ, что онъ дѣлалъ однажды въ годъ, въ день очищенія, для окропленія кровью. Достоинство его высшаго званія не позволяло ему участвовать при погребеніи или разрывать своихъ одеждъ въ знакъ печали. Посвященіе въ этотъ санъ совершалось чрезъ обильное изліяніе хранившагося при скиніи мура на главу посвящаемаго, облачавшагося при этомъ въ особыя присвоенныя первосвященническому сану одежды. Одежды эти были гораздо пышнѣе и сложнѣе, чѣмъ у священниковъ. Сверхъ обычныхъ священническихъ одеждъ надѣвалась еще особая безрукавная одежда или 1) верхняя *риза*, вязанная изъ пурпурноголубой шерсти съ изящно отороченнымъ воротомъ и убранная внизу разноцвѣтными яблоками и золотыми колокольчиками. Сверхъ нея надѣвался 2) *эфодъ* или особая короткая одежда съ золотыми застежками на плечахъ, изъ которыхъ на каждомъ было по камню ониксу съ вырѣзанными на нихъ именами двѣнадцати колѣнъ, по шести на каждомъ. Эфодъ стягивался особымъ поясомъ, одинаковымъ съ нимъ по цвѣту и работѣ. Затѣмъ былъ особый 3) *наперсникъ* или нагрудникъ, прикрѣплявшійся голубыми снурками и золотыми кольцами; на немъ сверкало двѣнадцать драгоцѣнныхъ камней, вдѣланныхъ въ золото по три въ рядъ съ вырѣзанными также на нихъ именами двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ. Въ связи съ наперсникомъ находились и таинственные уримъ и туммимъ («совѣты и совершенства»), посредствомъ которыхъ первосвященнику сообщалась воля Божія. 4) Головной кидаръ первосвященника отличался отъ простого священническаго не только большею роскошью, но и особенно тѣмъ, что на передней части его была

золотая дощечка съ выбитою на ней надписью: Святыня Господня. Первосвященникъ избраннаго народа по высотѣ и величію своего служенія былъ прообразомъ «Первосвященника великаго прошедшаго небеса, Іисуса, Сына Божія» (Евр. IV, 14).

Кромѣ священныхъ лицъ по должности, были еще священныя лица по обѣту, такъ называемые назореи, т.-е. выдѣленные на служеніе Богу. Назореи обязаны были воздерживаться отъ вина и винограда, отъ стриженія волосъ и отъ всякаго осквернѣнія. Обѣтъ назорейства давался или на всю жизнь, или только на извѣстное время. Въ послѣднемъ случаѣ онъ разрѣшался принесеніемъ троякой жертвы и сожженіемъ волосъ на жертвенникѣ.

Священныя времена, установленныя закономъ, раздѣляются на три разряда: 1) времена, связанныя съ учрежденіемъ субботы, 2) великіе историческіе праздники и 3) день очищенія.

Суббота, какъ день покоя, есть одно изъ самыхъ первобытныхъ учрежденій, ведущихъ свое начало отъ сотворенія міра: «И благословилъ Богъ седьмый день и освятилъ его» (Быт. II, 3). Синайскимъ законодательствомъ только подтверждено ея учрежденіе, какъ показываетъ и самая заповѣдь: «*Помни* день субботній, еже святити его». Это священный покой отъ обыденнаго тяжкаго труда, которымъ человѣкъ принужденъ добывать себѣ насущный хлѣбъ, день радостнаго отдохновенія въ общеніи съ Богомъ, который и Самъ «въ седьмый день почилъ и покоился» (Исх. XXXI, 17). Заповѣдью этою не поощряется праздолюбивая лѣность, а только запрещается трудъ съ корыстною цѣлью, служеніе мамонѣ. Вмѣсто этого труда суббота должна быть посвящаема на служеніе Богу. Въ этотъ день народъ собирался въ скинію къ богослуженію, состоявшему въ двойномъ приношеніи жертвъ, и возобновлялись хлѣбы предложенія.

Празднованіе субботы послужило основой для другихъ торжественныхъ праздниковъ, установленныхъ въ опредѣленные, болѣе крупные промежутки времени. Сюда относятся: а) праздникъ новомѣсячія, который совершался при первомъ появленіи всякой луны, о чемъ возвѣщалось народу двумя серебряными трубами. Праздникъ состоялъ въ усиленномъ принесеніи жертвъ; б) Праздникъ трубъ, совершавшійся въ первый день мѣсяца Тисри, которымъ начинался гражданскій годъ, но который былъ седьмымъ, такъ сказать, субботнимъ мѣсяцемъ священнаго года. Такъ какъ этотъ день всегда приходился въ субботу, то и самое соблюденіе его имѣло ха-

рактеръ субботства. Наступленіе его возвѣщалось трубами, отъ чего онъ и получилъ свое названіе. Затѣмъ съ расширеніемъ круга субботства, установлены были великіе періодическіе праздники, совершавшіеся въ нѣсколько лѣтъ разъ. Сюда относился в) субботній годъ. Подобно тому, какъ освящался каждый седьмой день и седьмой мѣсяцъ, такъ долженъ былъ освящаться и каждый седьмой годъ. Особенностью субботняго года было то, что въ теченіе его и самая земля, какъ всецѣло принадлежавшая Господу, должна была соблюдать субботу, т.-е. покоиться отъ обработки. Всѣ уродившіеся сами собой плоды отдавались въ пользованіе бѣднымъ и животнымъ. Субботній годъ назывался также «годомъ прощенія», потому что заимодавцы должны были въ этотъ годъ прощать долги своимъ должникамъ (Второз. XV, 1, 2). Въ этомъ же году пользовался отпущеніемъ на свободу всякій израильтянинъ, попавшій въ рабство. Завершеніемъ семи субботнихъ годовъ былъ г) годъ юбилейный, совершавшійся въ каждый пятидесятый годъ. Онъ начинался въ 10 день седьмаго мѣсяца, Тисри, въ великій день очищенія. Послѣ торжественныхъ жертвоприношеній, раздавался звукъ юбилейной трубы: «объявлявшей на землѣ свободу всѣмъ жителямъ ея». Земля не обрабатывалась, какъ и въ субботній годъ. Всѣ земли, которыхъ бѣдняки лишились въ теченіе минувшаго полустолѣтія, опять безвозмездно возвращались имъ въ полную собственность. Всѣ рабы освобождались. Все возстановлялось въ томъ видѣ, какъ было при первоначальномъ раздѣленіи земли обѣтованной. Юбилейный годъ завершалъ собою великій кругъ субботнихъ годовъ, послѣ чего въ извѣстномъ смыслѣ все обновлялось, вступало какъ бы въ новую жизнь.

Кромѣ круга субботнихъ праздниковъ, было три особыхъ великихъ историческихъ праздника, въ которые весь народъ мужскаго пола долженъ былъ являться предъ лицо Іеговы (въ скиніи или впослѣдствіи въ храмѣ) съ установленнымъ приношеніемъ Богу. Эти праздники не только служили воспоминаніемъ великихъ событій въ исторіи израильскаго народа, но каждый изъ нихъ имѣлъ свое особое значеніе. Первый изъ нихъ—Пасха, отмѣчалъ начало жатвы, второй — Пятидесятница — ея окончаніе, и третій — Праздникъ Кущей—время собиранія винограда и всѣхъ плодовъ года. Они соединялись между собою такъ, что образовывали одинъ великій кругъ. Пасха была на первомъ мѣстѣ священнаго года; чрезъ

семь недѣль наступала Пятьдесятница, а въ седьмомъ мѣсяцѣ наступалъ праздникъ Кущей. Пасха служила для израильтянъ воспоминаніемъ начала ихъ избавленія отъ рабства и вступленія въ состояніе свободнаго народа; Пятьдесятница—дарованіе закона, а праздникъ Кущей представлялъ для нихъ радостное сопоставленіе между осѣдлою жизнью въ плодородной землѣ и странствованіемъ въ пустынѣ.

а) Пасха, бывшая самымъ торжественнымъ изъ трехъ годовыхъ праздниковъ, совершалась въ теченіе семи дней, начиная съ вечера, которымъ заканчивался четырнадцатый день Нисана или Авива, перваго мѣсяца священнаго года. Она установлена была въ ночь предъ исходомъ израильтянъ изъ Египта, и хотя въ совершеніи ея со временемъ произошли нѣкоторыя измѣненія, но въ общемъ она совершалась такъ же, какъ и въ первый разъ при ея установленіи. Пасха имѣла глубочайшее прообразовательное значеніе Въ своемъ первоначальномъ смыслѣ это была въ одно и то же время и жертва, въ которой невиннѣйшее изъ животнаго царства приносилось въ искупленіе за виновныхъ во грѣхѣ, и радостное празднество по случаю избавленія,—празднество вмѣстѣ съ тѣмъ историческое, и потому Пасха вкушалась съ горькими травами и пѣснымъ хлѣбомъ (въ воспоминаніе горечи египетскаго рабства и спѣшныхъ сборовъ къ избавленію отъ него, въ положеніи спѣшащихъ въ путь странниковъ). Въ своемъ высшемъ значеніи она была явнымъ прообразомъ искупительнаго дѣла Христа, который, какъ «Пасха наша, былъ закланъ за насъ» (1 Кор. V; 7), и притомъ закланъ въ самое время совершенія обрядовой Пасхи, какъ «непорочный и чистый Агнецъ» (1 Петр. I; 19).

б) Пятьдесятница, праздникъ жатвы была какъ бы дополненіемъ Пасхи. Она продолжалась только одинъ день, чрезъ 50 дней послѣ 16 Нисана, въ концѣ мая. Промежутокъ между ними былъ страдной порой жатвы, и въ день Пятьдесятницы приносились въ жертву первые хлѣбы изъ новособранныхъ плодовъ. Съ этимъ праздникомъ соединялось и воспоминаніе о дарованіи Синайскаго закона.

в) Праздникъ Кущей завершалъ собою кругъ годовыхъ праздниковъ и отличался великимъ ликованіемъ. Онъ былъ въ одно и то же время и благодареніемъ за собранную жатву и воспоминаніемъ о томъ времени, когда израильтяне жили въ «кущахъ» или палат-

кахъ въ теченіе своего странствованія по пустынѣ. Онъ совершался осенью, когда уже собраны были всѣ плоды земли, и продолжался семь дней, заканчивавшихся восьмымъ днемъ «священнаго собранія». Въ теченіе этихъ семи дней (отъ 15 до 22 числа мѣсяца Тисри) народъ обиталъ въ шалашахъ изъ древесныхъ вѣтвей, отчего и получилъ свое названіе праздника Кущей.

Совершенно особо отъ этихъ торжественныхъ праздниковъ стоялъ день очищенія, единственный день покаянія и поста по закону Моисееву. Онъ соблюдался за пять дней до праздника Кущей и имѣлъ характеръ торжественной субботы, когда всѣ должны были прекращать свои работы и «смирять свои души» подъ страхомъ истребленія изъ народа. Установленные на этотъ день обряды знаменовали сокрушеніе народа о грѣхахъ, содѣланныхъ въ прожитомъ году, и отпущеніе, совершаемое первосвященникомъ во Святомъ святыхъ, въ которое онъ входилъ въ этотъ именно день. Всѣ жертвы этого дня приносились самимъ первосвященникомъ и заканчивались изгнаніемъ въ пустыню «козла отпущенія», какъ-бы уносившаго съ собою все бремя грѣховъ народа. Прообразовательное значеніе этого символическаго обряда заключалось въ томъ, что окончательное искупленіе человѣческаго рода будетъ совершено «не кровію козловъ и тельцовъ», но «ходатаемъ новаго завѣта» — Христомъ.

Съ священными временами неразрывно связаны были священнодѣйствія. Они состояли почти исключительно изъ приношеній жертвъ, заимствовавшихся изъ царства животныхъ и растеній. Между ними явственно различаются жертвоприношенія въ собственномъ смыслѣ, когда приносимая вещь всецѣло или частію истреблялась на жертвенномъ огнѣ, и возношенія, когда приношеніе лишь какъ бы освящалось предъ лицомъ Іеговы и затѣмъ потреблялось жертвователемъ. Жертвоприношенія раздѣлялись на пять родовъ: 1) Жертва всесожженія, называвшаяся такъ потому, что все приносимое вполнѣ сожигалось на жертвенникѣ, означала то, что приноситель ея всецѣло принадлежалъ Богу и что онъ душей и тѣломъ предавалъ себя на волю Божію. Жертва эта могла быть приносима за весь народъ, или за отдѣльныхъ лицъ, которыя должны были приносить жертвенное животное отъ своего благорасположенія и притомъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, установленныхъ закономъ при выборѣ жертвенныхъ животныхъ, которыми могли быть телецъ,

баранъ, козелъ и даже горлица или голубь. Приносившіе жерву возлагали на жертвенное животное свои руки предъ жертвенникомъ въ знакъ перенесенія на него своихъ грѣховъ. Затѣмъ жертвенное животное закалалось, кровію его священникъ окроплялъ жертвенникъ и наконецъ сожигалъ всю жертву, кромѣ кожи, которая отдавалась священнику. 2) Жертва о грѣхѣ приносилась во искупленіе грѣховъ, совершенныхъ по невѣденію или слабости какъ священникомъ, такъ и кѣмъ-либо изъ народа, а также и во очищеніе отъ всякаго возможнаго грѣха или осквернения. 3) Жертва повинности приносилась за грѣхи и преступленія сознательныя, равно какъ и за всѣ дѣйствія, связанныя съ осквернениемъ. Эти двѣ жертвы отличались отъ жертвы всесожженія тѣмъ, что мясо принесенныхъ животныхъ (кромѣ крови и тука) шло въ пользу священниковъ, которые и потребляли его во дворѣ скиніи. 4) Жертва мира приносилась или въ выраженіе особой благодарности Богу, или по обѣту, или какъ особое приношеніе радости и любви. Изъ приносимаго часть сожигалась, грудь и плечо предоставлялись священникамъ, а все остальное могло быть потреблено приносящимъ. 5) Жертва безкровная состояла въ приношеніи муки, масла, вина и ладона. Эти предметы отчасти присоединялись и къ первымъ четыремъ родамъ жертвъ. Какъ первые четыре рода жертвъ знаменовали принесеніе жизни Богу, такъ этотъ родъ знаменовалъ принесеніе Ему плодовъ земли. Къ этому послѣднему роду жертвы близко подходятъ и возношенія различныхъ плодовъ, начатки которыхъ всегда освящались въ скиніи или храмѣ и тогда уже начиналось общее употребленіе ихъ въ пищу. Всѣ эти священнодѣйствія совершались священниками и сопровождались молитвами и установленными обрядами, подробно описанными въ книгѣ Левитъ.

Всѣ изложенныя священнодѣйствія имѣли своею цѣлью поддержаніе святости въ народѣ, который, какъ избранный, долженъ былъ быть «народомъ святымъ». Съ этою же цѣлью установлены были особые законы и обряды, исполненіе которыхъ могло содѣйствовать поддержанію святости въ народѣ. Это законы нравственные. Сущность ихъ выражена въ заповѣдяхъ второй скрижали, и она состоитъ въ требованіи отъ каждаго человѣка какъ личной нравственной и тѣлесной чистоты, такъ и правды и человѣколюбія въ отношеніи къ ближнимъ. Въ частности сюда относятся: 1) древній законъ обрѣзанія, подтвержденный синайскимъ законодательствомъ: 2) законы о

посвященіи первородныхъ мужскаго пола; 3) объ охраненіи личной чистоты чрезъ запрещеніе соприкасаться съ нечистыми предметами, и 4) о раздѣленіи животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ, съ позволеніемъ употреблять въ пищу или жертву только первыхъ.

«Богоправленіе», какъ основа жизни израильскаго народа, не ограничивалось только религіозно-нравственною областью, а проникало весь складъ и жизни гражданской, какъ государственной, такъ и общественной и экономической или хозяйственной. Въ этомъ отношеніи «богоправленіе» сказывается въ томъ, что Іегова, какъ Царь и Судія избраннаго народа, водворялъ въ Своемъ царствѣ чрезъ рядъ божественно-мудрыхъ законовъ такую справедливость, которой не знали окружающіе народы и которая дѣлала израильское государство образцомъ даже въ этомъ отношеніи. Это вполнѣ будетъ ясно изъ краткаго обзора основныхъ началъ государственно-общественной жизни, какъ они изложены въ законодательствѣ Моисеевомъ, въ сравненіи съ началами государственными другихъ древнихъ народовъ востока.

ГЛАВА LII.

Законы государственные и общественные.

Сущность государственности древнихъ народовъ состояла въ непримиримомъ раздѣленіи правителей и подчиненныхъ, выразившемся въ раздѣленіи народа на касты, изъ которыхъ однѣ занимали господственное положеніе и пользовались всѣми правами и удобствами этого положенія—въ юридическомъ и экономическомъ отношеніи, другія, напротивъ, являлись безправными орудіями первыхъ, служа лишь средствомъ къ обезпеченію наилучшаго ихъ положенія. Такая несправедливость не должна была имѣть мѣста въ теократическомъ государствѣ, гдѣ по самой сущности «богоправленія» не было раздѣленія народа на полноправныхъ правителей и безправныхъ подчиненныхъ, потому что всѣ члены одинаково подчинены верховному Царю—Іеговѣ,—слѣдовательно, всѣ предъ Нимъ равны, почему и всѣ одинаково участвовали въ «клятвенномъ договорѣ съ Нимъ»: начальники колѣнъ, старѣйшины, надзиратели, жены, дѣти и пришельцы, отъ сѣкущаго дрова до черпающаго воду [1]). Если

[1]) Втор. XXIX, 10—13.

такимъ образомъ въ договорѣ съ Іеговою, легшемъ въ основу государства, равноправно участвовали всѣ члены народа, то естественно всѣ они должны имѣть одинаковыя права въ учрежденномъ ими самими государствѣ, всѣ они должны быть равны. Отсюда вытекаетъ главное слѣдствіе теократическаго принципа для государственной жизни—равенство всѣхъ въ государствѣ. И это равенство дѣлается основою всѣхъ государственно-общественныхъ отношеній. Великій законодатель, положивъ въ основу государства теократическій принципъ съ его указаннымъ общимъ слѣдствіемъ, частными постановленіями распространилъ дѣйствіе этого принципа на всѣ частныя отношенія, такъ что, кромѣ религіознаго равенства (которое, само собою разумѣется, и не требуетъ доказательства), установилъ равенство экономическое, соціальное и политическое. Разсматриваемое съ этой стороны, Моисеево государство, по своей основѣ и сущности, является рѣзкою противоположностью по отношенію ко всѣмъ древне-восточнымъ государствамъ, имѣвшимъ въ своей основѣ насиліе и несправедливость. Въ противоположность имъ, извратившимъ первобытную истину человѣческихъ отношеній, оно представляетъ осуществленіе въ предѣлахъ возможности истинной идеи государства въ его нормальномъ состояніи,—осуществленіе, мыслимое, конечно, только подъ условіемъ особеннаго руководства и попеченія со стороны верховнаго Царя. Для подтвержденія изложенныхъ общихъ мыслей мы разсмотримъ начала государственности Моисея въ ихъ приложеніи къ главнѣйшимъ отношеніямъ общественной жизни.

Въ основу экономическаго благосостоянія своего государства Моисей положилъ земледѣліе. Выборъ такой основы для государства скорѣе принадлежитъ самому законодателю, чѣмъ народу, который въ своей предыдущей исторіи мало зналъ земледѣліе. Хотя обработкой земли занимались уже первые люди—Адамъ, Каинъ и Ной, но въ послѣдующій патріархальный періодъ преобладающимъ занятіемъ является скотоводство, что видно, между прочимъ, изъ исторіи Авраама. Есть извѣстія, что Исаакъ и Іаковъ занимались и земледѣліемъ [1]), но, повидимому, главнымъ занятіемъ ихъ было все-таки скотоводство, такъ что по переселеніи въ Египетъ, несмотря на отвращеніе египтянъ къ скотоводамъ, братья Іосифовы на вопросъ фараона: какое ихъ занятіе?—отвѣчали: «пастухи овецъ

1) Быт. XXVI, 12; XXXVII, 7.

рабы твои, и мы и отцы наши» [1]). Скотоводство оставалось главнымъ свободнымъ занятіемъ израильтянъ и въ Египтѣ, что видно изъ того, что братья выпросили у фараона позволеніе поселиться въ землѣ Гесемъ именно въ виду удобства ея для скотоводства, и славились какъ лучшіе скотоводы, такъ что самъ фараонъ избиралъ изъ нихъ смотрителей надъ своими собственными стадами [2]). Скотоводствомъ же по необходимости занимался народъ и во время 40-лѣтняго странствованія по пустынѣ. Такимъ образомъ мысль объ основаніи государства главнымъ образомъ на земледѣліи принадлежитъ Моисею. Побужденіемъ къ этому служили какъ географическія условія страны, такъ и высшія государственныя соображенія. Палестина въ древности отличалась необыкновеннымъ плодородіемъ [3]), и потому этимъ самымъ уже призывала своихъ обитателей къ пользованію ея произведеніями посредствомъ воздѣлыванія земли. Плодородная почва доставляетъ, конечно, удобства и для скотоводства; но для скотоводства необходимы, кромѣ того, большія пространства земли, между тѣмъ какъ Палестина, назначенная для обитанія еврейскаго народа, при его двухмилліонной численности, не представляла такихъ удобствъ для скотоводства. Судя по численности народа, земельные надѣлы не могли быть велики, а потому, чтобы получить достаточное для пропитанія количество плодовъ, небходимо было заниматься обработкой земли, земледѣліемъ. Но еще большее значеніе при основаніи государства на земледѣліи имѣли высшія государственныя соображенія. Израильскій народъ до того времени былъ кочевымъ племенемъ, не имѣвшимъ еще прочныхъ началъ гражданственности,— былъ въ такомъ положеніи, при которомъ невозможна правильная государственная жизнь. Но вотъ онъ получилъ высшее призваніе, сталъ «царствомъ» Іеговы, избраннымъ народомъ, долженствовавшимъ служить хранителемъ и распространителемъ высшихъ истинъ. Поэтому кочевая жизнь, находившаяся въ пренебреженіи у тогдашняго цивилизованнаго міра [4]), не могла отвѣчать высотѣ положенія народа: онъ долженъ былъ начать новую, культурную жизнь, и потому на мѣсто кочеваго, необходимо связаннаго съ скотоводствомъ, долженъ былъ избрать земледѣльческій образъ жизни, имѣющій

---

1) Быт. XLVII, 3.
2) Быт. XLVII, 4—6.
3) Быт. XXVI, 12.
4) Быт. XLVI, 34.

болѣе задатковъ для общественнаго развитія. Для государственныхъ цѣлей земледѣліе представляетъ несравненно больше выгодъ, чѣмъ скотоводство: оно развиваетъ любовь къ труду,—этому главному рычагу общественнаго развитія,—привязываетъ человѣка къ обитаемой землѣ, и тѣмъ, съ одной стороны, дѣлаетъ возможнымъ установленіе опредѣленныхъ началъ гражданственности, а съ другой—развиваетъ любовь къ странѣ или патріотизмъ, составляющій душу государства,—однимъ словомъ представляетъ всѣ условія для развитія и крѣпости государства. Эти условія законодатель, повидимому, и имѣлъ въ виду при основаніи своего государства на земледѣліи. Но само земледѣліе только тогда можетъ служить къ истинной пользѣ государства, когда оно основано на экономической справедливости, въ силу которой каждому члену государства должно быть предоставлено равное владѣніе землей и полное пользованіе всѣми произведеніями его рукъ. Древнія государства не знали такой справедливости: землей владѣли обыкновенно только привилегированныя касты, а остальные классы, не имѣя земли, по необходимости поступали въ рабскую экономическую зависимость отъ первыхъ, обрабатывали ихъ земли, и сами получали естественно не всю сумму произведеній своего труда, а только то, что удѣляли имъ владѣтельныя касты, т.-е. столько, сколько достаточно, чтобы не умереть съ голода. Отсюда поражающія крайности богатства и бѣдности, роскоши и нищеты, съ какими мы встрѣчаемся въ древне-восточныхъ государствахъ даже въ періоды ихъ наибольшаго процвѣтанія. Моисеево государство не знаетъ такой несправедливости. Основывая государство на земледѣліи, законодатель вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлилъ его такими постановленіями, благодаря которымъ оно могло стать источникомъ равнаго для всѣхъ благосостоянія. Такъ какъ въ договорѣ съ Іеговою участвовали всѣ члены народа, и такъ какъ однимъ изъ условій договора со стороны Іеговы было дарованіе обѣтованной земли, то естественно всѣ члены государства должны были равно пользоваться землею,—не должно было быть ни произвольныхъ захватовъ, ни узаконенныхъ преимуществъ однихъ передъ другими. Основываясь на этомъ теократическомъ принципѣ, законодатель раздѣлилъ землю между всѣми израильтянами поровну. За единицу дѣленія земли были приняты только крупныя коллективныя единицы народа—колѣна, племена и семейства [1]), но раздѣлъ производил-

1) Числ. XXVI, 55; XXXIII, 54.

ся такъ, что какое колѣно многочисленнѣе, то и земли получало больше, а которое малочисленнѣе, то и земли получало меньше [1]), такъ что, въ концѣ концовъ, при частномъ раздѣлѣ выпавшихъ на долю того или другого колѣна или поколѣнія удѣловъ могли получиться равные участки для каждаго израильтянина (мужскаго пола), какъ главы частнаго хозяйства. При такомъ порядкѣ землевладѣнія каждый израильтянинъ былъ владѣтелемъ извѣстнаго опредѣленнаго ему участка земли, изъ котораго онъ могъ получать всю сумму произведеній вырабатываемыхъ его свободнымъ трудомъ. А такъ какъ земля должна была служить главнымъ источникомъ благосостоянія, то въ виду равномѣрности распредѣленія земли между израильтянами необходимо предполагалось равенство по состоянію или экономическое равенство. Если же при вступленіи въ землю прежде накопленныя богатства (въ стадахъ) отдѣльныхъ лицъ могли давать имъ перевѣсъ предъ другими, не имѣвшими стадъ, то такое нарушеніе экономическаго равенства было устранено тѣмъ, что именно богатѣйшія скотомъ колѣна остались въ земляхъ по ту сторону Іордана и какъ-бы отдѣлились отъ главной массы народа, гдѣ преимущественно должна была развиваться, основанная на теократическомъ принципѣ, государственность, и потому не могли оказывать вліянія на его экономическія отношенія [2]).

Но экономическое благосостояніе зависитъ не только отъ количества земли, но и отъ прилагаемаго къ землѣ количества труда, бережливости и множества частныхъ, случайныхъ условій. А такъ какъ трудолюбіе, бережливость и другія качества, зависящія отъ личныхъ особенностей разныхъ лицъ, естественно не одинаковы, то конечно и зависящее отъ нихъ благосостояніе не можетъ постоянно держаться на степени даннаго при раздѣлѣ земли равенства: благосостояніе однихъ, благодаря ихъ трудолюбію и бережливости, постепенно повышается, а благосостояніе другихъ, благодаря ихъ противоположнымъ качествамъ, понижается. Постепенно развиваясь по этимъ противоположнымъ направленіямъ, благосостояніе однихъ можетъ возвыситься до того, что они получатъ возможность пріобрѣтать новые участки, чтобы на нихъ начать земледѣліе въ болѣе широкихъ размѣрахъ; другіе же, напротивъ, бѣднѣютъ до того, что не

---

1) Числ. XXVI, 54.
2) Числ. XXXII, 1 и сл.

будутъ уже имѣть возможности обрабатывать и своихъ участковъ, и потому, чтобы получить что-нибудь за нихъ, вынуждены будутъ продавать ихъ. Отсюда въ то время, какъ одни становятся крупными землевладѣльцами, другіе дѣлаются совершенно безземельными, и послѣ потребленія взятыхъ за проданныя участки денегъ, по необходимости должны поступать на работу къ первымъ и тѣмъ становиться въ экономическую и личную зависимость отъ нихъ. Таковъ обычный процессъ развитія экономическаго неравенства. Въ Моисеевомъ государствѣ между тѣмъ такое неравенство не должно было имѣть мѣста, такъ какъ имъ нарушено было бы равенство членовъ государства предъ Іеговою, нарушенъ былъ бы договоръ съ Нимъ, въ которомъ одинаково участвовали *всѣ*. Поэтому законодатель обставилъ землевладѣніе такими постановленіями, благодаря которымъ представленный процессъ развитія неравенства терпѣлъ значительныя ограниченія. Указанный процессъ получалъ всю свою силу только въ томъ случаѣ, если земля, главный источникъ благосостоянія, была полною собственностью ея владѣтеля, такъ что онъ вполнѣ могъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію, а, слѣдовательно, могъ и продать. Но такое полное владѣніе землею было несообразно съ верховнымъ главенствомъ Іеговы, который одинъ только есть полный собственникъ земли, а израильтяне только поселенцы Его. «Моя земля, говоритъ Іегова: вы пришельцы и поселенцы у Меня; поэтому землю не должно продавать навсегда» [1]). Въ силу этого закона израильтянинъ могъ продавать свой участокъ только до опредѣленнаго срока, до юбилейнаго года, въ который проданный участокъ опять возвращался первому владѣльцу [2]) и тѣмъ возстановлялось равенство по землевладѣнію. При такомъ порядкѣ вещей экономическое равенство вообще не могло значительно нарушаться и во всякомъ случаѣ не могло образоваться крайностей богатства и нищеты, землевладѣльческой аристократіи и пролетаріата. Къ поддержанію возможнаго экономическаго равенства направлены и многія другія постановленія и учрежденія въ Моисеевомъ государствѣ [3]).

Если, такимъ образомъ, государство состояло изъ равныхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ равный источникъ благосостоянія, то, конечно, не могло выработаться и различныхъ классовъ народа,

1) Лев. XXV, 23.
2) Лев. XXV, 13.
3) Подробнѣе см. ниже—въ слѣд. главѣ.

отличающихся между собою различіемъ экономическаго благосостоянія и общественнаго положенія. И въ этомъ отношеніи Моисеево государство представляетъ разительную противоположность другимъ древнимъ государствамъ. Въ этихъ послѣднихъ разъ образовавшееся неравенство закрѣплялось закономъ, признававшимъ нормальнымъ тотъ строй общественной жизни, по которому одни классы, захватившіе въ свои руки всю власть и всю землю, признавались какъ-бы рожденными для власти и для богатства, а другіе—рожденными для рабства и нищеты. Отсюда образованіе кастъ, составляющихъ вопіющее нарушеніе правъ личности. Въ Моисеевомъ государствѣ, находящемся подъ дѣйствіемъ теократическаго принципа, такое попраніе правъ личности не имѣло мѣста. Здѣсь какъ всѣ участвовали въ договорѣ съ Іеговою при основаніи государства, такъ и всѣ должны были пользоваться равными правами въ основанномъ ими государствѣ. Здѣсь всѣ члены государства были равно свободными гражданами и въ своемъ развитіи не стѣснялись никакими ограниченіями. Гражданское равенство обусловливалось равенствомъ предъ закономъ. Такъ какъ законодателемъ является Іегова, предъ которымъ всѣ равны, то, конечно, и законы Его для всѣхъ одинаковы, и это равенство предъ закономъ проведено съ такою послѣдовательностью, что оно признавалось и для поселенцевъ, жившихъ среди израильскаго народа. «Законъ одинъ и одни права, говоритъ законодатель, да будутъ для васъ и для пришельца, живущаго у васъ» [1]). Вслѣдствіе этого въ Моисеевомъ государствѣ вовсе не было безправныхъ лицъ, такихъ, какія, напр., предполагаются по римскимъ законамъ о рабахъ, у которыхъ эти законы совершенно отрицаютъ личность и дѣлаютъ вещью, и какія были бы вполнѣ отданы въ зависимость отъ произвола другихъ, какъ напр., у римлянъ жены и дѣти, находившіяся въ полной зависимости отъ мужей и отцовъ. Здѣсь, напротивъ, законъ признавалъ полную личность за всѣми членами государства и соотвѣтственно съ этимъ одинаково обезпечивалъ и защищалъ права всѣхъ. Господинъ, который дурно обращался съ своимъ рабомъ, терялъ всякое право на него и долженъ былъ отпустить его на свободу. Здѣсь и родители не имѣли права на жизнь своихъ дѣтей, и власть отца, въ противоположность римскимъ законамъ, была ограничена до того, что онъ даже не могъ по

1) Числ. XV, 16; 29. Лев. XXIV, 22. Исх. XII, 49.

своему произволу распорядиться наслѣдствомъ, а долженъ былъ подчиняться опредѣленнымъ законамъ о наслѣдствѣ. Въ общемъ и права половъ были равны. Опираясь на экономическое равенство, это юридическое или гражданское равенство получало полное значеніе и крѣпость. Отсюда отсутствіе въ Моисеевомъ государствѣ дѣленія на касты въ восточномъ смыслѣ этого слова. Но принципъ равноправности здѣсь проведенъ еще дальше: здѣсь не только нѣтъ кастъ въ восточномъ смыслѣ, но нѣтъ даже и вообще дѣленія на сословія въ смыслѣ привилегированныхъ и непривилегированныхъ классовъ. Ни наслѣдственной аристократіи и демократіи, существовавшей въ древней Греціи, ни дѣленія народа на полноправныхъ патриціевъ и политически неравноправныхъ плебеевъ, допущеннаго римскимъ законодательствомъ, ни феодализма въ средневѣковомъ смыслѣ,—ничего подобнаго не знаетъ Моисеево законодательство: имъ предоставляется общественное равенство всѣмъ гражданамъ.

Особымъ сословіемъ въ Моисеевомъ государствѣ является только сословіе священниковъ и левитовъ, происходившихъ исключительно изъ одного колѣна Левіина. Но ближайшее разсмотрѣніе не позволяетъ придавать этому священническому сословію того значенія, какое имѣли въ параллельномъ случаѣ жреческія касты у другихъ народовъ. Въ то время, какъ эти послѣднія составляли изъ себя особые, выдѣленные самымъ происхожденіемъ (отъ божества), классы людей, надѣленные всевозможными общественно-государственными правами и привилегіями, ставившими ихъ выше другихъ сословій и, слѣдовательно, дававшими имъ громадное политическое значеніе и высокое соціальное положеніе, въ Моисеевомъ государствѣ всѣ права и привилегіи священниковъ относятся исключительно къ религіозной области, и отнюдь не къ соціальной или политической. Самое отдѣленіе колѣна Левіина исключительно на религіозное служеніе, по смыслу Моисеева закона, обусловливалось желаніемъ имѣть постоянно готовыхъ, съ дѣтства воспитывающихся въ уваженіи и благоговѣніи къ своему дѣлу, служителей Іеговы,—хотя и при такомъ отдѣленіи классъ священниковъ не имѣлъ исключительнаго значенія, потому что народъ израильскій во всемъ своемъ составѣ—«святой народъ», «царство священниковъ» [1]). Что касается соціальной и политической области, то въ нихъ права священническаго сосло-

1) Исх. XIX, 5 и 6; Втор. VII, 6.

вія даже терпятъ ограниченія въ сравненіи съ остальнымъ народомъ. Такъ, въ экономическомъ отношеніи они поставлены были въ низшее положеніе, чѣмъ народъ, потому что при раздѣлѣ земли имъ не дано земельныхъ надѣловъ [1]). Въ отношеніи къ средствамъ матеріальнаго обезпеченія они такимъ образомъ были поставлены въ зависимость отъ народа, питались отъ жертвенника, десятинъ и даровъ [2]). Соціально-экономическое положеніе колѣна Левіина достаточно опредѣляется уже тѣмъ, что законъ, говоря о пропитаніи вдовъ, сиротъ, пришельцевъ и вообще обездоленныхъ членовъ государства, всегда упоминаетъ между ними и «левита» [3]). Въ гражданскомъ отношеніи права левитовъ были также ограничены. Правда, они иногда занимали должности судей [4]), но эти должности не были ихъ исключительнымъ достояніемъ, а представлялись имъ только въ виду ихъ близкаго знакомства съ закономъ; главнымъ же образомъ судьи избирались изъ самаго народа [5]). Отъ собственно же государственныхъ дѣлъ они были совершенно устранены, такъ что мы не видимъ ихъ участія даже въ «общенародныхъ» государственныхъ собраніяхъ, и отъ нихъ не было представителя въ собраніяхъ «избранныхъ мужей общества, начальниковъ колѣнъ отцовъ своихъ, главъ тысячъ израилевыхъ» [6]), хотя въ то же время первосвященникъ, какъ высшій по религіозному сану человѣкъ, въ теократическомъ государствѣ, въ важныхъ случаяхъ, стоялъ во главѣ суда, имѣвшаго теократическій характеръ [7]). Вообще, какъ видно изъ изложеннаго, если колѣно священниковъ и существовало какъ отдѣльное сословіе, то во всякомъ случаѣ этимъ не нарушалось общее соціальное и политическое равенство: всѣ члены государства имѣли одинаковыя права въ немъ.

Съ равенствомъ правъ въ государствѣ необходимо связывается равенство обязанностей по отношенію къ нему. Моисеево государство и здѣсь является рѣзкою противоположностью ненормально развившимся древнимъ государствамъ. Въ нихъ обыкновенно не было соотвѣтствія между правами и обязан-

---

1) Числ. XXVI, 62.
2) Числ. XVIII, 20—24 и вообще 8—32.
3) Втор. XIV, 27—29; XVI, 11, 14.
4) Втор. XVII, 9.
5) Исх. XVIII, 25, 26; Втор. I, 13—16.
6) Числ. I, 16.
7) Числ. XXVII, 2; 2 Парал. XIX, 8—11.

ностями, какъ оно требуется государственною справедливостью, а напротивъ — полноправные классы или касты пользовались полною свободою отъ обязанностей и тяжелыхъ государственныхъ повинностей, а безправные классы несли на себѣ всѣ государственныя тяжести. Такой порядокъ вещей несообразенъ и съ простою государственною справедливостью, а тѣмъ болѣе несообразенъ съ одушевлявшимъ Моисеево государство высшимъ теократическимъ принципомъ. Въ этомъ государствѣ именно находило свое осуществленіе справедливое соотвѣтствіе правъ и обязанностей,—а такъ какъ права у всѣхъ членовъ государства были равны, то и обязанности по отношенію къ государству также равны. Первая и главнѣйшая обязанность по отношенію къ государству и теперь, а тѣмъ болѣе въ древнемъ мірѣ, есть обязанность охраненія государства, — отсюда воинская повинность есть важнѣйшая и въ то же время тяжелѣйшая изъ государственныхъ повинностей, и справедливое распредѣленіе ея есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ законодателя. Въ Моисеевомъ государствѣ справедливое распредѣленіе ея, благодаря простотѣ соціальныхъ отношеній, было просто: такъ какъ всѣ члены государства одинаково пользовались правами, даваемыми государствомъ, то конечно всѣ и должны были защищать и охранять его. Отсюда—принципъ всеобщей воинской повинности: ей подлежалъ каждый израильтянинъ отъ 20-ти лѣтъ и выше [1]). Всеобщность воинской повинности, кромѣ государственной справедливости, вызывалась и политическими условіями состоянія народа, такъ какъ страну, которая назначена была ему для обитанія, онъ долженъ былъ пріобрѣсти оружіемъ; но и послѣ завоеванія и поселенія въ странѣ, народъ, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, постоянно долженъ былъ быть на-готовѣ къ защитѣ отъ нападеній, часто неожиданныхъ [2]). Что касается самаго порядка отправленія повинности, то онъ отличался стройною организаціей. Въ воинскую службу записывались равномѣрно въ каждомъ колѣнѣ, поколѣніи и семействѣ [3]), и соотвѣтственно этимъ частямъ народа образовывались различныя части войска. Все войско раздѣлялось, повидимому, на два призыва, изъ которыхъ первый состоялъ изъ молодыхъ людей 20-ти и болѣе

1) Числ. I, 3, XXVI, 2.
2) Исх. XVII, 8; Суд. VI, 3.
3) Числ. I, 2.

лѣтъ, а второй—изъ остальнаго мужскаго населенія. Обоимъ отдѣламъ войска велись отдѣльные списки, по которымъ они и созывались въ военное время. Всеобщность воинской повинности, однако же, нужно понимать не въ безусловномъ смыслѣ, а только въ отношеніи обязанности всѣхъ къ ней. Законъ допускаетъ нѣкоторыя ограниченія всеобщности. Такъ отъ воинской повинности были вполнѣ освобождены левиты, что обусловливалось какъ ихъ особеннымъ назначеніемъ, такъ и отсутствіемъ у нихъ земельнаго владѣнія въ государствѣ; поэтому они не входили въ счетъ при исчисленіи народа для отправленія воинской повинности [1]). Освобождались отъ воинской повинности также тѣ, для которыхъ по особеннымъ обстоятельствамъ ихъ семейной жизни было особенно тяжело разставаться съ семействомъ или хозяйствомъ. Предъ началомъ войны, надзиратели должны были объявить льготы всѣмъ, подходящимъ подъ извѣстныя, опредѣленныя закономъ, категоріи. «Надзиратели пусть объявятъ народу, говоря: кто построилъ новый домъ и не обновилъ его, тотъ пусть идетъ и возвратится въ домъ свой, дабы не умеръ въ сраженіи, и другой не обновилъ его. И кто насадилъ виноградникъ и не пользовался имъ, тотъ пусть идетъ и возвратится въ домъ свой, дабы не умеръ въ сраженіи, и другой не воспользовался имъ». Въ этомъ случаѣ израильтянинъ, значитъ, освобождался отъ воинской повинности на четыре года, такъ какъ по закону плодами можно было пользоваться только въ пятый годъ по насажденіи [2]). «И кто обручился съ женою и не взялъ ея, тотъ пусть идетъ и возвратится въ домъ свой, дабы не умеръ въ сраженіи, и другой не взялъ ея» [3]). Равнымъ образомъ освобождался отъ воинской повинности (какъ и отъ всѣхъ другихъ) только-что женившійся человѣкъ. «Если кто, говоритъ законъ, взялъ жену недавно, то пусть не идетъ на войну,— пусть онъ остается въ домѣ своемъ впродолженіи одного года и увеселяетъ жену свою, которую взялъ» [4]). Кромѣ того, къ военной службѣ, собственно говоря, никто не принуждался насильно, и потому освобождались отъ нея всѣ, чувствовавшіе себя неспособными къ войнѣ, не имѣвшіе необходимаго для военнаго дѣла мужества. «И еще объявятъ надзиратели народу и скажутъ: кто боязливъ и

---

[1]) Числ. II, 33.
[2]) Лев. XIX, 25.
[3]) Втор. XX, 5—7.
[4]) Втор. XXIV, 5.

малодушенъ, тотъ пусть идетъ и возвратится въ домъ свой, дабы онъ не сдѣлалъ робкими сердца братьевъ его, какъ его сердце» [1]). Такимъ образомъ, въ Моисеевомъ государствѣ при всеобщей воинской повинности соблюдена, однако же, справедливость по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ, для которыхъ по особеннымъ обстоятельствамъ ихъ общественнаго, семейнаго или личнаго состоянія эта повинность могла быть особенно тяжела.

Принципъ равенства въ Моисеевомъ государствѣ сохранилъ свое значеніе и по отношенію къ другимъ обязанностямъ къ государству. Наряду съ воинскою повинностью, налагаемою на гражданъ обязанностью внѣшняго охраненія государства, стоитъ другая повинность, налагаемая обязанностью поддержанія и сохраненія внутреннихъ учрежденій въ государствѣ,—податная повинность. Въ Моисеевомъ государствѣ и эта повинность не налагалась исключительно на одинъ какой-либо классъ людей, а имѣла всеобщій характеръ, одинаково простиралась на всѣхъ членовъ государства. Податная повинность, впрочемъ, благодаря простотѣ государственной организаціи, не выработавшей изъ себя такихъ учрежденій, которыя нуждались бы въ посторонней поддержкѣ, не имѣла при Моисеѣ и даже при судіяхъ опредѣленно-государственнаго характера. Единственное учрежденіе, которое въ это время нуждалось въ поддержкѣ и для котораго собственно установлена была закономъ податная повинность,—было религіозное учрежденіе съ его скиніею и классомъ священниковъ, поэтому и податная повинность имѣетъ исключительно религіозный характеръ. Къ этого рода повинности принадлежала прежде всего такъ называемая выкупная подать, которую платилъ каждый «поступающій въ исчисленіе», т.-е. въ списокъ годныхъ къ войнѣ [2]). Она состояла въ полсиклѣ серебра [3]) и употреблялась «на служеніе скиніи собранія» [4]). Затѣмъ слѣдуетъ десятина отъ всѣхъ плодовъ, поступавшая въ пользу левитовъ, «за службу ихъ, за то, что они отправляютъ службы въ скиніи собранія» [5]); другая десятина «отъ всего произведенія сѣмянъ», вина и елея, крупнаго и мелкаго скота для общенароднаго торжества [6]); первые плоды отъ всѣхъ произве-

1) Второз. XX, 8.
2) Числ. I, 2 и 3.
3) Исх. XXX, 12—14.
4) Исх. XXX, 16.
5) Числ. XVIII, 21.
6) Вт. XIV, 22 и 23.

деній, приносившіеся также для устройства общественнаго торжества, въ которомъ принимали, между прочимъ, участіе бѣдные члены государства [1]). Всѣ эти религіозныя повинности были одинаково обязательны для всѣхъ,—законъ не дѣлаетъ раздѣленія народа на податныхъ и неподатныхъ. Въ законахъ о податной повинности замѣчательно еще то, что подать, опредѣляемая десятиной, была подоходною,—т.-е. не была разъ навсегда опредѣленною, а постоянно сообразовалась съ количествомъ дохода [2]) и только незначительная выкупная подать въ полсикля платилась одинаково какъ богатымъ, такъ и бѣднымъ. Законъ допускалъ, впрочемъ, частныя льготы отъ всѣхъ повинностей по особеннымъ случаямъ семейной жизни. «Если кто взялъ жену недавно, то пусть не идетъ на войну, и ничего не должно возлагать на него; пусть онъ останется свободенъ въ домѣ своемъ впродолженіи одного года, и увеселяетъ жену свою, которую взялъ» [3]). Этимъ закономъ недавно женившійся человѣкъ освобождался не только отъ воинской повинности, но и отъ всѣхъ другихъ повинностей, а, слѣдовательно, и податной, впродолженіи одного года. Законодатель представляетъ этимъ человѣку свободу обратить все свое вниманіе и трудъ на благоустроеніе своего только-что основаннаго домашняго хозяйства и на закрѣпленіе только-что заключеннаго брачнаго союза. Такимъ исключеніемъ изъ закона о всеобщей податной повинности въ пользу отдѣльныхъ лицъ равенство не нарушалось, такъ какъ предоставляемой имъ льготой одинаково могъ воспользоваться каждый израильтянинъ послѣ женитьбы.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ изложеннаго, подъ вліяніемъ теократическаго принципа въ Моисеевомъ государствѣ осуществлена высшая соціальная справедливость, выразившаяся въ послѣдовательно проведенномъ по всѣмъ сферамъ общественно-государственной жизни равенствѣ. Члены этого государства всѣ одинаково равны—въ состояніи и положеніи, въ правахъ и обязанностяхъ. Если же всѣ члены одинаково равны и полноправны въ государствѣ, то очевидно всѣ они имѣютъ право и на участіе въ управленіи своимъ государствомъ. Рѣзкое различіе между правителями и подчиненными существуетъ обыкновенно тамъ, гдѣ по особымъ истори-

---

1) Вт. XXVI, 1—5.
2) Saalschütz, Mos. Recht, Кар. 35, § 1.
3) Исх. XXX, 15.

ческимъ обстоятельствамъ выработались особые привилегированные классы, которые, благодаря ихъ богатству и образованію, естественно получаютъ значеніе наслѣдственныхъ правителей государства. Гдѣ же такихъ привилегированныхъ классовъ нѣтъ, и гдѣ всѣ одинаково равны во всѣхъ отношеніяхъ, тамъ естественно въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ или въ управленіи государства принимаютъ участіе всѣ члены государства, хотя, конечно, чрезъ избранныхъ представителей. Отсюда—представительство, какъ главное выраженіе формы правленія въ Моисеевомъ государствѣ. Эта форма имѣла здѣсь особенное значеніе въ виду того обстоятельства, что въ Моисеевомъ государствѣ, частью на основаніи древняго права, частью на основаніи прямыхъ узаконеній Моисея, въ широкихъ размѣрахъ существовало избирательное начало, прилагавшееся во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни. Особенность и характеръ избирательнаго начала и представительной формы правленія выяснится, когда будетъ раскрытъ внутренній строй общественнаго организма еврейскаго народа. Основныя черты внутренняго строя народнаго организма израильтянъ сложились еще прежде заключенія договора съ Іеговою, и, слѣдовательно, внѣ вліянія теократическаго начала, такъ что при основаніи государства на теократическомъ началѣ внутренняя организація народа являлась уже готовымъ матеріаломъ, изъ котораго законодатель учредилъ новое государство. Поэтому, чтобы понять особенность организаціи новаго государства, необходимо разсмотрѣть основныя черты исторически сложившагося и окрѣпшаго органическаго строя самаго народа.

Народъ израильскій произошелъ въ Египтѣ отъ двѣнадцати братьевъ—сыновей Іакова. Эти родоначальники народа, несмотря на свое кровное родство, носили на себѣ такіе рѣзкіе отпечатки особности, характеристически отличавшіе ихъ одного отъ другаго (что между прочимъ выразилось въ пророческомъ благословеніи ихъ со стороны отца, по особенностямъ ихъ характера предвозвѣщавшаго имъ и различную судьбу) [1]), что они и въ потомствѣ своемъ не составили изъ себя одной безформенной массы, а произвели двѣнадцать различныхъ племенъ [2]), сохранявшихъ свою самостоятельную

---

[1]) Быт. XLIX.

[2]) Колѣнъ собственно образовалось тринадцать, такъ какъ по особымъ обстоятельствамъ поколѣніе Іосифа, происшедшее отъ двухъ его сыновей—Ефрема и Манассіи, образовало изъ себя д в а к о л ѣ н а; однако въ поли-

особность и легшихъ въ основу организаціи народа. Эти племена или, какъ они обыкновенно называются, колѣна составили изъ себя первое подраздѣленіе народа, самые крупные члены народнаго организма, имѣвшіе свою генеалогію, свою исторію, свой внутренній строй и самоуправленіе. Каждое изъ колѣнъ въ свою очередь подраздѣлялось на нѣсколько мелкихъ частей, въ постепенной и органической послѣдовательности нисходящихъ до самой первичной собирательной единицы—семьи или дома. Первое изъ этихъ подраздѣленій есть племя или поколѣніе, представлявшее собою цѣлую группу семействъ, связанныхъ между собою происхожденіемъ отъ одного общаго родоначальника, въ свою очередь происшедшаго отъ главнаго родоначальника, отца колѣна. Поколѣніе дѣлилось такимъ образомъ на семейства или домы отцовъ, понимаемые въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ каждый изъ этихъ домовъ подраздѣлялся на нѣсколько отдѣльныхъ хозяйствъ и домовъ. Но вообще эта единица, повидимому, считалась послѣднею, имѣвшею гражданское значеніе въ общественной жизни, такъ какъ главное мѣсто, на которомъ основывается изложенное подраздѣленіе, ею именно заканчиваетъ градацію подраздѣленій, предполагая за нею уже отдѣльныя личности. Вотъ въ какомъ порядкѣ выступали эти подраздѣленія по одному уголовному дѣлу, слѣдовательно со всею строгостью юридическаго процесса: «Подходите всѣ по колѣнамъ вашимъ: колѣно же, которое укажетъ Господь, пусть подходитъ по племенамъ; племя, которое укажетъ Господь, пусть подходитъ по семействамъ; семейство, которое укажетъ Господь, пусть подходитъ по одному человѣку» [1]). Такимъ образомъ въ оффиціально-общественной жизни принимались во вниманіе и имѣла общественное значеніе градація только трехъ степеней расчлененія народнаго организма: колѣно, племя и семейство. Сообразно этимъ степенямъ выработался и государственный строй народа.

Въ патріархальный періодъ существованія народа, когда онъ собственно не составлялъ собою народа въ политическомъ смыслѣ, а былъ незначительнымъ племенемъ, онъ естественно управлялся на началахъ родоваго быта, когда всю власть, и гражданскую, и рели-

---

тической жизни народа, которая и подлежитъ собственно нашему разсмотрѣнію, имѣли значеніе только 12 колѣнъ, такъ какъ колѣно Левія было исключено изъ политической жизни.

1) Іис. Нав. VII, 14. Ср. 16—18.

гіозную, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ глава племени, отецъ семейства. Такъ управлялся народъ при патріархахъ: Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ. Но уже въ Египтѣ, когда изъ одного семейства образовалось 12 различныхъ колѣнъ, сознававшихъ себя самостоятельными членами народа, патріархальный порядокъ оказался устарѣлымъ, несоотвѣтствующимъ степени развитія народа, и поэтому замѣненъ былъ представительнымъ, когда народъ управлялся уже не однимъ главою, а представителями колѣнъ—такъ называемыми «старѣйшинами сыновъ Израилевыхъ» [1]). Эти «старѣйшины», состоявшіе изъ умудренныхъ жизнью и опытомъ людей, являлись уже главами отдѣльныхъ колѣнъ, не въ патріархальномъ смыслѣ, т.-е. не какъ полновластные владыки колѣнъ, имѣющіе присвоенную имъ власть только въ силу родоваго начала, но какъ представители народа въ общественномъ смыслѣ, какъ избранники и выразители его сознанія. Представительство въ полной силѣ заявляло о себѣ уже въ Египтѣ. Такъ, мы видимъ, что Моисей съ своимъ предложеніемъ объ освобожденіи народа отъ рабства обращается къ «старѣйшинамъ сыновъ Израилевыхъ», въ полномъ убѣжденіи, что ихъ согласіе или рѣшеніе будетъ согласіемъ и рѣшеніемъ всего народа [2]). И дѣйствительно, когда Ааронъ (говорившій за Моисея по случаю его извѣстнаго недостатка въ языкѣ) передалъ слова Іеговы старѣйшинамъ, а Моисей сдѣлалъ предъ ними [3]) знаменія, старѣйшины повѣрили посланничеству великихъ братьевъ, и ихъ рѣшеніе настолько выражало собою рѣшеніе отсутствовавшаго народа, что текстъ вполнѣ отождествляетъ старѣйшинъ съ народомъ, говоря: «И повѣрилъ н а р о д ъ. И услышали, что Господь посѣтилъ сыновъ Израилевыхъ, и увидѣлъ страданія ихъ, и преклонились они и поклонились» [4]).

Такова была историческая бытовая основа, на которой законодателю приходилось созидать новое государство.

Состоя изъ двѣнадцати самостоятельныхъ колѣнъ, народъ израильскій представлялъ въ своей внѣшней организаціи союзъ, сплоченный теократическимъ началомъ, политическимъ интересомъ и

---

1) Исх. III, 16; IV, 29.

2) Исх. IV, 29.

3) Въ текстѣ сказано: «знаменія предъ глазами н а р о д а», причемъ «народомъ» очевидно называются старѣйшины, такъ какъ изъ ст. 29 видно, что при этомъ присутствовали только старѣйшины. Исх. IV, 29.

4) Исх. IV, 29—31.

кровнымъ родствомъ. Такая организація при исторически сложившемся и издавна существовавшемъ въ народѣ представительномъ управленіи въ отдѣльныхъ колѣнахъ предполагала и для общегосударственной жизни народа такую форму правленія, въ которой бы каждое колѣно, сохраняя свою самостоятельность, участвовало въ общемъ управленіи народа посредствомъ своихъ представителей. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Общенародныя дѣла обыкновенно рѣшались представителями всѣхъ колѣнъ, избираемыми изъ своей среды народомъ. Представительная система Моисеева государства вырабатывалась постепенно, смотря по требованію историческихъ обстоятельствъ, но всегда на основаніи тѣхъ уже данныхъ для нея, которыя представлялись какъ въ самой организаціи народа, такъ и въ его правовыхъ обычаяхъ. Поэтому она имѣетъ тѣсную связь съ внутреннею организаціей народа.

Соотвѣтственно раздѣленію народа на двѣнадцать колѣнъ, во главѣ его стояли 12-ть представителей ихъ, избранныхъ по одному отъ каждаго колѣна (исключая колѣна Левія, которое по причинѣ своего особеннаго назначенія и положенія не участвовало въ политическихъ дѣлахъ народа). Это такъ называемые «избранные мужи общества, начальники колѣнъ отцовъ своихъ, главы тысячъ израилевыхъ» [1]). Каждый изъ нихъ въ своемъ колѣнѣ занималъ положеніе князя, а вообще въ народѣ—положеніе представителя своего колѣна. Собраніе этихъ представителей составляло первую группу, стоявшую во главѣ управленія народа. Они созывались по важнымъ политическимъ дѣламъ, имѣвшимъ значеніе для всего народа [2]).

Вторую группу представителей народа составляли избранные 70 мужей: «И сказалъ Господь Моисею: собери Мнѣ семьдесять мужей изъ старѣйшинъ израилевыхъ, которыхъ ты знаешь, что они старѣйшины и надзиратели его, и возьми ихъ къ скиніи собранія, чтобъ они стали тамъ съ тобою. Я сойду и буду говорить тамъ съ тобою, и возьму отъ Духа, который на тебѣ, и возложу на нихъ, чтобы они несли съ тобою бремя народа, а не одинъ ты носилъ» [3]). Эти семьдесять мужей были избираемы, какъ видно изъ текста, изъ старѣйшинъ народа израильскаго. Трудно опредѣлить, что служило мѣ-

---

[1]) Числ. I, 16. «Тысяча» часто употребляется въ смыслѣ опредѣленнаго множества въ данномъ случаѣ въ смыслѣ колѣна.

[2]) Числ. I, 2—4.

[3]) Числ. XI, 16 и 17.

риломъ избранія ихъ и почему именно избрано было ихъ 70. Сообразно органическому расчлененію народа, по которому каждое колѣно раздѣлялось на племена или поколѣнія, можно думать, что эти семьдесятъ мужей составлялись между прочимъ изъ начальниковъ племенъ или поколѣній [1]). Эти представители народа составляли изъ себя постоянный сенатъ, который Моисей постоянно имѣлъ при себѣ въ качествѣ совѣтниковъ и помощниковъ. И такое учрежденіе вполнѣ соотвѣтствовало законодательнымъ цѣлямъ Моисея, такъ какъ согласіе старѣйшинъ и представителей народа и то довѣріе, которое они внушали къ предпринимаемымъ со стороны законодателя мѣрамъ и къ постановляемымъ имъ законамъ, во всякомъ случаѣ могло имѣть большое нравственное значеніе для народа. Они также, вполнѣ зная народъ и его нужды, могли служить наилучшими выразителями интересовъ народа, которые законодатель долженъ былъ имѣть въ виду при достиженіи самыхъ возвышенныхъ, государственныхъ цѣлей. Этотъ совѣтъ семидесяти, повидимому, разумѣется въ Числ. XVI, 25, гдѣ говорится, что за Моисеемъ, по случаю извѣстнаго возмущенія Корея, Даваѳанна и Авирона, слѣдовали «старѣйшины Израилевы».

Наконецъ третью и самую многочисленную группу представителей народа составляли такъ называемые «начальники» или «судьи» народа. Эта должность учреждена была Моисеемъ въ пустынѣ, по совѣту тестя его, Іоѳора, для облегченія трудовъ по управленію народомъ. Когда Іоѳоръ увидѣлъ, что Моисей каждый день съ утра до ночи принужденъ былъ заниматься разбирательствомъ мелкихъ дѣлъ, возникавшихъ между народомъ, и вообще самъ вникать во всѣ подробности управленія имъ, такъ что изъ-за этого могъ упус-

---

[1]) По генеалогической таблицѣ Числ. XXVI, составленной послѣ тщательнаго исчисленія народа, оказывается, что родоначальниковъ, если такими родоначальниками считать сыновей и внуковъ родоначальниковъ колѣнъ, а въ колѣнахъ Іосифовыхъ правнуковъ (отъ Галаада), было 58. Такъ какъ въ законѣ не говорится о томъ, что 70-ть старѣйшинъ избраны помимо 12-ти начальниковъ колѣнъ, то представители-то этихъ 58-ти поколѣній вмѣстѣ съ 12 главами по всей вѣроятности и составили изъ себя то собраніе изъ семидесяти мужей (58 + 12 = 70), которое призвано было раздѣлять съ Моисеемъ бремя правленія народомъ. Такой взглядъ на составъ этого собранія 70-ти старѣйшинъ представляется болѣе простымъ и естественнымъ, чѣмъ, напримѣръ, взглядъ Эвальда, по которому собраніе составилось изъ представителей колѣнъ по шести отъ каждаго колѣна,—взглядъ, заставляющій измѣнять цифру старѣйшинъ прибавленіемъ еще двухъ членовъ. Ewald, Alterthümer, стр. 328.

кать изъ виду высшіе интересы народной жизни, онъ сказалъ ему: «Не хорошо это ты дѣлаешь. Ты измучишь и себя и народъ, ибо слишкомъ тяжело для тебя это дѣло: ты одинъ не можешь исправлять его. И такъ послушай словъ моихъ: я дамъ тебѣ совѣтъ: будь ты для народа посредникомъ предъ Богомъ и представляй Богу дѣла (его). Научай ихъ уставамъ и законамъ, указывай имъ путь, по которому они должны идти, и дѣла, которыя они должны дѣлать. Ты же усмотри *себѣ* изъ всего народа людей способныхъ, людей правдивыхъ, ненавидящихъ корысть, и поставь ихъ тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками. Пусть они судятъ народъ во всякое время, и о всякомъ важномъ дѣлѣ доносятъ тебѣ, а всѣ малыя дѣла судятъ сами: и будетъ тебѣ легче, и они понесутъ съ тобою бремя» [1]). Моисей послушался разумнаго совѣта своего тестя. Онъ предложилъ это дѣло народу, и когда тотъ сказалъ, что это «хорошее дѣло», предоставилъ самому народу избрать себѣ «по колѣнамъ мужей мудрыхъ, разумныхъ и испытанныхъ» и поставилъ ихъ начальниками [2]). Эти «начальники», какъ видно изъ самаго мотива ихъ назначенія, обязаны были заниматься разборомъ мелкихъ частныхъ дѣлъ, причемъ дѣла по большей или меньшей важности ихъ относились на судъ тѣхъ или другихъ начальниковъ—по восходящей или нисходящей линіи. Для опредѣленія характера и значенія этихъ мелкихъ властей важно опредѣлить отношеніе ихъ къ естественной градаціи расчлененія народнаго организма. Первыя двѣ группы представителей народа вполнѣ соотвѣтствуютъ, какъ было показано выше, двумъ первымъ степенямъ расчлененія—колѣнамъ и поколѣніямъ. Не соотвѣтствуютъ ли и эти мелкіе начальники третьей степени градаціи—семействамъ? Въ законодательствѣ нѣтъ на это ясныхъ указаній,—притомъ математическая стройность десятичной системы этого чиноначалія очевидно сразу дѣлаетъ невозможнымъ предположеніе о тождественности этихъ вновь выбранныхъ начальниковъ съ главами семействъ, такъ какъ семейства естественно никогда не представляютъ собой такой численной опредѣленности и стройности. Тѣмъ не менѣе эта система близка именно къ третьей степени расчлененія народнаго организма, именно къ семействамъ. Каждое семейство имѣло во гла-

---

[1]) Исх. XVIII, 14—26.
[2]) Втор. I, 9—15.

вѣ своей представителя, такъ называемаго «старѣйшину», который до учрежденія новой системы, конечно, и управлялъ дѣлами, касавшимися исключительно одного его семейства, хотя это управленіе и не имѣло оффиціальнаго, закономъ признаннаго характера. Количество такихъ старѣйшинъ по соотвѣтствію съ числомъ семействъ было многочисленно, что можно видѣть изъ того, что ихъ въ заговорѣ Корея участвовало 250 человѣкъ [1]). Теперь, когда предложенъ былъ выборъ новыхъ начальниковъ, народъ прежде всего конечно обратился съ выборомъ къ старѣйшинамъ, такъ какъ онъ въ нихъ привыкъ видѣть тѣхъ «мужей мудрыхъ, разумныхъ и испытанныхъ», какихъ Моисей предлагалъ выбирать. Если же старѣйшинъ не могло оказаться такого количества, которое было бы достаточно для замѣщенія новыхъ должностныхъ мѣстъ, то недостающее число могло быть выбрано и изъ простыхъ мужей, обладавшихъ указанными качествами. Такъ по всей вѣроятности и было, такъ какъ «семейства» представляли собой во всякомъ случаѣ болѣе многочисленную группу, чѣмъ десятокъ, а, слѣдовательно, и главъ семействъ или старѣйшинъ не могло быть достаточно для замѣщенія всѣхъ должностныхъ мѣстъ, такъ что многихъ начальниковъ по необходимости приходилось выбирать изъ простыхъ мужей, не старѣйшинъ. И такой выборъ не становился въ противорѣчіе съ естественнымъ расчлененіемъ народа на три степени, не разрушалъ древняго порядка самоуправленія а напротивъ, сообщалъ ему большую стройность общественнаго склада, въ родовыя начала вносилъ новый «общинный» элементъ, дающій большую свободу личности, освобождая ее отъ исключительнаго господства родоваго начала.

Представленный очеркъ расчлененія народнаго организма, съ опредѣленіемъ для каждаго члена круга и органовъ его дѣятельности, показываетъ, какую стройную систему представлялъ этотъ организмъ какъ въ своемъ строеніи, такъ и въ своей жизнедѣятельности. Въ этой стройной системѣ соблюдены два главнѣйшія условія, необходимыя для нормальнаго развитія организма: крѣпость и единство цѣлаго и самостоятельность частей его.

Самостоятельность частей организма обусловливалась какъ самымъ происхожденіемъ ихъ, такъ и строгою разграниченностью ихъ другъ отъ друга. Разсматриваемое въ отдѣльности, каждое колѣно

---

1) Числ. XVI, 2.

представляло собой какъ-бы вполнѣ независимую республику—съ своимъ особымъ правительствомъ, своею особенною народно-общественною жизнью, съ своими особенными отношеніями и интересами. Оно имѣло во главѣ управленія представителя колѣна, который былъ самостоятельнымъ, независимымъ княземъ своей самостоятельной республики, хотя въ силу необыкновеннаго развитія самосознанія въ низшихъ подраздѣленіяхъ колѣна, власть его была ограничена: онъ правилъ колѣномъ какъ избранный имъ представитель, а не какъ самовластный владѣтель его. Власть его ограничивалась старѣйшинами колѣна, какъ представителями низшихъ подраздѣленій его—поколѣній и семействъ. Каждое колѣно такимъ образомъ управлялось собственно представителями всѣхъ его частей десятичной системы, т. е. тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками, которые всѣ вмѣстѣ составляли изъ себя народное собраніе колѣна съ княземъ колѣна во главѣ, какъ-бы предсѣдателемъ собранія [1]). Такое собраніе завѣдывало и разсматривало дѣла, касающіяся всего колѣна, и въ этомъ отношеніи колѣнамъ была предоставлена полная самостоятельность. Въ исторіи встрѣчается нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, что общее собраніе колѣна рѣшало вопросы о войнѣ своего колѣна съ окружающими народами и вообще объ отношеніяхъ къ нимъ. Такъ, когда депутаты отъ колѣнъ Ефремова и Манассіина («сыны Іосифа») сказали Іисусу Навину, что имъ недостаточно даннаго имъ удѣла, онъ предоставилъ имъ самимъ добыть себѣ земли посредствомъ завоеванія у сосѣднихъ народовъ [2]). Самый замѣчательный примѣръ подобнаго рода представляется въ свидѣтельствѣ 1 Пар. V; 19—23, по которому заіорданскія колѣна даже въ царствованіе Саула самостоятельно вели очень важную войну, въ которой остальныя колѣна почти не принимали никакого участія,—только «подана была имъ помощь противъ враговъ» (ст. 20), т.-е. подана была помощь въ томъ смыслѣ, какъ подаетъ ее одно государство другому.

---

[1]) Точныхъ указаній на такое «собраніе» не имѣется, но оно предполагается какъ общимъ строемъ народной организаціи, такъ и часто встрѣчающимися выраженіями, необходимо предполагающими представительство. Такъ, часто встрѣчаются выраженія: «сказали сыны» такого-то колѣна (I. Нав. XVII, 14). Очевидно, здѣсь разумѣются не всѣ израильтяне извѣстнаго колѣна, а только депутаты его, выборные члены собранія.

[2]) I. Нав. XVII, 14—18. Суд. IV, 10; XVIII, XIX и XX гл.

Двѣнадцать такихъ свободныхъ колѣнъ составляли изъ себя одно общее государство, одинъ общій народный организмъ. Общее единство этихъ свободныхъ общинъ находило для себя крѣпкую опору какъ въ естественномъ родствѣ между собою, такъ и въ общей только-что пережитой, богатой великими воспоминаніями, исторіи, въ единствѣ перенесеннаго ими рабства и полученнаго освобожденія. Верховнымъ связующимъ звеномъ межу ними поставленъ былъ теократическій принципъ, въ силу котораго всѣ колѣна стали однимъ «царствомъ Іеговы», однимъ народомъ Божіимъ, съ которымъ Іегова заключилъ договоръ, возлагавшій на всѣ колѣна одинаковыя обязательства и дававшій одинаковыя права, связывавшія ихъ единствомъ нравственнаго и матеріальнаго интереса. Въ силу всѣхъ этихъ условій, дававшихъ опору сознанію единства, народъ израильскій, несмотря на необыкновенное развитіе самостоятельности въ его отдѣльныхъ частяхъ, ясно сознавалъ свое единство и живо отзывался на всѣ событія, имѣвшія значеніе не только для всего народа, но и для отдѣльныхъ его частей. Но самымъ сильнымъ средствомъ, служившимъ связующимъ элементомъ для всѣхъ колѣнъ, были общія народныя собранія, собиравшіяся по важнымъ дѣламъ, касавшимся всего народа. Эти собранія какъ по своему значенію въ общественно-государственной жизни народа, такъ и по своему составу заслуживаютъ особеннаго вниманія [1]).

Общенародное собраніе имѣло важное значеніе въ теократическомъ государствѣ. Оно было наивысшимъ выраженіемъ народной воли и какъ нельзя больше соотвѣтствовало основному строю на-

---

[1]) При разсматриваніи политическаго устройства въ Моисеевомъ государствѣ невольно поражаетъ сходство его съ организаціей государственнаго управленія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Колѣна по своей административной самостоятельности вполнѣ соотвѣтствуютъ штатамъ, изъ которыхъ каждый также представляетъ собою самостоятельную республику съ своимъ правителемъ, своимъ особымъ парламентомъ и съ своими особыми законами, и какъ самостоятельныя части входятъ въ общій союзъ государства. Союзное правительство составляется изъ представителей всѣхъ штатовъ, составляетъ такъ называемый конгрессъ, который состоитъ изъ двухъ группъ—сената и палаты представителей, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ двумъ высшимъ группамъ представителей въ Моисеевомъ государствѣ—12 и 70 старѣйшинъ. Вмѣсто еврейскаго всенароднаго собранія тамъ существуетъ усовершенствованная система всенароднаго голосованія. Существенное отличіе между этими двумя государственными системами состоитъ только въ томъ, что въ Моисеевомъ государствѣ не успѣлъ выработаться юридически опредѣленный органъ исполнительной власти, какъ онъ существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ лицѣ президента Союзнаго правительства.

роднаго организма. Израильское государство, какъ было показано выше, состояло изъ нѣсколькихъ частей, жившихъ самостоятельною жизнью, самостоятельно рѣшавшихъ всѣ частныя дѣла, касавшіяся каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Но бывали и такія дѣла, которыя касались и имѣли значеніе для всѣхъ колѣнъ вмѣстѣ, и слѣдовательно требовали рѣшенія, которое было бы рѣшеніемъ всѣхъ ихъ, рѣшеніемъ всего народа. Чтобы достигнуть такого рѣшенія, необходимо было знать волю всѣхъ колѣнъ или волю всего народа. Выраженіемъ этой воли и являлось общенародное собраніе. Юридическихъ опредѣленій относительно этого собранія, его учрежденія, состава и порядка занятій въ законѣ почти нѣтъ: оно было такимъ обычнымъ явленіемъ для израильскаго народа, что не нуждалось въ такихъ опредѣленіяхъ. Законъ, вполнѣ оставляя для него тѣ порядки, какіе установлены обычнымъ правомъ, дѣлаетъ относительно собранія только одно постановленіе, именно о порядкѣ созыванія его членовъ (Числ. X, 1—4). Относительно существованія народнаго собранія исторія представляетъ много указаній. Оно называется то просто «собраніемъ» [1]), то «обществомъ», которое иногда является съ приставкой «все»—все общество [2]). Такое собраніе составлялось изъ старѣйшинъ народа и въ своей организаціи вполнѣ отражало общую организацію народа. Въ немъ принимали участіе какъ главы колѣнъ и поколѣній, такъ и остальные старѣйшины и начальники народа. Судя по многочисленности старѣйшинъ и начальниковъ въ народѣ, всенародное собраніе представляло собой громадное собраніе, состоявшее болѣе, чѣмъ изъ $^1/_{10}$ части всего мужскаго населенія [3]), потому что въ него входили и десятиначальники [4]). Несмотря однако же на такое многолюдство, оно не представляло собой безпорядочной массы, а благодаря строгой постепенности въ важности представительства тѣхъ или другихъ членовъ собранія оно представляло стройно-организованное народное собраніе. Оно раздѣлялось прежде всего на два отдѣленія. Эти отдѣленія ясно различаются въ законѣ и могли собираться отдѣльно, какъ это видно

---

1) Втор. XXXI, 30; Числ. XVI, 2.

2) Исх. XII, 3; Числ. XXVII, 21; Втор. XXXI, 30.

3) Въ Суд. XX представляется случай, когда собраніе состояло изъ 400,000 «пѣшихъ, обнажающихъ мечъ». Но это собраніе состояло очевидно не изъ представителей только, а изъ самаго народа и имѣло чрезвычайный характеръ—собранія народа для военныхъ цѣлей.

4) Втор. XXXI 28.

изъ закона о созываніи собранія [1]). Первое отдѣленіе составлялось изъ главнѣйшихъ представителей народа—главъ колѣнъ и поколѣній. Эти избранные мужи составляли изъ себя постоянный совѣтъ народнаго собранія [2]). Совѣтъ этотъ въ свою очередь раздѣлялся на два отдѣла: высшій и низшій. Первый состоялъ изъ двѣнадцати князей народа, начальниковъ двѣнадцати колѣнъ, и созывался иногда отдѣльно отъ втораго, какъ это было, напр., по случаю исчисленія народа, когда созывались только эти «избранные мужи общества, начальники колѣнъ отцовъ своихъ, главы тысячъ израилевыхъ» [3]). Второй отдѣлъ состоялъ изъ начальниковъ поколѣній, но отдѣльно отъ перваго не созывался, а вмѣстѣ съ нимъ входилъ въ составъ высшаго отдѣленія собранія [4]), составляя вмѣстѣ съ нимъ «совѣтъ семидесяти». Это отдѣленіе, повидимому, составляло обыкновенное административное собраніе, занимавшееся текущими дѣлами государственной жизни, какъ это отчасти можно видѣть изъ его назначенія «носить бремя» по управленію народомъ [5]). Другое отдѣленіе общенароднаго собранія состояло изъ остальныхъ представителей народа—старѣйшинъ семействъ или по новой, данной Моисеемъ организаціи—надзирателей народа и начальниковъ десятичныхъ частей, т.-е. тысяченачальниковъ, стоначальниковъ, пятидесятиначальниковъ и десятиначальниковъ, или вообще судей [6]). Это низшее отдѣленіе обыкновенно называется «обществомъ» въ отличіе отъ высшаго отдѣленія, называемаго «князьями» [7]). Въ противоположность высшему, оно не было постояннымъ, а собиралось по особенно важнымъ случаямъ. Кромѣ общаго дѣленія по важности представительства, собраніе, конечно, сохраняло и свое подраздѣленіе по колѣнамъ, племенамъ и семействамъ, такъ что каждое колѣно могло отдѣльно выражать свое мнѣніе по извѣстному вопросу. Что касается порядка совѣщанія, то, какъ видно изъ описанія [8]) народнаго собранія, собиравшагося предъ смертью Іисуса Навина принять отъ него послѣднія наставленія, совѣщаніе происходило такимъ образомъ, что наставленія принимали изъ устъ вождя только ближай-

1) Числ. X, 1—4.
2) Числ. XI, 16 и 17.
3) Числ. I, 16.
4) Числ. X, 4; XI, 16; Исх. XXIV, 1.
5) Числ. XI, 17.
6) Втор. XXIX, 10; I. Нав. XXIII, 2.
7) Числ. X, 3; XXVII, 2.
8) I. Нав. XXIII, 2; XXIV, 1, 16, 21.

шіе къ нему, главнѣйшіе старѣйшины (главы колѣнъ и поколѣній), а затѣмъ принятое они передавали остальнымъ представителямъ, которые и высказывали свое согласіе или несогласіе восклицаніями [1]). Всего вѣроятнѣе, что подобнымъ же образомъ происходили и вообще собранія: члены двухъ главныхъ отдѣленій собранія совѣщались между собой, дѣлали извѣстныя постановленія и затѣмъ результатъ этихъ совѣщаній предлагали на судъ остальнаго собранія, которое и выражало свое согласіе или несогласіе.

Собраніе созывалось нарочно приготовленными для того двумя серебряными трубами [2]). «Когда одною трубою затрубятъ, соберутся къ тебѣ князья и тысяченачальники Израилевы» [3]), т.-е. члены первой палаты, первыхъ двухъ главныхъ отдѣленій собранія—главы колѣнъ и поколѣній; а когда затрубятъ обѣими, то должны были собираться всѣ члены собранія, «все общество» [4]). Такой способъ созыванія народныхъ представителей въ собраніе возможенъ былъ, конечно, только въ то время, когда народъ составлялъ изъ себя еще одинъ станъ, скученный въ одномъ мѣстѣ; когда же онъ разселился по городамъ Палестины, такъ что двумя трубами невозможно стало давать знать по различнымъ городамъ, то народное собраніе созывалось посредствомъ особыхъ вѣстниковъ [5]). Собранія обыкновенно происходили на какомъ-нибудь особенно священномъ для всего народа мѣстѣ. Такимъ мѣстомъ сначала обыкновенно служила скинія, мѣсто предъ входомъ въ нее [6]), отчего и сама скинія часто называется «скиніей собранія» [7]), а впослѣдствіи въ различныхъ городахъ, и преимущественно въ городѣ Массифѣ [8]). Всенародное собраніе созывалось по разнымъ важнымъ событіямъ: для торжественнаго всенароднаго богослуженія [9]), для всеобщей молитвы объ отвра-

---

[1]) I. Нав. XXIV, 1, 16, 21. Такой же порядокъ дѣлопроизводства былъ какъ извѣстно, въ Греціи и Римѣ, въ первобытныя времена.

[2]) Числ. X, 2.

[3]) Числ. X, 4. Здѣсь, по всей вѣроятности, нужно разумѣть не въ собственномъ смыслѣ тысяченачальниковъ, а начальниковъ колѣнъ или поколѣній. Ср. Числ. I, 16.

[4]) Числ. X, 3.

[5]) 2 Пар. XXX, 6.

[6]) Числ. X, 3.

[7]) Лев. IV, 4, 5, 7; Числ. X, 3.

[8]) Суд. XI, 11; XX, 1; 1 Цар. VII, 5; X, 17.

[9]) Исх. XII, 47.

шеніи грозящихъ бѣдствій [1]), для принятія новыхъ законовъ [2]), для производства суда и исполненія приговора въ важныхъ случаяхъ преступленія [3]), для установленія политическихъ отношеній къ сосѣднимъ народамъ, объявленія войны, заключенія мира и договоровъ [4]), и вообще въ его вѣдѣніе входили всѣ важнѣйшія дѣла внутренней и внѣшней жизни народа, даже самая форма правленія, какъ это было впослѣдствіи при учрежденіи царской власти.

Такимъ образомъ по своему внутреннему складу израильское государство должно было представлять собою форму народнаго самоуправленія, подъ верховнымъ главенствомъ Іеговы. «Богоправленіе» въ такомъ случаѣ не есть какая-либо особая форма правленія— въ отличіе отъ монархіи, олигархіи или демократіи (какъ ошибочно думалъ Іосифъ Флавій), а есть лишь общее руководительство Божіе, подъ которымъ государственная жизнь народа могла развиваться свободно и принимать всякія формы, какія только оказывались полезными или необходимыми по историческимъ обстоятельствамъ въ жизни народа. Поэтому, во время странствованія въ пустынѣ и завоеванія земли обѣтованной во главѣ его стояли какъ-бы военные диктаторы (Моисей и Іисусъ Навинъ); затѣмъ выступали случайные вожди и судьи (во времена судей) и затѣмъ учреждена была монархія. Всѣ эти формы правленія одинаково могли быть примиримы съ «богоправленіемъ», только бы правители дѣйствовали по указанію закона и частныхъ проявленій воли верховнаго Царя народа—Іеговы.

ГЛАВА LIII.

Законы общественно-экономическіе.

Богоправленіе, слѣды котораго указаны въ области государственныхъ законовъ, съ неменьшею ясностью выступаетъ и въ законахъ, касающихся общественно-экономической жизни, въ которой оно водворяетъ также высшія начала мудрости и справедливости, не-

1) Числ. XXV, 5 и 6; Іоиль II, 15.
2) Исх. XIX, 7 и 8; Лев. VIII, 3, 4, 5 и др.
3) Числ. XV, 32, 35; Лев. XXIV, 14.
4) Іис. Нав. IX, 18.

извѣстныя у древнихъ народовъ языческаго міра. Мы разсмотримъ главнѣйшіе изъ этихъ законовъ, и прежде всего законы о землевладѣніи.

Общее воззрѣніе Моисеева законодательства на землю, какъ главный предметъ владѣнія, носитъ на себѣ вполнѣ характеръ чудеснаго богоправленія. Здѣсь вмѣсто естественнаго принципа владѣнія, выражающагося въ захватѣ, въ силу котораго, какъ говоритъ Руссо, человѣкъ самовольно огораживаетъ часть земли и говоритъ—«это мое», не обращая вниманія на то, достанется ли и другимъ столько же, сколько онъ захватилъ, или нѣтъ, хотя и они имѣютъ одинаковое право съ нимъ,—здѣсь въ Моисеевомъ законодательствѣ господствуетъ теократическій принципъ, исключающій всякій захватъ. Земля, по этому законодательству, есть собственность одного Іеговы, какъ полноправнаго распорядителя ею по праву Творца вообще и по праву дарителя Палестинской земли избранному народу въ частности. «Моя земля», говоритъ Іегова: «вы пришельцы и поселенцы у Меня» [1]). Если же земля есть полная и исключительная принадлежность одного Іеговы, то этимъ самымъ уже исключается возможность самовольнаго захвата ея въ частную собственность. Таковою она можетъ стать только съ соизволенія ея полноправнаго владѣтеля, а въ такомъ случаѣ устраняется уже и та несправедливость, которая естественна при самовольномъ захватѣ. Подобный же взглядъ на землю, какъ исключительную собственность какого-либо общаго начала, повидимому, встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ законодательствахъ, какъ, напр., въ египетскомъ, гдѣ земля также не составляла чьей-либо частной собственности, а принадлежала одному фараону [2]). Основываясь на этомъ видимомъ сходствѣ, нѣкоторые предполагаютъ, что Моисеевъ законъ объ исключительной принадлежности земли Іеговѣ есть подражаніе египетскимъ соціальнымъ порядкамъ, къ которымъ съ дѣтства привыкли израильтяне [3]). Но въ этомъ мнѣніи, кромѣ недостатка общаго всѣмъ объясненіямъ извѣстныхъ вѣрованій или учрежденій одного народа заимствованіемъ ихъ у другаго [4]), замѣ-

---

1) Лев. XXV, 20—21.
2) Быт. XLVII, 20, 21.
3) Michaëlis, Mosaisches Recht, II часть, стр. 19. 1777 г.
4) Въ другомъ мѣстѣ Михаэлисъ самъ косвенно сознаетъ недостатокъ объясненія заимствованіемъ. Говоря, что основу своего земледѣльческаго государства Моисей заимствовалъ у египтянъ, онъ съ недоумѣніемъ прибав-

чается стараніе сравнить явленія по существу дѣла несравнимыя, хотя по внѣшности и сходныя между собой. Между египетскимъ соціальнымъ порядкомъ и Моисеевымъ законодательствомъ существуетъ коренное различіе. У египтянъ указанный соціальный порядокъ есть результатъ естественно-историческихъ условій, дѣтище народнаго бѣдствія, давшаго возможность фараону произвести захватъ земли въ свою собственность, обезземелить мелкихъ собственниковъ и сдѣлаться полновластнымъ, единственнымъ собственникомъ вѣхъ египетскихъ земель. Слѣдовательно, этотъ порядокъ уже по самому происхожденію своему ненормальное явленіе. Далѣе—это ненормальное явленіе повело къ другимъ ненормальностямъ: обезземеленные мелкіе собственники по необходимости поступили въ рабскую зависимость отъ фараона, отдались ему на всю его волю, сдѣлались его рабами «отъ одного конца Египта до другаго», и эта рабская зависимость выразилась тяжелымъ налогомъ въ пользу фараона, равнымъ пятой части доходовъ. Такъ какъ, далѣе, земля отдавалась земледѣльцамъ въ аренду, то естественно, что она отдавалась неравномѣрно каждому, а смотря по состоятельности каждаго. Отсюда новая ненормальность, въ силу которой болѣе состоятельные земледѣльцы могли въ свою очередь производить захватъ земли, оставляя менѣе состоятельныхъ или вовсе безъ земли, или съ самымъ недостаточнымъ количествомъ ея и повергая ихъ такимъ образомъ во всевозможныя бѣдствія нищеты. Такимъ образомъ, египетскій соціальный порядокъ землевладѣнія, какъ результатъ народнаго бѣдствія, велъ еще къ бо́льшимъ народнымъ бѣдствіямъ, къ страшному развитію нищеты. Совершенно иного характера воззрѣніе Моисеева законодательства на землевладѣніе. По этому воззрѣнію, земля есть собственность одного Іеговы не въ силу захвата ея у прежнихъ собственниковъ, а по праву Творца. Эту свою вѣковѣчную собственность Іегова по свободному выбору дарить израильскому народу, налагая на него за это извѣстныя, указанныя въ договорѣ, обязательства. Давая землю израильскому народу, Іегова не предоставляетъ ее всѣмъ случайностямъ личнаго захвата, какъ это было у египтянъ, захвата, необходимо вносящаго съ собой неравенство и несправедливость, но вводитъ равномѣрное распредѣленіе

ляетъ: «но извѣстно впрочемъ, что по какому-то случаю и государство древнихъ римлянъ имѣло подобное же устройство». Erster Theil. S. 161.

земли «по числу именъ» мужскаго пола [1]). Такимъ образомъ, какъ въ соціальномъ порядкѣ землевладѣнія у египтянъ господствуетъ вполнѣ естественно-историческій законъ захвата со всѣми его несправедливостями и бѣдствіями, такъ напротивъ—въ законѣ Моисеевомъ господствуетъ теократическій принципъ, въ силу котораго высшая идея справедливости подчиняетъ себѣ естественно-историчскій законъ и на мѣсто самовольнаго захвата вводитъ принципъ равномѣрнаго распредѣленія земли во владѣніе. Сущность теократическаго принципа въ данномъ случаѣ составляетъ одинаковое право всѣхъ членовъ Моисеева государства на землю.

Когда народъ израильскій былъ исчисленъ по поколѣніямъ и семействамъ въ мужской линіи, Іегова сказалъ Моисею: «Симъ въ удѣлъ должно раздѣлить землю по числу именъ». «По жребію должно раздѣлить землю; по именамъ колѣнъ отцовъ ихъ должны они получить удѣлъ» [2]). Въ этихъ повелѣніяхъ заключается сущность аграрныхъ законовъ Моисея, опредѣляющихъ экономическое положеніе народа. Болѣе частное опредѣленіе этого общаго закона выражается въ слѣдующемъ повелѣніи: «кто многочисленнѣе, тѣмъ дай удѣлъ болѣе, а кто малочисленнѣе, тѣмъ дай удѣлъ менѣе; каждому должно дать удѣлъ соразмѣрно съ числомъ вошедшихъ въ исчисленіе» [3]). Такъ какъ исчисленіе происходило по всѣмъ тремъ степенямъ раздѣленія народа—по колѣнамъ, племенамъ и семействамъ, то очевидно и земля распредѣлялась по этимъ же группамъ.

Такъ какъ законъ не указываетъ другихъ единицъ при раздѣлѣ земли, то можно думать, что раздѣлъ ограничивался только этими тремя, и надѣлъ, опредѣлявшійся для семейства, какъ меньшей единицы, нужно считать низшею земельною единицею, за которую уже не простиралось дѣленіе, опредѣленное закономъ. Но это не значитъ, что дѣленіе не простиралось далѣе и на самомъ дѣлѣ. Указанная земельная единица есть низшая только въ общественно-юридическомъ отношеніи и установлена въ соотвѣтствіе низшей степени расчлененія народнаго организма—семейству. Но какъ семейство естественно дѣлилось на нѣсколько частныхъ домовъ или хозяйствъ, то нѣтъ никакихъ основаній отрицать, что и надѣлъ семейства дѣлился соотвѣтственно числу этихъ хозяйствъ, хотя въ то же вре-

1) Числ. XXVI, 53.
2) Числ. XXVI, 53—54.
3) Числ. XXVI, 55.

мя, какъ эти отдѣльные дома или хозяйства не принимались во вниманіе законодательствомъ, такъ равно не принимались имъ во вниманіе и эти мелкіе надѣлы, выдѣленные для отдѣльныхъ домовъ или хозяйствъ изъ общаго надѣла, принадлежащаго семейству. Такое частное дѣленіе законъ предоставляетъ усмотрѣнію отдѣльныхъ общинъ и обычному праву, и оно могло нисходить до самой низшей единицы—надѣла на каждое отдѣльное лицо. Различіе этого частнаго дѣленія отъ узаконеннаго или оффиціальнаго, повидимому, состояло въ томъ, что единицы послѣдняго дѣленія были устойчивы и неизмѣнны, а единицы частнаго дѣленія постоянно измѣнялись сообразно измѣненію количества и состава наличныхъ владѣтелей. Указаній на личное поземельное владѣніе въ законѣ много. Такъ, напримѣръ, личное владѣніе землею предполагается закономъ о юбилейномъ годѣ, въ которомъ говорится о продажѣ и выкупѣ частныхъ владѣній, принадлежащихъ отдѣльнымъ личностямъ [1]). Такъ какъ личности органически входятъ въ семейства, племена, колѣна, то и земельное владѣніе изъ ряда участковъ, составляющихъ личное владѣніе, правильно слагается въ земельныя единицы, составляющія общинное достояніе семействъ, племенъ, колѣнъ. Но эти послѣднія своимъ правомъ на землю должны были служить не къ ограниченію правъ личнаго владѣнія, а напротивъ, какъ болѣе прочныя, въ сравненіи съ личностью, общественныя единицы, должны были служить гарантіей личнаго владѣнія, строго наблюдая за цѣлостью своего владѣнія. Цѣлость колѣннаго владѣнія узаконена опредѣленіемъ, «чтобы удѣлъ сыновъ Израилевыхъ не переходилъ изъ колѣна въ колѣно» [2]), что достигалось закономъ, не допускавшимъ возможности перехода наслѣдства изъ одного колѣна въ другое. Равно и племя должно было строго наблюдать за своимъ владѣніемъ [3]), что выражалось въ особомъ назначеніи *гоелевъ*, на обязанности которыхъ было, посредствомъ выкупа, сохранять цѣлость племеннаго владѣнія. Такая градація правъ на земельное владѣніе превосходно обезпечивала неприкосновенность какъ общинной, такъ и личной собственности.

При такомъ порядкѣ вещей и въ виду того, что Моисеево госу-

1) Числ. XXXVI, 7.
2) Лев. XXV, 25, 26, 28.
3) Числ. XXXIII, 54.

дарство должно было быть по преимуществу земледѣльческимъ и что, какъ само собой предполагалось, каждый израильтянинъ будетъ самъ обрабатывать вышавшій на его долю участокъ земли, члены государства будутъ состоять изъ свободныхъ земледѣльцевъ—собственниковъ, всѣ жители государства, въ виду плодородія палестинской почвы, если и не могли быть слишкомъ богатыми, то могли имѣть значительную, приблизительно равную, степень благосостоянія и матеріальнаго довольства. Но, какъ замѣчаетъ ученый изслѣдователь Моисеева права, Залыпюцъ [1]), такова уже природа человѣческихъ отношеній, что такая равномѣрность состоянія и связанная съ ней личная независимость не могутъ долго вполнѣ сохраняться. Естественныя бѣдствія, семейныя и личныя несчастія, неодинаковая степень предпріимчивости и бережливости въ различныхъ членахъ общества и множество другихъ причинъ со временемъ приводятъ къ тому, что изъ одинаково состоятельныхъ людей начинаютъ выдѣляться болѣе состоятельные и менѣе состоятельные. При дальнѣйшемъ развитіи этого отношенія, между менѣе состоятельными выдѣляются такія личности, которыя, не имѣя достаточно средствъ для надлежащей обработки земли и въ то же время имѣя гнетущую нужду въ удовлетвореніи своихъ потребностей, вынуждаются продать свой участокъ, который естественно переходитъ въ руки болѣе состоятельныхъ и дѣлаетъ ихъ уже богатыми. Такимъ образомъ, при неограниченномъ господствѣ естественно-экономическихъ условій распредѣленія богатства, или при господствѣ извѣстнаго въ экономической наукѣ принципа безконтрольнаго развитія [2]), первоначальное экономическое равенство смѣняется неравномѣрностью въ распредѣленіи матеріальныхъ благъ. Въ то время, какъ одни все болѣе и болѣе бѣднѣютъ, другіе все болѣе и болѣе накопляютъ богатства, и въ концѣ-концовъ являются поразительныя крайности нищеты (пауперизмъ) съ одной стороны, и чрезмѣрнаго богатства (плутократія)—съ другой. Такая ненормальность распредѣленія матеріальныхъ благъ есть величайшее соціальное зло и служитъ причиною внутреннихъ смутъ, ослабленія и разрушенія государства, какъ это было, напр., въ Римской имперіи, и какъ это отчасти замѣтно въ государствахъ западной

[1]) Saalschütz, Mos. Rcht, Кар. 12, § 140.

[2]) Получившаго техническое названіе—принципа laissez, passer, laissez faire.

Европы въ настоящее время. Многіе законодатели старались положить преграду развитію этого зла, но старанія ихъ большею частью были тщетны. Эта великая попытка есть и въ Моисеевомъ законодательствѣ, но здѣсь она имѣетъ характеръ не попытки только, а и дѣйствующаго закона.

Чтобы воспрепятствовать развитію указаннаго соціальнаго зла, Моисеево законодательство ограничиваетъ право личной исключительной собственности. Это ограниченіе достигается различными узаконеніями, которыя при представленіи значительной свободы личному владѣнію имѣютъ тенденцію поставить рядомъ съ нимъ, не противорѣча, и не вредя ему, въ извѣстныхъ предѣлахъ общее пользованіе личною собственностью. Таково опредѣленіе, по которому каждому предоставляется свободное пользованіе плодами съ чужой нивы или виноградника, хотя это пользованіе ограничивается личнымъ потребленіемъ въ данное время, съ запрещеніемъ дѣлать запасъ: «Когда войдешь въ виноградникъ ближняго твоего, можешь ѣсть ягоды до-сыта, сколько хочетъ душа твоя, а въ сосудъ твой не клади. Когда прійдешь на жатву ближняго твоего, срывай колосья руками твоими, но серпа не заноси на жатву ближняго твоего» [1]). Это опредѣленіе, конечно, имѣетъ въ виду странниковъ и бѣдныхъ, но оно же могло служить противовѣсомъ стремленію накоплять чрезмѣрныя богатства. Но эта мѣра имѣла только второстепенное значеніе въ противодѣйствіе развитію крайней нищеты. Большее значеніе въ отношеніи къ сохраненію экономическаго равенства и недопущенію развитія крайностей пауперизма и плутократіи имѣетъ другое узаконеніе, также ограничивающее право личнаго владѣнія. Таково узаконеніе о неотчуждаемости земельнаго владѣнія. «Землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля (говоритъ Іегова); вы пришельцы и поселенцы у Меня» [2]). Теократическій смыслъ этого закона тотъ, что Іегова, какъ единственный собственникъ земли и даритель ея избранному народу, не предоставляетъ пользованіе землею всѣмъ случайностямъ естественно-историческихъ условій, необходимо ведущихъ къ указанному соціальному злу, но эти условія подчиняетъ принципу высшей справедливости, по которому должно постоянно поддерживаться и развиваться перво-

1) Втор. XXXIII, 24—25.
2) Лев. XXV, 23.

начально установленное равенство. Теократическій принципъ въ этомъ отношеніи соотвѣтствуетъ другой политико-экономической теоріи, теоріи государственнаго вмѣшательства, по которой государство должно взять на себя задачу регулировать экономическія отношенія гражданъ. Моисеево законодательство, какъ сказано выше, достигаетъ этого ограниченіемъ права личной собственности. Израильтянинъ-собственникъ могъ продать свой участокъ только на извѣстное время, послѣ котораго участокъ опять по закону безъ всякаго вознагражденія долженъ былъ возвратиться къ первоначальному владѣтелю, или къ его наслѣдникамъ. Такое законоположеніе практически осуществлялось въ знаменитомъ учрежденіи системы субботнихъ годовъ.

Система субботнихъ годовъ имѣетъ величайшее теократическиэкономическое значеніе въ системѣ Моисеева законодательства. Основываясь на общемъ значеніи въ ветхозавѣтномъ міровоззрѣніи «субботы», какъ дня покоя отъ дѣятельности въ воспоминаніе завершенія творческой дѣятельности Іеговы и какъ дня засвидѣтельствованія «доброты» творенія, система субботнихъ годовъ имѣла своимъ высшимъ назначеніемъ служить періодически правильнымъ пунктомъ возвращенія соціальныхъ отношеній, въ своемъ развитіи уклонившихся отъ нормы, въ ихъ первоначальное состояніе. Она, такъ сказать, призвана была служить возрождающею силой, приводящей разстроившіяся человѣческія отношенія въ ту норму, въ которой они были поставлены при первоначальномъ установленіи ихъ и отъ которой они уклонились подъ вліяніемъ естественно-историческихъ условій. Эта система безпримѣрна во всемірной исторіи и учрежденіе ея возможно было только въ теократическомъ государствѣ, гдѣ теократическій принципъ, принципъ высшей идеи справедливости, господствовалъ надъ принципами грѣховныхъ, естественно-историческихъ условій, всецѣло подавляющихъ развитіе остальнаго, внѣзавѣтнаго человѣчества. Система субботнихъ годовъ состояла изъ двойной градаціи, которая, начинаясь седьмымъ годомъ, оканчивалась пятидесятымъ, завершавшимъ собой седьмицу седьмыхъ годовъ $7 \times 7 + 1$) и служившимъ раздѣлительнымъ пунктомъ, послѣ котораго начиналась новая седьмица седьмыхъ годовъ. Каждый седьмой годъ носитъ названіе «субботняго года», и каждый пятидесятый—названіе «юбилейнаго года».

Главное постановленіе Моисеева законодательства относительно

субботняго года есть требованіе покоя для земли. «Земля должна покоиться въ субботу Господню. Шесть лѣтъ засѣвай поле твое и шесть лѣтъ обрѣзывай виноградникъ твой, и собирай произведенія ихъ, а въ седьмой годъ да будетъ суббота покоя земли, суббота Господня; поля твоего не засѣвай и виноградника твоего не обрѣзывай» [1]). Теократическій смыслъ этого закона указанъ выше: онъ опредѣляется общимъ значеніемъ субботы, и по отношенію къ землѣ выражается въ возстановленіи той цѣльности, той дѣвственности (если такъ можно выразиться), какую она имѣла при твореніи (по отношенію къ израильтянамъ—при распредѣленіи земли), но которой она лишилась впродолженіе обработки и истощенія ея. Но съ теократическимъ значеніемъ субботняго года связывалось много и другихъ его значеній, имѣвшихъ соціально-экономическій характеръ. Такъ «покой земли», повторяясь періодически, въ агрономическомъ отношеніи имѣлъ значеніе пара, удобренія земли. Удобреніе почвы (въ собственномъ смыслѣ) въ древности было неизвѣстно. Поэтому оставленіе земли въ покоѣ, при значительномъ развитіи скотоводства, доставлявшаго естественный матеріалъ для удобренія почвы (такъ какъ тогда цѣлый этотъ годъ постоянно могли оставаться на поляхъ), служило лучшимъ средствомъ возстановленія истощенной растительной силы земли. Еще важнѣе и характеристичнѣе въ отношеніи къ общему воззрѣнію Моисеева законодательства на землю и собственность другой законъ о субботнемъ годѣ, или, точнѣе говоря, дополненіе перваго закона о покоѣ земли. Запретивъ въ седьмой годъ обработку земли и посѣва на ней, законъ продолжаетъ: «Что само выростетъ на жатвѣ твоей, не сжинай, и гроздовъ съ необрѣзанныхъ лозъ твоихъ не снимай: да будетъ это годъ покоя земли. И будетъ это впродолженіе субботы земли всѣмъ вамъ въ пищу, тебѣ и рабу твоему, и рабѣ твоей, и наемнику твоему, и поселенцу твоему, поселившемуся у тебя; и скоту твоему, и звѣрямъ, которые на землѣ твоей, да будутъ всѣ произведенія ея въ пищу» [2]). Этимъ закономъ всѣ произведенія земли, выросшія [3]) безъ искусственнаго ухода за ней, предоставляются въ общее пользованіе всѣмъ, которые только нуждаются въ нихъ, даже тѣмъ, которые въ обычное время, ограничиваемые условіями права собственности, не имѣютъ

---

1) Лев. XXV, 2 и 4; Исх. XXII, 10—11.

2) Лев. XXV, 5—7.

3) А они, какъ мы увидимъ ниже, очень значительны.

права воспользоваться ими, безъ дозволенія владѣтеля или собственника. Теократическое значеніе этого закона состоитъ въ томъ, что имъ какъ-бы возстановлялся тотъ періодъ человѣческой жизни, когда люди, неиспорченные еще грѣхомъ и незараженные узко-эгоистическими инстинктами, обособляющими человѣка въ сферу личныхъ интересовъ, часто затемняющихъ даже сознаніе общечеловѣческаго братства, неподѣленные еще на классы по роду и состоянію, жили общею жизнью и пользовались благами природы на правахъ полнаго равенства. Изъ такого теократическаго значенія этого закона понятно и его соціальное значеніе. Предоставляя частную собственность въ общее пользованіе, законъ достигалъ этой двоякой пользы—въ общественно-экономическомъ и общественно-нравственномъ отношеніи. Естественно-историческія условія, какъ они ни подавлялись и какъ ихъ дѣйствія ни регулировались теократическимъ принципомъ, быстро вели къ неравномѣрному распредѣленію матеріальныхъ благъ и мало-по-малу приводили къ обособленію богатыхъ отъ бѣдныхъ, производили соціально-экономическое неравенство, со всѣми его бѣдствіями. Разсматриваемый законъ сглаживалъ въ извѣстной степени образовавшееся неравенство. Уничтожая на цѣлый годъ право исключительнаго пользованія плодами земли со стороны собственниковъ и предоставляя пользованіе ими всѣмъ нуждающимся въ нихъ, дѣлая ихъ общимъ достояніемъ, законъ тѣмъ самымъ лишалъ богатыхъ собственниковъ возможности впродолженіи цѣлаго года накоплять богатства къ богатствамъ (что, конечно, для нихъ, пользующихся значительнымъ количествомъ рабочихъ рукъ и земельныхъ участковъ, было несравненно удобнѣе и легче, чѣмъ для бѣдняковъ). А между тѣмъ бѣдные и всѣ обездоленные въ суровой житейской борьбѣ, лишившіеся своихъ поземельныхъ участковъ, будучи вынуждены продать ихъ богатымъ, теперь могли свободно пользоваться произведеніями всѣхъ нивъ и виноградниковъ. Эта мысль ясно выражена въ другой формѣ того же закона: «Въ седьмой годъ оставляй землю въ покоѣ, чтобы питались уботіе изъ народа твоего, а остатками послѣ нихъ, прибавляетъ законъ, питались звѣри полевые», какъ извѣстно, тоже часто лишающіеся, благодаря алчности человѣка, необходимой, назначенной имъ природой, пищи. «Такъ же поступай съ виноградникомъ твоимъ и маслиною твоею» [1]). Въ общественно-нравственномъ отно-

[1]) Исх. XXIII, 11.

шеніи этотъ законъ имѣлъ то благодѣтельное вліяніе, что предоставленіе плодовъ въ общее пользованіе способствовало поддержанію и возбужденію сознанія братства людей, часто затемнявшагося развившимся неравенствомъ по положенію и состоянію, и препятствовало сильному развитію узкаго, своекорыстнаго себялюбія, уединяющаго человѣка отъ всѣхъ благородныхъ порывовъ человѣколюбія въ сферу личныхъ интересовъ.

Но спрашивается: не могло ли происходить отъ этого закона, запрещающаго въ седьмой годъ обработку земли и посѣвъ хлѣба [1]), экономическихъ затрудненій? Другими словами: могла ли палестинская почва безъ обработки и посѣва производить столько продуктовъ, чтобы ихъ достаточно было для прокормленія народа? Это серьезный вопросъ, и многіе изслѣдователи останавливались на немъ, затрудняясь даже примирить положительное его рѣшеніе съ общею разумностью законодательства. Но дѣло легко объяснится, если мы примемъ во вниманіе историко-географическія данныя относительно особенностей Палестины.

Запрещая посѣвъ, законодатель однако же говоритъ о пользованіи произведеніями и плодами земли и настолько значительными, что по удовлетвореніи хозяевъ со всѣми ихъ домочадцами, рабочими, скотомъ, и по удовлетвореніи бѣдныхъ и поселенцевъ, очевидно не имѣющихъ своихъ полей и значитъ имѣющихъ пользоваться плодами съ тѣхъ же полей имущихъ собственниковъ, предполагаетъ еще остатки [2]), которые предоставляются въ пищу звѣрямъ полевымъ. Ясно, что законъ предполагаетъ хорошій урожай безъ посѣва, и историко-географическія данныя вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе. Извѣстно, что библейскіе, классическіе и вообще древніе писатели, писавшіе о Палестинѣ, единогласно, за исключеніемъ Страбона, мало знавшаго Палестину, съ восхищеніемъ отзываются о ея климатическихъ условіяхъ и необыкновенномъ плодородіи. Это, по изреченію Іеговы, «страна, гдѣ течетъ молоко и медъ» [3]), «краса всѣхъ земель» [4]), «земля, по описанію Моисея, добрая, гдѣ пшеница, ячмень, виноградныя лозы, смоковницы и гранатовыя деревья, масличныя деревья и медъ, земля, въ которой народъ безъ скудости

---

1) Лев. XXV, 20.
2) Исх. XXIII, 11.
3) Исх. III.
4) Іезек. XX, 6.

будетъ ѣсть хлѣбъ и ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка»[1]). Такими же красками изображаютъ плодородіе Палестины Тацитъ, Амміанъ Марцеллинъ, Іосифъ Флавій, Іустинъ философъ и др. Такія свидѣтельства древнихъ подтверждаются и новѣйшими изслѣдователями и путешественниками. Такъ, Грецъ замѣчаетъ: «Правда, земля, которая нѣкогда текла молокомъ и медомъ, измѣнилась,— взглядъ повсюду видитъ опустошеніе. Но и теперь тамъ, гдѣ только человѣческая рука обрабатываетъ почву, является необыкновенное плодородіе». Если принять во вниманіе такую роскошь и плодородіе обѣтованной земли, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и безъ искусственнаго посѣва выростали богатыя нивы единственно только отъ случайно выпавшихъ зеренъ, количество которыхъ тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе урожай. И такое явленіе не безпримѣрно: по свидѣтельству Страбона, въ Албаніи отъ одного посѣва можно было собирать двѣ или три жатвы. Въ Нумидіи отъ выпавшихъ зеренъ на слѣдующее лѣто вырастали обыкновенныя жатвы, и въ Гирканіи, гдѣ собственно не было даже правильнаго земледѣлія, хлѣбъ родился отъ выпавшихъ при жатвѣ зеренъ[2]). Вроятность этого явленія въ Палестинѣ еще больше, если принять во вниманіе законъ, запрещавшій дожинать ниву до края и подбирать оставшееся[3]). При такихъ условіяхъ урожай могъ быть значительный и безъ посѣва, не говоря уже о садахъ и виноградникахъ, могущихъ приносить плоды безъ ухода и въ странахъ менѣе плодородныхъ, чѣмъ Палестина. Но, объясняя естественнымъ путемъ возможность урожая безъ посѣва, мы тѣмъ самымъ не исключаемъ здѣсь особеннаго дѣйствія «благословенія Божія», которое обѣщано самимъ Іеговою на шестой годъ. Напротивъ, намъ кажется, что и особенное спасеніе затрудненій, могущихъ произойти отъ закона о покоѣ земли, заставляющее нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдователей прибѣгать къ разнымъ теоріямъ и натяжкамъ (Михаэлисъ), вытекло изъ односторонняго, узконатуралистическаго взгляда на предметъ, игнорирующаго или даже вовсе исключающаго[4]) чудесный элементъ въ судьбѣ избраннаго народа. Это тѣмъ болѣе нужно сказать относительно

---

[1]) Второз. VIII, 7—9.

[2]) Цитаты см. въ нашемъ сочиненіи «Законод. Моисея», стр. 111 и 112.

[3]) Лев. XIX, 9; XXIII, 22.

[4]) Такой взглядъ явственно проходитъ въ трудахъ Михаэлиса и Зальшюца. См. напр. Michaelis, 2 Th. стр. 31; Saalschütz, Mos. Recht, стр. 142—143 и др.

юбилейнаго года, гдѣ, по случаю истеченія двухъ лѣтъ покоя земли, натуралистическая теорія приходитъ еще въ большее замѣшательство, но гдѣ зато тѣмъ явственнѣе выступаетъ чудесный элементъ.

Юбилейный годъ составляетъ высшую ступень въ раскрытіи идеи субботы и дальнѣйшую градацію въ субботней системѣ по Моисеевымъ законамъ о землѣ и собственности. «Насчитай себѣ семь субботнихъ лѣтъ, семь разъ по семи лѣтъ, чтобъ было у тебя въ семи субботнихъ годахъ сорокъ девять лѣтъ. И освятите пятидесятый годъ, да будетъ у васъ юбилей» [1]). Если слѣдовать буквальному смыслу текста этого закона, то не можетъ быть и вопроса о томъ, когда праздновался этотъ годъ. Прямой, буквальный смыслъ закона тотъ, что юбилей положенъ былъ на 50-й годъ, послѣ послѣдовательнаго ряда семи седьмицъ лѣтъ, и былъ отличенъ отъ седьмаго субботняго года. Но при такомъ пониманіи представляется возможность еще большаго экономическаго затрудненія, чѣмъ какое представляется въ законѣ о субботнемъ годѣ, такъ какъ тогда пришлось бы допустить, что земля оставалась безъ обработки впродолженіи двухъ лѣтъ сряду. Затрудняясь согласить такое пониманіе съ законодательною мудростью, нѣкоторые ученые изслѣдователи доказываютъ, что юбилей могъ быть только въ 49 годъ, т.-е. онъ былъ ни что иное, какъ седьмой субботній годъ, какъ заключительный пунктъ всего субботняго круга. Но древность, за исключеніемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ ученыхъ, не за это мнѣніе. Филонъ и Іосифъ Флавій ясно говорятъ о юбилейномъ годѣ, какъ пятидесятомъ [2]). Главный мотивъ къ этому натянутому объясненію заключается, какъ сказано выше, въ опасеніи возникновенія экономическихъ затрудненій отъ оставленія полей безъ обработки и посѣва впродолженіе двухъ лѣтъ сряду. Натуралистическая тенденція этой теоріи указана была выше и тамъ же показана ея несостоятельность. Здѣсь мы дополнимъ только сказанное, указавъ причины несостоятельности такой теоріи въ ея частномъ примѣненіи къ юбилейному году. Опасеніе возможности возникновенія экономическихъ затрудненій, при полномъ господствѣ обычныхъ экономическихъ условій, предполагается самимъ законодателемъ [3]), но имъ же оно и устраняется: «Если скажете: что же намъ ѣсть въ седьмой годъ, когда мы

---

[1]) Лев. XXV, 8—11.
[2]) Philon, Opp. II, 391; Jos. Antiqq. III, 12, 3.
[3]) Лев. XXV, 20.

не будемъ ни сѣять, ни собирать произведеній нашихъ? Я пошлю благословеніе Мое на васъ въ шестой годъ, и оно принесетъ произведеній на три года»[1]). Слѣдовательно, здѣсь, кромѣ разсмотрѣнныхъ нами выше естественныхъ средствъ Палестины для устраненія экономическихъ затрудненій, полное значеніе получаетъ теократическій принципъ, къ сущности котораго относится между прочимъ и подчиненіе естественныхъ условій высшему руководительному началу. Преобладаніе такого начала, понятное и въ учрежденіи субботняго года, становится даже необходимымъ въ учрежденіи юбилейнаго года, которое по величію своихъ задачъ вполнѣ безпримѣрное въ исторіи явленіе.

Сущность Моисеева законодательства касательно юбилейнаго года заключается въ требованіи возстановленія того порядка вещей, который установленъ былъ при раздѣлѣ земли во владѣніе израильтянамъ и отъ котораго онъ уклонился въ своемъ развитіи подъ вліяніемъ естественно-историческихъ условій. А такъ какъ этотъ порядокъ состоялъ въ равномѣрномъ распредѣленіи земли во владѣніе и въ личной свободѣ каждаго члена теократическаго государства, то возстановленіе его должно было заключаться въ возвращеніи поземельной собственности и личной свободы тѣмъ, которые лишились ихъ въ суровой житейской борьбѣ въ теченіе пятидесятилѣтняго періода. «Въ юбилейный годъ возвратитесь каждый во владѣніе свое» и «до юбилейнаго года пусть работаетъ (братъ твой) у тебя, а тогда пусть отойдетъ отъ тебя, самъ и дѣти его съ нимъ, и возвратится въ племя свое, и вступитъ опять во владѣніе отцовъ своихъ»[2]). Въ этихъ немногихъ словахъ выражена сущность закона о юбилейномъ годѣ и изъ нихъ же видно все великое значеніе этихъ законовъ въ теократическомъ и соціальномъ отношеніи. По смыслу этого закона юбилейный годъ долженъ былъ служить опредѣленнымъ временемъ, въ которое разстроившійся разъ установленный порядокъ соціально-экономическихъ отношеній,—порядокъ, основнымъ началомъ котораго было равенство, опять возстановлялся въ свое прежнее состояніе. Субботній годъ имѣлъ своимъ назначеніемъ возстановленіе въ прежнее состояніе только земли, а юбилейный годъ обнималъ и землю, и людей. «Специфическое значеніе юбилейнаго года, въ отли-

---

1) Лев. XXV, 20—21.
2) Лев. XXV, 13 и 40—41.

чіе отъ субботняго, заключается въ идеѣ спасительнаго возстановленія и возвращенія теократіи къ первобытному божественному порядку, при которомъ всѣ свободны и каждому обезпечено его земное благосостояніе. Богъ, нѣкогда избавившій свой народъ отъ рабства египетскаго и взявшій его въ свою собственность, и теперь является Избавителемъ, чтобы возстановить личную свободу попавшихъ въ рабство и возвратить обѣднѣвшимъ ту причитающуюся на нихъ долю участія въ благахъ земныхъ, которой они лишились» [1]). Въ соціальномъ отношеніи учрежденіе юбилейнаго года имѣло своею задачею противодѣйствовать и уничтожать тѣ ненормальности, которыя неизбѣжны въ жизни человѣческаго общества при его обыкновенномъ, предоставленномъ самому себѣ, общественно-экономическомъ развитіи. Въ этомъ отношеніи учрежденіе юбилейнаго года представляетъ счастливое, какъ выражается Зальшюцъ [2]), рѣшеніе проблемы, надъ которою трудились законодатели различныхъ народовъ. Уже сказано было, въ чемъ заключается эта міровая проблема: она заключается въ достиженіи такого регулированія человѣческихъ отношеній, при которомъ невозможно было бы возникновеніе или по крайней мѣрѣ сильное развитіе соціальнаго зла—крайне неравномѣрнаго распредѣленія матеріальныхъ благъ, чрезмѣрнаго богатства, съ одной стороны, и крайней нищеты—съ другой. Учрежденіе юбилейнаго года, насколько возможно, достигало этой цѣли. Пятидесятилѣтній періодъ, давая владѣтелю значительную свободу въ распоряженіи своею собственностью, въ то же время ограничивалъ эту свободу, полагая ей необходимые предѣлы, за которыми она послужила бы во вредъ самому владѣтелю, подвергая его всѣмъ случайностямъ и опасностямъ навсегда лишиться владѣнія. Только это учрежденіе служило надежнымъ средствомъ для противодѣйствія такому злу и было именно приспособлено къ тому, чтобы препятствовать дѣленію народа на различные классы по состоянію, на богатую знать и бѣдныхъ работниковъ и постоянно поддерживать равенство между ними, какъ свободными землевладѣльцами.

---

1) Oehler, Theologie d. A. Testaments, S. 540—541.
2) Mosaisches Recht, S. 154.

ГЛАВА LIV.

Законы о долгахъ.

Законы о долгахъ, представляющихъ собою одну изъ формъ распоряженія имуществомъ, въ Моисеевомъ законодательствѣ тѣсно связаны съ общимъ законодательствомъ о собственности и проникнуты тѣмъ же возвышенно-теократическимъ духомъ, какимъ отличается и все Моисеево законодательство о собственности. Этотъ теократическій духъ здѣсь выражается въ учрежденіи, если и не тождественномъ по названію, то тождественномъ по сущности съ учрежденіемъ субботняго года. Это—учрежденіе такъ называемаго «года прощенія». «Въ седьмой годъ дѣлай прощеніе»[1]), гласитъ законъ. Законъ не опредѣляетъ, какой это седьмой годъ: совпадалъ ли онъ съ седьмымъ субботнимъ годомъ, или составлялъ особую седьмичную систему. Но въ виду того, что характеръ этого года вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру субботняго года и что законъ не опредѣляетъ момента, съ котораго должно начинать счетъ седьмыхъ годовъ прощенія, что было бы необходимо, если бы онъ представлялъ собою новую, независимую отъ субботней, систему, можно съ достаточнымъ основаніемъ отождествить годъ прощенія съ субботнимъ годомъ. Такъ смотритъ на дѣло большинство изслѣдователей. Въ такомъ случаѣ годъ прощенія теряетъ свое самостоятельное значеніе и является лишь одною стороною субботняго года, но отъ этого онъ не теряетъ своего великаго значенія; напротивъ, субботній годъ придаетъ ему еще большія силы, вводя его въ величественную, обнимающую весь кругъ соціально-гражданской жизни народа, субботнюю систему. Но прежде, чѣмъ указывать значеніе субботняго года въ области законовъ о долгахъ, разсмотримъ предварительно характеристическія особенности долговыхъ отношеній между членами Моисеева государства.

Члены Моисеева государства, основаннаго исключительно на земледѣліи и отчасти на скотоводствѣ, были чужды духа спекуля-

[1]) Второз. XV, 1.

ціи, поддерживаемаго и развиваемаго въ народѣ торговлею и другими подобными промыслами. Поэтому имъ неизвѣстенъ былъ и тотъ кредитъ,—источникъ долговыхъ обязательствъ людей между собою,—который составляетъ необходимую принадлежность нашего спекулятивно-промышленнаго времени, когда громадное количество людей живетъ не непосредственнымъ извлеченіемъ произведеній изъ земли, а искусственнымъ возвышеніемъ цѣнности этихъ произведеній, для чего требуются грандіозныя комбинаціи и предпріятія, требующія большихъ затратъ, которыя и возможны только при широкомъ развитіи кредита. Въ Моисеевомъ государствѣ долговыя обязательства вызывались только необходимостью, когда вслѣдствіе развивавшагося неравенства одни—обѣднѣвшіе вынуждались для поправленія своихъ матеріальныхъ обстоятельствъ обращаться къ другимъ—разбогатѣвшимъ—съ просьбою о займѣ. «Если будетъ у тебя нищій кто-либо изъ братьевъ твоихъ на землѣ твоей, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей предъ нищимъ братомъ твоимъ, но открой ему руку твою и дай ему взаймы, смотря по его нуждѣ, въ чемъ онъ нуждается» [1]). Долговыя обязательства въ такомъ случаѣ, какъ служащія не средствомъ для спекуляціи, а средствомъ облегченія неизбѣжнаго соціальнаго зла — неравенства по состоянію, средствомъ для выхода изъ нужды, должны были получить законодательную регламентацію сообразно съ ихъ назначеніемъ. Сами по себѣ, долговыя обязательства, служащія выраженіемъ экономическаго неравенства, имѣютъ тенденцію еще больше закрѣплять это неравенство, такъ какъ поставляютъ должника, надѣющагося посредствомъ займа поправить свои тяжелыя обстоятельства, въ зависимое положеніе отъ кредитора, получающаго, въ силу долговаго обязательства, извѣстное право на дѣйствіе и имущество должника, въ извѣстномъ смыслѣ—на его личность. Эта зависимость увеличивается отъ тѣхъ условій, которыя сопровождаютъ долговое обязательство и которыя притомъ назначаются въ большинствѣ случаевъ со стороны кредитора. Еще болѣе почувствуется тяжесть долгового обязательства, когда заемъ не произведетъ ожидавшагося облегченія житейскихъ обстоятельствъ, а вслѣдствіе какого-либо несчастія ляжетъ лишь новымъ бременемъ на голову несчастнаго бѣдняка. Тогда долговыя обязательства, имѣющія цѣлью облег-

1) Втор. XV, 8.

чить тяжесть соціальнаго зла, сами становятся этимъ зломъ, и отысканіе способа устранить его изъ общественной жизни составляетъ такую же великую соціальную проблему, какою представляется и самый вопросъ объ устраненіи общественнаго неравенства вообще. Моисеево законодательство представляетъ слѣдующій способъ рѣшенія этой проблемы.

Такъ какъ долговыя обязательства въ Моисеевомъ государствѣ вызывались гнетущей нуждой, то законодательство всѣми мѣрами старается облегчить эти обязательства. Такъ, оно запрещаетъ обычное при этихъ обязательствахъ взиманіе процентовъ или роста и вообще всякіе корыстные виды. «Если братъ твой обѣднѣетъ и придетъ въ упадокъ у тебя, то поддержи его, пришлецъ ли онъ или поселенецъ, чтобы онъ жилъ съ тобою. Не бери съ него роста и прибыли, и бойся Бога твоего. Серебра твоего не отдавай ему въ ростъ, и хлѣба твоего не отдавай ему для полученія прибыли» [1]). Много спорили относительно справедливости и цѣлесообразности такого узаконенія. Проценты, по воззрѣнію политико-экономической науки, душа долговыхъ обязательствъ: только ими и вообще выгодами мотивируется отдача извѣстной части своего богатства или денегъ другому въ пользованіе. Безъ видовъ на выгоды немыслимы долговыя обязательства. Справедливость взиманія процентовъ опредѣляется тремя условіями: 1) опасностью потерять отдаваемую сумму, требующею вознагражденія за рискъ; 2) выгодою, которую извлекаетъ должникъ изъ занятой суммы, слѣдовательно участіемъ кредитора въ доставленіи возможности этой выгоды, и 3) вознагражденіемъ за ту выгоду, которую могъ бы извлечь самъ кредиторъ изъ отданной взаймы суммы [2]). Эти условія справедливости взиманія процентовъ съ отданнаго взаймы капитала какъ бы противорѣчатъ Моисееву узаконенію, категорически запрещающему всякій «ростъ» и «прибыль». Но это только повидимому. На самомъ дѣлѣ всѣ эти условія, повидимому неизбѣжныя въ долговыхъ обязательствахъ, въ области соціальныхъ отношеній членовъ Моисеева государства теряли свое значеніе. Такъ, опасность потери отданной взаймы суммы устранялась надежнымъ обезпеченіемъ земельнымъ участкомъ, которымъ владѣлъ каждый израильтянинъ, а, слѣдовательно, и должникъ, и кромѣ того заемъ обезпечивался широкоразвитою, какъ

[1]) Лев. XXV, 35—37.
[2]) Michaelis, Mos. Recht, Th. III, § 152. S. 51—53.

увидимъ ниже, системою залоговъ. Второе условіе справедливости взиманія процентовъ, именно та выгода, которую извлекаетъ занявшій изъ занятой суммы, кажется справедливымъ только тамъ, гдѣ корыстолюбіе является преобладающею страстью. «Весьма незначительная доля справедливости, говоритъ Михаэлисъ, въ томъ, что я долженъ захватить частичку изъ той прибыли, которую получаетъ другой безъ всякаго ущерба для меня, хотя и посредствомъ моихъ денегъ. Вѣдь я не требую же вознагражденія отъ другаго за свѣчу, которую онъ зажигаетъ отъ моей свѣчи, хотя онъ при взятомъ у меня свѣтѣ зарабатываетъ деньги. Въ такомъ же положеніи находится тотъ, кто безъ всякаго съ своей стороны труда и опасности отдаетъ другому взаймы лежащія у него безъ употребленія деньги—quasi lumen de suo lumine accendere facit» [1]). Это соображеніе получаетъ еще больше значенія въ Моисеевомъ государствѣ, гдѣ, какъ было сказано выше, заемъ дѣлался не для спекуляціи, а въ виду гнетущей нужды и бѣдности. Такое воззрѣніе, конечно, всего естественнѣе и живѣе могло быть въ теократическомъ государствѣ, въ царствѣ гуманности и высшей справедливости.

Нѣкоторое затрудненіе въ оправданіи Моисеева законодательства, повидимому, представляетъ третье условіе справедливости взиманія процентовъ—именно необходимость вознагражденія за ту выгоду, которую извлекъ бы самъ владѣтель при помощи отданныхъ взаймы денегъ или вообще своего имущества. Но и это затрудненіе устраняется особенностями общественно-экономическаго устройства Моисеева государства. Большую выгоду капиталы приносятъ только тамъ, гдѣ есть возможность для нихъ быстраго оборота, именно при значительномъ развитіи торговли и духа спекулятивныхъ предпріятій. Такихъ условій не было въ Моисеевомъ земледѣльческомъ государствѣ. Поэтому капиталы, частью въ видѣ серебра, а большею частью въ видѣ сырыхъ продуктовъ—хлѣба, плодовъ и пр., должны были лежать у владѣтеля ихъ безъ употребленія, подвергаясь ржавчинѣ, гніенію и истребленію отъ мышей, червей и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ. При такомъ порядкѣ вещей естественно, что капиталисту выгоднѣе отдать свой капиталъ въ заемъ другому подъ вѣрное обезпеченіе, чѣмъ оставлять его у себя, такъ какъ должникъ, обязанный возвратить долгъ въ такомъ же количествѣ и того же

1) Michaelis, § 155. S. 65.

качества, какъ онъ и занялъ, явится хранителемъ капитала отъ всякой порчи. Такимъ образомъ, въ условіяхъ общественно-экономическаго устройства Моисеева государства третье условіе справедливости взиманія процентовъ, неизбѣжное при нашихъ современныхъ европейскихъ порядкахъ, совершенно теряетъ свою силу, такъ какъ капиталистъ, отдавая свой, лежащій безъ употребленія, капиталъ, ничего не теряетъ, а напротивъ, выигрываетъ, сберегая его тѣмъ отъ значительной порчи.

Таковы законъ о долговыхъ обязательствахъ и условія исполненія его въ отношеніи къ израильтянину, въ области общественно-экономическихъ порядковъ Моисеева государства. Другой характеръ принимаетъ законъ въ отношеніи къ иноземцу. Вслѣдъ за запрещеніемъ отдавать капиталъ въ ростъ израильтянину, законъ прибавляетъ: «Иноземцу отдавай въ ростъ, а брату твоему не отдавай въ ростъ» [1]). При первомъ взглядѣ на такое различіе въ законѣ по отношенію къ израильтянину и иноземцу,—различіе, клонящееся въ пользу перваго и въ ущербъ послѣдняго,—можно усмотрѣть въ этомъ узко-національную исключительность закона, исключающаго всякаго не-израильтянина изъ пользованія выгодами національнаго израильскаго учрежденія. Но такой взглядъ не вполнѣ основателенъ. Правда, исключительности въ законѣ нельзя вполнѣ отрицать: она по необходимости является уже вслѣдствіе того, что Іегова царство свое, съ его особенными началами, учредилъ только среди и для сыновъ израилевыхъ: но въ данномъ случаѣ различіе въ законѣ о долгахъ, дѣлаемое законодателемъ по отношенію къ иноземцу, вызывается не національнымъ себялюбіемъ, преобладавшемъ у всѣхъ народовъ древняго міра, а естественными особенностями условій, въ которыя поставляются долговыя обязательства по отношенію къ иноземцу. Здѣсь долговыя обязательства выходятъ изъ области общественно-экономическаго строя Моисеева государства, давшаго имъ разсмотрѣнную нами характеристическую особенность, и вступаютъ въ область обыкновенныхъ экономическихъ условій, а вслѣдствіе этого опять получаютъ законную силу тѣ условія справедливости взиманія процентовъ, которыя потеряли ее, благодаря особенностямъ общественно-экономическаго строя, въ Моисеевомъ государствѣ.

---

1) Втор. XXIII, 20.

Такъ, отдавая свой капиталъ иноземцу, напримѣръ, богатому негоціанту изъ Тира или Сидона (вѣдь въ большинствѣ случаевъ только таковые могли отправляться за займомъ за границу), заимодавецъ подвергалъ цѣлость его значительной опасности, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе значительной, чѣмъ какъ отдавая его внутри страны подъ вѣрное обезпеченіе. Отсюда справедливость требуетъ вознагражденія за рискъ. Въ данномъ случаѣ получаетъ силу и второе условіе, требующее взиманія процентовъ. Если богатый спекулянтъ изъ Сидона, на занятые у израильтянина 10 талантовъ серебра ловкимъ оборотомъ пріобрѣлъ еще столько же, то такимъ пріобрѣтеніемъ онъ обязанъ не кому иному, какъ израильтянину, такъ какъ безъ его одолженія вся ловкость и изворотливость спекулянта были бы напрасны. Будетъ ли несправедливо, если онъ вознаградитъ израильтянина за одолженіе? Конечно, нѣтъ. Свое обычное значеніе получаетъ, наконецъ, и третье условіе справедливости взиманія процентовъ въ отношеніи къ иноземцу. Правда, капиталъ, находясь у владѣльца, могъ и не принесть ему лично выгоды, какъ это было показано выше, но въ данномъ случаѣ получаетъ особенное значеніе общественный и государственный интересъ. Если капиталъ и не находилъ выгоднаго употребленія лично для владѣтеля его, то во всякомъ случаѣ онъ могъ всегда найти выгодное для общества или государства употребленіе въ видѣ ссуды бѣднымъ членамъ общества для поправки ихъ матеріальныхъ обстоятельствъ. Да и помимо этого запасный капиталъ въ государствѣ всегда полезенъ, такъ какъ онъ всегда могъ служить гарантіей противъ общественныхъ бѣдствій, голода и пр. Поэтому вывозъ капитала за границу для государства составляетъ если не прямой, то косвенный ущербъ, за который оно имѣетъ право получить вознагражденіе, въ данномъ случаѣ въ формѣ процентовъ въ личное пользованіе владѣльца капитала. Мы предполагаемъ случай, когда капиталъ не находилъ выгоднаго употребленія въ странѣ лично для владѣльца его; если же онъ находилъ такое употребленіе, то справедливость взиманія процентовъ съ иноземца безспорна.

Разница въ законѣ о долговыхъ обязательствахъ въ отношеніи израильтянина и иноземца достаточно оправдывается и разностью побужденій и цѣлей заключенія долговыхъ обязательствъ тѣмъ и другимъ. Въ то время, какъ иноземецъ, богатый негоціантъ изъ Тира или Сидона, занималъ капиталъ для торговыхъ цѣлей, въ видахъ

смѣлой спекуляціи и, можетъ быть, легкой наживы, для накопленія къ богатствамъ новыхъ богатствъ, израильтянинъ занималъ только по нуждѣ, въ видахъ поправленія своихъ плохихъ экономическихъ обстоятельствъ, какъ это и предполагаетъ законъ, всегда называя должника «бѣднымъ братомъ», «нищимъ братомъ», «бѣднымъ изъ народа» и пр. [1]). Отсюда понятенъ нравственно-общественный мотивъ, требующій разницы въ законѣ. Если для перваго заемъ былъ дѣломъ жажды пріобрѣтенія, а для послѣдняго дѣломъ необходимости, то и взиманіе процентовъ для перваго не составляетъ тяжести, между тѣмъ, какъ для послѣдняго оно было бы невыносимымъ бременемъ. Что законодатель имѣлъ въ виду эту разницу въ положеніи заключающихъ заемъ, видно изъ того, что тотъ же иноземецъ, но живущій въ Палестинѣ, слѣдовательно, въ области общественно-экономическихъ условій теократическаго государства, пользуется въ законѣ о долгахъ тѣми же преимуществами предъ дѣйствительнымъ иноземцемъ, т.-е. случайно заѣзжающимъ въ страну, какія предоставлены израильтянамъ. «Если братъ твой обѣднѣетъ и прійдетъ въ упадокъ у тебя: то поддержи его, пришлецъ ли онъ, или поселенецъ, чтобы жилъ онъ съ тобою. Не бери съ него роста и прибыли» [2]). Въ силу той же разницы въ положеніи занимающихъ, законодатель, предоставляя заключеніе займа иноземцемъ доброму, свободному соглашенію его съ заимодавцемъ, считаетъ нужнымъ въ дѣлѣ заключенія займа бѣднымъ израильтяниномъ или пришлецомъ присовокупить особенное нравственное увѣщаніе къ богатымъ, чтобы они не отказывали въ просьбѣ о займѣ. «Не ожесточи сердца твоего, обращается законодатель къ богатымъ, и не сожми руки твоей предъ нищимъ братомъ твоимъ. Но открой ему руку свою и дай ему взаймы, смотря по его нуждѣ, въ чемъ онъ нуждается» [3]).

Заемъ обезпечивался залогомъ. Система залоговъ въ Моисеевомъ законодательствѣ имѣетъ широкое развитіе, хотя происхожденіемъ своимъ обязана правовымъ обычаямъ народа. Законодатель только упорядочиваетъ установленную обычаемъ систему залоговъ, устраняя изъ нея тѣ ненормальности, которыя тяжелымъ бременемъ ложились на должника и поощряли алчность кредитора. Ненор-

---

1) Исх. XXII, 25; Втор. XV, 8 и пр.
2) Лев. XXV, 35—36.
3) Второз. XV, 7—8.

мальности эти могли состоять въ томъ, что алчный заимодавецъ, пользуясь безвыходностью положенія бѣдняка, просящаго у него взаймы, могъ захватить въ залогъ или цѣнныя вещи (если были таковыя), стоимостью много разъ превосходящія долгъ, съ цѣлью, въ случаѣ неустойки должника, воспользоваться ими, или же предметы первой необходимости, лишеніе которыхъ дѣлаетъ жизнь бѣдняка еще безотраднѣе. Поэтому законодатель предписываетъ нѣкоторыя ограниченія относительно требованія залоговъ. Такъ, кредиторъ не имѣлъ права самъ входить въ домъ, чтобы взять залогъ, а долженъ былъ ждать на улицѣ, пока ему вынесетъ залогъ самъ занявшій. «Если ты ближнему своему дашь что-нибудь взаймы, то не ходи къ нему въ домъ, чтобы взять у него залогъ; постой на улицѣ, а тотъ, которому ты далъ взаймы, вынесетъ тебѣ залогъ свой на улицу» [1]). Практическая важность этого узаконенія заключается въ томъ, что оно защищало должника отъ наглой жадности заимодавца, который, войдя въ домъ, пользуясь безвыходностью положенія должника, могъ захватить самую лучшую, попавшуюся ему на глаза, вещь въ домѣ и взять ее вмѣсто условленнаго залога, или же даже вмѣстѣ съ залогомъ въ качествѣ благодарности за одолженіе, не встрѣчая сильнаго протеста со стороны стѣсненнаго обстоятельствами бѣдняка. «Если возьмешь въ залогъ одежду ближняго твоего, до захожденія солнца возврати ее. Ибо она есть единственный покровъ; она одѣяніе тѣла его: въ чемъ будетъ онъ спать?» [2]). Здѣсь очевидно ограничивается право брать въ залогъ у бѣдняка вещи первой необходимости,—въ данномъ случаѣ верхнюю одежду, какъ это видно изъ другой редакціи этого закона во Второз. XXIV, 12 и 13 ст. Чтобы понять значеніе этого закона, нужно принять во вниманіе, что одежда (верхняя) на востокѣ еще и теперь часто состоитъ изъ простаго, четырехугольнаго куска матеріи, который служитъ вмѣстѣ и одѣяломъ ночью, защищая спящаго на открытомъ воздухѣ отъ ночныхъ, очень значительныхъ холодовъ и внезапно появляющихся съ Ливана холодныхъ порывистыхъ вѣтровъ, легко причиняющихъ смертельную простуду. Эту одежду днемъ не носили, такъ какъ, вслѣдствіе ея значительной тяжести и неудобства покроя, въ ней неудобно было ходить, а тѣмъ болѣе работать; поэтому должникъ легко могъ отдать ее въ залогъ на день, но не могъ

---

1) Втор. XXIV, 10—11.
2) Исх. XXII, 26, 27.

обойтись безъ нея на ночь. Еще болѣе ограничивается право брать залогъ отъ вдовы. «У вдовы не бери одежды въ залогъ» [1])—категорически заявляетъ законъ, безусловно запрещая брать въ залогъ одежду у безпомощной вдовы. Такое же безусловное запрещеніе простирается на предметы первой необходимости. Такъ, напр., запрещается брать въ залогъ ручную мельницу, служившую въ древности. не знавшей большихъ механическихъ мельницъ, необходимою принадлежностью каждаго домохозяина. удовлетворявшею потребности приготовленія дневной пищи. «Никто не долженъ брать въ залогъ верхняго и нижняго жернова [2]), ибо таковой беретъ въ залогъ душу» [3]), прибавляетъ законодатель, указывая тѣмъ на тяжесть лишенія должника предмета первой необходимости въ хозяйствѣ, въ жизни. Это узаконеніе, конкретно выраженное на примѣрѣ ручной мельницы, конечно. распространяется и на другіе предметы первой необходимости въ хозяйствѣ, какъ, напр., земледѣльческія орудія, рабочія животныя и т. п., хотя законодатель прямо и не говоритъ объ этомъ [4]).

На случай неустойки должника и недостаточности взятаго залога для погашенія займа, заимодавецъ имѣетъ обезпеченіе во всемъ имуществѣ должника—движимомъ и недвижимомъ. Законодатель не говоритъ объ этомъ прямо, но это ясно предполагается узаконенными условіями отчужденія владѣнія. Если главнымъ условіемъ этого общественнаго явленія представляется обѣдненіе [5]), то по обыкновенной логикѣ условіемъ его могла быть и неустойка въ долговыхъ обязательствахъ, какъ одна изъ формъ «бѣдности».

Система залоговъ, какъ она представлена выше, могла бы разбить изъ долговыхъ обязательствъ общественное зло, которое бы всею своею тяжестью легло на бѣдныхъ членовъ государства. Но такою она не могла стать благодаря мудрому закону, которымъ законодатель ограничилъ область долговыхъ отношеній. Онъ и въ области долговыхъ отношеній ввелъ такое теократическое учрежденіе, которое призвано было періодически возстановлять нарушенное естественно-экономическими условіями нормальное отношеніе ме-

---

1) Втор. XXIV, 17.

2) Ручныя мельницы состояли изъ двухъ камней, ихъ которыхъ верхній былъ подвиженъ, а нижній неподвиженъ. Работа исполнялась обыкновенно въ бѣдныхъ семействахъ женщинами, а въ большихъ хозяйствахъ рабами.

3) Втор. XXIV, 6.

4) Ср. Іова, XXIV, 3.

5) Лев. XXV, 25 и 39.

жду членами теократическаго государства. Это—упомянутое уже выше учрежденіе года прощенія. «Въ седьмой годъ дѣлай прощеніе», говоритъ законъ [1]). Выше уже было сказано о совпаденіи этого «седьмаго года» съ субботнимъ годомъ. Теперь перейдемъ къ разбору частныхъ опредѣленій этого закона и къ указанію его теократическаго и соціально-экономическаго значенія.

Лаконически объявивъ объ учрежденіи года прощенія, законодатель тотчасъ же объясняетъ сущность этого установленія. «Прощеніе же состоитъ въ томъ, говоритъ законъ, чтобы всякій заимодавецъ, который далъ взаймы ближнему своему, простилъ долгъ (буквально: ослабилъ руку свою) и не взыскивалъ съ ближняго своего или (по-еврейски—и) съ брата своего; ибо провозглашено прощеніе (отпущеніе, ослабленіе, remissio) ради Господа». Таковъ текстъ этого знаменитаго, безпримѣрнаго въ исторіи законодательства, Моисеева закона о прощеніи долговъ. Прямой смыслъ закона, какъ онъ является на первый взглядъ въ приведенномъ (синодальномъ) текстѣ, очевидно тотъ, что въ седьмой годъ должно было производиться полное прощеніе долговъ, безусловное прекращеніе права заимодавца требовать съ должника данную ему взаймы сумму, однимъ словомъ полное прекращеніе всякихъ долговыхъ отношеній между ними [2]). Но такъ понимаемый этотъ законъ настолько возвышенъ и такъ несогласенъ съ нашею современною меркантильною справедливостью, что остается совершенно непонятенъ большинству новѣйшихъ изслѣдователей Моисеева права, которые поэтому стараются дать ему другой смыслъ, именно тотъ, что прощеніе состояло не въ безусловномъ прекращеніи права заимодавца требовать съ должника данную ему взаймы сумму, а только въ прекращеніи этого права впродолженіи седьмаго года, послѣ котораго заимодавецъ опять вступалъ въ свои права и опять могъ требовать съ должника занятую имъ сумму. Такъ объясняютъ этотъ законъ Михаэлисъ, Залышцъ и другіе изслѣдователи Моисеева законодательства. Основаніемъ для такого пониманія служатъ обыкновенно соображенія Михаэлиса, по которымъ «полное прощеніе долговъ въ седьмой годъ, съ одной стороны, сдѣлало бы бѣдность легкимъ ремесломъ и слишкомъ потворствовало бы лѣни и

[1]) Втор. XV, 1.

[2]) Въ смыслѣ полнаго прощенія долговъ понимаютъ этотъ законъ талмудисты и еврейскіе ученые. Knobel, Kurzgef. exeg. Handbuch въ соотв. мѣстѣ

бездѣлью, а съ другой стороны—для того, кто могъ бы дать взаймы, во всякомъ случаѣ служило бы достаточнымъ и справедливымъ основаніемъ отказывать просителямъ о займѣ». «Какой ужасный деспотизмъ, восклицаетъ Михаэлисъ, не одного тирана, а многихъ тысячей, всѣхъ, кто только носитъ рваный костюмъ, тяготѣлъ бы надъ богатымъ! О справедливости я уже и говорить не хочу: ее пойметь каждый самъ, если онъ будетъ поставленъ въ такое положеніе, что завтра должны уничтожиться всѣ долговыя обязательства, а сегодня пришелъ къ нему бѣдный просить взаймы, отказать которому законъ запрещаетъ подъ страхомъ прослыть скупымъ и немилосерднымъ. Я спрашиваю только: какое государство могло бы устоять при такомъ правѣ? Кто имѣлъ бы желаніе пріобрѣтать и быть богатымъ, если онъ черезъ каждыя семь лѣтъ долженъ былъ подвергаться налогу со стороны каждаго бѣдняка? Богатый непремѣнно вынужденъ былъ бы или оставить (и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше) ту страну, гдѣ существуютъ такіе несправедливые законы, или же притворяться бѣднымъ, какъ это и бываетъ въ деспотическихъ государствахъ, гдѣ жадный деспотъ подъ всевозможными предлогами старается присвоить себѣ состояніе богатыхъ людей» [1]). На основаніи такихъ соображеній приходятъ къ указанному пониманію закона. Но, какъ легко видѣть, эти соображенія выходятъ изъ неправильной точки зрѣнія на предметъ. Всѣ названные изслѣдователи смотрятъ на изслѣдуемый законъ съ современной точки зрѣнія, прилагаютъ къ нему масштабъ нашихъ обычныхъ соціальныхъ отношеній и упускаютъ изъ виду рѣзкія особенности соціальнаго строя Моисеева государства. Отсюда и происходитъ кажущаяся несправедливость его,—то же явленіе, которое уже было отмѣчено нами при разсматриваніи Моисеева закона о невзиманіи роста.

Чтобы судить о возможности или невозможности прямаго пониманія разсматриваемаго закона, нужно принять во вниманіе особенности нравственнаго состоянія и соціально-экономическаго строя израильскаго общества. Изображенныя Михаэлисомъ мрачными красками ненормальнаго явленія, могущія будто-бы произойти отъ закона о прощеніи долговъ, предполагаютъ такую крайнюю деморализацію, какой никакъ нельзя допустить въ молодомъ народѣ, только что прошедшемъ чрезъ трудную, возродившую его, воспитательную

[1]) Michaelis, Mos. Recht, § 158.

школу (въ сорокалѣтнемъ странствованіи по пустынѣ). Далѣе, они предполагаютъ такое соціальное разъединеніе бѣдныхъ отъ богатыхъ, такое враждебное противоположеніе ихъ, какое опять несвойственно общественно-экономическому строю Моисеева государства. Правда, Моисеево законодательство положительно утверждаетъ неизбѣжное существованіе бѣдныхъ [1]), но соціальные законы, направленные къ возможному недопущенію развитія бѣдности, и предположительное выраженіе закона о возможности несуществованія бѣдныхъ [2]) даютъ достаточное основаніе для заключенія, что бѣдность была исключительнымъ явленіемъ въ Моисеевомъ государствѣ, преобладало благосостояніе. Въ такомъ случаѣ уже не имѣетъ основанія предположеніе Михаэлиса о тысячахъ безсовѣстныхъ, алчныхъ лохмотниковъ, обрушивающихся на несчастнаго богача. Если далѣе принять во вниманіе общинный характеръ самоуправленія и соціальнаго строя, при которомъ личность всегда находится подъ болѣе или менѣе сильнымъ контролемъ общества, могущаго съ приблизительною точностью опредѣлить нравственное и экономическое состояніе личности, то наглости бездѣльника, разсчитывающаго пробавляться займомъ у богатыхъ безъ отдачи, не можетъ быть мѣста: она всегда по достоинству оцѣнится обществомъ и получитъ надлежащія ограниченія. Такимъ образомъ съ этой стороны законъ о безусловномъ прощеніи долговъ не представляется невозможнымъ— въ соціальномъ смыслѣ.

Если теперь обратиться къ положительному изслѣдованію закона о прощеніи долговъ, то въ его частностяхъ представляется много данныхъ для его прямаго пониманія. Прежде всего—сильный, лаконически торжественный тонъ закона даетъ сразу понять, что здѣсь дѣло идетъ не о какомъ-либо заурядномъ законѣ (вѣдь таковымъ бы онъ былъ, если бы его понимать въ смыслѣ отсрочки платежей на годъ по случаю необработки и незасѣва полей), а о законѣ необычайномъ, носящемъ на себѣ яркую печать теократизма. «Въ седьмой годъ дѣлай прощеніе»... Эта предполагаемая необычайность закона, несоотвѣтствующая себялюбивымъ наклонностямъ владѣтелей имущества, послужила достаточнымъ мотивомъ для законодателя обратиться къ нимъ съ особеннымъ увѣщеваніемъ не отказывать проси-

1) «Бѣдные всегда будутъ среди земли твоей»—Втор. XV, 11.
2) Втор. XV, 4.

телямъ о займѣ. «Если будетъ у тебя нищій кто-либо изъ братьевъ твоихъ, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей предъ нищимъ братомъ твоимъ. Но открой ему руку свою и дай ему взаймы, смотря по его нуждѣ, въ чемъ онъ нуждается» [1]). Но въ виду разностей въ пониманіи разсматриваемаго закона, особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто закона: «Берегись, чтобы не вошла въ сердце твое беззаконная мысль: приближается седьмой годъ, годъ прощенія; и чтобъ отъ того глазъ твой не сдѣлался немилостивъ къ нищему брату твоему, и ты не отказалъ ему; ибо онъ возопіетъ къ Господу и будетъ на тебѣ великій грѣхъ» [2]). Это настойчивое убѣжденіе отъ законодателя къ состоятельнымъ людямъ не отказывать бѣдному въ просимомъ займѣ въ виду приближенія седьмаго года какъ нельзя яснѣе указываетъ на истинный смыслъ закона о безусловномъ прощеніи долговъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое достаточное основаніе было бы для законодателя обращаться съ особеннымъ, настойчивымъ увѣщаніемъ къ заимодавцамъ не отказывать въ просимомъ займѣ, если-бы прощеніе долговъ состояло въ простой отсрочкѣ требванія ихъ на седьмой годъ? Какой достаточный мотивъ имѣло бы выраженіе закона: «и когда будешь давать ему, не должно скорбѣть сердце твое» [3])? Если бы законъ о прощеніи состоялъ въ простой отсрочкѣ требованія на седьмой годъ, то для заимодавца не было бы никакой причины опасаться седьмаго года, такъ какъ впродолженіе седьмаго, субботняго года, капиталъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ оставаться безъ употребленія, въ виду узаконеннаго покоя земли, и потому не могло даже представиться достаточныхъ мотивовъ къ требованію его съ должника. Отсюда всякое опасеніе и скорбь были бы непонятны и безцѣльны. Такимъ образомъ, опасеніе и скорбь могли быть вызваны только полнымъ прощеніемъ долговъ въ седьмой годъ. Но и въ такомъ случаѣ эти опасенія и скорбь могли возникнуть не вслѣдствіе того печальнаго, изображеннаго Михаэлисомъ, положенія богача, въ которое онъ былъ поставленъ этимъ закономъ, а вслѣдствіе порочнаго корыстолюбія, по которому онъ тяготился закономъ, служащимъ къ общественному благу и представляющимъ собою юридическое выраженіе человѣколюбія и благотворенія къ страдающимъ и обездоленнымъ судьбою братьямъ. Чтобы

1) Втор. XV, 7, 8.
2) Втор. XV, 9.
3) Втор. XV, 10.

вполнѣ понять смыслъ этихъ увѣщаній, гражданскую справедливость ихъ требованій, нужно принять во вниманіе сущность воззрѣнія Моисеева законодательства на долгъ. Долгъ, по этому законодательству, исключительно мотивировался бѣдностью, и ссуда разсматривалась какъ одна изъ формъ благотворенія, или даже какъ милостыня, за которую обѣщалось соотвѣтствующее воздаяніе. «За то благословитъ тебя Господь, Богъ твой, говоритъ законодатель, во всѣхъ дѣлахъ твоихъ и во всемъ, что будетъ дѣлаться твоими руками» [1]). Смыслъ увѣщаній въ такомъ случаѣ будетъ тотъ, чтобы не отказывать нуждающемуся въ благотвореніи, хотя бы оно осталось, благодаря учрежденію года прощенія, невознагражденнымъ со стороны облаготвореннаго. Правда, форма займа, въ которую облечена эта благотворительность, даетъ ей нѣсколько иной характеръ, предполагающій, повидимому, вознагражденіе, отдачу, возвращеніе полученнаго, и потому, въ виду приближающагося года прощенія, повидимому оправдывающій скорбь и опасеніе заимодавца, отдающаго въ взаймы безъ надежды получить отданную сумму. Но въ сущности и это оправданіе не имѣетъ достаточнаго основанія. Если кредиторъ давалъ въ займы задолго до года прощенія, то, конечно, заемъ получалъ юридическую форму долговаго обязательства съ предоставленіемъ заимодавцу права впродолженіе пяти-шести лѣтъ требовать съ должника занятую имъ сумму, и слѣдовательно, смотря по условію о срокѣ отдачи, заимодавецъ, въ случаѣ неустойки или намѣреннаго уклоненія должника отъ уплаты, могъ достигать удовлетворенія судебнымъ порядкомъ. Но заемъ получалъ форму благотворенія, когда онъ заключался предъ годомъ прощенія и, судя по экономическому состоянію занимающаго, не представлялъ гарантій уплаты. Въ такомъ случаѣ, конечне, и заимодавецъ могъ прямо смотрѣть на заемъ, какъ на форму благотворенія и соразмѣрять его величину съ своимъ добрымъ расположеніемъ и состояніемъ. Но это однако же не запрещало должнику, если бы онъ благодаря займу поправилъ свои обстоятельства, вознаградить заимодавца или погасить заемъ и послѣ года прощенія.

Такимъ образомъ, въ общественно-гражданскомъ отношеніи нѣтъ препятствій для прямаго пониманія закона о прощеніи долговъ. Еще менѣе препятствій для такого пониманія закона въ теократическомъ

---

[1]) Втор. XV, 10.

отношеніи. Напротивъ, въ этомъ отношеніи законъ получаетъ наибольшее подтвержденіе и высшій смыслъ. Сущность теократическаго начала въ соціально-экономическомъ отношеніи состояла въ противодѣйствіи естественно-экономическому принципу развитія, имѣющему постоянную тенденцію къ нарушенію соціально-экономическаго равенства, и слѣдовательно въ поддержаніи этого равенства, а въ случаѣ нарушенія — въ возстановленіи его. Долговыя обязательства суть произведеніе соціально-экономическаго неравенства, продуктъ естественно-экономическаго развитія, и потому самому стоятъ въ противорѣчіи съ теократическимъ началомъ. Дѣйствіе теократическаго начала въ данномъ случаѣ и должно выражаться, какъ и всегда, въ стремленіи къ возстановленію равенства, а слѣдовательно, къ устраненію неравенства и всѣхъ его слѣдствій, между которыми стоятъ между прочимъ и долговыя обязательства. Долгъ, такимъ образомъ, какъ ненормальное съ точки зрѣнія теократизма явленіе, въ моментъ полнаго торжества теократизма (въ годъ прощенія), если онъ не былъ погашенъ прежде, долженъ былъ терпѣть полное погашеніе или прощеніе.

Дѣйствіе года прощенія, конечно, простиралось на всѣ виды долговыхъ обязательствъ. Слѣдовательно, прощались долги въ собственномъ смыслѣ, возвращались залоги, взятые въ обезпеченіе займа. Но, вѣроятно, прощеніе не простиралось на такіе предметы, которые находились у заимодавца не въ качествѣ только залога, а поступили уже къ нему въ качествѣ уплаты долга, слѣдовательно юридически сдѣлались какъ бы его собственностью. Сюда относятся между прочимъ участки земли, поступившіе уже юридическимъ путемъ въ уплату долга. Такое заключеніе логически слѣдуетъ изъ того положенія, что уплаченный долгъ уже не подлежалъ дѣйствію года прощенія, въ противномъ случаѣ нужно бы допустить несообразную мысль, что въ годъ прощенія заимодавецъ обязанъ былъ простить уже уплоченный долгъ и слѣдовательно возвратить должнику взятую у него въ погашеніе займа сумму. Участки земли, взятые въ уплату долговъ, поступали подъ дѣйствіе особыхъ спеціальныхъ законовъ, по которымъ участки возвращались къ первому владѣльцу въ юбилейный годъ.

Такимъ-же возвышенно-теократическимъ характеромъ Моисеево законодательство отличается и во всѣхъ другихъ постановленіяхъ, изъ которыхъ болѣе подробно разсмотрѣны здѣсь только наиболѣе

выдающіяся. Въ заключеніе можно сдѣлать еще общую характеристику Моисеева законодательства, какъ цѣлой системы, проникнутой духомъ божественной истины и мудрости.

ГЛАВА LV.

Общій характеръ Моисеева законодательства и заключеніе.

Моисеево законодательство, будучи чудеснымъ и чрезвычайнымъ по самому способу его внѣшняго сообщенія еще бо-бѣе чудесно по историческому его предназначенію и сущности. Предназначеніе его вполнѣ соотвѣтствуетъ особенному положенію народа израильскаго въ исторіи. Этотъ народъ между всѣми народами избранъ Богомъ въ качествѣ носителя великихъ историческихъ началъ, имѣвшихъ впослѣдствіи распространиться на все человѣчество. Послѣ паденія человѣка грѣховность и испорченность получили преобладаніе надъ всѣмъ человѣчествомъ, сдѣлались основнымъ движущимъ началомъ всей его жизни, проникли во всѣ его учрежденія и отношенія, такъ что почти совершенно заглохли здоровые зародыши истиннаго развитія, положенные при твореніи въ основу его жизни и дѣятельности. Начавшееся по ложному направленію развитіе человѣчества естественно не могло привести его къ цѣли его назначенія, а постепенно все болѣе и болѣе удаляло отъ нея, постоянно уменьшая сумму добра и справедливости и наоборотъ, постоянно увеличивая сумму зла и неправды. При такомъ порядкѣ вещей цѣль всемірной исторіи никогда не получила бы своего осуществленія. Люди этого направленія, въ которыхъ въ силу испорченности естественныхъ силъ и способностей получили преобладаніе физическія способности надъ духовными, все болѣе отдавались теченію естественно грѣховнаго порядка, въ немъ находили наилучшее удовлетвореніе своихъ испорченныхъ стремленій. Результатомъ такого развитія было бы полное подавленіе благороднѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ силъ человѣческаго духа, безграничное господство грубой силы, безпощаднаго эгоизма, полное извращеніе человѣческихъ отношеній, въ которыхъ на мѣсто справедливости выступилъ бы

произволъ, угнетеніе слабаго сильнымъ, — въ концѣ концовъ человѣчество пришло бы къ крайней степени развращенія и попранія всякаго человѣческаго достоинства, какъ это и было отчасти у древнихъ народовъ, гдѣ при полномъ извращеніи религіозныхъ, нравственныхъ и общественныхъ понятій даже законы способствовали дальнѣйшему развращенію, увеличенію несправедливости, служа средствомъ угнетенія слабыхъ и бѣдныхъ. Между тѣмъ конечная цѣль всемірно-историческаго развитія—примиреніе съ Богомъ и постепенное возстановленіе первобытнаго состоянія, должно было получить свое осуществленіе, если только человѣчество не должно было нравственно погибнуть въ конецъ. Для осуществленія этой великой цѣли и избранъ былъ израильскій народъ, который еще въ своихъ родоначальникахъ отличался наибольшею способностью къ сохраненію истинныхъ понятій, здоровыхъ зародышей истиннаго развитія, и наибольшею нравственною энергіею, дававшею имъ возможность бороться противъ всеобщаго господствовавшаго зла, какъ это видно изъ исторіи Авраама, Исаака, Іакова и другихъ родоначальниковъ еврейскаго народа. Уже съ Авраамомъ былъ заключенъ союзъ [1]) съ цѣлью сохраненія истинной религіи и вообще основъ истиннаго развитія, но тамъ такая цѣль его еще не находила полнаго выраженія. Полное освященіе и закрѣпленіе этотъ союзъ получилъ въ моментъ законодательства. Здѣсь произошло торжественное избраніе израильскаго народа носителемъ великихъ истинъ всемірно-историческаго развитія. «Вы будете, говорилъ Іегова народу израильскому, Моимъ удѣломъ изъ всѣхъ народовъ; вы будете у Меня царствомъ священниковъ и народомъ святымъ» [2]). Это юридическое опредѣленіе положенія израильскаго народа въ исторіи. Отсюда выясняется и его назначеніе. Онъ долженъ былъ вопреки господствовавшему принципу грѣховнаго, ненормальнаго развитія представлять норму истиннаго развитія хранить въ себѣ сѣмена этого развитія, возвращать ихъ и по возможности распространять ихъ въ окружающемъ мірѣ,—быть, по выраженію пророка, свѣточемъ для народовъ [3]). Поэтому въ немъ должно было находить для себя признаніе и осуществленіе все святое, справедливое, человѣчное, не имѣвшее мѣста въ языческомъ

1) Быт. XVII, 7 и др.
2) Исх. XIX, 5 и 6.
3) Исх. XLII, 6.

мірѣ. Вопреки грубымъ принципамъ языческаго міра, состоявшимъ въ пребываніи плотскихъ силъ надъ духовными, здѣсь должно было получить преобладаніе духовное начало, безграничный эгоизмъ долженъ былъ получить ограниченіе въ признаніи равноправности другаго лица, несправедливость должна была уступить мѣсто высшему закону правды,—отсюда и весь строй общественной и частной жизни долженъ былъ получить такое направленіе, въ которомъ всего безпрепятственнѣе могли выражаться лежащія въ его основѣ начала. Господство такихъ началъ и представляетъ исторія израильскаго народа. Но эти начала не имъ самимъ созданы, они даны ему въ законодательствѣ. Слѣдовательно, свое указанное выше назначеніе онъ могъ осуществить только принятіемъ и исполненіемъ закона, воплощеніемъ его началъ во всѣ формы своей жизни. Въ этомъ и состоитъ сущность завѣта или союза между Богомъ и израильскимъ народомъ.

Соотвѣтственно такой цѣли союза и законодательство, какъ главное посредство союза, представляетъ собою соотвѣтственную сущность и содержаніе. По своему внутреннему характеру, законодательство является вполнѣ теократическимъ. Такимъ оно является не столько по своему происхожденію, сколько по своему назначенію и сущности. Библейскій теократизмъ представляетъ собой двѣ стороны. Одна сторона, которую обыкновенно изслѣдователи принимаютъ за полное выраженіе теократизма, состоитъ въ томъ, что Іегова находится въ особенныхъ отношеніяхъ къ израильскому народу, есть его царь, и сообразно съ такимъ положеніемъ «соединяетъ въ себѣ всѣ государственныя отношенія», являясь непосредственно или посредственно чрезъ свои органы — особыхъ избранниковъ—законодателемъ, судіей, предводителемъ [1]) и пр. Но это только одна сторона теократизма, и притомъ, можно сказать, внѣшняя. Въ этомъ смыслѣ теократизмъ есть общее явленіе для извѣстнаго періода въ историческомъ развитіи народовъ (отличаясь только степенью истинности или ложности) и потому не представляетъ собой чего-либо особеннаго, свойственнаго исключительно избранному народу. Въ отношеніи къ этому народу имѣетъ особенное значеніе другая сторона теократизма—внутренняя и, можно

1) Oehler, Alttestam. Theologie, стр. 305.

сказать, философская. Она опредѣляется указаннымъ уже выше особеннымъ положеніемъ израильскаго народа во всемірной исторіи. Іегова избралъ его для того, чтобы сдѣлать его хранителемъ началъ истиннаго нормальнаго развитія, не находившихъ мѣста въ остальномъ человѣчествѣ, всецѣло отдавшемся принципамъ естественно-грѣховнаго развитія. Начала эти, проникнувъ въ сознаніе и жизнь избраннаго народа, по идеѣ теократизма должны были выработать историческую почву, на которой бы всего лучше могли развиваться и сохраняться великія истины, долженствовавшія привести человѣчество къ осуществленію его назначенія. Поэтому Іегова своимъ союзомъ съ избраннымъ народомъ изъялъ его изъ круговорота естественно-грѣховнаго развитія, освободилъ отъ вліянія темныхъ, историческихъ силъ и далъ ему законъ святости, исполняя который, народъ дѣйствительно могъ осуществить возложенную на него всемірно-историческую миссію. Этотъ законъ святости въ своей основѣ представляетъ всѣ данныя, подтверждающія представленное пониманіе внутренняго смысла библейскаго теократизма. Моисеево законодательство въ своихъ общихъ началахъ дѣйствительно представляетъ собою норму истинно человѣческаго развитія, которая одна только могла привести человѣчество къ осуществленію его назначенія и до которой не возвышалась законодательная мудрость ни одного изъ мудрецовъ древняго міра. Эту мысль всего яснѣе доказываетъ то замѣчательное явленіе, что и въ новѣйшее время законодательная мудрость или государственно-юридическая наука въ своемъ поступательномъ развиіти, совершаемомъ на независимой почвѣ научнаго изслѣдованія, въ своихъ лучшихъ результатахъ представляетъ не что иное, какъ только приближеніе къ принципамъ Моисеева законодательства. Все лучшее, къ чему стремятся новѣйшія соціологическія науки и что считаютъ своимъ лучшимъ плодомъ въ опредѣленіи нормы въ соціальныхъ отношеніяхъ,—все это заключалось въ принципахъ Моисеева законодательства и въ большинствѣ случаевъ осуществлялось на практикѣ государственно-общественной жизни Моисеева государства. Этотъ взглядъ находитъ себѣ полное подтвержденіе въ опредѣленіи отношенія Моисеева права къ состоянію общественно-государственной жизни въ настоящее время. Въ Моисеевомъ правѣ, говоритъ глубокій изслѣдователь

его [1]), мы съ изумленіемъ встрѣчаемся со многими изъ тѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ, которые волнуютъ наше время, грозятъ потрясти весь установившійся вѣками строй нашей государственно-общественной жизни, предъ которыми недоумѣваетъ новѣйшая наука, и которые однако же въ Моисеевомъ правѣ находили свое удвлетворительное разрѣшеніе на мирномъ пути законодательной мудрости. Въ этомъ правѣ много поучительнаго и для нашего времени, и мы давно бы уже воспользовались его указаніями, еслибы рядомъ съ римскимъ правомъ, съ его хотя удивительно величавыми задачами и стройностью расположенія, но въ то же время съ его стѣснительнымъ формализмомъ, съ его жестокими семейными законами, носящими на себѣ неизгладимую печать рабства, не признающаго и попирающаго всякое достоинство человѣческой личности, еслибы рядомъ съ нимъ также тщательно изучали и благородныя, простыя черты Моисеева законодательства, которое, какъ единогласно признаютъ всѣ глубже вникавшіе въ его содержаніе изслѣдователи, отличается истинно возвышеннымъ и свободнымъ духомъ».

Этотъ духъ проникаетъ и оживляетъ всѣ формы общественной жизни Моисеева государства, начиная отъ самой государственной формы до формы семейныхъ отношеній. Вотъ какъ тотъ же изслѣдователь группируетъ и характеризуетъ основныя начала государственно-общественной жизни по Моисееву праву, имѣя притомъ въ виду отошеніе ихъ къ началамъ этой жизни въ настоящее время [2]).

Въ древности у большей части народовъ личность поглощалась государствомъ. Даже представители наивысшаго развитія духа человѣческаго, философы, какъ, напр., Платонъ, не возвышались до того, чтобы оцѣнить личность въ ея собственномъ достоинствѣ, независимо отъ ея отношенія къ государству, и потому въ своихъ «идеальныхъ обществахъ» отдавали ее и семейство въ жертву государству. Въ средніе вѣка, напротивъ, личность получила незаконное преобладаніе надъ государствомъ: каждый, полагаясь единственно на свое оружіе, съ рыцарски смѣлымъ, независимымъ духомъ шелъ своей собственной дорогой. Такое положеніе вещей съ точки зрѣнія истинной соціологіи ненормально: какъ то, такъ и другое—не имѣющія

1) Saalschütz, Mosaisches Recht, Einl. Bemerk., стр. XV.
2) Saalschütz, Das Mosaische Recht, Einleitende Bemerkungen, XV—XVIII.

для себя оправданія крайности. Истинная соціологія находитъ норму въ такомъ соединеніи этихъ крайностей, въ которомъ бы каждый отдѣльный индивидъ принадлежалъ одинаково и себѣ самому, и обществу; самъ, пользуясь свободой, согласовалъ бы ее въ то же время съ закономъ, съ свободой всѣхъ; составляя часть цѣлаго, не поглощался имъ, а оставался самостоятельнымъ и притомъ находился въ такихъ условіяхъ жизни и дѣятельности, которыя, давая всѣ средства для достиженія личныхъ цѣлей, въ то же время приводили бы эти личныя цѣли въ согласіе съ цѣлями всего общества, такъ что удовлетвореніе первыхъ было бы въ то же время удовлетвореніемъ и послѣднихъ. Надъ рѣшеніемъ такой общественной проблемы трудится настоящее время, но счастливое рѣшеніе ея до сихъ поръ еще остается только благочестивымъ желаніемъ (pia desideria) политико-соціальныхъ наукъ. Между тѣмъ такое рѣшеніе представляется уже готовымъ въ государственно-общественномъ строѣ Моисеева государства, хотя, конечно, подъ свойственной ему по времени формѣ древнихъ, патріархальныхъ отношеній. Здѣсь, основнымъ зерномъ общественныхъ формъ является «община», въ которой весь народъ при посредствѣ своихъ главъ находилъ полное выраженіе всѣхъ своихъ нуждъ и потребностей; каждый членъ ея находилъ въ ней полную защиту и обезпеченіе своихъ правъ и свободы. При своей крѣпкой, органической связи, община не поглощала и не подавляла личной самостоятельности отдѣльныхъ членовъ ея, какъ это было во всѣхъ древнихъ государствахъ, напротивъ, служила обзпеченіемъ этой самостоятельности противъ незаконныхъ притязаній нѣкоторыхъ отдѣльныхъ членовъ, осуществляя тѣмъ главную цѣль Моисеева законодательства—наибольшее развитіе чувства свободы въ народѣ. Отсюда и происходитъ то замѣчательное, наблюдаемое въ исторіи израильскаго народа, явленіе, что въ немъ часто неизвѣстныя личности вдругъ являлись во главѣ народа и дѣлались героями историческихъ событій. Здѣсь пророки—эти великіе дѣятели въ исторіи израильскаго народа—находили защиту свободы слова, и безпрепятственно бичевали пороки и преступленія не только обыкновенныхъ людей, но даже и царей. Здѣсь способный человѣкъ, въ какомъ бы онъ положеніи до того ни находился, сразу могъ пріобрѣсти историческое значеніе; простой земледѣлецъ дѣлался предводителемъ ополченія и освобождалъ народъ отъ иноземнаго порабощенія. Для

насъ были бы совершенно не понятны эти факты, было бы непонятно, какъ личность, даже женщина, вдругъ становилась во главѣ народа, получала всеобщее признаніе въ народѣ, еслибы мы не знали устройства того живаго общественнаго организма, въ которомъ всѣ члены находились въ органически-нормальномъ отношеніи какъ къ цѣлому, такъ и между собою. Конечно, такое патріархальное народное представительство удобнѣе въ немногочисленномъ народѣ, чѣмъ въ большихъ націяхъ, но для насъ въ данномъ случаѣ имѣетъ главное значеніе идея этого представительства, а не примѣненіе ея въ новѣйшихъ государствахъ. Въ тѣсной связи съ такой основной идеей общественнаго строя стоятъ другія учрежденія Моисеева государства, составляющія и въ настоящее время предметъ стремленія для соціально-политическихъ наукъ. Сюда относятся—всеобщая воинская повинность, какъ выраженіе равнаго участія всѣхъ членовъ государства въ важнѣйшихъ случаяхъ его жизни; отсутствіе сословныхъ различій и привилегій, какъ выраженіе равенства всѣхъ предъ закономъ и государствомъ. Идея равноправія въ Моисеевомъ государствѣ находила такое широкое примѣненіе, что даже и чужеземцы не исключались изъ пользованія ею наравнѣ съ членами государства. Это политическое равноправіе находило для себя прочную опору въ экономическомъ равенствѣ, въ равномъ распредѣленіи матеріальныхъ благъ. Это послѣднее вмѣстѣ съ другими учрежденіями, имѣвшими цѣлью сохранять экономическое равенство, препятствовать его нарушенію, есть замѣчательнѣйшее явленіе вообще въ исторіи человѣческихъ обществъ, и въ виду того, что многіе законодатели тщетно стремились къ его установленію, даже разсматриваемое только какъ опытъ законодательной мудрости, имѣетъ глубокій интересъ. На почвѣ этого установленія не имѣло мѣста ненормальное явленіе нашего времени—крайности богатства и нищеты, и страшный вопросъ нашего времени—устраненіе развитія пауперизма, угрожающаго потрясти и ниспровергнуть весь общественный строй, тамъ находилъ счастливое разрѣшеніе. Въ общественно-семейныхъ отношеніяхъ въ Моисеевомъ государствѣ осуществленъ также принципъ новѣйшей соціологіи — равенство половъ и нормальныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ. Особенно обращаетъ на себя вниманіе юридическое опредѣленіе положенія женщины. Здѣсь она не была безправной рабыней деспота-мужа, не заключалась въ гаремы, а считалась

полноправной госпожей дома наравнѣ съ мужемъ, и потому была такъ же самостоятельна, какъ и мужъ, открыто принимала участіе въ торжественныхъ собраніяхъ народа и даже въ политическихъ событіяхъ, — вообще пользовалась безпримѣрною на востокѣ свободою, почти такою, какую новѣйшая соціологія считаетъ нормальною для новѣйшихъ государствъ. И рядъ замѣчательныхъ фактовъ библейской исторіи показываетъ, какъ благородно и съ какою пользою для государства пользовались они этой свободой. Наконецъ, Моисеево законодательство, единственное на востокѣ, которое не знаетъ рабства въ собственномъ смыслѣ (древнемъ и новомъ) этого слова,—рабства, которое унижало человѣческое достоинство, отвергало естественную равноправность людей, создавало изъ людей цѣлыя массы какихъ-то среднихъ существъ, между людьми и животными, вообще представляло собой вопіющую несправедливость, полное попраніе достоинства и правъ человѣческой личности. Божественный геній законодателя съумѣлъ это позорное явленіе рабства возвысить до нормальныхъ, необходимыхъ въ общественной жизни служебныхъ отношеній, почти до той степени, какъ они существуютъ теперь. Всѣ эти замѣчательныя по времени права личностей и классовъ народа находили для себя крѣпкую опору во всеобщемъ законовѣдѣніи, которое достигалось самыми простыми средствами, какъ, напримѣръ, публичнымъ чтеніемъ закона на народныхъ собраніяхъ. Такое широкое по тогдашнему времени юридическое образованіе дѣлало всѣхъ членовъ народа не только способными отстоять свои права, но и давало возможность образованію и существованію чисто-народнаго суда, суда присяжныхъ засѣдателей въ его простѣйшей формѣ. Отсюда Моисеево законодательство и въ судебномъ отношеніи является выразителемъ истинно-человѣческаго суда. Оно, начиная съ глубокой древности вплоть до прошлаго столѣтія, представляетъ единственный примѣръ суда, не знавшаго пытокъ и вообще жестокихъ позорныхъ казней. Полнѣйшее безпристрастіе и строжайшая неподкупность были высшимъ долгомъ и достоинствомъ этого суда,—слѣдовательно, и здѣсь Моисеево законодательство служитъ представителемъ нормы, имѣющей вѣчное значеніе, и потому усвоенной новѣйшей соціологіей. Однимъ словомъ, всѣ начала этого законодательства, въ ихъ общихъ идеальныхъ выраженіяхъ, суть начала

нормальнаго развитія общественныхъ отношеній и, какъ такія, неизмѣнно сохраняютъ и сохранятъ свое значеніе и для новѣйшей соціологіи.

Изъ представленнаго очерка основныхъ формъ Моисеева законодательства съ ясностью вытекаетъ то заключеніе, что принципы Моисеева законодательства дѣйствительно представляютъ собой норму истинно-человѣческаго развитія, какимъ оно должно быть, чтобы человѣчество могло осуществить свое назначеніе, и потому въ этомъ смыслѣ они универсальны [1]). Эти начала живутъ до сихъ поръ и лежатъ въ основѣ новѣйшей цивилизаціи, хотя послѣдняя и не всегда сознательно пользуется ими. Сущность новѣйшаго культурнаго развитія и состоитъ именно въ томъ, что она восприняла въ себя начала, положенныя въ основу развитія Моисеевымъ законодательствомъ, въ ихъ одухотворенной христіанской формѣ, выведшей ихъ изъ узкаго односторонняго примѣненія къ жизни одного замкнутаго народа. Собственно европейская (греко-римская) культура имѣетъ значеніе лишь какъ придаточная сила, заложившая только матеріальную основу для новѣйшей цивилизаціи: а все, что выше матеріи, въ чемъ выражается господство духа—главной движущей силы истиннаго развитія,—все это заимствовано изъ началъ Моисеева права, на что между прочимъ указываетъ обязательное значеніе десятословія, признаннаго всѣми нравственно-юридическими кодексами Европы. Такая универсальность началъ Моисеева законодательства, оказавшихся въ полномъ согласіи съ наивысшею ступенью религіознаго міровоззрѣнія—христіанствомъ, окончательно возстановившимъ для всего человѣчества начала истиннаго развитія, всего яснѣе доказывается ихъ указанною выше ролью во всемірной исторіи, какъ нормы среди всеобщаго заблужденія, которая одна только могла привести человѣчество къ осуществленію его цѣли—возстановленія потеряннаго первобытнаго состоянія. Въ этомъ заключается и философская сторона библейскаго теократизма, одухотворявшаго законодательства Моисея.

Такимъ Моисеево законодательство является въ своихъ идеальныхъ началахъ. Въ этомъ отношеніи оно универсально. Но эти идеальныя начала предназначены были къ осуществленію въ жизни

---

1) Smith, Dictionary of the Bible, T. II, art. Law of Moses, p. 68, a.

одного народа, который во всемірной исторіи, кромѣ своего общаго значенія, имѣетъ и свой спеціальный характеръ, отличающій его отъ всѣхъ другихъ народовъ,—народъ съ своеобразной исторіей, своеобразными мѣстными обычаями и нравами,—народъ, носящій на себѣ неизгладимую печать временныхъ, мѣстныхъ и племенныхъ условій и особенностей. Поэтому естественно, что и идеальные принципы, осуществляясь въ жизни этого одного народа, въ своемъ примѣненіи терпѣли соотвѣтственное особенностямъ народа измѣненіе: по идеѣ оставаясь всеобщими, на практикѣ принимали форму временныхъ, мѣстныхъ, исключительныхъ законовъ. Отсюда Моисеево законодательство, кромѣ разсмотрѣнной общечеловѣческой стороны, имѣетъ другую сторону, съ которой оно представляется частнымъ законодательствомъ, имѣющимъ условное, мѣстное, національное значеніе.

Разсматриваемое съ этой послѣдней стороны, оно прежде всего имѣетъ близкое отношеніе къ состоянію израильскаго народа въ тотъ моментъ исторіи, когда оно его застало. Это былъ моментъ перехода Израиля отъ состоянія племени къ состоянію націи, когда онъ опредѣленно выступилъ на сцену всемірной исторіи, принялъ на себя опредѣленныя задачи и занялъ опредѣленное положеніе. Въ жизни народа, какъ и въ жизни личности, смѣняется нѣсколько ступеней нравственнаго и физическаго возрастанія и развитія. Для Израиля патріархальный періодъ былъ періодомъ дѣтства, когда онъ, главнымъ образомъ, управлялся чувствами и силою естественнаго родства съ прибавленіемъ немногихъ, простыхъ и отрывочныхъ законовъ. Національный періодъ былъ періодомъ юности, въ который законы родственнаго чувства уступаютъ мѣсто опредѣленнымъ постановленіямъ права, системѣ точныхъ законовъ, необходимыхъ для того, чтобы контролировать кипучую и порывистую дѣятельность юности. Предварительное странствованіе по безмолвной пустынѣ наединѣ съ Богомъ могло служить достаточнымъ средствомъ для пробужденія въ народѣ сознанія важности момента жизни, въ который онъ вступалъ, и такимъ образомъ онъ могъ сознательно вступить въ періодъ національнаго бытія. Законодательство съ строгими юридическими формами является такимъ образомъ знакомъ и печатью перехода израильскаго народа въ состояніе національнаго бытія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство Моисея имѣетъ близкое от-

ношеніе и ко всей прошлой жизни израильскаго народа. Раздѣляясь на періоды, исторія каждаго народа есть тѣмъ не менѣе одинъ нераздѣльный организмъ; для нея различные періоды суть только различныя состоянія одного и того же организма. Поэтому предшествовавшія состоянія по необходимости обусловливаютъ послѣдующія, служатъ основою, на которой и подъ вліяніемъ которой вырабатывается дальнѣйшій моментъ развитія. Отсюда въ исторіи народа немыслима какая-либо непослѣдовательность въ развитіи,—не можетъ явиться что-либо такое новое , которое не имѣетъ для себя опоры и соприкосновенія въ старомъ прошедшемъ. Моисеево законодательство не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Являясь новымъ въ своихъ принципахъ и формѣ, оно не вполнѣ ново въ своемъ содержаніи, которое часто заимствуетъ изъ прежняго, выработаннаго прошлой исторіею, обычнаго права. Какъ ни проста была исторія израильскаго народа до Синайскаго законодательства, она тѣмъ не менѣе имѣла свое право, свой законъ, выработанный и утвержденный обычаемъ. Въ исторіи есть на него ясныя указанія. Такъ, задолго до Моисеева законодательства въ исторіи встрѣчаются указанія на почитаніе субботы на опредѣленныя наказанія за убійство, за прелюбодѣяніе, на существованіе закона деверства, на различіе чистыхъ и нечистыхъ животныхъ [1]). Все это такіе факты обычнаго права, которые потомъ цѣликомъ вошли въ Моисеево законодательство, составивъ изъ себя ту историческую почву, на которой легче могло привиться новое законодательство. Мудрый законодатель не могъ оставить безъ вниманія это древнее обычное право, потому что только то законодательное или государственное учрежденіе крѣпко, которое заложено на прочномъ историческомъ основаніи. Отличительная черта законодательнаго генія и состоитъ въ томъ, чтобы произвести преобразовательную работу уже надъ готовымъ, но сырымъ, необработаннымъ матеріаломъ, выработать для него основныя начала и оживить новымъ, высшимъ духомъ. Въ такомъ именно отношеніи къ обычному праву стоитъ Моисеево законодательство. Законодатель пользуется даннымъ матеріаломъ обычнаго права, полагаетъ его въ основу своей законодательной работы, и на этой основѣ созидаетъ чудное новое законодательное зданіе.

---

1) Быт. IX, 6; XXXVIII, 8, 24; VIII, 20. Исх. XVI, 23, 27—29.

Въ своихъ основныхъ началахъ Синайское законодательство, особенно въ сокращенномъ изложеніи его нравственныхъ началъ въ десятословіи, имѣетъ всеобщее значеніе и предназначалось къ руководству всего человѣчества. Въ основу взаимоотношенія людей оно полагало истину, которая окончательно подтверждена Законодателемъ Новаго Завѣта, именно истину: «Люби ближняго твоего, какъ самого себя» (Лев. XIX, 18). Многія частныя постановленія направлены къ тому, чтобы внѣдрить эту истину въ сознаніе народа. Но съ другой стороны, такъ какъ это законодательство ближайшимъ образомъ предназначалось для отдѣльнаго народа, имѣвшаго уже свои укоренившіеся обычаи и привычки, стоявшаго на низкой степени нравственнаго и культурнаго развитія, неспособнаго сразу подняться на высоту предлагаемыхъ ему божественныхъ и общечеловѣческихъ истинъ, то во многихъ постановленіяхъ закона нельзя не видѣть уступки укоренившимся взглядамъ израильскаго народа, низкому уровню его нравственнаго развитія, однимъ словомъ его «жестоковыйности» [1]). Этимъ объясняется установленіе извѣстнаго закона равномѣрнаго возмездія: «око за око, зубъ за зубъ» (Исх. XXI, 24). И вообще вліяніе этого условія такъ значительно на законодательство, что во многихъ случаяхъ оно скорѣе приспособляется къ древнимъ обычаямъ, чѣмъ вводитъ новые законы, такъ что безъ отношенія къ этому обстоятельству часто остались бы непонятными истинный смыслъ и значеніе того или другаго закона. Такъ, наказаніе за сыновнее неповиновеніе родителямъ (побіеніе камнями Втор. XXI, 18—21), можетъ показаться жестокимъ; но, если мы примемъ во вниманіе вообще силу родительской власти въ періодъ патріархальнаго состоянія народа, или вообще въ ранніе періоды національнаго существованія (какъ, напр., въ Римѣ), то законъ Моисеевъ является уже значительнымъ шагомъ впередъ въ области гуманности и личнаго права, такъ какъ онъ ограничиваетъ произволъ родительской власти перенесеніемъ дѣла на общественный судъ. Законъ де-

[1]) На такую зависимость и приспособленіе къ особенностямъ народа указываетъ извѣстное изрѣченіе Іисуса Христа о законѣ Моисеевомъ о разводѣ (Мѳ. XIX, 7, 8), который въ той формѣ, какъ онъ данъ въ законодательствѣ Моисея, не соотвѣтствуетъ цѣли и святости брачнаго союза и основнымъ принципамъ Моисеева законодательства, а составляетъ прямую уступку характеру народа, низкому уровню его нравственнаго развитія, однимъ словомъ его «жестокосердію».

верства (состоявшій въ обязанности брата или ближайшаго родственника «возстановить сѣмя» своему умершему бездѣтному брату или родственнику) допущенъ также въ видѣ уступки укоренившемуся обычаю. Въ прежнее время обычай этотъ существовалъ, повидимому, въ болѣе широкихъ размѣрахъ у азіатскихъ народовъ, и въ Синайскомъ законодательствѣ скорѣе терпѣлъ ограниченіе, чѣмъ освященіе. Законъ кроваваго отмщенія представляетъ собой также примѣръ разумнаго ограниченія и ослабленія древняго варварскаго обычая, который настолько укоренился въ обычаяхъ и нравахъ народа, что его нельзя было уничтожить совсѣмъ. Эта бытовая сторона законодательства вообще сильно выступаетъ въ законахъ о наказаніяхъ за преступленія. Имѣя дѣло съ народомъ жестоковыйнымъ и своевольнымъ, законодатель не щадитъ жезла въ пріученіи этого народа къ точному исполненію данныхъ законовъ, и многія преступленія, особенно противъ религіи и нравственной чистоты, наказываются смертною казнью. Этою именно стороною Синайское законодательство показывало, что оно имѣло лишь временное назначеніе подготовлять народъ къ принятію другаго высшаго закона,—закона благодати, даннаго Спасителемъ міра на всѣ времена. А самое пришествіе Его знаменовалось всѣми постановленіями обрядоваго закона, который былъ тѣнью грядущаго и потому долженъ былъ прекратиться съ явленіемъ самой вещи, т.-е. искупленія въ лицѣ Іисуса Христа, Сына Божія.

Синайское законодательство отмѣчаетъ собою время вступленія израильтянъ въ періодъ самостоятельнаго національнаго бытія. Но оно въ то же время служитъ выразителемъ новой ступени его духовнаго развитія и цивилизаціи. Доселѣ онъ находился подъ полнымъ вліяніемъ египетской цивилизаціи и не имѣлъ своей собственной письменности. Теперь впервые у него является литература, и притомъ священно-историческая, въ которой описывается его историческая судьба отъ самаго сотворенія міра. Эта литература имѣла своимъ родоначальникомъ Моисея, который написалъ пять книгъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ закона или Пятокнижія, и въ частности, подъ названіями: книга Бытія, Исходъ, Левитъ, книга Чиселъ и Второзаконіе. Въ книгѣ Бытія описываются судьбы міра и человѣчества отъ сотворенія міра до смерти Іакова и Іосифа въ Египтѣ. Она обнимаетъ періодъ въ 3.800 лѣтъ и написана Моисеемъ,

по іудейскому преданію, когда онъ еще находился въ землѣ Мадіамской, именно съ цѣлью пробужденія въ израильскомъ народѣ воспоминанія о великихъ обѣтованіяхъ ихъ отцовъ. Въ книгѣ Исходъ излагается исторія пребыванія израильтянъ въ Египтѣ, исхода изъ него, дарованія Синайскаго законодательства и построенія скиніи. Въ книгѣ Левитъ подробно излагается обрядовая сторона Синайскаго законодательства, и она названа такъ потому, что совершеніе всѣхъ этихъ обрядовъ предоставлялось колѣну Левіину, какъ избранному на священное служеніе. Книга Числъ получила свое названіе отъ описываемыхъ въ ней народосчисленій и содержитъ исторію сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ до подступленія къ Іордану. Во Второзаконіи описываются событія послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ пребыванія въ пустынѣ, и она получила свое названіе отъ того, что въ ней дѣлается повтореніе всѣхъ изданныхъ раньше законовъ и сводъ ихъ въ болѣе доступную книгу закона. Она заканчивается описаніемъ смерти Моисея съ заключительной похвалой ему (XXXIV гл). Всѣ эти книги въ полномъ своемъ составѣ (кромѣ послѣдней главы Второзаконія) написаны самимъ Моисеемъ, и свитки ихъ, какъ драгоцѣнная святыня, хранились въ ковчегѣ завѣта. Но Моисей былъ не только законодатель и историкъ своего народа, но и боговдохновенный поэтъ и псалмопѣвецъ. Послѣ него осталось нѣсколько боговдохновенныхъ пѣсней и молитвъ, изъ которыхъ иныя помѣщены въ его историческихъ книгахъ, а одна молитва вошла въ составъ книги пѣсней или Псалтири, и составляетъ 89-й псалемъ, какъ показываетъ и его надписаніе: «Молитва Моисея, человѣка Божія». Она начинается словами: «Господи! Ты намъ прибѣжище въ родъ и родъ. Прежде нежели родились горы, и Ты образовалъ землю и вселенную, и отъ вѣка и до вѣка Ты—Богъ».

Моисей умеръ 120 лѣтъ, изъ которыхъ 80 прошли до исхода израильтянъ изъ Египта и 40 по исходѣ. Эти цифры, вмѣстѣ съ общимъ указаніемъ, что отъ дарованія Аврааму обѣтованія до закона прошло 430 лѣтъ. (Гал., III, 17), служатъ основой для лѣтосчисленія этого періода. Если половину послѣдней цифры положить на время пребыванія въ Египтѣ до дарованія закона (что вполнѣ согласуется съ показаніемъ касательно лѣтъ Моисея, а также и съ тѣмъ, что онъ былъ представителемъ третьяго поколѣнія послѣ Левія, т.-е. правнукомъ его) и присоединить 40 лѣтъ странствованія по пустынѣ, то

сумма этихъ цифръ (215+40=255) и будетъ приблизительно опредѣлять собою продолжительность изложеннаго періода Библейской исторіи.

Періодъ этотъ, который по соображенію съ данными всемірной исторіи нужно отнести къ XVII—XV столѣтіямъ до Р. Х., ознаменовался нѣкоторыми важными событіями и въ жизни остальнаго человѣчества. Изъ Египта (быть можетъ, одновременно съ Моисеемъ) вышелъ знаменитый Кекропсъ, который первый перенесъ плоды высокой цивилизаціи древняго Египта на дѣвственную почву Греціи и основалъ знаменитый впослѣдствіи городъ Аѳины. Около этого же времени Эллинъ, сынъ миѳическаго Девкаліона, вступилъ въ Ѳессалію, и по изгнаніи оттуда пеласговъ поселился въ ней и сдѣлался родоначальникомъ эллинскаго народа. На восточномъ берегу Средиземнаго моря, въ сосѣдствѣ съ землей обѣтованной, основанъ былъ знаменитый впослѣдствіи городъ Тиръ, который въ одно время сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всемірную морскую торговлю и впослѣдствіи состоялъ въ дружественномъ союзѣ съ царями народа израильскаго. Такимъ образомъ, съ выступленіемъ избраннаго народа на поприще всемірной исторіи выступали на него и новые народы, которые должны были служить представителями язычества въ его высшемъ развитіи и могуществѣ. Избранному народу предстояло побѣдить его силою истинной религіи и закона Божія.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ЗАВОЕВАНІЕ ХАНААНА И ВРЕМЕНА СУДЕЙ.

ГЛАВА LVI.

Земля обѣтованная.

Обѣтованная земля, на границѣ которой стояли теперь израильтяне, представляла собою ту небольшую гористую полосу, которая извѣстна теперь подъ именемъ Палестины. Простираясь вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря отъ отроговъ Ливанскихъ горъ на сѣверѣ отъ Аравійской пустыни на югѣ, она имѣетъ всего около 30 географическихъ миль въ длину и до двѣнадцати миль въ ширину (считая въ томъ и заіорданскіе удѣлы). Но, несмотря на свою внѣшнюю незначительность, она занимала въ высшей степени выгодное и важное положеніе въ древнемъ мірѣ. Страна эта въ сущности была уединенная; она нигдѣ не соприкасалась непосредственно съ большими идолопоклонническими народами, и однако же не настолько была удалена отъ нихъ, чтобы не имѣть никакихъ свѣдѣній о нихъ. Напротивъ, благодаря своему своеобразному положенію, она находилась какъ разъ посреди могущественнѣйшихъ монархій, боровшихся между собою за преобладаніе, но такъ, что эта борьба не затрагивала неизбѣжно ея существованія. Дороги кущовъ и воителей какъ по сушѣ, такъ и по морю проходили по ея границамъ; караваны и полки, двигавшіеся съ береговъ Евфрата къ берегамъ Нила

и обратно, соприкасались съ ея окраинами, но никакого важнаго пути не проходило чрезъ самую страну. Естественныя преграды, отдѣлявшія ее отъ окружающаго міра, разобщали ее съ этимъ міромъ, предоставляя ея населенію свободу по своему желанію входить въ сношенія съ чужими странами или сохранять свою отчужденную и полную самостоятельность и самобытность. Она соприкасалась какъ бы со всѣми тремя частями тогдашняго свѣта. Подлѣ нея встрѣчались между собой Азія, Африка и Европа. Это было средоточіе, изъ котораго въ опредѣленное время свѣтъ могъ распространяться во всѣ окружающія страны. Безопасность ея обезпечивалась самой природой: безводная пустыня на югѣ, непроходимые хребты горъ на сѣверѣ, безбрежное и негостепріимное у этихъ береговъ море на западѣ и глубокая іорданская долина съ прилегающей къ ней великой пустыней Сирійской на востокѣ—дѣлали ее при нѣкоторомъ благоразуміи и бдительности почти недоступной для завоеванія. Тамъ истинная религія, вдали отъ всякихъ чуждыхъ вліяній, могла безпрепятственно процвѣтать среди избраннаго народа, который однако же самъ имѣлъ всѣ средства входить въ сношенія съ окружающимъ міромъ и такимъ образомъ дѣлиться съ нимъ ввѣреннымъ ему сокровищемъ. Такъ какъ земля обѣтованная занимала какъ разъ срединное положеніе въ древнемъ историческомъ мірѣ, и около нея именно сходились и расходились тѣ великіе пути, по которымъ текла историческая жизнь этого міра и постепенно передвигалась съ востока на западъ, къ великому бассейну Средиземнаго моря, то народъ, которому выпало на долю владѣть этой землей, не только становился наблюдателемъ всего хода исторической жизни окружающаго міра, но въ то же время дѣлался наслѣдникомъ всего историческаго богатства старыхъ народовъ востока и вмѣстѣ съ тѣмъ держалъ въ своихъ рукахъ лучшія надежды юнаго нарождавшагося міра—на западѣ. Выгоднѣе этого положенія для народа, которому Промыслъ судилъ быть «свѣтомъ для народовъ», не могла бы представить ни одна еще страна на земномъ шарѣ.

По своему внѣшнему характеру Палестина—страна по преимуществу гористая. Начинаясь отъ сѣверной границы, отъ группы горъ Ливана и Антиливана, цѣпи горъ непрерывными и правильными грядами параллельно спускаются до самаго юга страны и тянутся по обѣимъ сторонамъ рѣки Іордана. Склоняясь къ западу, горные хреб-

ты переходятъ въ низменности, изъ которыхъ по одной течетъ рѣка Іорданъ, а другая примыкаетъ къ самому берегу Средиземнаго моря и извѣстна была въ древности подъ названіемъ равнины Филистимской и Саронской. Западная гряда горъ, тянущаяся чрезъ Палестину въ собственномъ смыслѣ этого слова, по срединѣ прерывается большою равниной Ездрилонской, которая раздѣляетъ страну на двѣ части—сѣверную и южную. Въ обѣихъ этихъ частяхъ горная цѣпь разсыпается на множество холмовъ, перемежающихся съ долинами, и среди холмовъ по мѣстамъ вздымаются горы, выдающіяся своею высотою надъ окружающею мѣстностью. Таковы на сѣверѣ Ермонъ, Θаворъ и Кармилъ, и на югѣ Гаризимъ, Гевалъ, Сіонъ и гора Елеонская. Самая величественная изъ нихъ гора Ермонъ, которая, вздымаясь на 9.300 футовъ надъ уровнемъ моря, своею снѣговою вершиною какъ-бы озираетъ всю землю обѣтованную и сама видна за полтораста верстъ со всякаго болѣе или менѣе возвышеннаго мѣста страны. Другія горы не превышаютъ трети этой высоты и болѣе знамениты связанными съ ними историческими воспоминаніями, чѣмъ своимъ внѣшнимъ величіемъ [1]). Промежуточныя долины и равнины представляютъ собою то плоскія возвышенности, иногда поднимающіяся до трехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря (какъ, напр., равнина Хеврона, лежащая на высотѣ 3,029 ф.), то глубокія впадины, иногда лежащія ниже уровня моря, какъ долина іорданская, лежащая почти на пятьсотъ футовъ ниже уровня Средиземнаго моря.

Вслѣдствіе такого своеобразнаго устройства, Палестина поражаетъ особенностями, какихъ еще нигдѣ не встрѣчается на земномъ шарѣ. На занимаемомъ ею небольшомъ пространствѣ, встрѣчаются самыя поразительныя противоположности. Снѣговыя вершины Ливана и Ермона, такъ сказать, смотрятъ на долины и пустыни юга, гдѣ палящій зной по временамъ сжигаетъ всякую растительность. Въ близкомъ сосѣдствѣ растутъ самыя разнородныя деревья,—стройная пальма, любящая зной, и величавый дубъ, требующій болѣе умѣреннаго и влажнаго климата.

Съ западной и восточной стороны Палестина окаймлена водою:

---

[1]) Изъ нихъ Θаворъ имѣетъ 1,865 фут. высоты, Кармилъ—1,720 ф., Гаризимъ 2,650 ф., Гевалъ—2,700, Сіонъ—2,610, Елеонская—2,720 ф., надъ уровнемъ моря.

съ запада Средиземнымъ моремъ, а съ востока рѣкой Іорданомъ, который, беря свое начало въ нѣдрахъ Ермона, почти въ прямомъ направленіи течетъ съ сѣвера на югъ, слегка извиваясь по долинѣ. На своемъ пути Іорданъ протекаетъ два озера—Меромское и Геннисаретское и впадаетъ въ Мертвое море, имѣя, такимъ образомъ, до полтораста верстъ протяженія, при 10—12 саженяхъ ширины и 1—2 саженяхъ глубины въ лѣтнее время. Изъ двухъ протекаемыхъ имъ озеръ особенно замѣчательно озеро Геннисаретское, названное такъ вслѣдствіе своей арфообразной формы (киннереѳъ, арфа). Оно имѣетъ около 20 вер. въ длину и 10 въ ширину, отличается чрезвычайною прозрачностью своихъ водъ, наполненныхъ рыбами всякаго рода. Окружающая его мѣстность поражаетъ своею живописностью и плодородіемъ. По берегамъ его успѣшно растутъ пальмы, смоковницы, виноградъ и плодовыя деревья всякаго рода. Чрезвычайно теплый и благорастворенный воздухъ содѣйствуетъ тому, что всѣ плоды на его берегахъ созрѣваютъ мѣсяцомъ ранѣе, чѣмъ на окружающихъ высотахъ. Не даромъ іудеи говорили, что если рай еще есть на землѣ, то здѣсь именно дверь, которая ведетъ въ него. Полную противоположность ему представляетъ Мертвое море, куда изливается Іорданъ. Оно имѣетъ до 70 в. въ длину и до 20 в. въ ширину. Мрачно лежа въ глубокой котловинѣ, оно производитъ тяжелое и подавляющее впечатлѣніе. Желтомутныя воды его настолько пропитаны солью и горечью, что въ нихъ почти не можетъ существовать никакая жизнь. Самый воздухъ вокругъ него насыщенъ соленою горечью, и окружающая почва, съ ея сѣрносолеными глыбами, представляетъ страшную пустыню. Кремнистые берега, ступенями поднимающіеся отъ его поверхности болѣе чѣмъ на 1700 футовъ и лишенные всякой растительности, довершаютъ мрачную картину, которая всѣмъ своимъ видомъ напоминаетъ о страшномъ судѣ Божіемъ, нѣкогда постигшемъ беззаконные и нечестивые города цвѣтущей долины. Слѣдами прежняго плодородія служатъ лишь небольшіе оазисы, на которыхъ и теперь произрастаютъ рѣдкія бальзамовыя растенія и различныя пальмы.

Положеніе Палестины на переходной ступени отъ умѣреннаго пояса къ жаркому (между 31 и 33° сѣв. широты и 34 и 36° в. д.) сообщаетъ ея климату извѣстную правильность, которая свойственна только ей. Продолжительность дней и ночей почти всегда равна 12

часамъ, и только въ самые жаркіе лѣтніе мѣсяцы и самые холодные зимніе мѣсяцы между днями и ночами наступаетъ разница на два часа. Переходъ отъ дня къ ночи и наоборотъ совершается съ необычайною быстротою. Ночь наступаетъ почти вдругъ послѣ яснаго дня, и разсвѣтъ дня съ такою же быстротою разгоняетъ ночную тьму. Съ такою же правильностью смѣняются и времена года. Въ Палестинѣ собственно только два времени года—сухое и сырое. Въ началѣ осени наступаютъ такъ называемые ранніе дожди, которые падаютъ съ такою правильностью, что въ случаѣ ихъ замедленія населеніе начинаетъ серьезно безпокоиться о будущемъ урожаѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дождливые дни перемежаются съ солнечными; громъ и молнія возвѣщаютъ и сопровождаютъ выпаденіе дождя, который иногда обращается въ снѣжные хлопья и градъ. Къ концу сыраго времени дождь начинаетъ идти еще обильнѣе и получаетъ названіе позднихъ дождей, которые иногда восполняютъ недостаточность раннихъ. Это правильное распредѣленіе дождей находится въ прямой зависимости отъ двухъ главныхъ источниковъ влаги: Ливанскихъ горъ на сѣверѣ и Средиземнаго моря на западѣ. Тающій въ теченіе лѣта снѣгъ на этихъ горахъ наполняетъ осеннюю атмосферу влагой, образуетъ дождевыя облака, которыя образующимся на морѣ осенью воздушнымъ теченіемъ гонятся на югъ, гдѣ они и выпадаютъ въ качествѣ дождя. Въ сухое время года, т.-е. лѣтомъ, продолжающимся отъ апрѣля до октября, небо дѣлается совершенно безоблачнымъ и не выпадаетъ ни капли дождя для освѣженія земли или человѣка. Но растительность не погибаетъ, такъ какъ богатыя росы, образующіяся по ночамъ, съ достаточностью возмѣщаютъ отсутствіе дождя, и сѣверо-западный вѣтеръ, въ теченіе всего лѣта дующій съ моря, значительно умѣряетъ дневной зной. Изрѣдка свирѣпствуетъ палящій восточный вѣтеръ (кадимъ), который вгоняетъ ѣдкую пыль во всѣ поры одежды и тѣла. Но и этотъ вѣтеръ въ Палестинѣ не имѣетъ такой губительности, какою отличается африканскій самумъ. Вслѣдствіе господствующей правильности климатъ Палестины весьма здоровый и способствуетъ высокому росту и тѣлесной силѣ населенія. Въ ней совершенно нѣтъ какихъ-либо гнилыхъ болотъ, отравляющихъ атмосферу. Болѣзни вообще рѣдки, и тѣ, которыя иногда свирѣпствуютъ въ ней, большею частью заноснаго свойства.

Въ настоящее время Палестина кажется пустынною и безплодною. Но не такою она была въ древности. Когда она отдана была во владѣніе избраннаго народа, то представляла собою какъ-бы искусственный садъ, заботливо насажденный среди окружающихъ пустынь, и отличалась изумительнымъ плодородіемъ, дававшимъ ей полное право на названіе страной, «гдѣ течетъ молоко и медъ» (Исх. III, 8), «красою, всѣхъ земель» (Іезек., XX, 6). Это была, по описанію Моисея, «земля добрая, гдѣ пшеница, ячмень, виноградныя лозы, смоловницы и гранатовыя деревья, масличныя деревья и медъ, земля, въ которой народъ будетъ ѣсть хлѣбъ и ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка» (Второз. VIII, 7—9). Еще и теперь долины въ ней отличаются чрезвычайнымъ плодородіемъ и при нѣкоторомъ трудолюбіи даютъ по двѣ жатвы въ годъ. Даже мѣстность, лежащая къ сѣверу отъ Ездрилонской равнины, весьма щедро надѣлена природой, и въ древности тамъ было столько масличныхъ деревъ, что то колѣно, которому досталась она, такъ сказать, утопало въ маслѣ [1]). Средина страны, лежащая къ югу отъ этой равнины, также отличалась изобиліемъ всего и щедро вознаграждала за трудъ. Повсюду изъ скалъ журчатъ ручьи, орошая землю и давая силу для мельницъ. Мѣстность эта, отданная во владѣніе сыновей Іосифа—Ефрема и Манассіи, отличалась «вожделѣнными дарами неба, росою, вожделѣнными плодами солнца и вожделѣнными произведеніями луны, превосходнѣйшими произведеніями горъ древнихъ и вожделѣнными дарами холмовъ вѣчныхъ» (Второз. XXXIII, 13—15). По склонамъ горъ повсюду были роскошные сады и виноградники, и самыя горы, теперь поражающія своею пустынностью, покрыты были густымъ лѣсомъ—теревинѳомъ, букомъ, ясенемъ, каштанами, дубомъ и многими другими лиственными породами. На особенно теплыхъ мѣстахъ вздымались стройныя пальмы, приносившія сладкіе плоды и часто отъ избытка изливавшія свой сокъ на землю. Къ югу плодородіе уменьшается, по мѣрѣ того, какъ долины смѣняются сплошными известковыми холмами; но и тамъ были хорошія пастбища для стадъ. Только уже къ югу отъ Хеврона мѣстность получаетъ совершенно пустынный характеръ, и только по мѣстамъ попада-

[1]) Указывая на это, Моисей въ своемъ благословеніи Асирову колѣну сказалъ, что оно «окунетъ въ елей ногу свою» (Втор. XXXIII, 24).

ются орошаемые ключевой водой оазисы, въ которыхъ тѣмъ роскошнѣе и богаче растительность. Зато вся береговая полоса представляла изумительное плодородіе, и даже теперь, несмотря на общее запустѣніе страны, хлѣбныя растенія даютъ изобильный урожай при самой незначительной обработкѣ земли, а изъ деревъ роскошно растутъ всякія пальмы, маслины, миндали. лимоны и бананы, хотя, къ несчастью, при отсутствіи трудолюбиваго населенія, прибрежный песокъ съ каждымъ годомъ все болѣе засыпаетъ эту благодатную полосу земли.

При своемъ необычайномъ плодородіи и всѣхъ удобствахъ для тѣла, обѣтованная земля представляла здоровую пищу и для души. Она была до ничтожества мала въ сравненіи съ обширными пространствами, которыя занимали такія государства древняго міра, какъ Египетъ, Индія, Ассиро-Вавилонія. Съ нѣкоторыхъ пунктовъ на горныхъ вершинахъ посрединѣ земли можно сразу видѣть ея границу и на востокѣ, и на западѣ, съ одной стороны волны Средиземнаго моря и съ другой мрачно сверкающую поверхность Мертваго моря съ Іорданомъ и высящимися за ними горами Галаадскими. Съ горы Ермона глазъ окидываетъ еще большее пространство, и передъ нимъ открывается дивная панорама прекраснѣйшихъ ландшафтовъ, которые въ изумительно прозрачномъ воздухѣ рисуются предъ взорами, подобно ряду чудесныхъ картинъ, начертанныхъ рукою божественнаго Художника. Сколько здоровой пищи такіе виды давали для души и сколько возвышенныхъ чувствъ и думъ пробуждали они! Въ этой благословенной землѣ каждый холмъ и каждая долина способны были пробуждать въ отзывчивой душѣ чувства безпредѣльнаго благоговѣнія и благодаренія къ Творцу, перстъ котораго чувствовался повсюду. Только подъ впечатлѣніями такой дивно-божественной красоты могли изливаться изъ души израильскаго царя-поэта, боговдохновеннаго псалмопѣвца Давида, тѣ дивные псалмы, въ которыхъ вся одушевленная и неодушевленная природа, солнце и луна, звѣри и птицы, горы и холмы, юноши и дѣвы, старцы и отроки — всѣ призываются хвалить имя Господа, слава Котораго на небесахъ и на землѣ (пс. 148).

Неудивительно, что эта благословенная страна не оставалась безлюдною. Съ самой глубокой древности, она была густо заселена различными племенами, и именно потомками Ханаана, сына Хамова,

вслѣдствіе чего и самая земля называлась Ханаанскою. У Ханаана было одиннадцать сыновей, ставшихъ родоначальниками одиннадцати отдѣльныхъ племенъ. Четыре изъ нихъ поселились въ Сиріи и Финикіи, а остальныя семь (хетеи, іевусеи, аморреи, гергесеи, евеи, хананеи и ферезеи) заняли и заселили Палестину. Южную часть приморской равнины занимали филистимляне, въ соприкосновеніе съ которыми приходили еще Авраамъ и Исаакъ, и которые впослѣдствіи достигли такого могущества, что по нимъ и самая страна стала называться Палестиной (филистимляне—пелештинъ, отсюда Палестина). Среди нихъ по мѣстамъ встрѣчались и остатки первобытнаго исполинскаго племени рефаимовъ, слѣды котораго сохранялись до позднѣйшаго времени.

Всѣ эти народцы, при частныхъ различіяхъ, говорили языкомъ весьма близкимъ къ еврейскому, такъ что израильтяне могли свободно понимать ихъ и говорить съ ними. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ сношеніяхъ съ ними, какъ патріарховъ, такъ и позднѣйшихъ израильтянъ, дѣло обходилось совершенно безъ переводчиковъ и самыя имена царей этихъ племенъ и названія городовъ звучали совершенно по-еврейски (какъ напр., Авимелехъ, Мелхиседекъ, Сихемъ, Кіріаѳъ-Сеферъ и пр.). Вмѣстѣ съ языкомъ по мѣстамъ среди нихъ сохранялась и истинная религія, какъ это мы видимъ въ лицѣ Мелхиседека, который былъ священникомъ Бога Всевышняго, и даже въ лицѣ филистимскаго царя Авимелеха, который также обнаруживалъ знаніе истиннаго Бога—Элогимъ, Того Самаго, въ котораго вѣровалъ Авраамъ (Быт., XXI, 22 и 23). Но помимо этихъ слѣдовъ истинной религіи въ общемъ народы эти были погружены въ самое темное идолопоклонство. Въ наиболѣе развитомъ видѣ оно было у финикіянъ, которые, какъ наиболѣе просвѣщенные между ними, служили для нихъ образцомъ и въ религіозномъ отношеніи. Какъ финикіяне, такъ и всѣ остальные ханаанскіе народцы боготворили силы природы, которыя олицетворялись въ божеской четѣ подъ именемъ Ваала и Астарты. Ваалъ олицетворялъ солнце, а Астарта луну, но не какъ чистѣйшія небесныя свѣтила, а какъ производительныя силы природы, насколько онѣ возбуждаютъ къ плодоношенію землю, животныхъ и людей. Кромѣ того, ханаанитяне почитали еще семь низшихъ боговъ, олицетворявшихъ собою семь извѣстныхъ тогда планетъ ,и съ ними еще особаго восьмаго бога подъ именемъ Асмуна,

который олицетворялся подъ образомъ змѣя и считался богомъ-цѣлителемъ. Служеніе этимъ богамъ отличалось крайнею степенью грубой чувственности. При этомъ главную роль играли женщины. Жертвенники и капища устраивались на вершинахъ горъ, подъ деревами, и посвящались Ваалу и Астартѣ. Въ каждомъ капищѣ Ваала былъ конусообразный камень, какъ изображеніе оплодотворяющаго органа, служившаго главнымъ предметомъ религіознаго чествованія. Въ концѣ осени совершался праздникъ печали, заканчивавшійся самымъ грубымъ распутствомъ. Женщины въ теченіе семи дней скорби отыскивали исчезнувшаго Ваала, т.-е. его деревянное или каменное изображеніе, отъ изступленной скорби рвали на себѣ волосы и ударяли себя въ грудь. Жрецы подъ раздражающіе звуки унылой музыки рѣзали себѣ руки и тѣло ножами и кололи копьями. Но вотъ къ концу праздника печали всѣ изступленно восклицали: «живъ Ваалъ!» и отъ этой изступленной радости дѣвицы безстыдно жертвовали своей честью за деньги, которыя предназначались въ жертву Астартѣ. При храмахъ существовали особыя храмовыя блудницы, которыя въ теченіе цѣлаго года предавались распутству какъ въ самыхъ храмахъ, такъ и на улицахъ, и назывались «посвященными» (кедешотъ). Въ честь Астарты мужчины и юноши оскопляли себя и одѣвались въ женскія одежды, чтобы этимъ уподобиться богу, который одновременно былъ и Вааломъ и Астартой, мужескимъ и женскимъ началомъ. Эти фанатическіе скопцы, которые занимались выпрашиваніемъ милостыни для капищъ, назывались также посвященными (кедешимъ). Понятно, что такая религія всю жизнь этихъ народовъ дѣлала нечистою и омерзительною, уже навлекавшею на себя страшный гнѣвъ Божій—въ наказаніи Содома и Гоморры [1]). Вслѣдствіе этого Моисей рѣшительно запретилъ израильтянамъ вступать въ союзъ съ ханаанскими народами. Чтобы освободить и очистить землю обѣтованную отъ такого осквернения, они должны были окончательно истребить или изгнать ихъ, какъ племена, навлекшія на себя праведный судъ Божій за то, что они за благословенные дары заселенной ими благодатной земли не только не славо-

---

1) О религіи хананеевъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

словили истиннаго Бога, а напротивъ—нашли въ нихъ источникъ омерзительнаго идолопоклонства и нечестія.

Въ гражданскомъ отношеніи ханаанскіе народы находились уже на довольно высокой степени цивилизаціи. Не говоря уже о финикіянахъ, которые въ это время уже вели обширную морскую торговлю и знакомы были со всѣми сторонами цивилизованной жизни, и другіе ханаанскіе народцы вслѣдъ за ними умѣли добывать металлы изъ рудниковъ, ковали золотыя и серебряныя вещи для украшенія, выдѣлывали оружіе и колесницы для войны, строили храмы и дворцы, умѣли укрѣплять стѣнами города, вели торговлю и знакомы были съ счетоводствомъ и письменностью. На высокое развитіе и распространенность письменности указываетъ замѣчательное обстоятельство, что одинъ изъ городовъ въ южной Палестинѣ носилъ названіе Кириаѳъ-сеферъ, т.-е. городъ книгъ, каковое названіе предполагаетъ въ немъ существованіе цѣлой библіотеки или книжнаго дома. Развитію гражданской жизни способствовала самая густота населенія. Страна наполнена была городами и селеніями, среди которыхъ разстилались роскошнѣйшія нивы и пастбища. Города, большею частью сильно укрѣпленные, строились по преимуществу на высотахъ горъ, что дѣлало ихъ еще болѣе неприступными для вражескаго нападенія и что, между прочимъ, особенно устрашило израильскихъ соглядатаевъ. Несмотря, однако же на это, ханаанскіе народцы не могли оказать непреодолимаго противодѣйствія израильтянамъ, такъ какъ между ними не было никакого государственнаго единства. Не только отдѣльныя племена, но и отдѣльные города считали себя совершенно независимыми другъ отъ друга, управлялись своими собственными царьками, которые постоянно соперничали между собою и въ непрерывныхъ войнахъ взаимно истощали свои силы. Даже общая, угрожавшая имъ всѣмъ опасность, не могла объединить ихъ между собою, и каждый городъ защищался своими собственными силами. Только уже впослѣдствіи образовывались союзы изъ нѣсколькихъ городовъ, которые общими силами пытались отстоять свое существованіе. Но даже и при этой политической разрозненности ханаанскихъ племенъ, чтобы завоевать землю обѣтованную съ ея многочисленными твердынями, требовавшими для взятія ихъ высокаго военнаго искусства и осадныхъ машинъ, какими есте-

ственно не могъ обладать такой пастушескій народъ, какъ израильтяне, и побѣдить царей, располагавшихъ испытаннымъ въ битвахъ войскомъ и страшными желѣзными истребительными колесницами,— для этого требовалось не только необычайное мужество со стороны вождя и его народа, но и особая помощь Божія. И эта помощь обѣщана была новому предводителю народа израильскаго—доблестному и испытанному воину Іисусу Навину.

ГЛАВА LVII.

Завоеваніе земли обѣтованной.

Славный преемникъ Моисея происходилъ изъ колѣна Ефремова, и былъ однимъ изъ тѣхъ двухъ мужественныхъ и преданныхъ Моисею людей, которымъ однимъ только изъ всего народа, выведеннаго изъ Египта, дано было увидѣть землю обѣтованную. При выходѣ изъ Египта Іисусу Навину было около 45 л., и такимъ образомъ ко времени вступленія въ землю обѣтованную, на его плечахъ лежала уже тяжесть 85-ти лѣтняго возраста. Но, подобно своему великому предшественнику, Іисусъ Навинъ и въ этомъ возрастѣ былъ еще полонъ силы и неустрашимаго мужества, и вполнѣ отвѣчалъ высотѣ своего положенія. Какъ ближайшій сподвижникъ Моисея, онъ былъ вполнѣ знакомъ со всѣмъ, относящимся къ управленію народомъ, и потому не нуждался въ подробныхъ наставленіяхъ. Для него достаточно было одного божественнаго слова: «будь твердъ и мужественъ», чтобы всецѣло посвятить себя исполненію возложенной на него задачи—завоеванія земли обѣтованной.

Въ послѣднее время станъ израильскій находился въ Ситиммѣ, у горы, на которой почилъ Моисей. Мѣстность кругомъ отличалась роскошною, чисто тропическою растительностью, поддерживаемою множествомъ журчащихъ повсюду ручьевъ. Отъ земли обѣтованной израильтянъ отдѣлялъ лишь Іорданъ, за которымъ, во всемъ своемъ великолѣпіи, красовались горы и холмы земли, текущей молокомъ и медомъ. Но она не была совершенно открыта для нихъ. Прежде всего, нужно было перейти самый Іорданъ, а затѣмъ, верстахъ въ 12 отъ него высились грозныя твердыни Іерихона, который какъ-бы держалъ

въ своихъ рукахъ ключи къ землѣ обѣтованной. Поэтому, нужно было изслѣдовать, какъ мѣсто переправы чрезъ Іорданъ, такъ и особенно состояніе Іерихона. Съ этой цѣлью І. Навинъ отправилъ двухъ соглядатаевъ, которые должны были тайно проникнуть въ Іерихонъ и развѣдать о состояніи какъ его, такъ и окружающей страны. Пробираясь къ Іерихону, соглядатаи навѣрно изумлялись роскоши и богатству окружающей мѣстности, которая и теперь поражаетъ щедростью даровъ своей природы. Пальмовыя рощи и бальзамовые сады наполняли воздухъ чудеснымъ ароматомъ, и вся мѣстность звенѣла отъ щебетанія множества самыхъ разнородныхъ и рѣдкихъ птицъ. Въ самомъ Іерихонѣ собрано было множество богатствъ, какъ естественныхъ, такъ и промышленныхъ, и взятіе его обѣщало богатѣйшую добычу. Но городъ былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ въ странѣ, и граждане его были на сторожѣ. Чтобы не навлечь на себя подозрѣнія, соглядатаи, тайно проникнувъ въ городъ, остановились на самой его окраинѣ и нашли пріютъ у нѣкоей Раавъ, которая содержала на окраинѣ города, въ самой городской стѣнѣ, нѣчто въ родѣ гостинницы, но настолько грязной и сомнительной, что и сама содержательница пользовалась въ городѣ худой славой блудницы. Несмотря на всѣ предосторожности соглядатаевъ, іерихонцы, очевидно, находившіеся въ страшной тревогѣ и бдительно слѣдившіе за всѣми подозрительными личностями, узнали о ихъ присутствіи и донесли царю, который тотчасъ же потребовалъ выдачи ихъ отъ Раавы. Но она, пораженная разсказами о чудесахъ, сопровождавшихъ шествіе израильтянъ къ землѣ обѣтованной, и признавая превосходство ихъ Бога, скрыла ихъ въ снопахъ льна у себя на кровлѣ [1]), и тайно выпустила ихъ чрезъ окно стѣны за городъ, направивъ ихъ совершенно по другой дорогѣ, чѣмъ по которой, по ея указанію, отправились въ погоню за ними іерихонцы. Предчувствуя неминуемое паденіе города,

[1]) Это указаніе на сокрытіе соглядатаевъ подъ снопами льна, лежавшаго на потолкѣ дома Раавы для высушки, представляетъ одно изъ ненамѣренныхъ совпаденій, которыя поразительно подтверждаютъ библейское повѣствованіе. Это было время жатвы ячменя, а ленъ и ячмень созрѣваютъ въ Іорданской долинѣ въ одно и то же время, такъ что снопы льна весьма естественно сушились у Раавы именно въ это время. Что у Раавы были подобные снопы льна, это затѣмъ доказываетъ, что женщины этой страны сами занимались приготовленіемъ льняныхъ полотенъ, сами вырабатывая для этого и матеріалъ. Ленъ ростетъ въ Іорданской долинѣ болѣе чѣмъ въ три фута высоты, и имѣетъ стволъ, толщиною приближающійся къ камышу.

она взяла съ соглядатаевъ обѣщаніе, пощадить ее и ея родню во время взятія города, условившись, что знакомъ ея дома, въ отличіе отъ другихъ, будетъ служить та самая червленая веревка, на которой она спустила израильтянъ за стѣну.

Благополучно возвратившись въ станъ, соглядатаи извѣстили, что какъ жители Іерихона, такъ и другіе народы поражены ужасомъ отъ побѣдъ израильтянъ, и Іисусъ Навинъ на слѣдующее же утро приказалъ двинуться за Іорданъ. Это было въ мѣсяцѣ Авивѣ, когда созрѣваютъ ячмень и ленъ. Іорданъ въ это время обыкновенно выступаетъ изъ своихъ береговъ, благодаря таянію снѣговъ на Ермонѣ, такъ что затопляетъ собою и тѣ прибрежныя возвышенности, которыя сплошь покрыты камышомъ и тростникомъ, затрудняя даже и доступъ къ самому руслу рѣки. Насколько высоко въ то время стояла вода, въ библейскомъ повѣствованіи не говорится, но новѣйшій изслѣдователь, недавно посѣтившій Іорданъ въ это именно время, свидѣтельствуетъ, что вода выступала на 14 футовъ выше своего обычнаго уровня [1]). Въ виду этого, переходъ чрезъ Іорданъ въ это время былъ болѣе затруднителенъ, чѣмъ во всякое другое время. Но этотъ моментъ именно избранъ былъ для перехода съ тою цѣлью, чтобы внушить народу, что онъ продолжаетъ и доселѣ пользоваться сверхъестественною помощью и поэтому долженъ быть мужественъ при одолѣніи всѣхъ могущихъ встрѣтиться препятствій на его пути въ землю обѣтованную. И вотъ, дѣйствительно, когда по особому откровенію священники, несшіе ковчегъ завѣта, во главѣ народа вступили въ рѣку, воды въ ней раздѣлились: верхняя часть стала стѣною, а нижняя стекла въ Мертвое море, такъ что образовался сухопутный проходъ на ту сторону. Священники двинулись съ ковчегомъ на средину русла рѣки и стояли тамъ, какъ-бы сдерживая воду, пока не перешли чрезъ рѣку всѣ израильтяне. Въ ознаменованіе этого чуда, 12 избранныхъ мужей взяли изъ русла 12 камней, изъ которыхъ потомъ былъ воздвигнутъ памятникъ въ Галгалѣ, предъ Іерихономъ, гдѣ израильтяне остановились станомъ по переходѣ Іордана, а изъ другихъ 12 камней, взятыхъ на сушѣ, поставленъ былъ памятникъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли священники съ ковчегомъ завѣта. Въ Галгалѣ устроенъ былъ укрѣплен-

1) Tristram, Land of Israel, p. 223

ный лагерь, который сдѣлался не только мѣстомъ продолжительной стоянки, но и опорнымъ пунктомъ для завоеванія. Въ настоящее время найдено то самое мѣсто, которое служило первымъ станомъ израильтянъ въ землѣ обѣтованной. Слово Галгалъ до сихъ поръ слышится въ мѣстномъ названіи Джилъ-Джулы, которымъ и доселѣ обозначается курганъ, находящійся верстахъ въ пяти къ юговостоку отъ того мѣста, гдѣ, повидимому, стоялъ древній Іерихонъ,—близъ превосходнаго источника, извѣстнаго подъ названіемъ «источника Султана», подлѣ крутой подошвы известковыхъ холмовъ Іудеи. Воинство израильское въ избранномъ для него, такимъ образомъ, станѣ находилось на 500 футовъ выше ложбины Іорданской. Рѣка, чрезъ которую они переправились, лежала подъ ними, верстахъ въ восьми къ востоку. Со всѣхъ сторонъ разстилалась открытая равнина, дававшая свободу движенія, причемъ стѣна холмовъ іудейскихъ, возвышающаяся на 1000 футовъ надъ уровнемъ стана, находилась на разстояніи четырехъ верстъ къ западу. Галгалъ, по буквальнему своему значенію, означаетъ «кругъ» и указываетъ на самую форму расположенія тѣхъ камней, изъ которыхъ построенъ былъ памятникъ. Много подобныхъ каменныхъ круговъ существуетъ еще и теперь въ Моавѣ и въ другихъ мѣстахъ, и вообще подобныя каменныя постройки или долмены указываютъ на первобытную форму религіозности. Галгалъ сдѣлался базисомъ для будущихъ военныхъ дѣйствій и оставался главною квартирою войска и всего израильскаго народа въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; въ немъ поставлена была скинія, какъ народное святилище, пока она впослѣдствіи не перенесена была въ Силомъ. Между прочимъ, здѣсь именно израильтяне, въ сороковой разъ по выходѣ изъ Египта, совершили Пасху, и такъ какъ во время странствованія по пустынѣ, вслѣдствіе постоянныхъ тревогъ и бѣдствій, по необходимости часто оставляемъ былъ безъ исполненія законъ объ обрѣзаніи, то, предъ совершеніемъ Пасхи, на почвѣ земли обѣтованной, народъ долженъ былъ исполнить этотъ законъ, и весь мужской полъ былъ подвергнутъ обрѣзанію. Было необходимо, чтобы на порогѣ столь великаго предпріятія, которое въ дѣйствительности требовало отъ Еговы исполненія обѣтованія, даннаго Имъ отцамъ ихъ, именно обѣтованія ввести ихъ въ землю Ханаанскую въ качествѣ побѣдителей,—они должны были съ своей стороны исполнить условіе, изложенное Имъ, какъ залогъ и по-

священіе ихъ Ему, какъ особаго избраннаго народа. Совершенно необходимо также было, чтобы среди израильтянъ окрѣпло чувство ихъ полной противоположности тѣмъ народамъ, которые предстояло имъ завоевать, и полнаго превосходства ихъ, какъ избраннаго народа Божія, надъ ними. Наконецъ, тутъ прекратилась и манна, которою доселѣ питался народъ, и теперь онъ долженъ былъ питаться уже плодами самой земли обѣтованной.

Наконецъ, нужно было приступить къ взятію страшныхъ твердынь Іерихона. Этотъ городъ стоялъ при самомъ началѣ главныхъ путей, ведущихъ во внутренность Палестины, и такимъ образомъ держалъ въ своихъ рукахъ ключъ ко всей странѣ. Пока онъ не палъ, израильтяне не могли двигаться впередъ, такъ какъ ихъ тылу постоянно грозила бы опасность, и они могли свободно двигаться впередъ только послѣ взятія этой крѣпости. Самый городъ, съ окружающею его роскошною мѣстностью, представлялъ особенно большое искушеніе для израильтянъ, такъ какъ представлялъ поразительный контрастъ съ многолѣтними лишеніями ихъ въ пустынѣ. Изъ стана въ Галгалѣ предъ взорами народа открывалась обширная роща величественныхъ пальмъ почти въ 5 верстъ шириною и въ 12 верстъ длиною,—роща, которая, по мѣстамъ, перемежалась зрѣющими хлѣбными полями. Сѣрыя горы, вздымающіяся позади, только усиливали, своею мрачною пустынностью, очарованіе этого ландшафта. При подошвѣ горъ, въ самомъ центрѣ роскошной мѣстности, виднѣлся Іерихонъ съ его великолѣпными храмами и дворцами. Городъ этотъ былъ центромъ того идолопоклонства, которое оставило столь горькое воспоминаніе среди израильтянъ со времени ихъ грѣхопаденія при Ваалъ-Фегорѣ. Это было мѣстное сѣдалище культа Астарты, сожительницы Ваала, и самое имя Іерихонъ означаетъ «городъ луны», которая была символомъ этой богини. Отсюда въ Іерихонѣ сосредоточивалось все, что только было самаго грязнаго и возмутительнаго въ язычествѣ хананеянъ, на которыхъ израильтяне должны были смотрѣть какъ на мерзость для Іеговы и, какъ таковыхъ, должны были истребить мечемъ божественной правды, теперь ввѣренномъ въ ихъ руки. Единственная мысль, которую они должны были питать по отношенію къ красовавшемуся предъ ихъ взорами городу, заключалась въ крайнемъ омерзеніи, выразившемся въ томъ повелѣніи, которое они получили отъ Іисуса Навина, именно въ повелѣніи все истребить въ немъ, исключая только нѣкоторыхъ металлическихъ

предметовъ, которые могли быть очищены отъ осквернения посредствомъ огня. Самый способъ взятія Іерихона, этого сильно укрѣпленнаго города, долженъ былъ послужить для израильтянъ новымъ урокомъ того, что сила ихъ заключается не въ собственномъ оружіи, а въ силѣ Божіей. Когда Іисусъ Навинъ осматривалъ укрѣпленія вражескаго города, онъ вдругъ увидѣлъ предъ собою человѣка, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ. «Нашъ ли ты, или изъ непріятелей нашихъ?»—спросилъ его храбрый вождь. «Нѣтъ, я вождь воинства Господня»,—отвѣчалъ незнакомецъ. Іисусъ Навинъ въ благоговѣніи палъ ницъ и получилъ откровеніе о томъ, какъ можетъ быть взятъ Іерихонъ. Согласно этому высшему указанію, Іисусъ Навинъ велѣлъ священникамъ выступить съ ковчегомъ завѣта и обносить его вокругъ стѣнъ Іерихона, причемъ семь священниковъ должны были идти предъ ковчегомъ и трубить въ трубы, а вооруженные воины молча двигаться впереди и позади ковчега. Шесть дней обходили они такъ городъ по одному разу,—къ великому изумленію іерихонцевъ, которые, конечно, ожидали приступа на городъ. Въ седьмой день шествіе повторилось семь разъ. Въ концѣ послѣдняго обхода вдругъ раздался потрясающій возгласъ безмолвнаго дотолѣ народа, и страшныя твердыни Іерихона пали отъ чудеснаго сотрясенія, оставивъ городъ совершенно беззащитнымъ предъ израильтянами. Всѣ жители, кромѣ Раавы и ея сродниковъ, были истреблены, самый городъ разрушенъ и произнесено было проклятіе на всякаго, кто бы попытался построить его вновь. Раавъ за свою вѣру во всемогущество истиннаго Бога была награждена принятіемъ ея въ общество избраннаго народа. И эта вѣтвь отъ дикой маслины принесла добрый плодъ. Выйдя за мужъ за Салмона, она сдѣлалась матерью Вооза, прадѣда Давида, и имя ея, наряду съ тремя другими женщинами, занесено въ родословную Христа.

Страшная суровость, съ которою Іисусъ Навинъ подвергъ истребленію все населеніе города и даже находившійся скотъ въ немъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, находится въ странномъ противорѣчіи съ тѣмъ человѣколюбіемъ, которое повсюду проповѣдуется въ Библіи и даже съ естественнымъ чувствомъ состраданія. Израильтянамъ было выразительно повелѣно «поражать весь мужескій полъ остріемъ меча и не оставлять въ живыхъ ни одной души» (Втор. XX, 13, 16); и изъ послѣдующей исторіи видно, что Іисусъ Навинъ буквально испол-

нялъ это общее повелѣніе. Не только въ Іерихонѣ, но и по всей Палестинѣ, гдѣ только проходило воинство израильское, онъ «никого не оставилъ, кто уцѣлѣлъ бы, и все дышущее предалъ заклятію, какъ повелѣлъ Господь Богъ Израилевъ» (I. Нав., X, 40). Хотя едва-ли можно понимать эти выраженія въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ извѣстно, что въ землѣ обѣтованной и впослѣдствіи жило много хананеянъ, которые оказали въ высшей степени пагубное вліяніе на самихъ израильтянъ, но во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что истребленіе всего народа дѣйствительно имѣлось въ виду при вступленіи израильтянъ въ обѣтованную землю, и что недостаточно строгое исполненіе этого повелѣнія оказалось въ высшей степени неблагопріятнымъ и пагубнымъ для нихъ. Для того, чтобы понять смыслъ этого повелѣнія, нужно имѣть въ виду, съ одной стороны, самый характеръ религіи хананеянъ, а съ другой—ту божественную цѣль, по которой предполагалось создать въ израильскомъ государствѣ чистую и возвышенную теократію, при посредствѣ которой впослѣдствіи высшее проявленіе царства Божія на землѣ могло бы распространиться среди всего человѣчества. Язычество Палестины и Сиріи было столь гнуснымъ и развращающимъ во всѣхъ отношеніяхъ, что даже въ настоящее время нѣтъ такого государства, которое бы не истребило его, подвергая такихъ идолопоклонниковъ, еслибы понадобилось это, самымъ суровымъ наказаніямъ. Полторы тысячи лѣтъ спустя, это идолопоклонство, съ сопровождающими его омерзительными обрядами, проникло въ Римъ, и римскіе сатиристы того времени возставали противъ него какъ бѣдствія, служившаго главной причиной разложенія. Поэтому было необходимо, чтобы земля, въ которой избранному народу предстояло получить воспитаніе въ истинной религіи съ цѣлью сдѣлаться распространителемъ истинной вѣры во всемъ мірѣ, совершенно очистилась отъ всего, что такъ или иначе противорѣчило возвышеннымъ планамъ Всевышняго. Неудивительнымъ представляется и то обстоятельство, что для искорененія столь гнусной безнравственности и испорченности израильскому законодателю или завоевателю не представлялось никакихъ другихъ средствъ, какъ именно истребленіе гнусныхъ идолопоклонниковъ остріемъ меча. И послѣдующая историческая жизнь вполнѣ доказала, какъ божественно справедливо было подобное повелѣніе и какъ печальны были результаты того, что

израильтяне не исполнили этого повелѣнія во всей его точности. Стараясь какъ можно скорѣе воспользоваться новодарованною имъ землею, израильтяне скоро потеряли свой прежній религіозный пылъ, и военнымъ подвигамъ стали предпочитать гнусные союзы съ туземными идолопоклонниками. Но частыя и глубокія отпаденія въ идолопоклонство въ теченіе всей послѣдующей жизни вполнѣ доказали, какъ велика была для нихъ опасность, для отвращенія которой и дано было имъ повелѣніе истребить хананеянъ. Не нужно забывать также, что народы Палестины не разъ получали предостереженія объ исправленіи. Сорокъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ вѣсть о переходѣ чрезъ Чермное море и о чудесахъ въ Египтѣ должна была показать всѣмъ народамъ величіе Іеговы надъ всѣми богами. Недавнее пораженіе царей Галаада и Васана съ неменьшею поразительностью показывало, что на сторонѣ израильтянъ стояла всемогущая, непобѣдимая сила и праведно требовала себѣ всеобщаго поклоненія. Нѣкоторое наказаніе за распутство дано было со стороны Всемогущаго Іеговы и въ томъ пораженіи, которое испытано было самимъ избраннымъ народомъ за участіе въ мерзостяхъ Ваалъ-Фегора. Раавъ въ Іерихонѣ слышала объ этихъ событіяхъ, и несомнѣнно убѣжденіе всего народа вообще во всей Ханаанской землѣ, хотя оно и подавлялось привязанностями къ своему старому культу, было такое же, какъ и у нея, именно, что «Господь, Богъ Израилевъ, есть Богъ на небѣ вверху, и на землѣ внизу» (I. Нав., II, 11). При сужденіи объ этихъ событіяхъ не нужно затѣмъ упускать изъ виду и обычаевъ того отдаленнаго времени, потому что тотъ образъ совершенія божественнаго суда надъ хананеями, который могъ показаться жестокимъ въ наше время, былъ только выраженіемъ обычнаго военнаго права въ древности. Избить всѣхъ мужчинъ или даже все населеніе завоеваннаго города было обычнымъ правиломъ войны въ то время. «Я воевалъ противъ города (Атароѳа, въ колѣнѣ Гадовомъ)— говоритъ Моавскій царь Меса на знаменитомъ Моавитскомъ камнѣ,— и взялъ его, и истребилъ всѣхъ мужей, въ угоду Хемосу, богу Моавитскому»; «и я поселилъ въ немъ, на мѣсто ихъ, мужей изъ Ширана и Шахараѳа, чтобы они обитали въ немъ». «Я взялъ городъ Нево (у израильтянъ), и подвергъ истребленію мечемъ всѣхъ его жителей, семь главъ колѣнъ... женщинъ и дѣтей, потому что Хемосъ произнесъ проклятіе противъ него». Въ виду этого свидѣтельства,

относящагося уже къ сравнительно болѣе позднему времени, именно ко времени раздѣленія израильтянъ на два царства, истребительная война Іисуса Навина оказывается совершенно въ духѣ тѣхъ обычаевъ, которыми руководились сами хананеи въ своихъ войнахъ и которые несомнѣнно они сами осуществили бы на израильтянахъ, еслибы остались побѣдителями, такъ что она находитъ оправданіе даже въ этомъ историческомъ обстоятельствѣ, не говоря уже о томъ, что она имѣла и другую высшую цѣль, именно наказаніе за то нравственное зло, которое эти народы водворили въ землѣ Ханаанской. Но если даже взять эти событія сами по себѣ, безъ отношенія ихъ къ высшей цѣли, то все-таки окажется, что суровость Іисуса Навина по отношенію къ завоеваннымъ народамъ обнаруживала въ себѣ больше гуманности, чѣмъ какъ это было у другихъ завоевателей того времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить, напр., то, какъ поступалъ съ плѣнниками ассирійскій царь Ассуръ-Назирпалъ. Въ надписяхъ на относящихся къ его времени памятникахъ заключаются такія свидѣтельства:

«Мнѣ принесли извѣстіе (говоритъ этотъ монархъ),
Что городъ Сури возмутился...
Колесницы и войско собралъ я. Съ возмутившейся знати
Я содралъ ихъ шкуры, и сдѣлалъ трофей изъ нихъ.
Нѣкоторыхъ я оставилъ въ кучѣ для гніенія,
Нѣкоторыхъ я посадилъ на колъ, на вершинѣ холма,
Нѣкоторыхъ я положилъ рядомъ съ кучей убитыхъ въ порядкѣ
на кольяхъ,
Я ободралъ многихъ въ виду моей земли
И развѣсилъ ихъ шкуры по стѣнамъ.
Я привелъ Агійябабу въ Ниневію. Я ободралъ его и
Прибилъ его кожу къ стѣнѣ...
Я приблизился къ Тилѣ.
Я осадилъ этотъ городъ и сдѣлалъ приступъ.
Многихъ воиновъ я взялъ въ плѣнъ живыми.
У нѣкоторыхъ я поотрубилъ руки и ноги, у другихъ я отрубилъ
Носы и уши и выкололъ глаза многимъ.
Я воздвигъ холмъ изъ тѣлъ, когда они еще были живы,
И другой холмъ я воздвигъ изъ головъ на высотахъ въ самомъ
ихъ городѣ.
Ихъ отроковъ и ихъ дѣвицъ я обезчестилъ» [1]).

Что израильтяне при этой истребительной войнѣ не упускали

[1]) Records of the Past, vol. III, pp. 39—50. Cuneiform Inscrip. of Western Asia, vol. I, pp. 17—27.

изъ виду и того высшаго предназначенія, которое составляло главную цѣль введенія ихъ въ землю обѣтованную, показываетъ одно величественное событіе, которое случилось вскорѣ послѣ взятія Іерихона, именно торжественное провозглашеніе благословенія на исполнителей закона и проклятіе на нарушителей его (I. Нав. VIII, 33, 34). Простой кровожадности или дикой свирѣпости нельзя приписывать народу, способному на такое величественное дѣло, какія бы мысли ни возбуждались при разсмотрѣніи самой завоевательной дѣятельности. Въ Іерихонѣ, какъ уже сказано, они видѣли только мерзость, которая нѣкогда навлекла на нихъ самихъ ужасное наказаніе при Ваалъ-Фегорѣ, и ихъ жестокость была только жестокостью народа, показывавшаго ревность дѣйствовать въ качествѣ служителя Іеговы, съ цѣлью, какъ воспрепятствовать повторенію столь страшнаго и великаго искушенія, такъ и навести ужасъ вообще на страну въ смыслѣ подготовленія для ея завоеванія. «Мечь израильтянъ», говоритъ одинъ толкователь «въ его наиболѣе кровавыхъ дѣйствіяхъ, совершалъ дѣло милосердія для всѣхъ странъ земли и до самаго конца міра. Теперь намъ кажутся весьма незначительными эти постоянныя битвы съ хананеями, мадіанитянами, аммонитянами и филистимлянами, эти войны, которыми почти переполнены книги Іисуса Навина, Судей и Царствъ. Мы почти удивляемся, чтобы Богъ вмѣшивался въ такія распри или даже измѣнялъ теченіе природы, съ цѣлью дать одному изъ этихъ народовъ Палестины побѣду надъ другимъ. Но въ этихъ войнахъ отъ судьбы одного изъ этихъ народовъ Палестины зависѣло счастье всего человѣческаго рода. Израильтяне сражались не за себя только, но и за все человѣчество. Совнѣ могло даже казаться, что какъ будто они являлись врагами всего человѣчества, и самая отличительность ихъ подавала имъ поводъ презирать всѣ другіе народы. И, однако же, этими самыми дѣйствіями своими они дѣлали дѣло Божіе, они неизмѣнно сохраняли въ себѣ сѣмя вѣчной жизни и были посредниками благословенія для всѣхъ другихъ народовъ, хотя сами и оказались не въ состояніи воспользоваться имъ» [1]).

Паденіе столь крѣпкаго города, какъ Іерихонъ, было весьма важно для израильтянъ, такъ какъ искусство правильной осады городовъ въ то время находилось и вообще въ младенческомъ состоя-

1) Arnold, Sermons, v, pp. 35—37.

ніи, а тѣмъ болѣе у такого пастушескаго народа, какимъ были израильтяне. Города къ востоку отъ Іерихона брались битвами на открытомъ полѣ, а нѣкоторые укрѣпленные города въ самой Палестинѣ, какъ извѣстно, держались долго и послѣ поселенія въ ней израильтянъ. Ободренный такимъ успѣхомъ, Іисусъ Навинъ отправилъ отрядъ въ 3.000 человѣкъ противъ сосѣдняго города Гая, который, по свидѣтельству соглядатаевъ, былъ слишкомъ слабъ, чтобы утруждать все войско. Дорога отъ Іерихона вела по глубокому ущелью, на верхнемъ концѣ котораго и стоялъ городъ Гай, командовавшій дорогой къ Іевусу или Іерусалиму и вообще путями, ведущими вглубь Палестины. Рядомъ съ нимъ, на другомъ холмѣ, возвышался Веѳиль, и для того, чтобы сдѣлать возможнымъ дальнѣйшее движеніе вглубь страны, необходимо было взять оба эти города. Такъ какъ израильтяне отнеслись къ этимъ городамъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, то высокомѣріе ихъ было наказано тѣмъ, что гаяне разбили израильскій отрядъ и обратили его въ бѣгство. Эта неудача навела страхъ и на весь народъ, и Іисусъ Навинъ и старѣйшины, разодравъ одежды, пали ницъ предъ скиніею. Тогда вождю народа было откровеніе, что причиной этого несчастія былъ одинъ израильтянинъ, который изъ своекорыстія утаилъ часть изъ добычи іерихонской. Брошенъ былъ жребій, и онъ указалъ на Ахана, изъ колѣна Іудина, который и былъ побитъ камнями, а трупъ его со всѣмъ имуществомъ преданъ сожженію, въ предостереженіе другимъ, кто захотѣлъ бы увлечься своекорыстіемъ и присвоить себѣ что-нибудь изъ общаго достоянія народа. Послѣ этого израильтяне опять отправились противъ Гая, и наученные опытомъ—приняли всѣ предосторожности, употребивъ для взятія его военную хитрость. Весь этотъ округъ переполненъ глубокими оврагами и котловинами и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ спрятался вблизи города отрядъ въ 30.000 человѣкъ израильтянъ, причемъ другой меньшій отрядъ въ 5.000 человѣкъ показался на равнинѣ съ другой стороны и вызвалъ гайское войско за собою притворнымъ бѣгствомъ. Такъ какъ преслѣдующіе гаяне, торжествуя свою мнимую побѣду, оставили ворота города открытыми и незащищенными, то по знаку, данному Іисусомъ Навиномъ поднятіемъ копья по направленію къ Гаю, засадное войско неожиданно ринулось въ городъ, подожгло его и у самыхъ городскихъ воротъ встрѣтило гаянъ, которые теперь стремились было назадъ въ городъ. Утомленные преслѣдовані-

емъ, они уже не въ состояніи были выдержать встрѣчи съ сильнымъ израильскимъ войскомъ и обращены были въ бѣгство. Въ нѣсколько часовъ Гай былъ подвергнутъ полному разрушенію, и отъ него ничего не осталось, кромѣ разрушенныхъ закоптѣлыхъ камней. Царь города былъ въ тотъ же день повѣшенъ на одномъ изъ сосѣднихъ съ городомъ деревъ, и жители истреблены, хотя израильтянамъ было позволено въ настоящій разъ удержать для себя добычу и скотъ [1]). Веѳиль, находившійся въ трехъ верстахъ къ западу отъ Гая, также палъ теперь отъ руки Іисуса Навина, хотя впослѣдствіи онъ повидимому и отвоеванъ былъ обратно хананеями.

Взятіе первыхъ двухъ укрѣпленныхъ городовъ отдавало въ распоряженіе израильтянъ обширный округъ обѣтованной земли и служило обезпеченіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ завоеванія. Но прежде, чѣмъ продолжать завоевательную дѣятельность, народъ израильскій долженъ былъ торжественно принять на себя обязательство свято хранить ввѣренный ему законъ Божій. Божественною цѣлью при передачѣ израильтянамъ земли обѣтованной было не просто замѣнить прежнихъ ея жителей новыми, но истребить язычниковъ и поселить на ихъ мѣсто народъ избранный и посвященный, такъ, чтобы на развалинахъ царства міра сего основать царство Божіе. Во свидѣтельство этого народъ долженъ былъ совершить клятву при самой торжественной обстановкѣ. На каменныхъ глыбахъ выбиты были главныя положенія Синайскаго законодательства, и на горѣ Гевалъ принесены обильныя жертвы. Затѣмъ священники съ ковчегомъ завѣта заняли долину между горами Гаризимомъ и Геваломъ, а народъ, раздѣленный на двѣ половины, по шести колѣнъ, долженъ былъ расположиться на самыхъ горахъ. И вотъ, когда священники провозглашали извѣстное положеніе закона, то на благословеніе его съ горы Гаризима, и на проклятіе его съ горы Гевала народъ отвѣчалъ громкимъ и дружнымъ «аминь», подтверждая этимъ истинность и неизбѣжность какъ благословенія за исполненіе закона, такъ и проклятія за его нарушеніе. Мѣсто, гдѣ совершенъ этотъ торжественный актъ, способно было вмѣстѣ съ тѣмъ влить новое мужество въ народъ и одушевить его самыми возвышенными чувствами. Кругомъ вол-

---

[1]) Мѣстоположеніе Гая и доселѣ отмѣчается курганомъ развалинъ, которыя такъ и называются курганомъ, или по-арабски, «телль».

нообразно шли холмы, зеленѣвшіе по склонамъ виноградниками и нивами; среди нихъ изумрудной полосой лежала долина Сихемская, та самая, гдѣ нѣкогда Авраамъ воздвигъ свой первый жертвенникъ Богу и Іаковъ устроилъ свою первую ставку въ землѣ обѣтованной (Быт. XII, 7; XXXIII, 19), и по обоимъ ея концамъ великанами высились горы Гаризимъ и Гевалъ, громкій «аминь» съ которыхъ громовыми отголосками разносился по долинѣ, замирая въ отдаленныхъ холмахъ. И съ этихъ горъ, предъ изумленными глазами народа, развертывалась чудесная картина всей средней Палестины. На сѣверѣ послѣдовательно возвышалась Гелвуя, Ѳаворъ, Кармилъ и убѣленный снѣгами сѣверный стражъ земли, Ермонъ, съ зеленѣющими между ними долинами и равнинами. Къ востоку сверкали прозрачныя воды озера Геннисаретскаго, съ тянущеюся отъ него голубою лентою Іордана, а къ западу виднѣлась чудная синева Средиземнаго моря съ окаймляющей его песчаной полосой. Такимъ образомъ, какъ-бы вся земля обѣтованная была свидѣтельницей великой клятвы Израиля, и вся она, съ ея горами, озерами, рѣками, холмами и долинами, была торжественно посвящена Господу. По поводу этого событія, между прочимъ, высказывается сомнѣніе касательно возможности того, чтобы голосъ чтенія закона могъ быть слышанъ народомъ, находившимся на двухъ противоположныхъ горахъ. Но новѣйшій изслѣдователь говоритъ, что единичный голосъ могъ быть хорошо слышанъ цѣлыми тысячами народа, расположившагося вверху и внизу по окружающимъ холмамъ. «Раннимъ утромъ, говоритъ Тристрамъ, мы могли не только видѣть съ Гаризима человѣка, гнавшаго своего осла по тропѣ съ горы Гевалъ, но могли слышать даже каждое слово, какое только онъ произносилъ, погоняя осла. Чтобы удостовѣриться въ этомъ еще болѣе, при слѣдующемъ разѣ двое изъ нашей компаніи нарочито стали на противоположныхъ сторонахъ долины, и съ совершенною отчетливостью для насъ одинъ за другимъ произносили заповѣди» [1]).

Такимъ образомъ, еще разъ посвятивъ себя Іеговѣ и вступивъ

---

[1]) Tristram, Land of Israel, p. 152. Въ Масадѣ, по свидѣтельству того же Тристрама, онъ и его спутникъ могли вести разговоръ съ третьимъ лицомъ на разстояніи болѣе 200 сажень, и ясно слышны были даже и нѣкоторыя изъ замѣчаній, которыя дѣлали Тристрамъ и его другъ между собою. Land of Moab, p. 33.

во владѣніе Палестиной во имя Его, народъ опять возвратился въ Галгалъ, который оставался еще главнымъ станомъ народа. Между тѣмъ стоустая молва о побѣдахъ и самоувѣренномъ поведеніи израильтянъ, распоряжавшихся въ Палестинѣ, какъ въ своей собственной землѣ, пронеслась по всей странѣ и навела еще болѣе ужаса на хананскія племена. Жители сосѣднихъ поселеній въ ужасѣ бѣжали въ горы и искали убѣжища въ ущельяхъ и пещерахъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже рѣшили окончательно выселиться изъ земли обѣтованной, и слѣды ихъ впослѣдствіи встрѣчались даже въ Африкѣ. Такъ, если вѣрить свидѣтельству Прокопія [1]), въ Нумидійскомъ городѣ Тигизѣ можно было видѣть впослѣдствіи два мраморныхъ столба съ финикійскою надписью, которая гласила: «мы изъ тѣхъ, которые бѣжали отъ лица Іисуса грабителя, сына Навина». Свида также подтверждаетъ это, передавая надпись въ словахъ: «мы хананеи, которыхъ изгналъ Іисусъ грабитель». По свидѣтельству Талмуда, гергесеи, изгнанные Іисусомъ Навиномъ, дѣйствительно переселились въ Африку [2]). Жители нѣкоторыхъ городовъ, не надѣясь выстоять противъ завоевателей, стали прибѣгать даже къ хитростямъ. Въ израильскій станъ прибыли послы, которые, судя по ихъ запыленной и износившейся одеждѣ и обуви, были издалека. Они заявили старѣйшинамъ, что дѣйствительно прибыли изъ отдаленной страны, куда однако же донеслись слухи о великихъ побѣдахъ Израиля и просили о заключеніи мирнаго договора. Израильтяне согласились на договоръ съ ними, но потомъ оказалось, что это были послы отъ жителей находившагося неподалеку города Гаваона и принадлежащихъ ему селъ. Договоръ считался священнымъ, и потому жители его были пощажены отъ избіенія, но обращены въ рабовъ для исполненія религіозныхъ обязанностей въ скиніи, въ какомъ положеніи они встрѣчаются и въ послѣдующее время.

Другіе народы между тѣмъ, видя, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности не можетъ выстоять противъ израильтянъ, заключили между собою оборонительный союзъ. Именно, соединились пять царей подъ предводительствомъ Адониседека, царя Іерусалимскаго, и они

---

[1]) De Bello Vandalico, II, 10.

[2]) Эвальдъ отрицаетъ это свидѣтельство Прокопія, но Грецъ признаетъ его историческую достовѣрность. Во всякомъ случаѣ свидѣтельство это поразительно совпадаетъ съ библейскимъ повѣствованіемъ.

прежде всего рѣшились наказать гаваонитянъ за ихъ измѣну общему дѣлу. Гаваонитяне обратились за помощью къ Іисусу Навину, который и двинулся противъ соединенныхъ силъ непріятеля. Быстрымъ ночнымъ маршемъ настигнувъ непріятеля, онъ внезапно напалъ на него, разбилъ и обратилъ его въ бѣгство. Разбитый непріятель въ безпорядкѣ бросился къ проходу, выходящему на равнину. Самъ по себѣ этотъ узкій проходъ представлялъ всѣ неудобства для бѣгущихъ, такъ какъ путь этотъ въ высшей степени неровный, скалистый, стѣсненный нависшими скалами. Этимъ именно путемъ филистимляне впослѣдствіи дѣлали нападенія на израильтянъ во времена Саула. Здѣсь Іуда Маккавей нанесъ пораженіе сирійскому военачальнику Никанору, и этою же именно дорогою долженъ былъ проходить ап. Павелъ въ качествѣ узника на своемъ ночномъ пути въ Кесарію. Бѣгущій непріятель, естественно тѣснившійся по этому узкому проходу, былъ застигнутъ еще новымъ бѣдствіемъ, именно неожиданною бурею, разразившеюся на хананеянъ каменнымъ градомъ[1]). Солнце уже склонялось къ вечеру, а между тѣмъ преслѣдованіе было еще не окончено. Тогда Іисусъ Навинъ, сильный вѣрою во всемогущество Божіе, повелительно воскликнулъ: «стой, солнце, надъ Гаваономъ, и луна, надъ долиною Аіалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколѣ народъ мстилъ врагамъ своимъ. И не было такого дня ни прежде, ни послѣ того, въ который Господь такъ слушалъ бы голоса человѣческаго, ибо Господь сражался за Израиля». Это новое необычайное чудо опять показало израильтянамъ, какого сильнаго помощника и покровителя имѣютъ они, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе устрашило хананеянъ, которые теперь видѣли, что сами боги ихъ (Солнце и Луна) стали на сторону народа-завоевателя. Цари-союзники, бѣжавъ съ поля битвы, старались скрыться въ пещерѣ, изъ которой однако же были взяты и преданы смерти.

---

[1]) Замѣчательно, что исторія даже недавняго времени была свидѣтельницей совершенно подобнаго же явленія. Въ 1859 году совершенно такое же бѣдствіе постигло австрійцевъ въ битвѣ при Сольферино. Портеръ описываетъ каменный градъ на Босфорѣ въ 1831 году, когда онъ переѣзжалъ его на лодкѣ. У одного изъ лодочниковъ буквально раздроблена была одна рука, другой получилъ рану въ плечо, и всѣ другіе были болѣе или менѣе ранены. Одна градина разбила конецъ весла. Два человѣка были убиты на берегу, и у многихъ были переломаны члены. Нѣкоторыя изъ найденныхъ градинъ, поднятыхъ послѣ, оказались болѣе фунта вѣсомъ и многія въ ¾ фунта. См. Geikie, Hours, т. II, стр. 416 (американское изд. 1882 г.).

Прежде, чѣмъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ завоевательной дѣятельности, остановимся на разсмотрѣніи этого необычайнаго чуда. Такъ какъ это чудо касается астрономической области, гдѣ съ особенною опредѣленностью признается существованіе правильныхъ и неизмѣнныхъ законовъ, то неудивительно, что оно встрѣчаетъ много возраженій. Прежде всего указываютъ на неправильность самаго выраженія: *стой солнце,* такъ какъ для удлиненія дня требовалось остановить землю, которая своимъ движеніемъ вокругъ своей оси и производитъ явленіе дня и ночи. Но на это нужно сказать, что І. Навинъ не имѣлъ въ виду въ пылу битвы соблюдать точность астрономическихъ выраженій, а высказалъ свое повелѣніе обычнымъ разговорнымъ терминомъ, который вполнѣ допускаетъ такое выраженіе. Это солнцестояніе имѣло своимъ результатомъ удлиненіе дня настолько, что день этотъ былъ совершенно необычайнымъ, «былъ какъ-бы два дня». Нѣкоторые толкователи, чтобы избѣгнуть какъ указаннаго, такъ и другихъ возраженій противъ чуда, стараются объяснить эту продолжительность дня субъективнымъ впечатлѣніемъ І. Навина и израильтянъ, именно въ томъ смыслѣ, что пораженіе, нанесенное ими непріятелемъ, было такое полное, что для него повидимому, недостаточно было бы одного обыкновеннаго дня, и потому день тотъ какъ будто въ дѣйствительности былъ вдвое продолжительнѣе. Въ подтвержденіе этого ссылаются на то, что самое повѣствованіе о чудѣ берется изъ «книги Праведнаго», т.-е. сборника героическихъ пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвались съ обычною поэтическою вольностью различные событія и подвиги израильскихъ героевъ. Но на это нужно сказать, что цитата изъ «книги Праведнаго» приводится не какъ источникъ самаго событія, а лишь въ подтвержденіе разсказа самого І. Навина, въ томъ смыслѣ, что это великое событіе къ тому времени, когда писалъ свою книгу І. Навинъ (въ концѣ своей жизни), уже сдѣлалось предметомъ народнаго творчества, воспѣвалось въ «книгѣ Праведнаго», и такимъ образомъ было событіемъ общеизвѣстнымъ, не требовавшимъ особеннаго удостовѣренія въ его дѣйствительности. Что касается самой продолжительности дня, то, въ виду недостаточной опредѣленности выраженій въ повѣствованіи о чудѣ, опредѣлить ее невозможно. День, видимо, уже клонился къ западу, такъ какъ видѣнъ былъ на небѣ и серпъ луны. Поэтому можно только предполагать, что съ момента чудесной остановки солн-

ца ночь не наступала еще такъ долго, что израильтяне имѣли полную возможность докончить дѣло пораженія непріятеля и самый день сдѣлался какъ-бы двойнымъ противъ обыкновеннаго.

Но какъ могло совершиться такое чудо, не нарушая всего стройнаго теченія міроваго порядка? На этотъ вопросъ, задаваемый астрономами, Библія не отвѣчаетъ ни однимъ словомъ, предоставляя рѣшеніе собственнымъ силамъ разума. Въ такомъ случаѣ возможны два предположенія: 1) или Богъ дѣйствительно остановилъ земной шаръ въ его суточномъ движеніи вокругъ своей оси, или 2), не останавливая земли, сдѣлалъ солнце видимымъ І. Навину впродолженіе всего того времени, которое требовалось для побѣды. Противъ перваго предположенія возражаютъ, что внезапная остановка земли причинила бы страшное потрясеніе всѣхъ предметовъ на ея поверхности, а также и значительный безпорядокъ среди небесныхъ тѣлъ, такъ какъ земля вышла бы изъ своей орбиты и нарушила бы правильность движенія луны. Но возраженіе это разрѣшить не трудно. Тотъ, Кто могъ остановить землю въ ея движеніи, настолько премудръ и всемогущъ, чтобы предотвратить и гибельныя послѣдствія такой остановки. Притомъ возраженіе, предполагающее возможность нарушенія порядка въ самомъ соотношеніи небесныхъ тѣлъ, несостоятельно и само по себѣ, потому что годичное движеніе земли вокругъ солнца и движеніе луны вокругъ земли независимы отъ вращенія земного шара вокругъ своей оси, вслѣдствіе этого, даже во время остановки его вращенія вокругъ своей оси, передвиженіе его въ пространствѣ вокругъ солнца и движеніе луны не могли получить какого-либо сильнаго потрясенія или видоизмѣненія. Что касается втораго предположенія, именно, допускающаго кажущуюся остановку солнца безъ дѣйствительной остановки земли, то предпочитающіе такое объясненіе разсматриваемаго чуда должны допустить чудесное уклоненіе солнечныхъ лучей, направленныхъ къ освѣщенію Палестины. А это уклоненіе могло произойти или по непосредственному дѣйствію всемогущества Бога, благоволившаго дать лучамъ солнца то именно направленіе, какое нужно было для удлиненія дня; или же посредствомъ естественныхъ способовъ отраженія или преломленія лучей, что также дало бы возможность видѣть солнце въ такіе часы, когда оно при обыкновенномъ состояніи было бы совершенно закрыто отъ глазъ.

Противъ исторической достовѣрности чуда дѣлается еще одно возраженіе, именно, что оно непремѣнно по своей необычайности поразило бы и другіе народы; между тѣмъ мы совершенно не находимъ о немъ свидѣтельствъ въ лѣтописяхъ древнихъ народовъ. На это нужно сказать, что отъ этого времени до насъ дошло вообще мало лѣтописей такихъ народовъ, которые могли бы быть свидѣтелями этого чудеснаго событія. Хотя у китайцевъ и встрѣчается свидѣтельство объ одномъ днѣ, бывшемъ болѣе продолжительнымъ, чѣмъ обыкновенно, но вообще можно полагать, что чудесная продолжительность дня едва ли могла быть замѣтна еще гдѣ-либо, кромѣ Палестины.

Кромѣ своего чисто физическаго значенія, чудо это имѣло и весьма важное религіозно-нравственное значеніе. Оно показывало ханаанскимъ народамъ, боготворившимъ солнце и луну подъ видомъ Ваала и Астарты, что Іегова, Богъ израильскій, есть единый истинный Богъ и въ Его всемогущемъ распоряженіи находятся тѣ свѣтила, которыя безумно боготворили язычники. Послѣдніе такимъ образомъ, кромѣ жестокаго физическаго пораженія отъ израильтянъ, понесли и не менѣе сильное пораженіе нравственное, которое должно было окончательно отнять у нихъ всякое мужество въ борьбѣ съ пришельцами.

Послѣ этой чудесной побѣды завоеваніе стало совершаться легко и быстро. Города падали одинъ за другимъ и вмѣстѣ съ ними подвергались истребленію или изгонялись владѣвшіе ими народы. Такъ, была покорена вся южная половина обѣтованной земли, за исключеніемъ нѣсколькихъ крѣпостей, какъ, напр., Іерусалимъ, и Іисусъ Навинъ съ богатой добычей возвратился въ Галгалъ.

Вся средина и югъ Палестины были теперь покорены, и израильтяне обезпечили себѣ твердое мѣстожительство въ землѣ обѣтованной. Но противодѣйствіе все еще продолжалось, потому что сѣверная часть страны еще была не завоевана, и тамъ въ различныхъ частяхъ были еще ханаанскіе города и общины, которые продолжали сохранять независимость. Разрушеніе Іерихона, разграбленіе и сожженіе Гая и Веѳиля, подчиненіе Гаваона съ принадлежащими къ нему селеніями, занятіе центральной Палестины вслѣдствіе бѣгства ея жителей, полный разгромъ южныхъ царей и захватъ ихъ владѣній показали, что завоевательная дѣятельность израильтянъ грозила

распространиться на всю страну. Видя надвигавшуюся грозу, цари сѣверныхъ племенъ начали готовиться къ защитѣ и заключили между собою оборонительный союзъ. Во главѣ этого союза сталъ Іавинъ, царь укрѣпленнаго города Асора, находившагося въ сѣверныхъ холмахъ на половинѣ пути между озеромъ Меромскимъ и берегомъ Средиземнаго моря. Этотъ воинственный царь, для того, чтобы увеличить свои силы, разослалъ приглашенія вступить въ общій оборонительный союзъ къ начальникамъ всѣхъ окружающихъ общинъ,—именно къ Іовавѵ, царю Мадонскому [1]), къ царю Шимрана, теперешней деревни Симунье, къ западу отъ Назарета, къ царю Ахсафы, остатокъ которой существуетъ и теперь въ деревнѣ Элъ-Іасифъ, въ колѣнѣ Асировомъ; ко всѣмъ сѣвернымъ вождямъ въ горахъ, тянущихся по направленію къ Ливану; ко всѣмъ племенамъ, жившимъ въ долинѣ Іорданской къ югу отъ озера Галилейскаго, а также къ жившимъ въ низменностяхъ и въ другихъ мѣстахъ до Дора, прибрежнаго города, находившагося близъ горы Кармила; ко всѣмъ хананеямъ къ востоку и западу, къ аморреямъ, хеттеямъ и ферезеямъ, къ іевусеямъ, жившимъ на холмѣ будущаго Іерусалима на югѣ, и къ евеямъ, обитавшимъ у подошвы горы Ермона на сѣверѣ. Среди всѣхъ этихъ племенъ, которыя уже, конечно, трепетали за свою самобытность, призывъ нашелъ быстрый отголосокъ, и всѣ они воспользовались случаемъ для того, чтобы общими силами сокрушить своего общаго врага. Для нихъ здѣсь былъ вопросъ о жизни и смерти, и они рѣшились употребить всѣ свои силы для того, чтобы защитить свое существованіе. И вотъ, дѣйствительно, собралось огромное войско, «которое множествомъ равнялось песку на берегу морскомъ», и особенную силу его составляла многочисленная конница съ многочисленными и грозными колесницами, противъ которыхъ израильтяне могли выставить лишь плохо вооруженную пѣхоту. Сборнымъ пунктомъ для этого большаго войска была назначена равнина къ востоку отъ озера Меромскаго, теперешняя Элъ-Гуле, на полпути между озеромъ Галилейскимъ и горами Ливана. И равнина эта быстро наполнилась полчищами.

Такой союзъ, дѣйствительно, требовалъ со стороны израильтянъ

---

[1]) Остатки города Мадона съ вѣроятностью можно видѣть въ развалинахъ Мадина, къ западу отъ озера Галилейскаго.

громаднаго напряженія ихъ силъ, такъ какъ тутъ предстояла борьба съ сплоченными силами непріятелей, которые доселѣ разбиваемы были по частямъ. Но Іисусъ Навинъ, хотя уже и носившій на своихъ плечахъ тяжесть почти девяностолѣтняго возраста, стоялъ на высотѣ своего положенія. Онъ немедленно призвалъ къ оружію всѣхъ воиновъ колѣнъ, стоявшихъ станомъ въ Галгалѣ и готовыхъ для битвы въ каждый моментъ, и, быстрымъ тайнымъ маршемъ достигнувъ стоянки сборнаго пункта непріятеля, неожиданно напалъ на него, какъ это постоянно дѣлается въ восточныхъ войнахъ, и повергъ его въ необычайное смятеніе и бѣгство. Тогда еще разъ началось ожесточенное преслѣдованіе и безпощадное избіеніе бѣгущаго непріятеля. Преслѣдованіе продолжалось на пространствѣ 45 верстъ къ сѣверу, и все это пространство, по которому разсыпался разбитый непріятель, искавшій спасенія въ ущельяхъ холмовъ до самаго Сидона, было покрыто убитыми. Преслѣдованіе остановилось только уже въ долинѣ Мицвы, у подошвы Ливана, когда уже окончательно истомились сами торжествующіе израильтяне. Обыкновенное войско послѣ такой побѣды, конечно, прежде всего не преминуло бы воспользоваться захваченными у непріятеля въ плѣнъ лошадьми и колесницами, которыхъ у самихъ израильтянъ не было. Но, уповая на божественное руководительство, израильтяне не придавали никакого значенія такой человѣческой помощи. Они вѣровали, что несокрушимую силу ихъ составляли невидимыя колесницы Божіи. Ихъ боговдохновенный псалмопѣвецъ въ позднѣйшее время, выражая чувства, одушевлявшія войско Іисуса Навина, восторженно пѣлъ:

«Когда Всемогущій разсѣялъ царей на сей землѣ,
Они забѣлѣли какъ снѣгъ на Селмонѣ [1]).
Гора Божія,—гора Васанская;
Гора высокая, гора Васанская!
Что вы завистливо смотрите, горы высокія,
На гору, на которой Богъ благоволитъ обитать,
И будетъ Господь обитать вѣчно?
Колесницъ Божіихъ тьмы, тысячи тысячъ,
Среди нихъ Господь на Синаѣ, во Святилищѣ» [2]).

Это упованіе на высшую помощь одушевляло всѣхъ израиль-

---

1) Холмъ близъ горы Гаризима.
2) Пс. LXVII, 14—17.

скихъ воиновъ, какъ объ этомъ говоритъ тотъ же псалмопѣвецъ въ знаменательныхъ словахъ:

«Иные хвалятся колесницами, иные конями,
А мы хвалимся именемъ Господа Бога нашего» [1]).

Такимъ образомъ, одна битва рѣшила судьбу и этой части страны. Непріятели были разбиты на голову, конница захвачена въ плѣнъ и уничтожена, городъ Асоръ, какъ «глава всѣхъ царствъ сихъ», сожженъ, жители истреблены и все богатство ихъ сдѣлалось добычей побѣдителей. Эта рѣшительная побѣда отдала въ руки завоевателей всю землю обѣтованную. Они не могли уже встрѣчать себѣ сильнаго противодѣйствія, хотя еще оставались укрѣпленные города, державшіеся благодаря прочности своихъ стѣнъ. Война продолжалась около семи лѣтъ; въ теченіе ея были покорены, хотя и не вполнѣ истреблены, семь народовъ, и въ битвахъ пали тридцать одинъ царь. Наконецъ, израильтяне утомились войной и желали воспользоваться плодами своихъ побѣдъ. Воины заіорданскихъ колѣнъ, давно оторванные отъ своихъ семействъ, стали просить отпуска въ свои владѣнія. Вслѣдствіе этого война была пріостановлена, хотя завоеваніе не было покончено и многіе хананеи остались въ предѣлахъ обѣтованной земли, сдѣлавшись впослѣдствіи источникомъ страшныхъ золъ и всевозможныхъ бѣдствій для израильтянъ.

Наконецъ, послѣдовалъ раздѣлъ земли. Кромѣ двухъ съ половиною заіорданскихъ колѣнъ, получившихъ себѣ надѣлы еще до перехода Іордана, вся завоеванная земля была раздѣлена между девятью съ половиною колѣнами. Раздѣлъ производился по особому жребію, указывавшему каждому колѣну сообразныя съ его численностью участокъ земли. Первый жребій выпалъ колѣну Іудину, которому достался обширный округъ съ Хеврономъ въ центрѣ. Рядомъ съ нимъ, еще южнѣе, достался удѣлъ колѣну Симеонову, составившему южную границу земли, и затѣмъ, начиная отъ сѣвера, удѣлы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: самая сѣверная часть земли досталась въ надѣлъ колѣну Нефѳалимову, именно въ прекрасныхъ долинахъ Антиливана. Асирову колѣну назначенъ былъ приморскій берегъ, длинная и узкая полоса земли, отъ границъ Си-

[1]) Пс. XIX, 8.

дона до горы Кармила. Колѣно Завулоново заняло поперечную полосу земли между озеромъ Геннисаретскимъ и Средиземнымъ моремъ. Южнѣе его одно за другимъ расположились колѣна Иссахарово, вторая половина Манассіина и Ефремово, занимая пространство между Іорданомъ и Средиземнымъ моремъ. Ефремово колѣно, такимъ образомъ, заняло самую средину обѣтованной земли и, благодаря этому счастливому положенію, а также и своей многочисленности, оно получило особенное значеніе въ судьбѣ израильскаго народа, такъ какъ и главные центры религіозной и политической жизни народа находились именно въ предѣлахъ этого колѣна. Въ южной половинѣ страны морской берегъ и западная часть материка выпали на долю колѣну Данову. Веніаминово колѣно расположилось по равнинѣ Іерихонской и по долинѣ Іорданской до Мертваго моря, доходя къ западу до непокоренной крѣпости Іерусалимской. И затѣмъ остальная часть южной половины страны, какъ сказано раньше, досталась въ удѣлъ колѣнамъ Іудину и Симеонову. Въ общемъ заіорданскіе надѣлы отличались богатыми пастбищами, сѣверные и средніе представляли наибольшія удобства для земледѣлія, а южные изобиловали виноградниками и маслинами. Послѣ раздѣла земли, по особому откровенію, данъ былъ надѣлъ и самому вождю народа Іисусу Навину, именно городъ Ѳамнаѳ-Сараи въ колѣнѣ Ефремовомъ. Такъ какъ колѣно Левіино, по его особому служенію, осталось безъ земельнаго надѣла, то ему выдѣлено было въ средѣ различныхъ колѣнъ сорокъ восемь городовъ съ принадлежащими къ нимъ угодьями; изъ нихъ тринадцать городовъ назначено собственно для священниковъ и шесть особыхъ городовъ съ предоставленіемъ имъ права убѣжища для невинныхъ убійцъ. «Такимъ образомъ, отдалъ Господь Израилю всю землю, которую дать клялся отцамъ ихъ, и они получили ее въ наслѣдіе и поселились на ней. И далъ имъ Господь покой со всѣхъ сторонъ, какъ клялся отцамъ ихъ; и никто изъ всѣхъ враговъ ихъ не устоялъ противъ нихъ; всѣхъ враговъ ихъ предалъ Господь въ руки ихъ. Не осталось не исполнившимся ни одно слово изъ всѣхъ добрыхъ словъ, которыя говорилъ Господь дому Израилеву; все сбылось» [1]).

Возвратились въ свои удѣлы и заіорданскія колѣна, воиновъ

---

1) I. Нав. XXI, 43—45.

которыхъ Іисусъ Навинъ, съ выраженіемъ благодарности за ихъ содѣйствіе общему дѣлу и съ увѣщаніемъ держаться вѣры во единаго истиннаго Бога, наконецъ, нашелъ возможнымъ отпустить. Съ богатой добычей, выпавшей на ихъ долю изъ богатствъ ханаанскихъ, они отправились за Іорданъ и у мѣста перехода израильтянъ чрезъ рѣку воздвигли большой жертвенникъ. Но это обстоятельство крайне встревожило остальныя колѣна, которыя усмотрѣли въ этомъ желаніе заіорданскихъ колѣнъ отдѣлиться отъ своихъ братьевъ въ религіозномъ отношеніи. Негодованіе было такъ велико, что готова была разразиться братоубійственная война. Но къ счастью благоразуміе предотвратило это бѣдствіе. Назначенная по этому дѣлу особая депутація, состоявшая изъ священника Финееса и десяти избранныхъ старѣйшинъ, выяснила сущность дѣла и изъ объясненій заіорданскихъ колѣнъ пришла къ убѣжденію, что, созидая жертвенникъ, они не только не думали отдѣляться отъ религіи своихъ отцовъ, а напротивъ—этимъ видимымъ жертвенникомъ хотѣли наглядно подтвердить связь свою съ остальными колѣнами и для будущихъ своихъ поколѣній.

Общею связью для всѣхъ колѣнъ служила Скинія съ ковчегомъ завѣта; но, чтобы сдѣлать эту народную святыню доступною всѣмъ колѣнамъ, Іисусъ Навинъ перенесъ ее въ Силомъ, въ колѣнѣ Ефремовомъ, какъ занимавшемъ серединное положеніе въ странѣ. И отсюда, Іисусъ Навинъ продолжалъ мирно управлять народомъ до самой смерти. Все управленіе его продолжалось двадцать пять лѣтъ. Наконецъ, «онъ вошелъ въ преклонныя лѣта». Чувствуя приближеніе смерти, онъ созвалъ къ своему смертному одру представителей и начальниковъ всѣхъ колѣнъ и обратился къ нимъ съ сильнымъ увѣщаніемъ исполнять все, заповѣданное въ книгѣ закона Моисеева. Онъ напомнилъ имъ при этомъ обо всемъ, что Богъ сдѣлалъ ханаанскимъ народамъ ради ихъ, а также о Его обѣщаніи, что, если они останутся вѣрны Ему, вся земля сдѣлается ихъ полнымъ владѣніемъ, всѣ язычники будутъ изгнаны изъ нея. Это же увѣщаніе онъ повторилъ и въ Сихемѣ, священномъ жилищѣ Авраама и Исаака, и закончилъ свою предсмертную бесѣду словами, «Итакъ, бойтесь Господа и служите Ему въ чистотѣ и искренности, отвергните боговъ, которымъ служили отцы ваши за рѣкою и въ Египтѣ, а служите Господу. Если же не угодно вамъ служить Гос-

поду, то изберите себѣ нынѣ кому служить... а я и домъ мой будемъ служить Господу, ибо Онъ святъ». «И отвѣчалъ народъ, и сказалъ: нѣтъ, не будетъ того, чтобы мы оставили Господа и стали служить другимъ богамъ!» Умирающій вождь записалъ эти слова въ книгу закона, взялъ большой камень и положилъ его подъ дубомъ у святилища, сказавъ народу: «вотъ, камень сей будетъ вамъ свидѣтелемъ; да будетъ онъ свидѣтелемъ противъ васъ въ послѣдующіе дни, чтобы вы не солгали предъ Господомъ, Богомъ вашимъ» [1]). Отпустивъ затѣмъ народъ по своимъ удѣламъ, Іисусъ Навинъ мирно и съ сознаніемъ исполненнаго долга скончался 110 лѣтъ отъ роду и былъ погребенъ въ своемъ наслѣдственномъ надѣлѣ въ Θамнаѳ-Сарах.

Новѣйшему времени выпала счастливая доля открыть самую гробницу великаго преемника Моисеева. Викторъ Геринъ, которому принадлежитъ это открытіе, пишетъ объ этомъ слѣдующее [2]). «Въ 2½ часахъ къ сѣверо-западу отъ Джуфны, древней Гофны, находятся развалины Тибне. Ими покрыты склоны и хребетъ холма, который окруженъ съ сѣвера и востока глубокой ложбиной. На южной сторонѣ холмъ террасами спускается въ долину, бывшую въ прежнее время покрытою отчасти домами и отѣняемую величественнымъ, вѣчно зеленымъ дубомъ, однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Палестинѣ. Дальше къ югу находятся еще склоны холма, стоящаго лицомъ къ Тибне: по ихъ скалистымъ сторонамъ находятся нѣсколько гробницъ, остатковъ древняго некрополя. На вершинѣ возвышенности находится небольшая мусульманская деревня съ нѣсколькими древними цистернами, а также много прекрасно высѣченныхъ камней, оставшихся отъ древнихъ построекъ и пошедшихъ на построеніе новыхъ домовъ. Гробницы высѣчены на различныхъ уровняхъ по сѣвернымъ склонамъ холма, изъ которыхъ восемь болѣе замѣчательны, чѣмъ остальныя. Но особенно замѣчательнымъ представляется продолговатый притворъ, высѣченный въ скалѣ, поддерживаемый четырьмя колоннами, изъ которыхъ двѣ съ одной стороны полуотдѣлены отъ холма, а другія въ центрѣ совершенно отдѣлены отъ него. Онѣ не имѣютъ никакихъ капителей и

[1]) I. Нав. XXIV, 19—27.

[2]) Въ рефератѣ, читанномъ имъ въ Академіи надписей и литературы, въ Парижѣ, 28 октября 1864 г.

вершины ихъ украшены только нѣсколькими простыми формами. Непосредственно за ними находится передняя стѣна скалы, образующая переднюю стѣну гробницы, изрѣзанную не менѣе, чѣмъ 288 маленькими отверстіями въ 8 рядовъ; изъ нихъ нѣкоторыя представляютъ квадраты, другія—трехъугольники, но большею частью, полукруги. По правую сторону этой скалистой стѣны находится низкая узкая дверь гробницы, ведущая въ помѣщеніе съ 15 отдѣленіями, изъ которыхъ однако же только 14, повидимому, предназначались для труповъ. Почетное мѣсто въ этомъ печальномъ собраніи, очевидно, оставлено было для того, кому предназначалась небольшая комната предъ самымъ входомъ, причемъ другія помѣщенія, очевидно, предназначались для членовъ этого семейства. При первомъ взглядѣ на эту гробницу, невольно является заключеніе, что она предназначалась для какого-нибудь весьма знаменитаго лица, мѣсту покоя котораго, время отъ времени, воздавалась особенная честь чрезъ торжественное освѣщеніе ея свѣтильниками, ставившимися въ многочисленныхъ маленькихъ нишахъ притвора. Во внутренности гробницъ нерѣдко можно видѣть подобное приспособленіе для свѣтильниковъ, но еще не встрѣчается нигдѣ примѣра, чтобы приспособленія для освѣщенія дѣлались совнѣ. Трудно не думать, чтобы такой особенной чести удостоивался бы кто-нибудь другой, а не человѣкъ, бывшій предметомъ общественнаго почитанія, и кто же могъ быть такимъ лицомъ, погребеннымъ въ томъ мѣстѣ, которое, безъ всякаго сомнѣнія, есть древній Θимнаѳъ-Сара (или Θамнаѳ-Сараи), какъ не Іисусъ Навинъ?.. Гробница эта носитъ на себѣ признаки глубочайшей древности, такъ какъ похожа на тѣ гробницы, которыя дѣлались хананеями для самихъ себя до прибытія израильтянъ въ ихъ страну. Самыя измѣренія, употреблявшіяся при ея построеніи, при тщательномъ изслѣдованіи оказываются похожими на древнюю египетскую систему, которую израильтяне, какъ мы знаемъ, принесли съ собою съ береговъ Нила». Это чудесное открытіе было подтверждено впослѣдствіи другими изслѣдователями, такъ что не остается никакого сомнѣнія, что эта гробница есть именно гробница Іисуса Навина. Такъ, аббатъ Ришаръ, изслѣдуя развалины Галгала, гдѣ Іисусъ Навинъ повелѣлъ сынамъ Израиля обрѣзаться каменными ножами, дѣйствительно, нашелъ въ этомъ мѣстѣ множество небольшихъ кремневыхъ ножей, частью раз-

брошенныхъ по землѣ, а частью зарытыхъ въ ней. Такъ какъ въ греческомъ переводѣ Библіи говорится, что израильтяне, погребая Іисуса Навина, положили вмѣстѣ съ нимъ и кремневые ножи, употреблявшіеся ими для обрѣзанія въ Галгалѣ, то Ришаръ рѣшился изслѣдовать, не осталось ли еще такихъ ножей въ гробницѣ, которая, по предположенію Герина, была именно его гробницей въ Θимнаѳъ-Сарѣ [1]). И можно представить его радость, когда онъ при посѣщеніи этой гробницы, въ сопровожденіи одного священника изъ Іерусалима и шейха деревни Элъ-Бирзеитъ, дѣйствительно, нашелъ въ ней множество кремневыхъ ножей, именно въ почвѣ отдѣльныхъ помѣщеній гробницы [2]).

Вскорѣ послѣ Іисуса Навина скончался и первосвященникъ Елеазаръ, сынъ Аарона. Останки Іосифа, вынесенные израильтянами изъ Египта, были должнымъ образомъ преданы землѣ въ Сихемѣ, на томъ участкѣ, который былъ нѣкогда купленъ Іаковомъ и подаренъ имъ своему любимому сыну.

«И служилъ Израиль Господу во всѣ дни Іисуса Навина и во всѣ дни старѣйшинъ, которыхъ жизнь продлилась послѣ Іисуса, и которые видѣли всѣ дѣла Господа, какія Онъ сдѣлалъ Израилю». Со-

---

[1]) Объ этомъ говорится въ переводѣ семидесяти въ двухъ мѣстахъ: такъ, въ I. Нав. XXI, 42 читается: «когда Іисусъ Навинъ кончилъ раздѣленіе земли по предѣламъ ея, тогда сыны Израилевы дали часть Іисусу Навину по повелѣнію Господню, дали ему городъ, котораго онъ просилъ,—Θимнаѳъ-Сару дали ему, на горѣ Ефремовой. И построилъ Іисусъ Навинъ городъ, котораго просилъ, и жилъ въ немъ. И взялъ Іисусъ Навинъ каменные ножи, которыми обрѣзалъ сыновъ Израилевыхъ, родившихся на пути въ пустынѣ, ибо они не были обрѣзаны въ пустынѣ; и положилъ ихъ въ Θимнаѳъ-Сарѣ». Второе свидѣтельство о томъ же находится въ XXIV. 30: «и положили тамъ съ нимъ во гробъ, въ которомъ хранили его, каменные ножи, которыми Іисусъ Навинъ обрѣзалъ сыновъ Израилевыхъ въ Галгалѣ, когда вывелъ ихъ изъ Египта, какъ повелѣлъ Господь: и они тамъ же до сего дня».

[2]) Guérin, Descrip. de la Palestine; Samarie, vol. II, pp. 100—104. Между прочимъ, это открытіе служитъ поразительнымъ опроверженіемъ тѣхъ фантастическихъ выводовъ, которые дѣлаютъ палеонтологи касательно древности каменныхъ орудій. По этому поводу Геринъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «это открытіе доказываетъ, насколько рискованны, чтобы не сказать ложны, теоріи тѣхъ, которые приписываютъ кремневымъ орудіямъ фантастическую древность и опираются на это неувѣренное основаніе для того, чтобы ниспровергать истинность св. Писанія, относя происхожденіе человѣка на землѣ безконечно дальше той сравнительно недавней эпохи, которая указывается Библіей».

сорокалѣтнее воспитаніе въ пустынѣ, очевидно, имѣло весьма благотворное вліяніе на народъ. Такой преданной вѣры въ Бога мы уже почти не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ послѣдующихъ періодовъ исторіи израильскаго народа.

ГЛАВА LVIII.

Общественное и политическое состояніе израильтянъ въ Палестинѣ.

По смерти Іисуса Навина, израильтяне остались безъ вождя. Наступилъ періодъ, когда вполнѣ должно было осуществиться то богоправленіе, которое лежало въ основѣ Моисеева законодательства о государственномъ управленіи израильскаго народа. Каждое колѣно должно было управляться своими собственными старѣйшинами, съ отдѣльнымъ княземъ или начальникомъ колѣна во главѣ, и связующимъ звеномъ для нихъ, кромѣ естественнаго родства и общихъ и историческихъ воспоминаній, должна была служить ихъ общая вѣра въ единаго истиннаго Бога, какъ единственнаго Царя и Судіи народа,—общее живое сознаніе, что всѣ колѣна составляютъ одно нераздѣльное царство Іеговы. Видимымъ знакомъ этого религіозно-государственнаго единства была общенародная святыня,—скинія, поставленная съ этою цѣлью въ срединѣ страны, въ Силомѣ, въ колѣнѣ Ефремовомъ. Но такое правленіе предполагаетъ, дѣйствительно, высокую степень религіозно-нравственнаго состоянія народа, и потому первые годы жизни израильтянъ въ землѣ обѣтованной, когда Израиль служилъ Господу, то-есть, былъ вѣренъ Его завѣту и послушенъ Его законамъ, были временемъ всеобщаго мира и благоденствія, и каждый израильтянинъ мирно обиталъ подъ своей смоковницей. Такое состояніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока еще живо было то поколѣніе, которое было свидѣтелемъ великихъ благодѣяній Божіихъ и чудесъ, совершенныхъ ради избраннаго народа. За это время нѣкоторыя колѣна (Іудино, Симеоново) успѣли продолжить завоеваніе обѣтованной земли, но такъ какъ окончательнаго завоеванія не было сдѣлано раньше общими усиліями, то израильтяне

должны были примириться съ этимъ обстоятельствомъ и, терпя около себя ненавистныхъ и проклятыхъ хананеевъ, должны были побѣждать ихъ силою своего религіозно-нравственнаго превосходства и, такимъ образомъ, пріобщать ихъ къ общему достоянію царства Божія на землѣ. Къ сожалѣнію, народъ израильскій, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ возможность побѣждать хананеянъ силою оружія, не всегда изгонялъ и истреблялъ ихъ, а часто предпочиталъ оставлять ихъ въ качествѣ данниковъ себѣ, нарушая, такимъ образомъ, изъ своекорыстія прямое повелѣніе Божіе. Но этимъ самымъ израильтяне подготовили себѣ страшное бѣдствіе, потому что, какъ предсказывалъ имъ Ангелъ Господень, эти оставшіеся народы сдѣлались для нихъ петлею и многіе изъ нихъ стали для нихъ сѣтью. Молодое поколѣніе, выступавшее на мѣсто прежняго, видѣвшаго всѣ великія благодѣянія и чудеса Божіи для народа, не знало и не хотѣло знать Господа и дѣлъ Его, которыя Онъ дѣлалъ Израилю, и уклонялось отъ истинной религіи, впадая въ идолопоклонство хананейскимъ божествамъ, сопровождавшееся самымъ гнуснымъ нечестіемъ и распутствомъ. За уклоненіемъ отъ истинной религіи слѣдовало и общее ослабленіе нравственности въ народѣ, водворилось господство неправды, необузданнаго произвола, неповиновеніе властямъ, за которымъ въ свою очередь, слѣдовало полное разстройство государственнаго и общественнаго порядка и полное ослабленіе политическаго могущества народа. Такимъ состояніемъ, конечно, пользовались чуждые и сосѣдніе народы, нападали, безнаказанно грабили и убивали израильтянъ, заставляя ихъ платить себѣ дань; такъ что тотъ періодъ, который долженъ бы былъ служить осуществленіемъ истиннаго богоправленія, вслѣдствіе непостоянства и невѣрности народа израильскаго, сдѣлался для него временемъ страшныхъ испытаній, новою школою религіозно-нравственнаго воспитанія. Въ наказаніе за богоотступничество и беззаконіе, Богъ отдавалъ ихъ въ руки мѣстныхъ враговъ, но, изъ сожалѣнія къ злополучному народу, воздвигалъ имъ особыхъ избавителей, такъ-называемыхъ, судей, которые, при помощи Божіей, освобождали народъ отъ притѣснителей и чужеземнаго ига. Изъ такихъ судей наиболѣе извѣстны Готоніилъ, Аодъ, Девора съ Варакомъ, Гедеонъ, Іефѳай, Самсонъ, Илій и Самуилъ. Правленіе судей израильскихъ обнимало періодъ около 350 лѣтъ и составляло весьма знаменатель-

ный періодъ, во время котораго выработались многія изъ началъ, легшихъ въ основу избраннаго народа въ послѣдующей жизни. Самъ по себѣ періодъ этотъ настолько важенъ и интересенъ, что требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія; но, чтобы понять тѣ историческія явленія, которыя встрѣчаются въ это время, необходимо сдѣлать общій взглядъ на общественное и политическое состояніе народа.

Въ общественно-политическомъ состояніи израильскій народъ во времена судей представлялъ собою совершенно своеобразное явленіе, не подходящее подъ извѣстныя намъ политическія формы. Это не была ни монархія, потому что во главѣ израильскаго народа не стояло никакого верховнаго главы, ни республика, какъ она понимается въ настоящее время. Хотя Моисеево законодательство и указывало норму для общественнаго устройства, но народъ еще недостаточно былъ воспитанъ для осуществленія этихъ возвышенныхъ законовъ и потому общественно-политическая жизнь его складывалась въ форму, которая имѣетъ почти исключительно первобытный и патріархальный характеръ. И это патріархальное управленіе и составляетъ характеристическую особенность періода судей. Чтобы понять сущность этого правленія, нужно имѣть въ виду, что патріархальное управленіе совершенно первобытное: это — общество, такъ сказать, въ его зачаточномъ состояніи; это власть отца семейства, продолжающаяся и распространяющаяся въ теченіе поколѣній на его потомковъ, въ лицѣ старшаго сына и первородныхъ. Такое правленіе, слѣдовательно, основывается всецѣло на семействѣ, на правѣ первородства и не имѣетъ другой организаціи, кромѣ семейной. Глава семейства распоряжается въ качествѣ начальника, а дѣти повинуются. Его власть ограничивается только обычаями и повиновеніемъ или противодѣйствіемъ тѣхъ, которые подчинены ему. Эта столь простая организація была совершенно чужда тѣхъ искусственныхъ усложненій, которыя замѣчаются въ нашемъ обществѣ, и она объясняетъ и всѣ особенности жизни израильтянъ въ это время. Сложные механизмы современнаго правленія въ то время были еще совсѣмъ неизвѣстны; можно прибавить, что они были даже совершенно безполезны, такъ какъ въ то время не было никого, кромѣ отца и его дѣтей. У израильтянъ не существовало не только того, что теперь мы называемъ международными отношеніями, дипломатическимъ представительствомъ (всего этого не

было и вообще у древнихъ народовъ), но они не занимались даже ни торговлей, ни промышленностью въ собственномъ смыслѣ этого слова; у нихъ не было никакихъ внѣшнихъ сношеній, и не было даже политической связи между отдѣльными колѣнами.

Отсюда не должно воображать, что со времени Іисуса Навина до Саула у израильтянъ во главѣ правительства всегда кто-нибудь стоялъ, повелѣвая всѣмъ израильскимъ народомъ. Намъ трудно представить народъ, который бы не имѣлъ никакой центральной власти и не имѣлъ связующихъ нитей; между тѣмъ внимательное изученіе священнаго повѣствованія доказываетъ, что у израильтянъ въ это время, дѣйствительно, не существовало никакого правительства, понимаемаго въ нашемъ смыслѣ. У него не было никакого правительственнаго главы, потому что не было, въ сущности, ни правленія, ни администраціи. Для существованія такого правительства не было никакихъ данныхъ, такъ какъ каждое колѣно было независимо, всѣ мѣстныя власти были наслѣдственны, и не существовало вообще законодательной власти; народъ не издавалъ никакихъ новыхъ законовъ; все управлялось обычаемъ и закономъ Моисеевымъ; не предпринималось никакихъ общественныхъ работъ, такъ какъ этого рода предпріятія были совершенно неизвѣстны. Такимъ образомъ, собственно говоря, у израильтянъ не было никакой исполнительной власти, и слѣдовательно, не было никого такого, кто бы могъ распредѣлять должности или назначать на извѣстныя мѣста; не было ни общественной сокровищницы, ни налоговъ. Израильтяне, правда, обязаны были платить десятину, но это не былъ налогъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а простое религіозное приношеніе Богу и левитамъ, которые не получили части при раздѣлѣ земли обѣтованной. Израильтяне могли быть разсматриваемы, какъ арендаторы владѣній Іеговы и Его священниковъ: они платили десятину, какъ арендаторъ платитъ аренду землевладѣльцу, причемъ каждый исполняетъ этотъ долгъ по своей совѣсти, такъ какъ вообще не было ни собирателей десятинъ, ни мытарей для принужденія къ платежу.

Эта простота общественной организаціи замѣчалась и въ частной жизни. Подобно тому, какъ каждый городъ былъ совершенно самостоятельнымъ и управлялся самъ собою, независимо отъ всѣхъ другихъ, кромѣ, быть можетъ, извѣстной власти, болѣе номинальной,

чѣмъ дѣйствительной, со стороны главы племени; такъ, и каждое семейство, каждый домъ вообще самъ заботился объ удовлетвореніи своей ежедневной жизни. Множество вещей, которыя намъ кажутся необходимыми, для израильтянъ того времени, какъ для бедуиновъ настоящаго времени, были совершенно безполезны и даже неизвѣстны. Всѣ наши искусственныя потребности, всѣ утонченности роскоши и стола не существовали для этихъ простыхъ людей. Между ними не было даже особаго класса ремесленниковъ, и если появлялись ремесленники въ родѣ литейщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ во времена выхода изъ Египта, то ихъ было немного и они представляли собою исключительное явленіе. Каждый жилъ доходомъ съ своего поля и отъ своихъ стадъ: хлѣбъ, который онъ собиралъ самъ, молоко и мясо отъ своихъ стадъ, плоды отъ своего виноградника и своей смоковницы—были единственною пищею израильтянъ. Хозяйки дома не только приготовляли хлѣбъ и пищу, но и сами ткали и шили одежды и приготовляли обувь. У нихъ не было ни особенныхъ ремеслъ, ни ремесленниковъ: ни сапожниковъ, ни хлѣбниковъ, ни лавочниковъ, ни мясниковъ; были только земледѣльцы или скотоводы [1]). Только случайно производился обмѣнъ избытка произведеній жатвы или стадъ съ промышленными финикіянами или съ караванами, проходившими чрезъ Палестину, на нѣкоторыя богатыя матеріи или нѣкоторыя украшенія, оружія или нѣкоторыя драгоцѣнные металлы. Такимъ образомъ, народъ былъ такъ же независимъ въ своихъ потребностяхъ, какъ независимъ и въ управленіи. Какъ народъ обходился безъ помощи другихъ въ общественной и частной жизни, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обходился безъ всякой особой организаціи для поддержанія порядка и мира. У него не было особыхъ судей для водворенія правды, не было полиціи для надзора за исполненіемъ законовъ и уваженіемъ къ собственности, и не было даже судебныхъ палатъ. Когда нужно было уладить распри,

[1]) Само собою разумѣется, что при случаѣ, когда оказывалось необходимымъ, являлись знающіе люди для приготовленія земледѣльческихъ орудій или оружія. Безъ сомнѣнія, среди израильтянъ не было особыхъ заведеній плотниковъ или столяровъ; никто не выступалъ исключительно въ качествѣ кузнеца или слесаря, но каждый или самъ отчасти былъ знакомъ съ этими ремеслами, или, въ случаѣ нужды, прибѣгалъ къ человѣку болѣе способному, въ своей ли собственной деревнѣ или въ сосѣдней, такъ какъ извѣстно, что среди израильтянъ были люди, которые, въ случаѣ надобности, могли дѣлать телѣги и оружіе.

то спорныя дѣла, по обычаю, обсуждались старѣйшинами народа, то-есть, главами семействъ, у городскихъ воротъ. Когда старѣйшины произносили свой приговоръ, то заинтересованныя лица должны были сами привести его въ исполненіе, такъ какъ не было никакихъ особенныхъ исполнительныхъ властей для этого. Каждый долженъ былъ самъ заботиться о томъ, чтобы его право собственности не потерпѣло какого-нибудь нарушенія. Сдѣлки между отдѣльными лицами производились также у городскихъ воротъ безъ вмѣшательства нотаріусовъ и безъ всякаго письмоводства, а просто предъ жителями мѣстности, которые являлись въ качествѣ свидѣтелей [1]).

Общественное устройство израильтянъ было, такимъ образомъ, въ высшей степени простое, и центральной власти не существовало. Самая потребность въ верховной власти могла чувствоваться въ двухъ только случаяхъ: въ важныхъ судебныхъ дѣлахъ и въ случаѣ войны. Моисей въ своемъ законодательствѣ предусмотрѣлъ первый случай, но ничего не опредѣлилъ для втораго. Если судьи не могли согласиться между собою, или если одна изъ сторонъ отказывалась принять ихъ приговоръ, то Моисей установилъ, чтобы дѣло переносилось на рѣшеніе священниковъ [2]). Кромѣ религіознаго единства, это единственный слѣдъ единства, единственная нить, связующая вмѣстѣ всѣ 12 колѣнъ, какую только можно открыть въ Моисеевомъ законодательствѣ. На случай войны, какъ мы сказали, не было никакихъ особыхъ установленій. Въ такомъ обществѣ не было никакого постояннаго войска. Собственно говоря, не было даже и вообще войска въ томъ смыслѣ, какъ это понимаемъ мы теперь, то-есть людей, дѣлающихъ изъ войны особое ремесло. Когда народъ поселился въ землѣ обѣтованной, онъ думалъ только о томъ, чтобы жить въ мирѣ. У него не было никакого желанія расширять свои владѣнія за предѣлы Палестины наступательное войною, и только въ случаяхъ крайней необходимости онъ велъ оборонительныя войны. Въ виду этого, военная сторона была самою недостаточною при патріархальномъ управленіи. Въ то время не было никакой военной подготовки и дисциплины. Если нужно было защищаться противъ

---

[1]) См. Втор. XVI, 18; Быт. XXIII, 3 и слѣд.; Руѳ. IV, 7 и слѣд.

[2]) Втор. XVII, 8, 9. Нѣкоторые утверждаютъ, что дѣло въ такомъ случаѣ переносилось на рѣшеніе синедріона; но синедріонъ установленъ былъ только нѣсколько столѣтій спустя.

непріятеля, каждый вооружался, какъ только могъ, тѣмъ, что попадало ему въ руки. Военачальниками были не кто другіе, какъ главы семействъ, и въ наскоро собиравшихся войскахъ, въ которыя шелъ только тотъ, кто хотѣлъ, не было ни строгой послѣдовательности власти, ни дисциплины, ни строгаго порядка; не было ни кадровъ, ни военной формы, ни запасовъ провизіи, ни стратегіи. Сила и хитрость— вотъ все, въ чемъ состояла военная наука того времени. Серьезной кампаніи, такимъ образомъ, очевидно нельзя было вести съ войскомъ, которое не имѣло строгой выправки и даже не получало ни жалованья, ни провизіи. Каждый воинъ долженъ былъ самъ приносить съ собою провизію [1]), или добывать ее грабительствомъ, или вообще какимъ бы то ни было другимъ способомъ [2]). Такимъ образомъ, чтобы не умереть съ голоду, необходимо было или поражать непріятеля неожиданными нападеніями, или дѣлать хищническіе набѣги, какъ дѣлаютъ ихъ еще и теперь бедуины, имѣющіе совершенно то же самое устройство, какое имѣли израильтяне въ то время, то-есть опустошать непріятельскую страну и обогащаться на ея счетъ. При отсутствіи военной организаціи, народъ предпочиталъ не разъ подчиняться дани, налагавшейся на него болѣе сильнымъ врагомъ, чѣмъ ниспровергать иго оружіемъ [3]). Часть народа, которая подчинялась, такимъ образомъ, платила то, что отъ нея требовалось, причемъ или самъ побѣдитель опредѣлялъ, сколько должно было платить каждое поселеніе, или старѣйшины страны соглашались между собою для опредѣленія, по скольку долженъ былъ платить каждый.

Отсюда легко понять, что каждое поселеніе было въ дѣйствительности, почти совершенно независимымъ, каждое мѣстечко «дѣлало все, что хотѣло», какъ говоритъ библейское повѣствованіе [4]). Легко также понять, что этотъ образъ правленія особенно содѣйствовалъ развитію эгоизма и давалъ преобладаніе болѣе сильнымъ. Никто не имѣлъ права стать во главѣ населенія, дѣлать призывъ къ оружію противъ общаго непріятеля и налагать на него свою власть. Каждый думалъ только о себѣ самомъ. Отдѣльныя лица не заботились ни о чемъ другомъ, кромѣ, какъ о своемъ собственномъ городѣ,

---

[1]) 1 Цар. XVII, 17 и слѣд.
[2]) Суд. VIII, 5 и слѣд.
[3]) Суд. III, 8, 14 и проч.
[4]) Суд. XVII, 6; XVIII, 1, 31.

ихъ патріотизмъ не простирался за предѣлы ихъ собственныхъ виноградниковъ и маслинъ. Только уже, когда угнетеніе становилось слишкомъ тяжелымъ и иго слишкомъ невыносимымъ, нѣкоторые наиболѣе смѣлые и предпріимчивые люди выступали изъ среды населенія и издавали призывъ къ оружію. Не всякій начальникъ семейства или деревни, конечно, былъ смѣлымъ и мужественнымъ воиномъ. Поэтому во главѣ подобныхъ движеній становился всегда наиболѣе мужественный и наиболѣе храбрый. Такой человѣкъ тогда дѣлался судьей израильскимъ [1]). Отсюда и тѣ герои израильскаго народа, которые извѣстны подъ названіемъ судей, достигали этого достоинства совершенно различными путями, но главнымъ образомъ, ихъ выступленіе обусловливалось совершенно случайными обстоятельствами.

Когда такой судія издавалъ призывъ къ оружію, подъ его власть поступалъ всякій, кто только хотѣлъ. Наборовъ особыхъ не существовало, равно какъ не существовало и принудительной службы. Всякій, кто только хотѣлъ и былъ способенъ, дѣлался воиномъ; но онъ шелъ сражаться лишь тогда, когда самъ чувствовалъ желаніе къ этому или, по крайней мѣрѣ, когда начальникъ селенія рѣшалъ принять участіе въ этой войнѣ. Судія имѣлъ надъ войскомъ лишь настолько власти, насколько онъ самъ могъ пріобрѣсти ее личнымъ авторитетомъ или насколько давали ее ему. Онъ могъ быть и безусловнымъ повелителемъ, какъ римскій диктаторъ, если былъ способенъ къ тому; но все зависѣло отъ его собственныхъ способностей и отъ его умѣнья управлять людьми и заставлять ихъ повиноваться. Если онъ былъ побѣдителемъ, то побѣда давала ему право распоряжаться повелительно и наказывать виновныхъ; но онъ не имѣлъ права до битвы налагать свою волю силою; единственнымъ источникомъ его власти было убѣжденіе съ его стороны [3]). Когда общественная опасность, поставившая судью во главѣ вооруженнаго народа, проходила, когда прекращалась необходимость, вынуждавшая всѣхъ подчиняться ему, то израильтяне и самый ихъ освободитель возвращались на свои поля и въ свои удѣлы [4]) и пре-

---

[1]) Суд. X, 18.
[2]) Суд. VIII, 15—17.
[3]) Суд. VIII, 1—3.
[4]) Суд. VIII, 29.

давались своимъ собственнымъ дѣламъ, совершенно не заботясь объ общественномъ благѣ, о которомъ никто не имѣлъ точнаго понятія и котораго даже не существовало въ томъ видѣ, какъ мы понимаемъ его теперь. Судія не управлялъ, потому что не было никакой администраціи: онъ не имѣлъ никакого государственнаго интереса, и внѣ періодовъ угнетенія онъ не имѣлъ никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ своихъ собственныхъ, частныхъ. Каждый судія, безъ сомнѣнія, пользовался большимъ уваженіемъ, былъ окруженъ какъ-бы ореоломъ побѣды и отблескъ его славы, такъ сказать, распространялся на весь народъ. Его слава обезпечивала внутренній миръ спасительнымъ страхомъ, который онъ внушалъ внѣшнимъ врагамъ, и онъ продолжалъ, такимъ образомъ, быть благодѣтелемъ и освободителемъ всего Израиля; но, вопреки, общераспространеннаго мнѣнія, онъ не управлялъ въ собственномъ смыслѣ этого слова: онъ былъ, какъ мы уже сказали, скорѣе почетнымъ судіей, чѣмъ судіей дѣйствительнымъ и обладающимъ полною властью. Онъ естественно пользовался большимъ уваженіемъ и законнымъ вліяніемъ; съ нимъ, быть можетъ, совѣтовались въ затруднительныхъ случаяхъ, но онъ не имѣлъ никакой опредѣленной и узаконенной власти; онъ былъ только первый гражданинъ страны, наиболѣе почитаемый и наиболѣе уважаемый всѣми [1]).

Нравамъ и обычаямъ народа въ эти первобытныя времена была настолько чужда идея безусловной власти единоличнаго человѣка надъ двѣнадцатью колѣнами, что судя по свидѣтельству священныхъ книгъ, Іисусъ Навинъ, по окончаніи завоеванія обѣтованной земли и произведеннаго раздѣла, несмотря на свою исключительную власть, которою онъ пользовался столь долгое время, несмотря на необычайныя услуги, оказанныя израильтянамъ и блистательныя чудеса, которыми Богъ возвышалъ его дѣятельность,

---

[1]) Въ этомъ именно смыслѣ нужно понимать изреченіе Книги Судей: такой-то судилъ Израиля въ теченіе столькихъ-то лѣтъ—Суд. XII, 7, 9, 11, 14; XVI, 31; точный переводъ былъ бы таковъ: такой-то спасалъ, былъ освободителемъ Израиля, пока онъ жилъ. Слава, пріобрѣтенная имъ при освобожденіи народа, служила обезпеченіемъ Израилю. Его враги, устрашенные побѣдами судіи, не осмѣливались нападать на его народъ, пока онъ былъ живъ, и онъ такимъ образомъ продолжалъ быть судіей и избавителемъ Израиля. Такъ, о судействѣ Готоніила, напр., говорится: « и п о к о и л а с ь земля сорокъ лѣтъ, и умеръ Готоніилъ, сынъ Кеназа»—Суд. III, 11,—фраза, часто повторяющаяся и о другихъ судіяхъ: Суд. III, 30; V, 32; VIII, 28.

самъ удалился отъ дѣлъ въ свой наслѣдственный удѣлъ въ Ѳамнае-Сараи и жилъ тамъ простымъ частнымъ человѣкомъ, занимаясь исключительно своими домашними дѣлами и не заявляя притязаній ни на какую другую власть надъ колѣнами, кромѣ права напоминать имъ въ предсмертной бесѣдѣ о благодѣяніяхъ, которыя испытаны были народомъ отъ Бога, и увѣщевать ихъ крѣпко держаться вѣры въ Іегову. Онъ даже не имѣлъ и мысли о томъ, чтобы назначить себѣ преемника, и не передалъ никакой власти своему потомству, о которомъ Библія рѣшительно ничего не говоритъ намъ. Еще болѣе поразительный примѣръ этого представляетъ первый израильскій царь Саулъ. Колѣна опредѣлили имѣть царя во главѣ себя; но древніе обычаи были еще настолько живы, что Саулъ не видѣлъ въ своемъ новомъ достоинствѣ ничего другаго, кромѣ предводительства войскомъ, и по окончаніи войны, въ которой онъ поразилъ аммонитянъ, онъ думалъ, что ему ничего уже не оставалось дѣлать болѣе, какъ возвратиться къ своему плугу и обрабатывать свои поля[1]). Въ теченіе первыхъ лѣтъ своего царствованія онъ былъ не кто иной, какъ простой судія, безъ постояннаго войска, безъ администраціи, безъ царскихъ доходовъ, безъ столицы,—однимъ словомъ, безъ всѣхъ другихъ царскихъ преимуществъ и обязанностей, кромѣ защиты страны со стороны внѣшнихъ непріятелей. Только уже мало-по-малу, онъ завелъ себѣ дворъ, составилъ узелъ войска и заставилъ народъ Израильскій мало-по-малу преобразоваться и перейти отъ патріархальнаго правленія къ правленію монархическому. Можно указать только единственное исключеніе изъ этого общаго порядка, именно, примѣръ Іефѳая, который, становясь во главѣ за-іорданскихъ колѣнъ для низверженія ига аммонитянъ, выразительно требовалъ права остаться главою союзниковъ и послѣ пораженія непріятеля; но даже это требованіе, какъ и предложеніе, сдѣланное Гедеону сохранить свою власть, показываетъ, что здѣсь дѣло шло объ отступленіи отъ установившихся обычаевъ[2]). Исключеніе составляетъ въ дѣйствительности только Авимелехъ, но онъ не былъ судіею въ собственномъ смыслѣ этого слова, а былъ просто узурпаторъ и ти-

[1]) 1 Цар. X, 26; XI, 5.
[2]) Суд. VIII, 22; XI, 9 и слѣд.

ранъ. Не безъинтересно замѣтить при этомъ, что ни Авимелехъ, ни Іефѳай не называются *софитимами*, то-есть судіями въ собственномъ смыслѣ этого слова. Авимелехъ называется *мелекъ*, то-есть «царь», а Іефѳай—*рошъ* или *кацинъ*, то-есть «глава», «князь» [1]). Судіи вообще были начальниками, такъ сказать, временными, случайными властями, которыя Богъ устанавливалъ въ исключительныхъ случаяхъ, по нуждѣ своего народа. Власть каждаго изъ нихъ вслѣдствіе этого же была весьма различна, какъ по дѣйствительному своему значенію, такъ и по территоріальному распространенію: все зависѣло отъ обстоятельствъ и отъ самихъ личностей. Названіе судіи не должно, слѣдовательно, понимать въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово у насъ; оно означаетъ скорѣе начальника, чѣмъ судію въ собственномъ смыслѣ этого слова: первая и главная должность судей израильскихъ была военная, а не судебная. Эта послѣдняя могла быть для нихъ лишь второстепенною и придаточною, по крайней мѣрѣ—до времени Иліи и Самуила [2]). Книга Судей выразительно говоритъ, что должность судей или софетимовъ была военная и освободительная [3]); она не приписываетъ имъ никакой другой должности. Судія былъ освободителемъ своего народа; по истинному смыслу софетъ есть «избавитель». Израильскіе судіи, такимъ образомъ, отнюдь не были правительственными начальниками въ нашемъ смыслѣ этого слова, власть ихъ не была наслѣдственной и даже не простиралась на весь народъ, а въ большей части имѣла лишь мѣстный и ограниченный характеръ. При первомъ взглядѣ могло бы показаться, что каждый изъ извѣстныхъ намъ судей распространялъ свою власть на всю землю Израильскую, но при болѣе тщательномъ изслѣдованіи и при сравненіи отдѣльныхъ свидѣтельствъ между собою нельзя не замѣтить, что это было не такъ. Ни одинъ изъ судей, за исключеніемъ Гоѳоніила, не распространялъ, повиди-

---

[1]) Суд. IX, 6; XI, 6, 9, 11.

[2]) Даже Илій и Самуилъ главнымъ образомъ заботились о защитѣ страны. Илій посылалъ своихъ сыновей на войну (1 Цар. IV, 4), а Самуилъ участвовалъ въ битвѣ при Массифѣ (1 Цар. VIII, 5—13). Между тѣмъ Самуилъ и его сыновья, а вѣроятно и Илій, отправляли должность и судей, въ собственномъ смыслѣ слова, послѣдній въ силу своего первосвященническаго достоинства, а первый въ качествѣ пророка (1 Цар. VII, 16; XIII, 12; IV, 18).

[3]) «И воздвигалъ имъ Господь с у д е й, которые с п а с а л и; ихъ отъ рукъ грабителей ихъ» (Суд. II, 16).

мому, своей власти на колѣна Іудино и Симеоново [1]). Девора была героиней и пророчицей своихъ сѣверныхъ соотечественниковъ; Гедеонъ былъ освободителемъ центральной Палестины; Іефѳай—освободителемъ израильтянъ, жившихъ къ востоку отъ Іордана; Самсонъ, повидимому, никогда не имѣлъ никакой другой власти, кромѣ какъ надъ своимъ собственнымъ колѣномъ, — колѣномъ Дановымъ; колѣно Іудино такъ мало признавало его своимъ начальникомъ, что относилось къ нему почти какъ къ врагу, и выдало его филистимлянамъ [2]); онъ защищалъ Израиля исключительно своими личными подвигами. Не распространяя своей власти на всѣ колѣна, по крайней мѣрѣ, до Иліи и Самуила, судьи вмѣстѣ съ тѣмъ не наслѣдовали правильно одинъ другому. По самому характеру исторіи, какъ она излагается въ книгѣ Судей, мы не имѣемъ возможности составить строгой хронологіи этого времени, но возможно, что между упоминаемыми въ ней судьями былъ значительный переревъ, равно какъ, съ другой стороны, возможно и то, что въ различныхъ частяхъ земли обѣтованной одновременно было нѣсколько судей.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, какъ мало основательны тѣ сближенія, которыя иногда дѣлались между судьями израильскими и главами другихъ народовъ. Ихъ сравнивали съ карѳагенскими суффетами; но послѣдніе были регулярными начальниками, получавшими власть по правильному избранію со стороны общинъ, и имѣли опредѣленное полномочіе; поэтому, между ними и судьями израильскими нѣтъ ничего общаго, кромѣ созвучнаго названія. Судей израильскихъ сравнивали также съ римскими консулами, но также безъ достаточнаго основанія. Съ большею справедливостью приравнивали ихъ къ диктаторамъ, которыхъ Римъ назначалъ въ моменты великой общественной опасности и которымъ онъ ввѣрялъ всѣ полномочія. Власть израильскихъ судей была почти безгранична, такъ какъ они имѣли право на все, что только хотѣли, и становились во главѣ народа въ исключительныхъ, критическихъ обстоятельствахъ [3]); тѣмъ не менѣе тотъ способъ, какимъ они собира-

---

[1]) Эти два колѣна не упоминаются даже въ пѣсни Деворы, Суд. V.

[2]) Суд. XV, 10—13.

[3]) По этой причинѣ I. Флавій называетъ ихъ добровольными монархами, а ихъ власть «монархіей» (Antiq. XI, 4, § 8), въ противоположность свя-

ли себѣ войско и управляли имъ, не имѣлъ ничего сходнаго съ римскимъ. Что касается политическаго состоянія народа во времена судей, то его можно сравнить развѣ только съ состояніемъ швейцарскихъ кантоновъ, но за исключеніемъ центральной власти швейцарской конфедераціи и съ замѣной избранныхъ начальниковъ каждаго кантона и каждой деревни старѣйшинами и главами семействъ. Единственный образъ правленія, который наиболѣе всего подходитъ къ образу правленія израильтянъ этого времени, можно видѣть у бедуиновъ [1]). Каждое арабское племя имѣетъ своего особаго шейха. Но, состоя во главѣ своихъ соплеменниковъ, онъ, собственно говоря, не имѣетъ никакой власти надъ отдѣльными членами; своими личными качествами онъ можетъ пріобрѣсти значительное вліяніе; если онъ пользуется славой мудраго и умнаго человѣка, то народъ слѣдуетъ его совѣтамъ и указаніямъ; но его приказанія были бы немедленно отвергнуты, еслибы онъ захотѣлъ управлять повелительно. Во всѣхъ спорныхъ случаяхъ его убѣжденіе не въ состояніи водворить добраго согласія; одна только сила, а не авторитетъ можетъ прекратить разногласіе. Иногда, онъ выбирается, какъ посредникъ, но онъ не имѣетъ права силою приводить приговоръ въ исполненіе. Бедуинъ считаетъ себя свободнымъ и хвалится тѣмъ, что онъ не признаетъ никакого другаго господина, кромѣ господина вселенной [2]). Преимущество шейха состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ право становиться во главѣ племени во время войны и управлять ходомъ дѣлъ во время мира, но онъ не можетъ ни объявить войны, ни заключить мира безъ совѣщанія съ главными членами своего племени. Онъ не получаетъ никакой дани отъ тѣхъ, которыхъ онъ считается начальникомъ; напротивъ, на него самого налагается много сопряженныхъ съ расходами обязанностей, какъ, напр., пріемъ гостей. Различныя семей-

---

щеннической аристократіи или царской власти. «Ихъ власть надъ народомъ», справедливо замѣчаетъ Эвальдъ, «вытекаетъ изъ внутренней необходимости и поэтому въ своемъ происхожденіи самая произвольная, какую только можно представить себѣ». Geschichte, II, 507.

[1]) «Система патріархальнаго правленія существуетъ еще и теперь въ пустынѣ, какъ она существовала 4000 лѣтъ тому назадъ». Layard, Nineveh and its Remains, т. I, стр. 95.

[2]) Burckhardt, Notes on the Bedouins, v. I, pp. 115—119. Должность шейха можетъ передаваться отъ одного члена къ другому въ томъ же семействѣ, но въ то же время она не наслѣдственна. Ср. Layard, v. I, pp. 95—6.

ства, составляющія племя, независимы одни отъ другихъ; ихъ главы составляютъ какъ-бы постоянный совѣтъ шейха, который не можетъ предпринять безъ ихъ согласія никакого важнаго рѣшенія. Таково, именно, въ общемъ, какъ видно изъ тщательнаго изслѣдованія библейскаго повѣствованія, и было состояніе колѣнъ израильскихъ до учрежденія среди нихъ монархіи.

Но почему Богъ такъ долго оставлялъ свой народъ въ столь первобытномъ и столь несовершенномъ, повидимому, общественномъ состояніи? Въ объясненіе этого можно указать нѣсколько основаній. Богу угодно было, чтобы Его народъ жилъ въ патріархальномъ состояніи. Когда съ теченіемъ времени всѣ двѣнадцать колѣнъ пришли къ убѣжденію, насколько эта система парализовала ихъ энергію, когда они чувствовали потребность въ серьезномъ единствѣ, которое бы изъ всѣхъ отдѣльныхъ колѣнъ дѣлало одинъ сильный народъ, способный съ успѣхомъ противодѣйствовать врагамъ, желавшимъ разрушить его, то даже и тогда Богъ считалъ нужнымъ представить имъ возраженія противъ этого желанія чрезъ пророка Самуила [1]). Эти возраженія ясно показываютъ, почему Богъ хотѣлъ, чтобы Его народъ оставался подъ этою несовершенною формою правленія. У израильтянъ все приносилось въ жертву религіозной миссіи, которая была ихъ главнымъ назначеніемъ. Поселивъ ихъ въ Палестинѣ, какъ-бы, заключая ихъ въ ограду, чтобы предохранить ихъ отъ всякаго соприкосновенія съ чужеземцами, Богъ отнюдь не хотѣлъ, чтобы этотъ народъ, который нѣкогда долженъ былъ проявить такую способность къ торговлѣ, предался до плѣна торговлѣ и промышленности, потому что его сношенія съ сосѣдними народами могли повредить чистотѣ его вѣры. Съ юга и

[1]) «Можно бы предполагать», говоритъ Эвальдъ, «что израильтяне не имѣли въ эти первыя времена царя потому, что царская власть вообще была не нужна въ эти времена простоты, какъ у нѣкоторыхъ древнихъ германскихъ племенъ и у арабовъ. Но это предположеніе было бы совершенно ложнымъ. Египтяне и хананеи, противъ которыхъ израильтяне должны были болѣе всего бороться, имѣли царей съ давняго времени; то же самое моавитяне, аммонитяне, и идумеяне, которые были наиболѣе близки по родству съ израильтянами. Мадіанитяне, какъ и большинство арабскихъ племенъ, повидимому, не имѣли царей. Но главная и единственная вещь, исключительно свойственная Израилю, заключалась въ томъ, что онъ собственно не отвергалъ царской власти, а имѣлъ ее совершенно такъ же, какъ и всякій другой народъ; онъ хотѣлъ только имѣть Царя невидимаго». Geschichte, 1865 г., II, 214.

востока онъ былъ окруженъ поясомъ пустынь; на сѣверѣ возвышались предъ нимъ непроходимыя горы Ливанскія. Ему не позволено было даже касаться береговъ Средиземнаго моря, этого великаго пути сообщенія между древними народами; Богъ поселилъ на берегу этого моря сильныхъ воителей, съ которыми израильтяне постоянно находились въ войнѣ и которыхъ они никогда не могли совершенно подчинить себѣ. Отсюда израильтяне, силою вещей, вынуждены были жить совершенно отчужденно въ землѣ Ханаанской, по большей части недоступной иноземцамъ. Но отдѣливъ ихъ отъ остальнаго міра, Богъ, для того, чтобы заставить ихъ болѣе чувствовать, насколько всецѣло они находились въ полномъ Его распоряженіи, не хотѣлъ даже, чтобы они сначала имѣли царя [1]). Не имѣя надъ собою такого человѣка, который бы способенъ былъ защитить ихъ противъ ихъ враговъ, они тѣмъ сильнѣе чувствовали свою зависимость отъ Бога. Іегова, хотя и невидимый, былъ для нихъ то же, что царь для другихъ народовъ, и такъ какъ они никогда не сомнѣвались въ Его всемогуществѣ, то въ своихъ нуждахъ они прибѣгали къ Нему; они справедливо приписывали свои несчастія праведному гнѣву Господа за ихъ невѣрность; они обѣщали Ему лучше исполнять законы въ будущемъ, и Іегова, сжалившись надъ ними, сражался во главѣ ихъ и избавлялъ ихъ отъ угнетателей [2]). Поэтому, ничто не могло такъ глубоко напечатлѣть въ душахъ израильтянъ понятіе объ истинномъ Богѣ и объ истинной религіи, какъ этотъ патріархальный образъ правленія, который отдавалъ ихъ, такъ сказать, осязательнымъ образомъ на милость Іеговы и не давалъ имъ другой защиты и другой помощи, кромѣ Божіей.

Но, чтобы лучше понять, насколько это общественное устройство было сообразно съ главною цѣлью, которую Богъ имѣлъ въ призваніи Своего народа и которая заключалась всецѣло въ сохраненіи истинной религіи, интересно изслѣдовать, что случилось бы, если-бы съ самаго вступленія въ землю обѣтованную народъ этотъ

---

[1]) Ср. Суд. VIII, 23. Гедеонъ отвѣчалъ израильтянамъ, которые предлагали ему верховную власть: «ни я не буду владѣть вами, ни мой сынъ не будетъ владѣть вами; Господь да владѣетъ вами».

[2]) Суд. V, 13. Увѣренность, которую внушала тогда помощь Божія, выступаетъ во всей исторіи Израиля. См. Пс. LXVII, 2; XLIII, 2, 10, 11; CIX, 1; XVII, 48.

имѣлъ во главѣ себя царя. Объ этомъ легко составить себѣ понятіе по тому, что случилось послѣ установленія царской власти. Недостатокъ политической централизаціи имѣлъ важныя неудобства, которыхъ отнюдь нельзя отрицать; но не имѣло ли бы ихъ еще болѣе немедленное установленіе царской власти? Уроки, вытекающіе изъ книги Судей, эти удары Провидѣнія, которыми наказывался или вознаграждался народъ, смотря по своимъ дѣламъ,—все это несомнѣнно было бы затемнено подъ управленіемъ одного царя: отвѣтственность падала бы на главу царя, а не на самый народъ. Кромѣ того, народъ, быть можетъ, безвозвратно отдался бы своей наклонности къ идолопоклонству, находившему впослѣдствіи, какъ извѣстно, поощреніе со стороны царей. Представляя политическую силу Израиля, эти послѣдніе въ то же время были источникомъ постоянной опасности для чистоты его вѣры. Стоитъ только раскрыть исторію и мы увидимъ, сколько царей были вѣрны своему долгу: не болѣе трехъ или четырехъ изъ тѣхъ сорока, которые царствовали въ Іудейскомъ и Израильскомъ царствѣ. Первый изъ нихъ настолько нарушилъ законъ, что Господь отвергъ его; тотъ, царствованіе котораго придало особенный блескъ Израильскому народу, именно Соломонъ, также впалъ въ идолопоклонство. При его преемникѣ, Ровоамѣ, десять колѣнъ произвели расколъ и въ общемъ держались идолопоклонства до самаго разрушенія царства. Если уже спустя нѣсколько столѣтій израильтяне все еще были склонны слѣдовать своимъ царямъ въ поклоненіи Ваалу и Астартѣ, то насколько болѣе опасности представлялось бы въ этомъ отношеніи вскорѣ по выходѣ изъ Египта, когда израильтяне впервые оказались въ прикосновеніи съ ханаанскими народами, которые имѣли съ ними столько сходства и даже родства и которые такъ были преданы культу ложныхъ боговъ. Эта склонность была такъ сильна у израильтянъ, что они нѣсколько разъ поддавались ей въ теченіе времени судей; но недостатокъ единства между колѣнами, раздробленность и разрозненность Израиля дѣлали зло менѣе тяжкимъ и легче поправимымъ, такъ какъ оно всегда оставалось мѣстнымъ. Невѣрность Іеговѣ обыкновенно не была общею. Отдѣльные мѣстные начальники отнюдь не имѣли такого вліянія, какъ царь. Когда сѣверныя колѣна имѣли слабость подчиняться божествамъ финикійскимъ, южныя не подражали имъ въ этомъ. Если бы тогда во главѣ народа стоялъ царь,

предавшійся идолопоклонству, то, обладая властью восточнаго деспота, онъ свое нечестіе передалъ бы и всѣмъ колѣнамъ, и едва-ли было бы хотя нѣсколько человѣкъ, настолько твердыхъ и мужественныхъ, которые бы осмѣлились воспротивиться ему. Отсюда понятно, какая опасность могла угрожать при такомъ состояніи истинной религіи. Вслѣдствіе этого-то именно Богъ допустилъ, чтобы сначала между отдѣльными колѣнами Израильскаго народа не было полнаго единства и единственною связью для нихъ служило лишь общее святилище, бывшее воплощеніемъ истинной религіи.

Отсутствіе централизаціи имѣло еще и другія выгоды. Раздѣленіе было необходимымъ избранному народу для исполненія его религіозной миссіи. Израильскій народъ долженъ былъ оставаться безъ сношенія съ сосѣдними народами, чтобы не быть поглощеннымъ или, по крайней мѣрѣ, испорченнымъ отъ нихъ. Но это отсутствіе сношеній могло существовать только подъ тѣмъ условіемъ, когда израильтяне не только не предавались торговлѣ, но и не дѣлали никакихъ завоевательныхъ предпріятій, потому что ничто въ такой степени не измѣняетъ нравовъ и характера народовъ, какъ именно завоеваніе. Въ великихъ монархіяхъ, кромѣ опасности идолопоклонства и борьбы между жречествомъ и государственною властью, всегда существуетъ страсть къ расширенію. Это какъ-бы неизбѣжная болѣзнь великихъ монархій со времени Нимрода до Наполеона I. Если бросить взглядъ на древнюю исторію Халдеи, Египта, Ассиріи и Мидіи, то что онѣ представляютъ собою? Уже во время Авраама Кедорлаомеръ дѣлалъ набѣги на южныя области Ханаана. Царствованіе фараоновъ, особенно начиная съ XVIII династіи, постоянно проходило въ наступательныхъ или оборонительныхъ войнахъ. Ассирія постоянно вела войны, подобно тому, какъ позднѣе вели ихъ персы и римляне. Даже бедуины, ведущіе совершенно кочевую жизнь и не имѣющіе осѣдлости въ городахъ и деревняхъ, постоянно ведутъ междуплеменную войну и живутъ грабежемъ. Между тѣмъ, эта жизнь, состоящая въ непрестанныхъ смятеніяхъ, грабежахъ и войнѣ, каковою была бы и жизнь израильтянъ, еслибы съ самаго начала они имѣли у себя царскую власть, была противна намѣреніямъ Божіимъ, касательно этого народа, такъ какъ этотъ послѣдній могъ окрѣпнуть въ своей вѣрѣ, въ своихъ

религіозныхъ преданіяхъ и сохранять во всей чистотѣ ввѣренный ему залогъ откровенія, только избѣгая соприкосновенія съ чужеземцами.

Тѣмъ не менѣе нельзя думать, чтобы между двѣнадцатью колѣнами совершенно не существовало никакой связи. Если въ общественно-политической жизни главною особенностью израильтянъ, было разъединеніе, установленное, можно сказать, самимъ Богомъ въ интересахъ религіи, то, съ другой стороны, въ картинѣ этой эпохи есть существенная черта, которая особенно способна показать намъ выдающееся значеніе религіи въ жизни сыновъ Израиля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показать, какъ Богъ нашелъ средство при раздѣленіи колѣнъ своего народа вмѣстѣ съ тѣмъ дать имъ дѣйствительную нить единства. Двѣнадцать колѣнъ, независимыя въ своемъ управленіи, часто раздѣлявшіяся въ своихъ общественно-экономическихъ интересахъ, по причинѣ своего положенія въ различныхъ мѣстностяхъ страны, въ то же самое время имѣли единство религіозное. То, въ чемъ болѣе всего въ древности выражалась національность не только у израильтянъ, но и у всѣхъ народовъ, составляла религія. Каждая страна имѣла свою религію, и каждая религія, если такъ можно сказать, имѣла также свою особую страну. Когда Іеровоамъ отдѣлилъ десять сѣверныхъ колѣнъ отъ дома Давидова, онъ тотчасъ же далъ имъ новую религію, такъ какъ этотъ честолюбивый царь очень хорошо понималъ, что, если онъ не разрушитъ религіознаго единства, то ему долго не удастся разрушить и политическаго единства. Если вообще вѣрно, что религія въ эти отдаленныя времена была наиболѣе крѣпкимъ цементомъ національности, то особенно это можно сказать о религіи Моисеевой, имѣвшей въ себѣ больше крѣпости и исключительности, чѣмъ всѣ языческія религіи. Безъ основанія Богъ не повторялъ бы такъ часто, что Онъ Богъ ревнивый [1]). Кромѣ того, рядомъ съ этой внутренней религіозной организаціей, Богъ, въ качествѣ болѣе внѣшнихъ средствъ, далъ извѣстныя предписанія съ тою цѣлью, чтобы каждый годъ возобновлять между сынами Израиля связь, которая иначе могла бы ослабѣть у нихъ. Въ ветхозавѣтной религіи, какъ извѣстно, все было устроено по закону строгаго единства. Вслѣдствіе этого закона жертву Богу можно было приносить только въ одномъ мѣстѣ, и для

[1]) Исх. XXXIV, 14; Втор. IV, 24; V, 9; VI, 15; I Нав. XXIV, 19 и проч.

того, чтобы участвовать въ торжественномъ жертвоприношеніи и въ праздникахъ въ честь Іеговы, всѣ израильтяне должны были хотя разъ въ году посѣщать святилище, гдѣ находился ковчегъ завѣта. Эти ежегодныя собранія, по необходимости, приводили израильтянъ на память, что всѣ они составляли одинъ народъ, какъ и поклонялись одному только Богу. Одновременно съ исполненіемъ обязанностей религіи, обыкновенно обсуждались и общественные интересы цѣлаго народа [1]), и такимъ образомъ, эти собранія, въ силу самихъ обстоятельствъ, дѣлались какъ-бы большимъ совѣщательнымъ собраніемъ всего народа, которое съ теченіемъ времени должно было привести къ болѣе тѣсному союзу между отдѣльными колѣнами и, наконецъ, подготовить учрежденіе монархіи, какъ это, дѣйствительно, и случилось впослѣдствіи.

Нельзя утверждать, чтобы законъ, который повелѣлъ всѣмъ израильтянамъ, по крайней мѣрѣ, однажды въ году присутствовать на большихъ праздникахъ, совершавшихся въ томъ мѣстѣ, гдѣ была скинія, постоянно строго соблюдался. Онъ не разъ былъ нарушаемъ не только отдѣльными лицами, но, быть можетъ, и цѣлыми колѣнами, когда они впадали въ идолопоклонство. Книга Судей, представляющая собою не послѣдовательную исторію, а простое собраніе историческихъ событій, не говоритъ намъ о всѣхъ подробностяхъ этого періода. Между тѣмъ, мы случайно знаемъ, что въ Силомѣ бывали религіозныя собранія [2]), какъ предписывалъ Моисей, и тамъ постановлялись важныя опредѣленія. Священные писатели, такъ часто имѣвшіе случай упрекать израильтянъ въ ихъ идолопоклонствѣ, ничего не говорятъ объ этомъ закононарушеніи, и, быть можетъ, потому, что его не совершалось въ дѣйствительности. Впрочемъ, не нужно забывать, что, если культъ Іеговы не терпѣлъ рядомъ съ собою никакого другаго, то это совершенно не такъ было съ культомъ другихъ боговъ. Весьма вѣроятно, что израильтяне, впадавшіе въ преступленіе идолопоклонства, въ большинствѣ тѣмъ не менѣе продолжали почитать Іегову и хотѣли только сочетать религію своихъ отцовъ съ религіей тѣхъ земель, въ которыхъ они жили; они въ этомъ случаѣ раздѣляли общую вѣру политеистовъ

---

[1]) Суд. XX, 1.

[2]) Упоминаніе о такихъ собраніяхъ находится во второй главѣ Судей, 1—5.

того времени, именно, вѣру, что каждая земля имѣла своихъ особыхъ боговъ, и отсюда заключали, что каждый рядомъ съ Богомъ своихъ отцовъ долженъ былъ покланяться также и богамъ той земли, гдѣ онъ жилъ. Іероваамъ, воздвигая жертвенники золотому тельцу для отдѣлившихся колѣнъ, считалъ себя не только обязаннымъ принуждать къ этому культу, который впрочемъ, повидимому, былъ только незаконной формой служенія Іеговѣ, но даже считалъ себя вправѣ запрещать путешествіе въ Іерусалимъ, который былъ мѣстомъ святилища единаго истиннаго Бога.

Такимъ образомъ, народъ ежегодно собирался на праздники около Скиніи Господней, гдѣ онъ чрезъ уримъ и туммимъ обращался съ вопрошеніями къ Іеговѣ. Въ Силомѣ около ковчега завѣта именно Іисусъ Навинъ началъ раздѣлъ земли обѣтованной. Тамъ священники получили назначенные имъ для обитанія города; тамъ Іисусъ Навинъ, безъ сомнѣнія, обращался и съ своими послѣдними увѣщаніями къ народу. Въ Массифѣ и Силомѣ у ковчега завѣта колѣна Израильскія рѣшили наказать преступленіе веніамитянъ [1]). Отецъ Самуила, какъ говоритъ библейскій историкъ, ежегодно отправлялся въ Силомъ въ опредѣленные дни, и весь Израиль дѣлалъ то же, что и онъ [2]). Эти періодическія собранія пріучали народъ и его вождей ко взаимному совѣщанію и къ обсужденію своихъ общихъ интересовъ. Такъ собирались и главы народа, которые отправились къ Самуилу въ Раму, чтобы просить у него царя [3]). Религіозное единство, такимъ образомъ, поддерживало извѣстное политическое единство, пока оно съ теченіемъ времени не привело къ единству монархическому, которое подготовлено было при первосвященникѣ Иліи, и завершено пророкомъ Самуиломъ. Наконецъ, можно еще замѣтить, что учрежденіе левитства весьма много содѣйствовало также поддержанію религіи въ Израилѣ и могло оказывать вліяніе гораздо сильнѣе при патріархальномъ управленіи, чѣмъ при монархическомъ, гдѣ власть царя могла совершенно уничтожать это вліяніе; это вліяніе, въ дѣйствительности, настолько ослабѣло съ теченіемъ времени, что Богъ долженъ былъ непрерывно воздвигать

---

[1]) Суд. XXII, 1; XX, 18.
[2]) 1 Цар. 1, 3; II, 22.
[3]) 1 Цар. VIII, 4.

пророковъ, чтобы поддерживать дѣло религіи противъ царской власти.

Каково бы ни было сходство между патріархальнымъ управленіемъ израильтянъ и племеннымъ управленіемъ у бедуиновъ, между ними есть весьма замѣтное различіе, заключающееся именно въ священническомъ установленіи. Это установленіе не имѣетъ ничего подобнаго среди восточныхъ народовъ. Израильское священство составляло отдѣльную корпорацію, какой не было у кочевниковъ; оно вмѣстѣ съ тѣмъ не было кастой владѣтельной и правительственной, какъ это было въ Египтѣ и Халдеѣ. Очень любопытенъ фактъ, что у такого теократическаго народа, какимъ были израильтяне, колѣно Левіино не имѣло даже участія въ раздѣлѣ земли обѣтованной. Его служеніе было совершенно духовнымъ и оно лишено было всякой политической власти; оно не могло даже думать о томъ, чтобы пользоваться всею полнотою своего вліянія, обезпечивавшагося за нимъ его священническими обязанностями, потому что оно не представляло никакой сплоченности. Даже и тамъ, гдѣ оно, по крайней мѣрѣ, могло бы болѣе всего давать чувствовать свое вліяніе, именно въ святилищѣ, его вліяніе парализовалось тѣмъ, что святилище находилось не въ томъ городѣ, который принадлежалъ священническому колѣну, а въ Силомѣ, въ колѣнѣ Ефремовомъ, позднѣе—въ Іерусалимѣ, столицѣ Веніамина и Іуды. Кромѣ того, благодаря особому распоряженію, города, отданные священническому колѣну для жительства, разсѣяны были по всей Палестинѣ, и это разсѣяніе левитовъ по всѣмъ колѣнамъ чрезвычайно много содѣйствовало повсемѣстному поддержанію закона и постоянному напоминанію израильтянамъ о томъ, что они дѣти одного и того же Отца. Такъ религія восполняла недостатки патріархальнаго управленія.

Послѣ изслѣдованія политическаго устройства Израильскаго народа во времена судей, необходимо изслѣдовать и религію окружавшихъ его народовъ, прежде чѣмъ приступать къ подробному изложенію исторіи этого періода, которая иначе была бы недостаточно понятна и ясна.

ГЛАВА LIX.

Религія хананеевъ.

Ко времени наступленія періода судей, израильтяне уже твердо и окончательно обосновались въ Палестинѣ, но имъ не удалось совершенно изгнать древнихъ жителей страны. На сѣверѣ страны, у подножія Ермона и по Финикійской границѣ еще оставались хананеи, на время разстроенные и пораженные, но готовые поднять голову при первомъ благопріятномъ случаѣ. На западѣ—побережье Средиземнаго моря, роскошная равнина Саронская, къ югу отъ Кармила—богатая равнина Шефела, тянущаяся до Газы, не перешли вполнѣ подъ власть израильтянъ. На равнинѣ Шефела пять князей филистимскихъ, съ своими желѣзными колесницами, сохранили свою независимость, и часто поэтому нападали на своихъ сосѣдей. Къ востоку отъ нижняго Іордана и Мертваго моря продолжали жить потомки Лота: аммонитяне и моавитяне; потомки Авраама уважали ихъ территоріальное право, по повелѣнію Божію, но эти кочевники, тѣмъ не менѣе, не разъ дѣлались для израильтянъ сосѣдями опасными и страшными. Еще далѣе, за Моавомъ и Аммономъ, къ востоку, странствовали арабскія племена, бедуины, амаликитяне и мадіанитяне. Но даже и внутри самаго Ханаана не всѣ прежніе жители были истреблены или изгнаны. Не только нѣкоторые города, какъ Іевусъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи, подъ именемъ Іерусалима, столицей народа Израильскаго, еще оставались въ рукахъ аморреевъ, но даже и въ городахъ, занятыхъ израильтянами, въ Беѳсанѣ, Ѳаанахѣ, Да-

рѣ, Мегиддонѣ, Газерѣ и многихъ другихъ [1]), оставались остатки прежняго населенія, и это совмѣстное жительство израильтянъ съ своими ярыми врагами не разъ оказывалось пагубнымъ для служителей истиннаго Бога.

Такое положеніе подвергало израильтянъ двоякой опасности: опасности политической и опасности религіозной. Если бы они имѣли больше мужества для пораженія своихъ враговъ, больше послушанія повелѣніямъ Бога, который заповѣдывалъ имъ совершенно истребить хананеянъ, то положеніе Палестины сдѣлало бы ихъ совершенно обезпеченными отъ всякихъ нападеній. Еслибы они изгнали всѣхъ хананеевъ, живших по берегамъ Средиземнаго моря, то море стало бы служить для нихъ полной охраной съ запада. Еслибы даже они оставили въ покоѣ финикіянъ на сѣверѣ, то были бы защищены и съ этой стороны частью горами, частью самымъ характеромъ торговцевъ Сидона, которые отнюдь не стремились къ расширенію своихъ земельныхъ владѣній, будучи всецѣло заняты лишь умноженіемъ своихъ торговыхъ конторъ, съ цѣлью продавать свои товары и производить торговый обмѣнъ. Съ востока и юга пустыня защищала Израиля отъ нападеній кочевниковъ, и еслибы у этихъ послѣднихъ явилось желаніе дѣлать нападенія на израильтянъ, то они легко могли бы преградить имъ доступъ: бедуинамъ—усиленной охраной горъ Галаадскихъ, а моавитянамъ, вмѣстѣ съ аммонитянами, занятіемъ немногихъ бродовъ на Іорданѣ, этой естественной и весьма сильной границы земли Ханаанской, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ, израильтяне, по своей трусости и слабости, допущенныхъ Богомъ по изложеннымъ выше причинамъ, были лишены тѣхъ преимуществъ, которыя давало имъ это чудесное положеніе Палестины: они оставили враговъ по всѣмъ своимъ границамъ, и что еще хуже—оставили ихъ посреди себя, и эти послѣдніе, во время войнъ, обыкновенно, соединялись съ ихъ противниками и совмѣстно съ послѣдними нападали на израильскій народъ.

---

[1]) Суд. I, 27—33. Финикійскій берегъ оставался, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части, въ рукахъ туземцевъ. Не нужно забывать этого обстоятельства для объясненія того, почему великіе египетскіе походы, имѣвшіе мѣсто въ XV—XIII столѣтіяхъ до Р. Хр., не касались израильтянъ. Войска фараоновъ проходили дорогой, лежащей по берегу Средиземнаго моря, не проникая въ страну, занятую колѣнами Израильскими.

Но рядомъ съ этою политическою опасностью, была и другая, еще болѣе серьезная опасность, стоявшая въ прямомъ противорѣчіи съ самымъ назначеніемъ народа Божія: именно, опасность религіознаго совращенія. Сосѣдство идолопоклонническихъ народовъ могло сдѣлаться и, дѣйствительно, сдѣлалась пагубнымъ для религіи израильтянъ. Окружавшіе ихъ народы, хананеи, которымъ они позволяли жить среди себя, сдѣлались для нихъ источникомъ постоянныхъ религіозныхъ отпаденій. Сыны Авраамовы не всегда могли противостоять даже соблазнамъ многобожія египтянъ, несмотря на то, что эти послѣдніе отличались отъ нихъ своими нравами, обычаями, воспитаніемъ и общимъ міровоззрѣніемъ. Какъ же имъ было устоять противъ соблазна культа, который, кромѣ печальнаго преимущества, заключающагося въ поблажкѣ страстямъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ культомъ народа, имѣвшаго столько сродства съ ними въ языкѣ, нравахъ, самыхъ обычаяхъ и способахъ жизни? Какъ могли они, главнѣе всего, устоять противъ роковаго вліянія браковъ, которые они неизбѣжно должны были заключать съ хананеями, жившими въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ жили и они сами? Писатель книги Судей выразительно указываетъ на эти браки, какъ на одну изъ главныхъ причинъ идолопоклонства, въ которое такъ часто впадали израильтяне [1]). Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они оказались, все въ дѣйствительности приводило ихъ къ тому: и господствовавшія тогда идеи, и страсти человѣческія, еще сильнѣе заявляющія себя въ разслабляющемъ климатѣ востока.

Несмотря на всѣ старанія Моисея и Іисуса Навина внушить израильскому народу идею единства Бога, несмотря на всѣ мѣры, предусмотрѣнныя закономъ, съ цѣлью напоминанія этого основнаго ученія всѣмъ сынамъ Іакова, истина эта тогда была вообще такъ мало извѣстна, что она еще не глубоко вошла въ духъ большинства народа. Отсюда такъ легко было уклониться отъ нея посреди народовъ, которые не принимали ея. Извѣстно, какое вліяніе оказываетъ на человѣка среда, въ которой онъ живетъ, и какъ трудно ему избѣгнуть зараженія господствующими привычками и идеями. Хананскій политеизмъ былъ тѣмъ опаснѣе, что онъ не похожъ былъ на политеизмъ греческій или римскій, или даже египетскій или хал-

---

[1]) Суд. III, 6.

дейскій. Хотя мы знаемъ о немъ еще не вполнѣ, однако же мы знаемъ уже гораздо больше, чѣмъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и ознакомленіе съ нимъ яснѣе всего покажетъ, какъ легко онъ могъ соблазнять израильтянъ.

Главнымъ ханаанскимъ богомъ былъ Ваалъ [1]). По буквальному своему значенію, слово Ваалъ означаетъ «Господь», «Владыка», и названіе это было однимъ изъ первоначальныхъ наименованій истиннаго Бога [2]). До позднѣйшихъ временъ онъ сохранялъ свойства верховнаго всемогущества. Одна финикійская колонна уже поздней эпохи и грубой работы, сохраняющаяся теперь въ Луврскомъ музеѣ, изображаетъ его съ сіяющей головой; по бокамъ колонны изображены перуны, какъ знаки его божественнаго могущества. Ваалъ дѣлался политеистическимъ названіемъ только тогда, когда онъ, получая мѣстный характеръ, терялъ свое общее значеніе, причемъ ему придавался мѣстный эпитетъ или мѣстное имя. Подобно тому, какъ халдейскій и ассирійскій политеизмъ имѣлъ своимъ первоначальнымъ источникомъ олицетвореніе различныхъ божественныхъ названій, которыя сначала обозначали единаго истиннаго Бога въ Его различныхъ свойствахъ, такъ и ханаанскій политеизмъ имѣлъ своимъ источникомъ олицетвореніе свойствъ Ваала или локализацію его культа. Разсматриваемый какъ распорядитель договоровъ и союзовъ, онъ дѣлался Ваалъ-Веривомъ (Суд. IX, 4); какъ царь, онъ получалъ у аммонитянъ названіе Молоха, Милкома и Малкома; какъ богъ мухъ, этихъ насѣкомыхъ, которыя столь безчисленны и непріятны въ Палестинѣ, онъ назывался Веелзевулъ (4 Цар. I, 2). На горѣ Ермонѣ онъ назывался Ваалъ-Ермонъ, въ Газорѣ дѣлался Ваалъ-Газоромъ, въ Пеорѣ или Фегорѣ — Ваалъ-Фегоромъ;

---

[1]) Ваалъ былъ также богъ арамейскій и богъ сиро-халдейскій. Финикійскія колоніи поклоненіе этому Богу повсюду переносили съ собою, и онъ особенно извѣстенъ былъ въ Карѳагенѣ, какъ показываютъ даже столь извѣстныя имена, какъ Аздрубалъ, то-есть, «Ваалъ есть помощь», и Аннибалъ, то-есть, «Ваалъ есть милость». «Ваалъ, говоритъ Моверсъ, былъ верховнымъ божествомъ, общимъ у всѣхъ сиро-финикійскихъ народовъ». Religion der Phönizier, 69.

[2]) Вслѣдствіе злоупотребленія, которое хананеи дѣлали изъ имени Ваалъ, Библія никогда не прилагаетъ этого имени къ истинному Богу, и для выраженія той мысли, что Богъ есть Господь, Владыка, она пользуется словомъ Адонъ, Адонаи. Имя Ваалъ она употребляетъ только въ смыслѣ нарицательнаго имени, для обозначенія ложнаго бога.

какъ богъ солнца, онъ назывался Ваалъ-Сала, богъ, распространяющій лучи, или Ваалъ-Аманъ, богъ лучезарный [1]). Ваалъ, какъ отецъ другихъ второстепенныхъ вааловъ, когда именно изгладилось воспоминаніе о первоначальномъ единствѣ вааловъ, назывался съ членомъ Га-Ваалъ, то-есть, «Ваалъ по преимуществу [2]). Онъ будто оказывалъ свое вліяніе на плоды земли, а другіе ваалы, считавшіеся болѣе юными, изображали частное вліяніе солнца на землю. «Какъ верховный египетскій Богъ Ваалъ», говоритъ одинъ новѣйшій изслѣдователь, «онъ былъ безусловно отличенъ отъ сотворенной природы, по крайней мѣрѣ, въ тѣ эпохи исторіи, какія доступны нашему изслѣдованію; насколько мы можемъ проникать въ лѣтописи ханаанскихъ народовъ, мы находимъ, что его культъ соединялся съ культомъ нѣкоторыхъ деревъ и извѣстныхъ камней, считавшихся какъ-бы жилищами божества, Беитъ-Элъ; иначе говоря, народъ боготворилъ въ этомъ богѣ скрытую силу природу, начало жизни, оживляющее матерію. Этотъ культъ завершился здѣсь тѣмъ, что принялъ характеръ астрономическій. Азіатскіе народы, какъ странствующіе пастухи и вслѣдствіе этого, по необходимости, созерцатели неба, пораженные чудесами звѣздной гармоніи и вліяніемъ солнца на явленія растительной жизни, пришли къ тому, что все стали относить къ звѣздамъ и къ наиболѣе блистательной между ними. Они пришли къ той именно мысли, которую Іегова хотѣлъ запретить израильтянамъ, когда Онъ запрещалъ имъ слишкомъ любоваться красотою звѣздъ [3]): они покланялись имъ не просто, какъ наиболѣе блистательному проявленію божества, но какъ самому божеству. Ваалъ сдѣлался солнечнымъ богомъ; какъ такой, онъ пріобрѣлъ особенное названіе Ваалъ-Самина; но этотъ характеръ болѣе или менѣе распространялся и на всѣ различныя формы азіатскаго бога, который былъ извѣстенъ подъ различными названіями Ваала, Мелкарта, Молоха, Адада и Таммуза».

У насъ не имѣется древнихъ изображеній финикійскаго Ваала. Въ позднѣйшія времена его изображали подъ человѣческой формой. Одинъ небольшой серебряный медальонъ, вычеканенный въ Тарсѣ и приписываемый Дернесу, сатрапу финикійскому, изображаетъ его

---

1) Суд. III, 3; 2 Цар. XIII, 23; см. Gesenius, Thesaurus, p. 490.
2) Суд. II, 13; Іерем. XIX, 5; XXXII, 35.
3) Втор. IV, 19.

намъ сидящимъ на престолѣ, украшеннымъ воловьею головой. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ колосъ и виноградную вѣтвь для указанія на то, что именно даетъ землѣ ея произведенія и плоды. Другой Ваалъ, почти одинаковый съ прежнимъ, также изображенъ на медальонѣ національной библіотеки, вычеканенномъ также въ честь сатрапа Дернеса въ Финикіи или въ Киликіи. Въ посвящавшихся ему капищахъ Ваалъ изображался въ видѣ коническаго камня, посвященнаго Солнцу. Подъ этой формой изображеніе его можно видѣть на нѣкоторыхъ римскихъ монетахъ времени императоровъ. Главное мѣсто его культа находилось въ Финикіи и Тирѣ, но до завоеванія земли обѣтованной Іисусомъ Навиномъ онъ былъ почитаемъ на всемъ пространствѣ Ханаана. Для посвященія ему по преимуществу избирались высокія мѣста. Горы, гдѣ можно было находить свѣжій воздухъ и тѣнь, столь дорогіе въ этой палящей странѣ Востока, всегда привлекали толпу его почитателей. Тамъ они пѣли, играли на музыкальныхъ инструментахъ, сожигали благовоніе и предавались всевозможнымъ видамъ распутства. Гора обыкновенно принадлежала Ваалу, а роща Ашерѣ, богинѣ удовольствія. Культъ его совершался съ большою пышностью и имѣлъ многочисленныхъ жрецовъ, такъ что Библія упоминаетъ о 450 жрецахъ и 400 жрицахъ Ашеры [1]). Жертвенники ему были многочисленны. Ему приносились цѣлыя партіи воловъ и даже человѣческія жертвы [2]). Жертвоприносители совершали вокругъ жертвенника изступленныя пляски, сопровождаемыя дикими выкриками; они бичевали себя и острыми орудіями отрѣзывали куски тѣла, чтобы видомъ своихъ окровавленныхъ тѣлъ привлечь къ себѣ вниманіе кровожаднаго бога.

Природа и солнце были почитаемы моавитянами и аммонитянами подъ именемъ Молоха. Аммонитяне почитали также Хамоса [3]).

---

1) 3 Цар. XVIII, 19—40.

2) Іерем. XIX, 5.

3) Хамосъ или Хемошъ упоминается на знаменитомъ Моавитскомъ камнѣ, памятникѣ царя Месы. Названіе Хамосъ, вѣроятно, воспроизводится въ названіи Каръ-Хамисъ, что должно означать городъ Хамоса. Молохъ не былъ богомъ исключительно аммонитскимъ или моавитскимъ. Нѣкоторыя собственныя финикійскія названія доказываютъ, что онъ почитался и торговцами Тира и финикійскаго берега, напр., Малкіатанъ—«Молохъ далъ»; Бодмалкъ—«служитель Молоха» и проч. Названіе Мелкартъ указываетъ также на этотъ культъ. Мелкартъ есть лишь сокращеніе словъ Мелекъ-керетъ, т.-е. царь города, а этотъ царь города есть не что иное, какъ Ваалъ.

Но, несмотря на всѣ эти различныя имена, все это былъ одинъ и тотъ же Ваалъ. Отсюда видно, что хананскій политеизмъ, менѣе развитый и менѣе сложный, не былъ столь грубымъ, какъ политеизмъ грековъ и римлянъ, почитавшихъ сразу множество боговъ. Каждый хананскій городъ не имѣлъ вовсе пантеона, на подобіе латинянъ; онъ вообще имѣлъ только своего особаго бога, хотя обыковенно и не отдѣлялъ его отъ его богини.

Мысль, связывавшаяся съ этими мѣстными религіями, была, какъ легко представить, самою гибельною и опасною для израильтянъ. Общій взглядъ, допускавшійся хананеями, болѣе или менѣе ясно и выразительно заключался въ томъ, что каждый народъ, какъ и каждое мѣсто, имѣетъ своего особаго бога, который защищаетъ, благословляетъ и хранитъ своихъ поклонниковъ противъ враговъ ихъ. По этому воззрѣнію, всякій народъ, вынужденный оставить землю своихъ предковъ, долженъ взять съ собою и культъ отечественнаго бога, чтобы сохранить милость покровителя его рода; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ также почитать и бога своей новой страны, гдѣ онъ останавливается на жительство, потому что пренебрегать поклоненіемъ ему значило бы только лишать себя его покровительства и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергать себя неизбѣжнымъ бѣдамъ отъ его мщенія[1]). Отсюда легко понять, какъ гибельно могло быть вліяніе такихъ воззрѣній, столь укоренившихся среди хананеянъ, для слабыхъ умовъ израильтянъ, еще недостаточно утвердившихся въ исгинахъ единобожія. Эти заблужденія не касались Іеговы, такъ сказать, прямо. Они допускали возможность вѣрованія, что Онъ именно верховный Богъ, Творецъ неба и земли, Богъ Авраама, Исаака и Іакова, освободившій свой народъ отъ ига египетскаго; они не препятствовали даже продолжать покланяться Ему; это былъ Богъ предковъ и, слѣдовательно, Ему нужно служить, какъ служили Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ. Но къ Его богопочитанію можно было присоединить и поклоненіе богамъ новой страны, чтобы обезпечить себѣ защиту и покровительство боговъ Ханаана и не подвергнуть себя ихъ мщенію. Чтобы по-

[1]) Это заблужденіе особенно часто опровергается въ Библіи, гдѣ Богъ часто говоритъ своему избранному народу: «Я Господь Богъ вашъ: не чтите (или, вѣрнѣе, не бойтесь) боговъ аморрейскихъ, въ землѣ которыхъ вы живете». Суд. VI, 10. Ср. 1 Цар. XXVI, 19. Эта мысль, свойственная національнымъ религіямъ, была въ ходу также у грековъ и римлянъ.

лучить милость этихъ мѣстныхъ боговъ и не погибнуть подъ ихъ ударами, нужно было, напр., въ Ваалъ-Фегорѣ или Ваалъ-Ермонѣ покланяться Ваалу, богу Фегора или Ермона. Въ виду господства такихъ воззрѣній, становится понятнымъ, почему св. Писаніе съ такою выразительностью предостерегаетъ отъ поклоненія богамъ аморрейскимъ. Ими вполнѣ объясняется, напр., почему въ книгахъ Моисея Богъ часто повторяетъ, что Онъ Богъ ревнивый, и почему Онъ всегда сравниваетъ идолопоклонство не съ разводомъ, а съ прелюбодѣяніемъ или блудодѣяніемъ [1]). Въ дѣйствительности, израильтяне никогда совершенно не оставляли Іегову. Они были только невѣрны Ему, присоединяя къ Его богопочитанію поклоненіе богамъ аморреевъ или богамъ вообще ханаанскимъ [2]).

Вторая приманка, которая, не менѣе господствовавшихъ въ то время общихъ воззрѣній, увлекала израильтянъ въ идолопоклонство, заключалась въ той поблажкѣ, которую низкія страсти находили въ ханаанскомъ культѣ. Этотъ культъ отличался двумя особыми чертами, которыя соотвѣтствовали двумъ, весьма различнымъ, но весьма сильнымъ наклонностямъ человѣческаго сердца, — именно чувственности и страху. Насколько религія Іеговы была чистою и гуманною, настолько культъ божествъ ханаанскихъ былъ грязнымъ и жестокимъ, чувственнымъ и кровожаднымъ.

Когда первобытныя понятія объ истинномъ существѣ Бога были потеряны, человѣкъ мало-по-малу сталъ представлять себѣ Творца по своему собственному образу. Люди забыли, что такое былъ Богъ, и смѣшивали его съ небомъ или чаще всего съ солнцемъ, блескъ котораго поражалъ глаза и тепло котораго производило плодородіе и жизнь. При дальнѣйшемъ огрубѣніи религіозныхъ воззрѣній, естественно явилась мысль, заставлявшая представлять Бога неразлучнымъ съ своей спутницей богиней. Это представленіе, наиболѣе противоположное истинному понятію Бога, было столь всеобщимъ, что изъ всѣхъ древнихъ религій оно отсутствуетъ только въ одной ре-

---

[1]) Суд. II, 17; VIII, 27, 33 и проч.

[2]) «Удалите изъ среды себя боговъ иноземныхъ и Астартъ, и расположите сердце ваше къ Господу, и служите Ему одному». И удалили сыны израилевы Вааловъ и Астартъ, и стали служить одному Господу». 1 Цар. VII, 3, 4. Израильтяне такимъ образомъ къ культу ложныхъ боговъ присоединяли и богопочитаніе истиннаго Бога, когда даже были невѣрны, такъ какъ Самуилъ увѣщевалъ ихъ отселѣ служить только одному Егове.

лигіи ветхозавѣтной, гдѣ даже самые смѣлые раціоналисты не имѣютъ возможности открыть или вообразить ни малѣйшаго слѣда ея. Ужасъ былъ внушаемъ богомъ, чувственность, главнымъ образомъ, потворствовалась со стороны богини. Хотя культъ Ваала часто сопровождался позорными сценами человѣческаго распутства, но главною особенностью его были кровожадные и жестокіе обряды. Мы уже видѣли, какъ жрецы Ваала въ изступленіи до крови рѣзали себѣ тѣло, но они дѣлали еще хуже, принося своимъ богамъ человѣческія жертвы. Извѣстны чудовищныя жертвоприношенія кареагенянъ. Тѣ жертвы, которыя приносились Молоху, одной изъ формъ Ваала, были того же именно рода и онѣ особенно интересуютъ насъ здѣсь. Молохъ, богъ огня, палящаго солнца, изображался, по іудейскому преданію, подъ формой мѣднаго вола съ пустою внутренностью. Онъ протягивалъ свои руки, какъ человѣкъ, желающій получить что-нибудь. Чудовище это раскаляли до-бѣла, и затѣмъ цѣлыми массами приносили ему невинныя жертвы, именно дѣтей, которыя тотчасъ же и сжигались. Чтобы крики ихъ не слишкомъ надрывали сердца ихъ родителей, въ это время обыкновенно били въ бубны, которыми и заглушались эти вопли. Въ нѣкоторыхъ людяхъ богъ этотъ возбуждалъ такой ужасъ, что находились родители, которые способны были такимъ образомъ, подвергать пламени своихъ собственныхъ дѣтей, особенно во время великихъ бѣдствій или угрожающихъ великихъ опасностей (2 Цар. III, 2).

Но для израильтянъ еще гибельнѣе, чѣмъ вліяніе Молоха, было вліяніе богини Астарты. Представленіе женскаго божества было неистощимымъ источникомъ самыхъ дикихъ миѳологическихъ измышленій и разложенія религій. Хананеи не извлекали отсюда цѣлой религіозной исторіи, какъ это дѣлали индусы, греки и римляне, ни даже, какъ египтяне и халдеи; даже не всегда раздѣляли божество на два отдѣльныхъ лица и не отдѣляли мужскаго элемента отъ элемента женскаго, а соединяли то и другое въ одномъ лицѣ. Между тѣмъ, такъ или иначе, различіе все-таки существовало, и особое поклоненіе приносилось и женскому божеству. Въ Книгѣ Судей о немъ часто упоминается совмѣстно съ Вааломъ; оно называется Астаретой, Астартой грековъ [1]). Астартъ, естественно, было нѣсколько;

[1]) Классическіе авторы называютъ ее Астартой, Афродитой и Сирійской богиней.

какъ было нѣсколько и Вааловъ: каждому Ваалу приписывалась своя особая Астарта, такъ что съ размноженіемъ отдѣльныхъ видовъ бога размножались и отдѣльные виды богини. Подобно тому, какъ Ваалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ изображалъ собою небо, такъ Астарта изображала собою землю, оплодотворяемую небомъ. Но многіе признаки показываютъ, что она вмѣстѣ съ тѣмъ часто представляла собою луну, достойный символъ нѣжности и женской красоты, особенно въ тѣхъ восточныхъ странахъ, гдѣ она поражаетъ красотою и пріятностью, подобно тому, какъ солнце, производящее растенія и попаляющее ихъ, было единственнымъ символомъ силы произведенія и разрушенія; она была началомъ страдательнымъ и плодоноснымъ, матерью, какъ Ваалъ былъ началомъ дѣятельнымъ и производительнымъ, то-есть отцомъ. Одна алебастровая фигура въ Луврскомъ музеѣ изображаетъ Астарту съ золотымъ полумѣсяцемъ на головѣ, что, именно, и указываетъ на нее, какъ символъ луны. На то же самое указываетъ и одинъ ассирійскій гимнъ, который представляетъ собою форму діалога, обращеннаго къ новой лунѣ. Гимнъ этотъ читается такъ:

Пѣвецъ.

Свѣтъ неба, являющійся, какъ пламя въ странѣ,
Оплодотворительница земли, твое исчезновеніе есть какъ бы путешествіе,
Предпринимаемое тобою по странамъ.
Тебя ожидаетъ рѣшеніе правды, когда ты вступаешь въ
слѣдующій знакъ.
Ты леопардъ, ожидающій своей добычи на бѣгу;
Ты левъ, прохаживающійся въ кругѣ.
День невѣсты, принеси его, о небо!
День невѣсты, Истары, принеси его, о небо!
День, возвращеніе котораго управляетъ приливомъ и
отливомъ, принеси его, о небо!
И перемѣны солнца, принеси ихъ, о небо!

Астарта.

Ради перемѣнъ временъ года исчезаю я, исчезаю поперемѣнно;
Для моего отца Сина (мѣсяца) перемѣняю я времена года,
исчезаю я поперемѣнно.
Мой отецъ Надпаръ заставилъ меня исчезнуть; ради перемѣны
временъ года исчезаю я.

Въ обновленномъ небѣ, ради перемѣнъ временъ года, исчезаю я;
поперемѣнно исчезаю я.
Ради моего брата Самаса (солнца, измѣняющаго времена года)
исчезаю я поперемѣнно [1]).

Въ библіи, особенно въ книгѣ Судей, нѣсколько разъ упоминается богиня Ашера, «добрая и счастливая», богиня. Ашера, безъ сомнѣнія, есть лишь другое названіе Астарты; по крайней мѣрѣ она является неразлучною спутницею Ваала [2]). Гдѣ былъ жертвенникъ Ваалу, тамъ же непремѣнно находилось и изображеніе Ашеры, представлявшіе собою символическій конусъ, бывшій предметомъ распутнаго поклоненія. Что касается изображенія Астарты, то позднѣе ее чаще всего изображали подъ человѣческой формой, какъ это можно видѣть на ея статуяхъ и медаляхъ, находящихся въ различныхъ музеяхъ. Но иногда она, въ знакъ своего верховенства, изображала собою женскую фигуру съ коровьей головой (Обыкновенно же она имѣла голову женщины. Въ развалинахъ небольшого храма, построеннаго въ Коринѳскомъ стилѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Кунавата [3]), въ Авранѣ, еще и теперь можно видѣть колоссальную фигуру Астарты, исполненную горельефомъ. Хотя она и подверглась весьма значительной порчѣ, тѣмъ не менѣе имѣетъ весьма внушительный видъ. Глаза ея пріятны и прекрасно образованы; брови высокія и сросшіяся; лобъ низкій, украшенный полумѣсяцемъ, отбрасывающимъ вверхъ лучи свои на лицо, обрамленное густыми волосами. Такъ какъ Астарта представляла собою луну, то она и изображалась съ полумѣсяцемъ и лучами, какъ эмблемами этой богини, что можно видѣть также на финикійскихъ и римскихъ монетахъ. Отсюда названіе Астараѳъ-Карнаимъ, то-есть Астарта съ двумя рогами, было дано одному изъ городовъ, гдѣ осо-

---

[1]) Layard, Recherches sur le culte de Vénus, pl. IV, II, 12. Oppert, Fragments mythol. Paris, 1882, pp. 28—29.

[2]) Ашера, деревянная статуя которой оскверняла нѣкогда храмъ Іеговы (4 Цар. XXI, 7; XXIII, 6), была въ сущности то же, что и Астарта, называющаяся иногда Астаретой въ Ветхомъ Завѣтѣ. Одна изъ этихъ богинь была по отношенію къ другой то же, что Ваалъ по отношенію къ Молоху. Человѣческая жертва, которую приносили ей, состояла не въ закланіи, но въ блудодѣяніи женщинъ, въ самомъ храмѣ ияи въ священныхъ рощахъ, которыя окружали его.

[3]) Канаѳы грековъ, Кенаѳа Библіи, 1 Паралип. II, 23.

бенно развито было поклоненіе ей [1]). Отсюда также названіе ея «царицей небесъ», которое придается ей у пророка Іереміи, какъ царицѣ звѣзднаго неба [2]). Финикіяне позднѣйшаго времени любили изображать на своихъ монетахъ богиню Астарту, столь дорогую ихъ предкамъ.

Ханаанская Астарта была отобразомъ Истары ассиро-халдейской. Истара играетъ большую роль въ миѳологіи этихъ странъ. Въ надписяхъ особенно часто говорится объ Истарѣ, богинѣ Ниневіи и Арбелъ. Истара Арбелская отличается отъ Истары Ниневійской тѣмъ, что она, по преимуществу, имѣетъ воинственный характеръ, — Истара «богиня браней»; между тѣмъ, какъ Истара Ниневійская, исторія которой разсказывается въ эпопеѣ Ездубара, имѣла въ себѣ отчасти чувственный характеръ Аширы. Во времена Саула, филистимляне почитали Астарту и въ ея храмѣ складывали добычу, взятую у побѣжденныхъ, равно, какъ и оружіе Саула [3]).

Израильтяне не въ состояніи были избѣгнуть опасностей соблазна, который представлялъ имъ чувственный культъ Аширы и кровожадный культъ Астарты. Въ теченіе всего періода судей и часто позже во времена царей, идолопоклонство было у нихъ какъ-бы хронической болѣзнью, отъ которой они излечивались лишь на нѣкоторое время, чтобы вскорѣ подпасть ей опять. Они всегда возвращались къ Ваалам, какъ человѣкъ, преданный вину, неспособный излечиться отъ пьянства, постоянно возвращается къ опьяняющему напитку. Они были слишкомъ грубы, чтобы понять все величіе своей религіи, все, что было чистаго, великаго, возвышеннаго въ томъ понятіи, которое законъ ихъ давалъ объ Іеговѣ, какъ Богѣ, сотворившемъ небо и землю, сотворившемъ самого человѣка и заботившемся о немъ, подобно отцу; о Богѣ, который избралъ изъ среды человѣчества Авраама, Исаака и Іакова, ихъ предковъ, совершая чудеса, для освобожденія ихъ отъ рабства Египетскаго, давая имъ побѣды надъ всѣми ихъ врагами, ввелъ ихъ во владѣніе благословенною землею, что текла молокомъ и медомъ. Чувство признательности, равно, какъ и сила истины должны бы были дѣлать ихъ непоколебимо преданными поклоненію истинному Богу. Они обѣщали

[1]) Быт. XIV, 5; Втор. I, 4; I. Нав. XII, 4.
[2]) Іерем. VII, 18; ср. 2 Цар. XXIII, 4.
[3]) 1 Цар. XXXI, 10.

умирающему Іисусу Навину служить своему Господу неуклонно и вѣрно, но все это забыли. Это были дѣти тѣхъ израильтянъ, которые говорили Аарону у подножія Синая: «сдѣлай намъ боговъ, чтобы мы видѣли ихъ». Они нуждались въ богахъ, которые бы были осязательны для ихъ чувства. Іегова говорилъ съ ними только въ Духѣ, а не показывался имъ подъ чувственною формою, и они забыли Его. Ваалы и Астарты являлись имъ подъ осязательною формою, и они стали покланяться имъ. Уже во время завоеванія, вопреки полученнымъ ими повелѣніямъ [1]), они не ниспровергли всѣхъ жертвенниковъ ложныхъ божествъ (Суд. II, 2). Это первое непослушаніе сдѣлалось источникомъ многихъ другихъ. Они сдѣлались повинными въ невѣрности Богу послѣ того, какъ были облагодѣтельствованы всевозможными способами, но за то они и были наказаны этимъ самымъ своимъ грѣхомъ. Они получили отъ Бога повелѣніе изгнать всѣхъ аморреевъ изъ земли обѣтованной [2]). По своей слабости, трусости и эгоизму, они не исполнили этого повелѣнія, и вслѣдствіе этого они создали себѣ великую политическую опасность. Въ то же время они создали для себя и источникъ постояннаго паденія и подвергли свою вѣру тяжкимъ испытаніямъ.

Между тѣмъ, Провидѣніе даже и въ этихъ случаяхъ обращало одно зло къ исправленію другаго. Всякій разъ, какъ только израильтяне впадали въ преступленіе идолопоклонства, враги ихъ дѣлались болѣе сильными и, подчинивъ ихъ сначала въ религіозномъ отношеніи, затѣмъ подчиняли ихъ и въ политическомъ, дѣлая ихъ своими данниками. Эта-то чудесная дѣятельность провидѣнія и изображается съ такою изумительною ясностью въ книгѣ Судей, гдѣ подробно излагаются паденія народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ побѣды, которыя онъ одерживалъ при возвращеніи къ поклоненію истинному Богу.

---

[1]) Исх. XXXIV, 13; Втор. VII, 5; XII, 3.
[2]) Ср. Суд. II, 1—4 съ Исх. XXXIV, 12—15.

ГЛАВА LX.

Первые судіи

Религіозное одушевленіе израильскаго народа, воспламененное Моисеемъ во время жизни въ пустынѣ и возбуждаемое чудесными событіями завоеванія земли обѣтованной, продолжалось въ извѣстной мѣрѣ въ теченіе не только послѣднихъ лѣтъ жизни Іисуса Навина, но даже и тѣхъ старѣйшинъ, которые пережили его и «видѣли всѣ дѣла Господа, какія Онъ сдѣлалъ Израилю», чрезъ его втораго великаго вождя. Постепенно, однако же, по мѣрѣ того, какъ сходило съ исторической сцены поколѣніе, видѣвшее великія дѣла этого перваго времени пребыванія въ землѣ обѣтованной и чудесную помощь, дарованную народу Богомъ, въ среду народа стали проникать болѣе низкія вліянія, и высокій тонъ прошлаго сталъ ослабѣвать. Первосвященникъ Елеазаръ, сынъ Аарона и его преемникъ, умеръ приблизительно около того же самаго времени, какъ и Іисусъ Навинъ [1]), и былъ погребенъ, повидимому, верстахъ въ шести отъ долины Сихемовой, на отрогѣ одного изъ холмовъ Ефремовыхъ, извѣстнаго подъ названіемъ холма Финееса [2]), причемъ имя знаменитаго сына, повидимому, вытѣснило имя его отца. Будучи посвященъ въ качествѣ третьяго, по порядку первосвященника и, по

---

[1]) Такъ свидѣтельствуетъ I. Флавій (Antiq. V, 1, § 29). Елеазаръ былъ третьимъ лицомъ, кромѣ Іисуса Навина и Халева, изъ того стараго поколѣнія, которое вышло изъ Египта и вступило въ землю обѣтованную. Быть можетъ онъ удостоился этого высокаго счастія, какъ первосвященникъ и прямой наслѣдникъ великихъ духовныхъ дарованій своего великаго отца.

[2]) По мнѣнію новѣйшаго изслѣдователя, Кондера, «холмъ Финееса» есть то мѣсто, на которомъ стоитъ теперешняя деревня Аверта, на равнинѣ

свидѣтельству раввиновъ, будучи сыномъ мадіанитской матери, онъ сдѣлался, въ нѣкоторой степени, преемникомъ Іисуса Навина. Горя пламенною ревностью и отличаясь суровою непреклонностью въ своей преданности Іеговѣ, онъ уже въ юности прославилъ себя подвигомъ, который положилъ конецъ преступному распутству народа въ Ваалъ-Фегорѣ и тѣмъ остановилъ истреблявшую тогда израильтянъ язву. Съ того времени онъ сдѣлался извѣстнымъ и выдающимся человѣкомъ въ народѣ, особенно, какъ наслѣдникъ первосвященства, которое обѣщано было ему по особому откровенію отъ Іеговы [1]). Будучи столько же священникомъ, сколько и воиномъ, онъ именно водилъ израильское войско для отмщенія мадіанитянамъ, причемъ бралъ съ собою ковчегъ завѣта (Числ. XXXI, 6). Хотя номинально находясь въ низшемъ положеніи до смерти своего отца, онъ тѣмъ не менѣе болѣе чѣмъ Елеазаръ, былъ главнымъ ревнителемъ поддержанія древняго религіознаго одушевленія и преданности закону во время начавшагося ослабленія религіозно-нравственной силы въ народѣ. Такъ, онъ именно былъ начальникомъ левитской охраны при скиніи и въ станѣ, и когда веніамитяне совершили актъ возмутительной безнравственности, онъ именно далъ повелѣніе начать войну противъ нихъ, которая окончилась почти полнымъ истребленіемъ ихъ [2]). Еще раньше, когда члены за-іорданскихъ колѣнъ построили большой жертвенникъ на одной изъ высотъ на западномъ берегу Іордана, Финеесъ именно стоялъ во главѣ депутаціи для разсмотрѣнія этого дѣла, и только ихъ горячее увѣреніе, что они не имѣли никакого намѣренія оставлять Іегову, удержало его

за предѣлами долины Сихемской, съ восточной стороны цѣпи холмовъ, часть которой составляютъ Гевалъ и Гаризимъ. Гробница Елеазара представляетъ собою грубое каменное построеніе на дворѣ, совершенно открытое для воздуха. Она имѣетъ 18 футовъ въ длину, вся покрыта известью и отѣняется великолѣпнымъ теревинѳомъ. Гробница Финееса, повидимому, представляетъ болѣе древнее построеніе, и стѣны ея двора имѣютъ аркаду изъ круглыхъ арокъ, теперь поддерживающихъ рѣшетку, покрытую виноградными лозами, и самое зданіе имѣетъ мощеный полъ». Tent Work, p. 41.

1) Богъ обѣтовалъ, что первосвященство никогда не прекратится въ его семействѣ, и это исполнилось буквально. Правда, оно на нѣкоторое время было нарушено, когда первосвященникомъ былъ Илій изъ семейства Иѳамара, но родъ Финееса опять вступилъ въ это достоинство въ лицѣ Садока, первосвященника времени Соломона, и продолжалъ удерживать за собою это достоинство до паденія Іерусалима. 1 Паралип. XVI, 39, 40.

2) Суд. XX, 28

отъ объявленія имъ войны. Такъ велико было его мужество, говоритъ І. Флавій, и такъ замѣчательна его тѣлесная крѣпость, что онъ никогда не ослабѣвалъ ни въ какомъ предпріятіи, какъ бы оно ни было трудно и опасно, не достигнувъ полной побѣды [1]).

Немсотря, однако же, на всю его ревность, уже при его жизни, среди израильскаго народа началось замѣтное и сильное вырожденіе религіозно-нравственнаго смысла и сталъ часто нарушаться завѣтъ съ Іеговою. Утомленный годами борьбы, удовлетворяясь тѣмъ, что пріобрѣтено, чувствуя искушеніе входить въ дружескія отношенія съ хананеями, поддерживаемыя сходствомъ языка, возможностью выгодныхъ сношеній, соблазнами сосѣдства, недостаткомъ собственныхъ военныхъ знаній и слабостью колѣнныхъ раздѣленій,—народъ, наконецъ, оставилъ дѣятельность и желалъ какъ-нибудь устроиться въ обѣтованной землѣ поудобнѣе и поспокойнѣе. Говоря по-человѣчески, этого и надо было ожидать. Финикіяне и другіе хананеи, несомнѣнно, могли бы быть совершенно подавлены, если бы израильскія колѣна оставались въ единеніи между собою подъ главенствомъ сильнаго и опытнаго вождя и если бы воспользовались пламеннымъ одушевленіемъ, при первомъ вступленіи въ землю обѣтованную, для того, что бы продолжать войну до полнаго покоренія земли. Но когда Іисусъ Навинъ оставилъ свою верховную должность вождя и колѣна разсѣялись по отведеннымъ имъ удѣламъ, то благопріятныя условія для завершенія завоевательнаго дѣла исчезли и никогда уже болѣе не возвращались. Въ первомъ порывѣ завоеванія уже значительно поистощились силы народа, и теперь тѣ прутья, которыхъ нельзя было бы даже согнуть, когда они были вмѣстѣ, легко было сломать каждый порознь [2]). Сила финикіянъ, въ дѣйствительности, не могла идти въ сравненіе съ силой израильтянъ. Во времена Іисуса Навина они еще платили дань Египту, какъ это было и 400 лѣтъ раньше, пользуясь взамѣнъ этого монополіей египетской торговли, которую они развивали съ большимъ успѣхомъ. Ихъ дѣятельность на Эгейскомъ морѣ стѣснялась возро-

[1]) Мать Финееса была дочь Футіила,—имя замѣчательное тѣмъ, что оно составлено изъ египетскихъ словъ Фути или Пути, что значитъ «посвященный», и еврейскаго слова Элъ—«Богъ».

[2]) Богъ съ самаго начала обѣтовалъ, что Онъ изгонитъ туземцевъ «мало-по-малу», а не «въ одинъ годъ», «чтобы земля не сдѣлалась пуста и не умножились звѣри полевые», во вредъ Израилю. Исх. XXIII, 30, 29.

ставшимъ могуществомъ грековъ и другихъ народовъ, но они еще удерживали за собою различные острова, какъ свои внѣшніе торговые порты. Они уже обосновались на Сициліи, Мальтѣ и отдаленномъ сѣверномъ берегу Африки, и повсюду устроили свои торговыя конторы, подобно конторамъ европейскихъ народовъ новѣйшаго времени въ Индіи, и эти колоніи, вѣроятно, были еще подкрѣплены усиленнымъ выселеніемъ изъ Палестины народа, бѣжавшаго отъ грознаго меча Іисуса Навина. Но даже эти разсѣянныя въ далекихъ странахъ поселенія не обозначали собою предѣловъ ихъ торговыхъ предпріятій, такъ какъ это было время, когда, по выраженію Гумбольдта, «флагъ финикіянъ развѣвался нѣкогда въ Британіи и на Индійскомъ океанѣ» [1]). Громадное богатство Сидона и другихъ финикійскихъ городовъ, вѣроятно, сильно возбуждало алчность израильтянъ, но оно было недоступно для нихъ. Они не могли выстоять противъ длинныхъ копій этого прибрежнаго народа и боялись его страшныхъ желѣзныхъ колесницъ. Отказавшись поэтому отъ надежды обладать богатымъ морскимъ берегомъ, они держались холмовъ: но такъ какъ пути, которыми велась торговля между Египтомъ, Аравіей, Вавилономъ и Ассиріей, проходили чрезъ эти холмы, то финикіяне не могли не желать жить мирно съ тѣми, во владѣніи которыхъ находились эти пути. Отсюда израильтяне получили возможность поселяться въ ихъ городахъ (Суд. I, 27—36), быть можетъ, на условіяхъ нѣкоторой зависимости, хотя они и продолжали жить обособленно, придерживаясь, главнымъ образомъ, своихъ собственныхъ законовъ и обычаевъ. Затѣмъ внутреннее ханаанское населеніе, оставшееся послѣ страшной завоевательной дѣятельности Іисуса Навина, скоро поправилось отъ понесеннаго разгрома и, въ свою очередь, перешло въ наступленіе. Понесенное бѣдствіе какъ-бы вообще содѣйствовало возрожденію оставшагося населенія ханаанскаго народа и пробудило въ немъ отчаянную рѣшимость, предъ которою скоро должны были преклониться израильтяне. Даже обыкновенно невоинственные сидоняне, спустя нѣкоторое время, начали угнетать ихъ, захватывая ихъ въ плѣнъ, продавая ихъ въ рабство и обращаясь съ ними дома, какъ съ крѣпостными [2]).

---

1) Wilkins, Phenicia, p. 45.

2) Суд. X, 16. См. также Movers, Die Phönizier, vol. II, pp. 302—315.

Подобное состояніе естественно сильно вліяло на пониженіе религіозно-нравственнаго духа въ народѣ, и вскорѣ избранный народъ настолько поддался вліянію окружающихъ его и враждебныхъ ему сосѣдей, что нарушилъ вѣрность Іеговѣ и сталъ поклоняться туземнымъ богамъ. Такая невѣрность должна была потерпѣть наказаніе, и оно не замедлило осуществиться. Ханаанскіе народы, пораженные Іисусомъ Навиномъ, еще не имѣли достаточно силъ, чтобы послужить орудіемъ для такого наказанія, и поэтому орудіемъ его послужилъ одинъ далекій народъ. Къ востоку отъ Палестины, за предѣлами пустыни, гдѣ странствовали кочевыя племена бедуиновъ, былъ одинъ воинственный месопотамскій народъ, одинъ царь котораго и сдѣлалъ нашествіе на Палестину. Царь этотъ назывался Хусарь-Сафемъ, вождь именно одного месопотамскаго племени [1]). Царь этотъ сдѣлалъ нашествіе на Палестину и наложилъ на народъ дань. Могущество этого царя, давшее ему возможность проникнуть съ оружіемъ въ рукахъ такъ далеко въ сердце земли Ханаанской, должно было сдѣлать его нашествіе однимъ изъ самыхъ страшныхъ, отъ какихъ только страдали израильтяне времени судей. Оно простиралось, вѣроятно, на всю Палестину. Выйдя съ береговъ рѣки Ховара, гдѣ, вѣроятно, находилось его царство, побѣдитель, вѣроятно, проникъ въ Палестину съ сѣвера, и все заставляетъ думать, что онъ прошелъ Палестину до самаго юга и подчинилъ даже колѣно Іудино, такъ какъ во главѣ израильтянъ, стремившихся къ низверженію этого ига, выступилъ Готоніилъ, который принадлежалъ къ этому колѣну и жилъ совершенно на югѣ страны, именно въ Хевронѣ.

Дань, наложенная побѣдителемъ, состояла, конечно, въ натуральной повинности, какъ было вообще въ обычаѣ въ древности [2]). Подробнѣе нѣтъ возможности опредѣлить, въ чемъ именно состояла

---

[1]) Въ ассирійскихъ надписяхъ не найдено еще какого-либо болѣе или менѣе приблизительнаго соотвѣтствія имени этого царя, но Ролинсонъ въ своемъ «Геродотѣ» находитъ возможнымъ сопоставлять его съ Ассуръ-Рисъ-Элимъ. Это же предположеніе принимаетъ и профессоръ Сэйсъ, который говоритъ, что Ассуръ-Рисъ-Элимъ былъ внукъ Ассуръ-Діана и отецъ Тиглатъ-Фаласcара I.

[2]) Еще и теперь бедуины платятъ дань натурою. Въ древней странѣ Моавитянъ племя кераковъ платитъ племени Бени-Сакхру ежегодную дань оросмъ, шерстью и проч., за то, чтобы это могущественное племя давало защиту имъ и ихъ стадамъ противъ грабительства со стороны другихъ племенъ. Tristram, Land of Moab, p. 18, 1873.

эта дань. Извѣстно только, что израильтяне платили ее въ теченіе восьми лѣтъ. Она, вѣроятно, собиралась старѣйшинами городовъ и деревень, сообразно съ тѣмъ распредѣленіемъ, которое было сдѣлано въ собраніи начальниковъ народа, и такъ какъ завоеватели не оставляли въ завоеванныхъ странахъ сборщиковъ налоговъ, то сами израильтяне и должны были относить подать Хусаръ-Сафему въ столицу его государства. Мы увидимъ, какъ израильтяне сами носили подать и царю Моавскому въ его столицу. Подобнымъ же образомъ, всѣ ассирійскіе памятники изображаютъ, какъ подвластные князья и въ особенности Іуй, царь израильскій, носили въ Ниневію естественные продукты, изъ которыхъ состояла наложенная на нихъ побѣдителями дань. Не приносить этой дани въ назначенное время, значило возставать противъ побѣдителя и объявлять войну, и значило вмѣстѣ съ тѣмъ, подвергаться опасности новаго нашествія: такъ это было и раньше, когда именно цари Содома и городовъ долины Сиддимской отказались платить дань, наложенную на нихъ Кедоръ-Лаомеромъ и его союзниками. То же самое было и позже, во времена Сеннахирима и Навуходоносора, когда израильтяне переставали платить наложенную ими дань. То же самое, вѣроятно, случилось и теперь: когда израильтяне перестали посылать свои подарки Хуссаръ-Сафему, онъ вновь сдѣлалъ нашествіе на Палестину.

По истеченіи восьми лѣтъ подобнаго рабства, народъ израильскій, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что онъ справедливо былъ наказанъ за свою невѣрность и вслѣдствіе этого снова обратился къ своему Господу. Со времени смерти Іисуса Навина еще прошло немного времени: воспоминанія о чудесахъ, совершенныхъ для избраннаго народа Богомъ, равно какъ и воспоминанія о великихъ наставленіяхъ Іисуса Навина еще не изгладились совсѣмъ. И вотъ, когда народъ раскаялся, то Богъ водвигъ ему избавителя въ лицѣ Гоѳониила. Это былъ племянникъ Халева, сотоварища Іисуса Навина въ изслѣдованіи земли обѣтованной; онъ былъ еще полонъ силъ и мужества, хотя уже и склонялся къ старости. Будучи вмѣстѣ съ тѣмъ зятемъ Халева, именно мужемъ его дочери Аксы, женщины чрезвычайно энергичной и умной, онъ пользовался за свою храбрость и умъ общимъ уваженіемъ въ народѣ. Своимъ вліяніемъ онъ долженъ былъ не мало содѣйствовать возвращенію народа къ истинному Богу, воспоминая ему о всемъ, что Іегова сдѣлалъ для из-

раильтянъ, и о всемъ томъ, что Іисусъ Навинъ обѣщалъ ихъ отцамъ. Пользуясь ихъ воодушевленіемъ, онъ сталъ во главѣ народа, увѣряя его, что какъ только онъ отвергнетъ идолопоклонство, то Богъ окажетъ ему свою защиту и избавитъ отъ подчиненія идолопоклонническому царю. И, дѣйствительно, возрожденіе религіознаго духа пробудило въ народѣ и политическое мужество, и Гоѳоніилъ имѣлъ возможность смѣло выступить противъ Хусаръ-Сафема, когда этотъ послѣдній вновь сдѣлалъ нашествіе на Палестину для новаго покоренія возмутившагося народа. Богъ далъ силу Своему избранному народу, и онъ восторжествовалъ надъ своимъ врагомъ. Мы не знаемъ ни о какихъ подробностяхъ касательно этой побѣды, не знаемъ даже, гдѣ совершилась она. Но, во всякомъ случаѣ намъ извѣстно, что месопотамское иго было низвергнуто, и народъ опять получилъ свободу и наслаждался миромъ въ теченіе сорока лѣтъ до смерти Гоѳоніила.

Пока живъ былъ Гоѳоніилъ, своимъ вліяніемъ онъ поддерживалъ религіозную ревность въ народѣ, но послѣ его смерти этотъ невѣрный народъ вновь не замедлилъ уклониться въ идолопоклонство. За этимъ преступленіемъ не замедлило вновь послѣдовать наказаніе, и орудіемъ наказанія на этотъ разъ послужили ближайшіе сосѣди Израиля. Хананеи еще не имѣли достаточныхъ силъ для возстанія противъ израильтянъ, но на югѣ-востокѣ Палестины жилъ народъ, который менѣе, чѣмъ хананеи, пострадалъ отъ оружія Моисея и Іисуса Навина, именно моавитяне [1]). Народъ этотъ былъ пощаженъ, по повелѣнію Божію изъ уваженія къ крови Лота. Ужасъ, который повсюду распространенъ былъ подвигами израильтянъ во время завоеванія земли обѣтованной, на долгое время держалъ моавитянъ въ покоѣ. Они были вообще слабы и занимали въ это время лишь весьма незначительную область къ востоку отъ Мертваго моря, къ югу отъ рѣки Арнона. Тѣмъ не менѣе, мало-по-малу, они сдѣлались болѣе смѣлыми и рѣшились напасть, по крайней мѣрѣ, на сосѣднія колѣна израильскія. Считая свои собственныя силы недостаточными, они призвали на помощь аммонитянъ, происходившихъ также отъ Лота и жившихъ къ сѣверо-востоку отъ ихъ владѣній,

[1]) Моавитяне находились въ частыхъ сношеніяхъ съ колѣномъ Іудинымъ. Къ сожалѣнію, мы знаемъ о большей части этихъ сношеній лишь изъ случайныхъ и неясныхъ намековъ. 1 Паралип. IV, 22; I, 2.

равно какъ и амаликитянъ, хищническое племя, кочевавшее въ пустынѣ къ востоку отъ Моава и всегда бывшее склоннымъ къ грабежу, подобно бедуинамъ, которые еще и теперь живутъ въ этихъ мѣстахъ и сохраняютъ тѣ же самые нравы. Поддерживаемые этими союзниками, моавитяне, подъ предводительствомъ своего царя Еглона, переправились чрезъ Іорданъ. Израильтяне хотѣли было остановить ихъ нашествіе, но были поражены и разбиты. Моавитяне, слишкомъ стѣсненные въ своей собственной области, предполагали не только наложить дань на израильтянъ, какъ это дѣлалъ Хусаръ-Сафемъ, а хотѣли даже вообще отнять у нихъ часть земли и поселиться на ихъ мѣсто. Еглонъ овладѣлъ городомъ Пальмъ, подъ которымъ вѣроятно, разумѣется, Іерихонъ, и сдѣлалъ этотъ городъ своей резиденціей. Въ теченіе 18 лѣтъ онъ угнеталъ оттуда израильтянъ окружающихъ колѣнъ. Каждый годъ они вынуждены были приносить ему дань въ его новую столицу.

Въ восемнадцатомъ году дань принесена была Еглону израильтяниномъ изъ колѣна Веніаминова, по имени Аодомъ. Колѣно Веніаминово, область котораго заняли моавитяне, было именно тѣмъ, которое больше всего страдало отъ ихъ угнетенія и, быть можетъ, было единственнымъ колѣномъ къ западу отъ Іордана, которое платило имъ дань. Какъ бы то ни было, оно было, наконецъ, вразумлено бѣдствіемъ, отвергло идолопоклонство и молилось Богу объ освободителѣ. Богъ услышалъ его молитву и послалъ ему избавителя въ лицѣ того именно Аода, который избранъ былъ для отнесенія дани. Аодъ былъ лѣвша, то-есть вѣрнѣе—человѣкъ, который владѣлъ лѣвою рукой съ такою же ловкостью, какъ и правой [1]). И вотъ, у него явилась мысль воспользоваться этимъ своимъ качествомъ для избавленія своихъ братьевъ отъ ненавистнаго ига моавитянъ. Не надѣясь низвергнуть это иго силой оружія, онъ рѣшился прибѣгнуть къ хитрости,—средство, которое на востокѣ цѣнится не менѣе силы.

---

[1]) Аодъ былъ не единственный израильтянинъ, который могъ дѣйствовать въ битвѣ съ одинаковой ловкостью обѣими руками. Веніамитяне, къ колѣну которыхъ принадлежалъ Аодъ, вообще славились какъ стрѣлки и пращники, умѣвшіе одинаково ловко дѣйствовать лѣвой и правой рукой и способные, по библейскому свидѣтельству, попадать изъ пращи въ волосъ. Суд. XX, 16; 1 Паралип. XII, 2. Муцій Сцевола, прославившійся у римлянъ подобнымъ же подвигомъ, былъ лѣвша, и таково именно значеніе его прозвища Сцевола.

Священный историкъ подробно описываетъ, какъ онъ осуществилъ свое намѣреніе. Со свойственною восточнымъ людямъ тайною, которую они хорошо умѣютъ хранить при подобныхъ обстоятельствахъ, онъ заранѣе подготовилъ все и предусмотрѣлъ всѣ мельчайшія обстоятельства предпринимаемаго дѣла. Онъ приготовилъ себѣ обоюдоострый ножъ, весьма широкій, которымъ можно бы было пользоваться, какъ кинжаломъ. Отправляясь въ Іерихонъ, для того, чтобы лучше устранить всякое подозрѣніе, онъ скрылъ свое оружіе не съ лѣвой стороны, а съ правой, гдѣ никто не могъ предполагать оружія. Его сопровождали нѣсколько израильтянъ, которымъ поручено было нести тѣ предметы, которыми производилась уплата дани Еглону [1]). Но задуманный планъ онъ не хотѣлъ осуществлять при нихъ, такъ какъ этимъ онъ обрекъ бы ихъ на смерть и въ то же время могъ погибнуть и самъ, потому что въ случаѣ покушенія на убійство своего врага, онъ, конечно, былъ бы немедленно убитъ самъ вмѣстѣ съ своими спутниками моавитянами, которые могли быть свидѣтелями его дѣла. Вслѣдствіе этого, онъ спокойно передалъ царю дань и возвратился вмѣстѣ съ другими веніамитянами до Галгалы, близъ Іерихона. Но оттуда онъ вдругъ воротился назадъ, и для того, чтобы получить новую аудіенцію у царя, заявилъ, что онъ имѣетъ сказать ему нѣчто. Чтобы имѣть успѣхъ въ своемъ намѣреніи, ему нужно было, чтобы его допустили одного въ присутствіе Еглона, и поэтому онъ просилъ позволенія сообщить ему безъ свидѣтелей весьма важную тайну, именно «Слово Божіе» (Суд., III, 20). Изъ окружающихъ, конечно, никто не могъ подозрѣвать человѣка который уже заплатилъ дань и вновь явился съ важнымъ сообщені-

---

1) Теперешніе обычаи востока и многочисленныя изображенія ассирійскія, представляющія принесеніе дани властелинамъ, показываютъ, что дань приносилась съ большою торжественностью и всегда въ сопровожденіи многочисленной свиты. Обыкновенно каждый человѣкъ несъ какой-нибудь предметъ, какъ бы онъ ни былъ малъ. Поэтому, всегда требовалось значительное число носильщиковъ. Одинъ путешественникъ, говоря о подаркахъ, дѣлаемыхъ на востокѣ, говоритъ, что въ этомъ случаѣ для виду обыкновенно употребляется четыре или пять лошадей, хотя всѣ подарки легко было бы свезти на одной лошади, и цѣнные предметы раскладываются въ цѣлыхъ пяти сосудахъ, хотя ихъ легко было бы помѣстить въ одинъ. Maillet, Description de l'Egypt, Paris, 1735, lettre X, p. 86. Судя по этимъ обычаямъ, Аодъ долженъ былъ имѣть не мало спутниковъ.

емъ безъ оружія. Царь приказалъ всѣмъ выйти [1]). Въ это время онъ находился въ особомъ помѣщеніи дома въ верхнемъ этажѣ, пользуясь тамъ прохладой; всѣ его приближенные сошли внизъ и оставили его наединѣ съ Аодомъ.

На востокѣ, по причинѣ палящаго зноя страны, всегда дѣлались высокія помѣщенія, построенныя исключительно съ цѣлью имѣть нѣкоторую прохладу. Эти помѣщенія, какъ теперь, такъ и всегда, назывались такъ же, какъ они называются и въ еврейскомъ текстѣ книги Судей, именно алійа. Одинъ путешественникъ даетъ описаніе, которое облегчаетъ возможность понять происшедшее событіе. «Рядомъ съ большею частью домовъ», говоритъ онъ, «строится небольшое помѣщеніе, обыкновенно поднимающееся на этажъ выше, чѣмъ тотъ домъ, къ которому оно принадлежитъ; иногда въ немъ не болѣе двухъ комнатъ и крыша; въ иныхъ случаяхъ оно помѣщается даже надъ главными воротами, и тогда, за исключеніемъ нижняго этажа, котораго обыкновенно не бываетъ у этого помѣщенія, оно имѣетъ всѣ удобства дома въ собственномъ смыслѣ этого слова. Эти два дома, маленькій и большой, имѣютъ одну соединительную дверь, которая ведетъ изъ перваго въ галлерею втораго и можетъ быть открыта или закрыта по желанію хозяина дома. Маленькій домъ имѣетъ и другую дверь, которая ведетъ прямо къ главнымъ входнымъ воротамъ или даже на улицу, такъ что можно входить въ него и выходить, нисколько не безпокоя тѣхъ, которые живутъ въ главномъ домѣ. Этотъ послѣдній называется *даръ* или *баитъ*, а маленькій домъ называется *алійа*, и въ этомъ послѣднемъ обыкновенно оказывается гостепріимство чужеземцамъ. Сыновьямъ дома позволяется также имѣть въ этихъ помѣщеніяхъ своихъ наложницъ; мужчины удаляются туда, когда желаютъ заняться серьезными дѣлами или вообще воспользоваться отдыхомъ вдали отъ домашняго

---

[1]) Еглонъ долженъ былъ безъ замедленія выслать всѣхъ окружающихъ его, такъ какъ таковъ именно обычай востока при подобныхъ обстоятельствахъ: «служители обыкновенно удаляются, когда приносятъ какое-нибудь сообщеніе ихъ господину. «Я пилъ чашку кофе у одного шейха на востокѣ (разсказываетъ Брюссъ), и сказалъ ему, что имѣю сообщить конфиденціальную вѣсть отъ Али-Бея Каирскаго, и потому желалъ бы передать ему эту вѣсть безъ свидѣтелей, гдѣ только ему желательно. Вслѣдствіе этого тотчасъ же всѣ удалились изъ помѣщенія». Travels, V. I, p. 153.

шума; тамъ, наконецъ, находится и гардеробъ, и всякая провизія» [1]).

Въ такомъ именно верхнемъ помѣщеніи находился и царь Моавскій, и тамъ именно Аодъ остался съ нимъ наединѣ для сообщенія ему предполагаемой тайны. «У меня есть для тебя, царь, слово Божіе», обратился къ нему Аодъ. Этими словами онъ хотѣлъ побудить царя подняться съ своего сѣдалища, для того, чтобы лучше ударить его. Царь, дѣйствительно, тотчасъ же всталъ съ своего мѣста—очевидно, изъ благоговѣнія къ тому слову Божію, которое хотѣлъ сообщить ему Аодъ, потому что религіозное чувство всегда было высоко развито среди этихъ восточныхъ народовъ. И вотъ, когда Еглонъ всталъ, веніамитянинъ, мгновенно, извлекая своей лѣвой рукой скрытый у него справа ножъ, съ необыкновенною силою и быстротою, вонзилъ его въ животъ царя моавскаго. Еглонъ былъ чрезвычайно тученъ и жиренъ, и вслѣдствіе этого даже рукоять меча вошла въ его тѣло настолько, что совершенно скрылась въ складкахъ тѣла, и Аодъ не хотѣлъ даже извлечь его обратно. Совершивъ это страшное дѣло, онъ затѣмъ единственно думалъ о томъ, чтобы докончить составленный имъ планъ освобожденія израильтянъ. Смерть Еглона была только первымъ актомъ трагедіи: для освобожденія угнетеннаго народа недостаточно было раздѣлаться только съ царемъ моавитскимъ,—нужно было еще изгнать моавитянъ, его подданныхъ, изъ владѣнія израильскаго.

Аодъ обдумалъ все заранѣе. Онъ очень хорошо зналъ всѣ входы и выходы; поэтому старательно заперъ дверь, ведшую въ помѣщеніе Еглона, чтобы имѣть время и возможность спастись. Когда онъ вышелъ и скрылся, приближенные Еглона, недоумѣвая о причинѣ, слишкомъ большой продолжительности аудіенціи, пришли посмотрѣть и справиться о состояніи дѣла и къ удивленію увидѣли, что двери горницы были замкнуты; но и тогда у нихъ еще не являлось никакого подозрѣнія, и они просто подумали: «навѣрно онъ для нужды въ прохладной комнатѣ». Но затѣмъ, прождавъ еще довольно долго и видя, что никто не отпираетъ двери горницы, они, наконецъ, взяли ключъ и отперли, и глазамъ ихъ представилось

---

[1]) Shaw, Travels, Oxford, 1738, p. 280; Rosenmüller, Morgenland, v. III, pp. 19, 20. Ср. 4 Цар. IV, 10; 2 Цар. XVIII, 33; 4 Цар. XXIII, 12; IX, 2.

страшное зрѣлище: царь ихъ лежалъ полумертвымъ, и пока они въ ужасѣ недоумѣвали, чтобы это значило, Аодъ успѣлъ уже скрыться, и, прибывъ въ Секраѳъ, неизвѣстную мѣстность въ горахъ Ефремовыхъ, торжественно затрубилъ въ трубу и призывалъ весь народъ къ оружію. Когда онъ разсказалъ о своемъ подвигѣ, ему не трудно было убѣдить своихъ соотечественниковъ, что теперь легко восторжествовать надъ врагами, повергнутыми въ уныніе и скорбь столь неожиданною смертью ихъ царя. Израильтяне немедленно заняли переходы Іордана и этимъ закрыли путь отступленія для тѣхъ моавитянъ, которые перешли на западную сторону Іордана, чтобы поселиться въ землѣ обѣтованной. Устрашенные моавитяне хотѣли бѣжать въ свою прежнюю страну, но это теперь не удалось имъ, и они всѣ были избиты. Такимъ образомъ, моавитяне хотя и не уничтожены были (собственно Моавитскаго царства не коснулось это пораженіе и впослѣдствіи моавитяне опять выступали среди враговъ Израиля), но были смирены и ослаблены, такъ какъ подъ ударомъ израильтянъ пало среди нихъ до десяти тысячъ человѣкъ, и притомъ наиболѣе сильныхъ и мужественныхъ.

У всѣхъ народовъ и во всѣ времена хладнокровіе, смѣлость, мужество и отвага цѣнились высоко, и поэтому такіе подвиги, какъ совершенный Аодомъ, всегда прославлялись, хотя въ то же время и не считались безусловно безупречными. Аѳиняне хвалебно прославляли Армодія и Аристогитона, римляне прославляли Муція Сцевола. Поэтому, и при пробужденіи нравственнаго достоинства совершеннаго Аодомъ подвига, нужно имѣть въ виду общее воззрѣніе древности. «Нѣтъ ничего», справедливо говоритъ Гердеръ, «жалче тѣхъ возраженій, которыя высказываются противъ книги Судей и противъ разсказываемыхъ въ нихъ подвиговъ; потому, что авторы этихъ возраженій, повидимому, не считаютъ своею обязанностью помнить то время, когда была написана эта книга. Древніе народы позволяли себѣ во время своихъ войнъ самыя утонченныя хитрости; то же самое замѣчается еще и теперь у дикихъ народовъ (а также, прибавимъ, и у восточныхъ), которые, несмотря на свою храбрость, не подлежащую сомнѣнію, болѣе любятъ пользоваться хитростью, чѣмъ силой. Такое оружіе всегда было необходимо для народа, угнетаемаго совнѣ, постоянно волнуемаго внутри и—у народа, гдѣ національный духъ существовалъ еще только у нѣкоторыхъ отдѣль-

ныхъ личностей; такъ какъ одинъ человѣкъ, каковы бы ни были его мужество и его сила, конечно, не могъ льстить себя надеждою выстоять противъ цѣлыхъ полчищъ, особенно, когда еще народы не располагали преимуществами тѣхъ изобрѣтеній, которыя дѣлаютъ изъ войны науку и искусство. Впрочемъ, эти самыя изобрѣтенія составляютъ ли что-нибудь другое, кромѣ хитрости? И можно ли указать хитрость, болѣе безумную, и мужество, болѣе трусливое, чѣмъ то, которое происходитъ изъ жерла пушки?» [1]).

На востокѣ и доселѣ въ употребленіи подвиги, подобные тому, который совершенъ былъ Аодомъ. Когда Лейярдъ былъ консуломъ въ Месопотаміи, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ вождей страны, Ибрагимъ-Ага, прославился смѣлымъ подвигомъ, весьма похожимъ на подвигъ Аода. Одинъ Курдскій бей нѣсколько лѣтъ тому назадъ жилъ въ неприступной крѣпости на островѣ Закко, образуемомъ рѣкой Ховаромъ. Оттуда онъ смѣло отвергалъ всякую власть Магомета-паши, представителя Порты въ этихъ странахъ, и безнаказанно грабилъ окрестности. «Неужели не найдется у меня никого, кто бы задушилъ эту курдскую собаку?» вскричалъ однажды Магометъ-паша въ своемъ саламлекѣ, послѣ одной безплодной попытки взять Закко. «Во имя Бога и пророка, самая богатая почетная одежда будетъ принадлежать тому, кто принесетъ мнѣ его голову». Это желаніе своего господина услышалъ Ибрагимъ-Ага. Онъ скоро оставилъ палату, собралъ нѣсколько рѣшительныхъ человѣкъ и вмѣстѣ съ ними отправился въ горы. Прибывъ къ цѣли своего путешествія, онъ спряталъ всѣхъ своихъ людей, за исключеніемъ пяти или шести, въ садахъ, окружающихъ городокъ Закко, и когда наступила ночь, онъ вошелъ въ крѣпость воинственнаго курда. Этотъ принялъ его, какъ своего гостя, и, согласно съ обычаями восточнаго гостепріимства, предложилъ ему угощеніе. Когда Ибрагимъ кончилъ свой ужинъ, онъ спокойно всталъ съ своего дивана и направился къ бею, который идѣлъ на подушкахъ на противоположной сторонѣ комнаты. Подойдя къ нему, онъ хладнокровно вынулъ пистолетъ и выстрѣлилъ ему прямо въ грудь, затѣмъ, вынувъ свою саблю, отсѣкъ ему голову. Курды, озадаченные столь неслыханною смѣлостью, не въ состояніи были оказать никакого сопроти-

[1]) Herder, Geschichte der Hebräischen Poesie, p. 436.

вленія. Ибрагимъ-Ага ограбилъ весь замокъ, захватилъ всѣ его сокровища и принесъ ихъ въ Мосулъ вмѣстѣ съ головой заккскаго бея, за что и получилъ обѣщанную награду [1]).

Результатомъ подвига Аода было то, что земля обѣтованная покоилась въ теченіе восьмидесяти лѣтъ. Но и въ теченіе этого продолжительнаго времени покоя бывали отдѣльные случаи набѣговъ хананеянъ на израильтянъ, которые однако же имѣли достойныхъ защитниковъ. Именно, около этого времени въ юго-западной части Палестины, на прибрежной равнинѣ, стали замѣтно усиливаться филистимляне, которые и начали дѣлать набѣги на израильтянъ. Для избавленія отъ этихъ хищниковъ, во главѣ народа выступилъ судія Самегаръ. Онъ прославился однимъ замѣчательнымъ подвигомъ, именно, лично истребилъ цѣлую партію въ 600 человѣкъ филистимлянъ, пришедшихъ для хищничества и грабительства. При этомъ замѣчательно, что единственнымъ орудіемъ этой побѣды Самегара былъ воловій рожонъ, который и теперь еще употребляется въ Палестинѣ и могъ быть страшнымъ оружіемъ въ рукахъ сильнаго человѣка. «При пашнѣ жители Палестины употребляютъ особые рожны, чрезвычайно большой величины. Измѣряя нѣкоторые изъ нихъ я нашелъ (говоритъ одинъ изслѣдователь), что они были были около 8 футовъ длины и на болѣе толстомъ концѣ даже 6 дюймовъ въ окружности. На болѣе тонкомъ концѣ къ нимъ обыкновенно придѣлывается острая колючка для того, чтобы погонять воловъ, а на другомъ концѣ—небольшая желѣзная лопатка, крѣпкая и массивная для очистки плуга отъ прилипающей къ нему во время работы глины» [2]). Такимъ-то первобытнымъ оружіемъ Самегаръ навелъ такой ужасъ на филистимлянъ, что они уже долго не тревожили израильтянъ.

---

[1]) Layard, Nineveh and its Remains (v. I, p. 97—98).
[2]) Maundrell, Journey, p. 149.

ГЛАВА LXI.

Девора и Варакъ.

За время продолжительнаго мира, наступившаго послѣ блистательнаго пораженія враговъ первыми судіями, израильскій народъ началъ быстро преуспѣвать во всѣхъ отношеніяхъ общественной жизни. Среди нихъ замѣтно стало возвышаться благоденствіе, и явилось не мало людей, которые умѣли цѣнить удобства богатой и отчасти даже роскошной жизни. Начальники колѣнъ и племенъ дѣлали торжественные выѣзды на бѣлыхъ ослахъ, богатые же люди устраивали себѣ дорогія сѣдла, а въ домахъ ковры для сидѣнія [1]). Колѣно Рувимово, Гадово и полу-Манассіино обладали громадными стадами, размножавшимися въ обширныхъ степяхъ къ востоку отъ Іордана [2]). Колѣно Дановo вошло въ тѣсныя сношенія съ филистимлянами города Іоппіи, и само занималось морскими промыслами и мореплаваніемъ. Асиръ на сѣверѣ, такимъ же образомъ, занялся прибрежными промыслами въ мѣстности, которою онъ номинально владѣлъ, отъ Акрскаго залива до Тира [3]). Благосостояніе народа развилось настолько, что женщины и дѣвицы носили разноцвѣтныя одежды и на шеяхъ вышитые платки, а въ городахъ было много сокровищъ, которыя могли раздражать хищническіе инстинкты враговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стала развиваться и торговля, такъ что, по прежнимъ караваннымъ путямъ въ долинахъ или равнинахъ стали

---

1) Суд. V, 10.
2) Суд. V, 16.
3) Суд. V, 17.

двигаться товары [1]) и вообще народъ становился съ каждымъ годомъ богаче и сильнѣе.

Къ сожалѣнію, рядомъ съ развитіемъ этого внѣшняго благоденствія, не развивалось въ народѣ религіозное самосознаніе, а, напротивъ, оно какъ-бы постепенно ослабѣвало. Народъ, увлекаясь внѣшними благами, сталъ забывать своего главнаго Благодѣтеля Іегову, и, подчиняясь внѣшнему культурному вліянію окружающихъ идолопоклонническихъ народовъ, самъ сталъ впадать въ идолопоклонство и покланяться туземнымъ божествамъ Ваалу и Астартѣ. Когда эта невѣрность сдѣлалась уже весьма замѣтною и религіи Іеговы грозила большая опасность, Богъ опять прибѣгъ къ спасительному средству исправленія невѣрнаго народа посредствомъ внѣшняго бѣдствія, чтобы суровымъ урокомъ опять напомнить народу о его духовномъ назначеніи. И вотъ, когда народъ «дѣлалъ злое предъ очами Господа», то онъ и долженъ былъ понести тяжелое иго. Пользуясь слабостью израильтянъ, хананеи на сѣверѣ Палестины чрезвычайно усилились. Хананейскій царь Іавинъ, вѣроятно, преемникъ того Іавина Асорскаго, сила котораго нѣкогда была сокрушена Іисусомъ Навиномъ, составивъ изъ окружающихъ мелкихъ племенъ сильный союзъ, перешелъ въ наступленіе. Его полководецъ, жестокій Сисара, сдѣлалъ опустошительное нашествіе на сѣверныя колѣна, которыя не могли выстоять противъ его страшной конницы, состоящей изъ 900 колесницъ [2]).

Подавленныя силою, сѣверныя колѣна, чувствуя свою полную безпомощность, въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ должны были сносить самое тяжкое угнетеніе отъ торжествующаго врага, который, имѣя въ своемъ распоряженіи такія сильныя крѣпости, какъ Ѳаанахъ, Ме-

---

[1]) Суд. V, 6.

[2]) Такое большое число колесницъ не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Рамзесъ II въ поэмѣ Пентуара увѣряетъ, что хеттеи въ битвѣ Ездрилонской располагали 2.500 военными колесницами и Египетскіе памятники показываютъ, что Рамзесъ III въ этой же самой равнинѣ взялъ въ плѣнъ 994 хананейскихъ колесницы. Тотмесъ III, послѣ своей побѣды на этомъ же самомъ полѣ, взялъ не менѣе 2,041 лошади и 924 колесницъ. Кавалеріи въ нашемъ смыслѣ тогда еще не употреблялось. Покровительницей военныхъ колесницъ считалась Астарта. Нѣкоторыя хананскія колесницы, какъ показываютъ египетскіе памятники, были возимы волами, которые, съ этою цѣлью, пріучались бѣгать весьма быстро; но колесницы, взятыя Іисусомъ Навиномъ, всѣ были запряжены лошадьми (I. Нав. II, 6). Хананскія колесницы не имѣли по сторонамъ косъ или ножей, какъ думали сначала.

гиддонъ и Беѳсанъ, къ югу отъ Ездрилонской равнины, положительно отрѣзывалъ сообщеніе ихъ съ югомъ и лишалъ всякой возможности ждать помощи оттуда. Вслѣдствіе этого всякая торговля и даже всякое промышленное движеніе прекратилось въ странѣ. Народъ скрывался на возвышенныхъ долинахъ или укрывался въ сильныхъ стѣнахъ своихъ городовъ; старѣйшины городовъ и колѣнъ также пали духомъ, и чувствуя свою безпомощность, никто не осмѣливался оказать сопротивленія. Народъ, для сношенія между собою, могъ пользоваться только тайными горными тропами и открытыя дороги были оставлены. Все населеніе вообще было поражено ужасомъ и впало въ полное уныніе и бездѣятельность, такъ какъ противъ подавляющихъ силъ хананеянъ, они, въ лучшемъ случаѣ, могли выставить только почти безоружную толпу, у которой, на мѣсто мечей, оружіемъ служили воловьи рожны, и мало было такихъ воиновъ, которые бы вооружены были копьями или щитами. Но вотъ, когда народъ уже терялъ надежду на избавленіе, и храбрѣйшіе мужи не смѣли думать о низверженіи ига грознаго врага, избавительницею угнетенныхъ колѣнъ выступила женщина. Пылая патріотизмомъ и возвышеннымъ религіознымъ духомъ, она настолько глубоко чувствовала бѣдствія своихъ братьевъ, что ея геройская душа воспламенилась неудержимою ревностью къ низверженію ихъ угнетателя и негодованіемъ на трусость народа, который не смѣлъ возстать за свою свободу. Замѣчательнѣе всего то, что сама она не принадлежала къ угнетаемымъ колѣнамъ, такъ какъ жила на югѣ, въ горахъ Ефремовыхъ, между Рамой и Веѳилемъ, на центральномъ пути Палестины, въ мѣстности, въ которой именно ей легче всего было узнать о тяжкомъ бѣдствіи сѣверныхъ колѣнъ. Это была Девора, «пчела». Она была женщина замужняя и находилась за мужемъ за Лапидоѳомъ, о которомъ, къ сожалѣнію, ничего неизвѣстно. Обладая отъ природы высокими духвными дарованіями, она воплощала свои возвышенныя мысли въ вдохновенныхъ стихахъ, отъ которыхъ приходили въ восторгъ ея соплеменники. Пѣсни ея разносились вдоль и поперекъ, по всей странѣ, возбуждая мужество въ упавшихъ духомъ колѣнахъ,—такъ какъ въ нихъ, несомнѣнно, изображалась слава прошедшихъ временъ, а также великія дѣла Божіи, совершенныя для народа руками вождей, которыхъ Богъ воздвигалъ между ними, и вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, укорялось

то безславіе, на которое обрекали себя израильтяне, рабски подчиняясь врагамъ. Слава ея мудрости гремѣла по всей странѣ, такъ что она сдѣлалась центромъ нравственной и даже административной силы надъ все болѣе расширяющимся округомъ. Сидя подъ тѣнью пальмоваго дерева, впослѣдствіи носившаго ея имя и, вѣроятно, бывшаго недалеко отъ Ваалъ-Фамара, т.-е. Ваала пальмъ, она вдохновенно изрекала свою мудрость, «и приходили къ ней туда сыны Израилевы на судъ» [1]). Великая пророчица, судя народъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вдохновляла его одушевлявшими ее чувствами. И вотъ, подъ вліяніемъ ея, вся страна, отъ Веніаминова колѣна до далекаго колѣна Неѳфалимова, заволновалась отъ общаго стремленія къ національной свободѣ и отъ мужественной рѣшимости возвратить ее. Повсюду начались тайныя приготовленія къ возстанію, и, на мѣсто обыкновенныхъ старѣйшинъ, во главѣ народа повсюду стали болѣе сильные и энергичные люди. Но для успѣха всего движенія нуженъ былъ общій предводитель, котораго еще не было, и Девора позаботилась о томъ, чтобы найти такого предводителя.

На берегахъ озера Галилейскаго, къ югу отъ позднѣйшей Тиверіады, въ самомъ центрѣ угнетенной страны, въ городѣ Кедесѣ, въ колѣнѣ Немѳалимовомъ, жилъ нѣкій Варакъ, самое имя котораго, «молнія», какъ бы указывало на его мужественный духъ. Имя Варакъ или Баракъ ханаанитскаго происхожденія, и замѣчательно, что это же имя носила знаменитая Карѳагенская фамилія Барка, изъ которой вышелъ впослѣдствіи геніальный полководецъ Ганнибалъ. Онъ уже и ранѣе, повидимому, успѣлъ пріобрѣсти извѣстность своимъ мужествомъ, и извѣстенъ былъ не только въ своемъ колѣнѣ, но и во всей странѣ, до предѣловъ колѣна Веніаминова. На него то и палъ выборъ Деворы, которая, обращаясь къ нему, повелѣвала ему, отъ имени Іеговы стать во главѣ десятитысячнаго отряда воиновъ изъ колѣнъ Нефѳалимова и Завулонова и двинуться съ нимъ къ горѣ Ѳаворъ, на равнину Ездрилонскую, обѣщая, что Богъ предастъ въ его руки жестокаго Сисару, со всѣми его колесницами и

---

[1]) «Тысячи пальмъ еще и теперь вздымаютъ свои благородныя головы въ воздухѣ почти во всѣхъ частяхъ страны, особенно по морскому берегу отъ Газы до Бейрута. Даже въ высоколежащемъ Іерусалимѣ онѣ растутъ на открытомъ воздухѣ, и въ сосѣдствѣ Назарета я видѣлъ цѣлую рощу изъ нихъ». Schenkel, Lex. v. I, p. 580.

войскомъ. Но даже и мужественный Варакъ смутился отъ такого порученія, и онъ не осмѣливался взяться за дѣло, пока къ нему не явилась лично сама Девора. Въ отвѣтъ на призывъ Деворы, Варакъ сказалъ ей: «если ты пойдешь со мною—пойду, а если не пойдешь со мною—не пойду». Тогда мужественная Девора отвѣчала: «пойти—пойду съ тобою; только знай, что не тебѣ уже будетъ слава на семъ пути, въ который ты идешь; но въ руки женщины предастъ Господь Сисару». И вотъ, поспѣшая на сѣверъ, она дѣйствительно лично явилась среди угнетеннаго народа, и появленіе ея не только ободрило Варака, но и пробудило духъ въ народѣ, который сталъ собираться подъ ея знамена. Вѣсть о ея прибытіи быстро разнеслась по окрестнымъ колѣнамъ, и въ назначенномъ сборномъ пунктѣ у горы Ѳавора дѣйствительно собралось 10,000 вооруженныхъ мужей. Иссахарово колѣно, жившее въ самой равнинѣ Ездрилонской, сразу же сбросило съ себя иго рабства и выслало отряды добровольцевъ. Ефремляне также стали собираться изъ своихъ горъ, бывшихъ жилищемъ амаликитянъ, жесточайшаго врага израильтянъ, и вслѣдъ за ними прибыли и мужественные отряды веніамитянъ, наиболѣе воинственнаго израильскаго племени, воины котораго славились стрѣльбой и были настолько искусные пращники, что съ изумительной ловкостью метали камнями изъ пращи, дѣйствуя кромѣ того съ одинаковымъ искусствомъ и силой какъ, правой, такъ и лѣвой рукой. Въ общемъ дѣлѣ приняли участіе и члены обѣихъ половинъ колѣна Манассіина, которые также выслали воиновъ. Со времени завоеванія это въ первый разъ національный духъ охваченъ былъ такимъ воодушевленіемъ, побуждавшимъ отдѣльныя колѣна дѣйствовать вмѣстѣ съ такимъ единодушіемъ. Но не было недостатка и въ холодномъ отношеніи къ общему дѣлу. Жители города Мероза, повидимому, находившагося при входѣ въ проходъ Беесанскій, въ восточной оконечности равнины, могли бы оказать хорошія услуги народному дѣлу, но они отказались идти на помощь угнеетнымъ братьямъ и за это навлекли на себя общее проклятіе, поведшее, повидимому, къ ихъ полному истребленію и разрушенію самыхъ жилищъ ихъ. Не приняло участія въ общемъ дѣлѣ и колѣно Рувимово, которое, оставляя своихъ братьевъ защищать свою свободу своими собственными силами, предпочитало спокойно пасти свои стада, тѣмъ болѣе, что среди нихъ въ это время были большія внутреннія

распри [1]). Отказалось придти на помощь также и колѣно Гадово; Данъ не хотѣлъ, ради общаго дѣла разстаться съ своими кораблями въ Іоппіи, и Ассиръ съ позорнымъ равнодушіемъ занимался своими промыслами у пристаней своихъ. О южныхъ колѣнахъ, Іудиномъ и Симеоновымъ, ничего неизвѣстно, и это обстоятельство даетъ возможность заключать, что они также не принимали участія въ общенародномъ дѣлѣ. Поэтому, главная роль въ приближавшейся битвѣ выпала колѣну Завулонову, которое ревностнѣе всѣхъ собирало воиновъ-освободителей и рѣшилось положить жизнь за великое дѣло, и въ этомъ отношеніи оно находило себѣ дѣятельнаго помощника въ колѣнѣ Неѳфалимовомъ.

Сборнымъ пунктомъ для воиновъ-освободителей была назначена гора Ѳаворъ. Возвышаясь на 1500 футовъ надъ равниной Ездрилонской въ ея сѣверо-восточной оконечности, она чрезвычайно крутая съ сѣвера, но обнаженная и безформенная съ юга, и стоитъ отдѣльно, исключая западной стороны, гдѣ узкая цѣпь соединяетъ ее съ холмами Назаретскими. Она еще и теперь покрыта дубами, фисташками и другими деревами и кустарникомъ, въ которомъ находятъ себѣ убѣжище серны; но вершина ея совершенно безлѣсна и представляетъ сравнительную плоскую площадь, на полчаса пути открывая широкій видъ на равнину отъ одного конца до другаго [2]). Трудно было избрать болѣе удобное мѣсто для сбора израильтянъ, такъ какъ, по своей крутизнѣ, гора эта не могла подвергнуться нападенію колесницъ ханаанитянъ, а ея вершина представляла какъ-бы великолѣпную сторожевую башню, съ которой Девора и Варакъ могли слѣдить за всѣми движеніями непріятеля.

Вѣсть о мятежномъ собраніи израильтянъ скоро дошла до Сисары, главнаго начальника военныхъ силъ Іавина и его союзниковъ. Объ этомъ донесли ему кенеи, жители Цааннима,—мѣстечка, еще и теперь носящаго то же самое названіе и стоящаго на возвышенности надъ озеромъ Галилейскимъ, къ востоку отъ Ѳавора. Это было арабское племя, которое хотя временно находилось въ мирныхъ отношеніяхъ съ Іавиномъ, но всегда было дружественнымъ къ израильтя-

[1]) Суд. V, 15, 16.

[2]) Одна деревня на склонахъ Ѳавора еще и теперь носитъ названіе Деворы.

намъ, вслѣдствіе памяти о женитьбѣ Моисея на дочери ихъ начальника Іоѳоры. Часть этого племени осталась въ пустынѣ къ югу отъ Іудина колѣна, а другая вѣтвь подвинулась къ сѣверу и временно раскинула свои палатки подъ теревинѳами Цааннима, «мѣста странствованій». Съ арабскимъ двоедушіемъ, они теперь измѣнили въ пользу сильнѣйшаго изъ противниковъ, для того, чтобы выждавъ рѣшительнаго столкновенія, затѣмъ стать на сторону побѣдителя. Самое имя ханаанскаго военачальника Сисары означаетъ «вождь», и онъ повидимому былъ вассальный царь Харошеѳа, называвшагося такъ вслѣдствіе прекраснаго лѣса, растущаго по берегамъ Киссона. Въ то время это несомнѣнно была сильная крѣпость, господствующая надъ страною, которую подчинилъ себѣ Іавинъ; но теперь это жалкая деревня, находящаяся въ томъ мѣстѣ, гдѣ потокъ скрывающійся среди кустовъ олеандра, пробиваясь чрезъ узкую горловину, выходитъ на равнину Акры[1]). И вотъ, при вѣсти о возстаніи Сисара быстро снарядилъ свои смертоносныя колесницы и занялъ равнину Ездрилонскую, это главное боевое поле Палестины. Свою главную квартиру онъ основалъ Ѳаанахѣ, ханаанскомъ укрѣпленномъ городѣ, въ юго-западной части равнины, на длинномъ отрогѣ Кармильскаго хребта, покрытаго теперь масличными деревьями, гдѣ и теперь стоитъ деревня, носящая древнее названіе Таанакъ. Ѳаворъ, подобно огромной башнѣ, вздымался въ отдаленіи верстахъ въ 25 къ сѣверо-востоку; вершина его ясно виднѣется изъза холмовъ малаго Ермона, занятаго двумя деревнями Ендоромъ и Наиномъ и замыкающаго эту великую равнину, во главѣ которой и стоитъ Ѳаворъ. Вся поверхность Ездрилона перерѣзана сухими водяными протоками, которые получаютъ влагу со всѣхъ окружающихъ горъ и, послѣ дождевыхъ бурь, превращаются въ потоки. Всѣ эти потоки въ сѣверо-западной части соединяются въ одну рѣку, извѣстную во времена Сисары подъ названіемъ Киссона, то-есть, извилистаго потока, который бур-

[1]) Теллъ или курганъ Харошеѳа обширныхъ размѣровъ и расположенъ какъ разъ около того пункта гдѣ Киссонъ, при одномъ изъ своихъ поворотовъ, прямо ударяется въ скалистую подошву Кармила, не оставляя мѣста даже для тропы. Стоящій тамъ замокъ могъ вполнѣ командовать проходомъ чрезъ долину Киссона въ равнину Ездрилонскую. Thomson, Land and Book, p. 436.

но стремится по глубокому, извилистому ложу, имѣющему до 2 саженъ глубины и 7—10 саженъ ширины, направляясь къ Средиземному морю. Самая опасная часть въ его теченіи находится какъ разъ близъ Ѳавора, гдѣ источники, изъ которыхъ выходитъ Киссонъ, составляютъ цѣлую сѣть прудовъ и ручьевъ, которые, будучи окаймлены камышами и кустарниками, быстро послѣ дождя превращались въ обширную и опасную топь. Здѣсь, въ Ендорѣ, войско Сисары и обречено было на погибель.

Равнина Ездрилонская во всѣ времена была главнымъ боевымъ полемъ Палестины. Здѣсь нѣкогда сражались Тотмесъ III, Рамзесъ II и Рамзесъ III. Здѣсь фараонъ Нехо одержалъ побѣду въ той печальной Мегиддонской битвѣ, въ которой былъ убитъ царь Іосія во время столь ужаснаго побоища, что самая эта битва сдѣлалась въ послѣдующіе вѣка образомъ самыхъ ужасныхъ пораженій [1]). Здѣсь поочередно сражались арміи ассирійскихъ завоевателей, крестоносцевъ и Наполеона I, и на горахъ именно Гелвуи, въ ея восточной оконечности, погибли впослѣдствіи Саулъ и Іонаѳанъ.

И вотъ, когда два враждебныя войска заняли свои позиціи, нужно было приступить къ военнымъ дѣйствіямъ. Израильтяне сами по себѣ едва ли могли бы осмѣлиться выступить противъ страшнаго для нихъ врага, но съ ними была мужественная Девора, которая и дала знакъ къ нападенію. «Встань», повелительно сказала она Вараку, «ибо это тотъ день, въ который Господь предастъ Сисару въ руки твои; Самъ Господь пойдетъ предъ тобою». Сказавъ это, она дала знакъ Вараку съ неожиданною быстротою ринуться на непріятеля. Гордый своимъ могуществомъ и желѣзными колесницами, Сисара, вѣроятно, пренебрежительно относился къ израильскому войску, во главѣ котораго притомъ вмѣстѣ съ Варакомъ, какъ ему, конечно, было извѣстно, стояла женщина Девора. Но это должно было тѣмъ болѣе придать значенія молніеносному натиску Варака. Пораженное столь неожиданнымъ и смѣлымъ нападеніемъ десятитысячнаго отряда, войско Сисары дрогнуло, пришло въ замѣшательство и обратилось въ безпорядочное бѣгство. Этому пораженію непріятеля, очевидно, содѣйствовала высшая помощь, такъ какъ само

[1]) Мѣстоположеніе Мегиддона, повидимому, найдено Кондеромъ въ Мигеддѣ у подошвы горы Гелвуи,—въ томъ курганѣ, отъ котораго идутъ пять источниковъ, такъ называемыя «воды Мегиддонскія» Conder, Tent Work., p. 232.

небо какъ-бы сражалось за Израиля и звѣзды въ своемъ теченіи обратились противъ Сисары. На равнинѣ разразилась страшная буря, которая била какъ разъ въ лицо хананеянъ. Потокъ Киссонскій, который, быть можетъ, въ это время былъ уже высохши, мгновенно вспѣнился бурными водами. Воины Сисары, видя, что самыя стихіи возстали противъ нихъ, убѣдились, что Богъ Израилевъ сильнѣе ихъ; они охвачены были ужасомъ, полный безпорядокъ водворился среди ихъ колесницъ, въ страшномъ смятеніи они избивали другъ друга и въ ужасѣ бросались въ потокъ, воды котораго мгновенно уносили ихъ трупы по направленію къ морю [1]). Изображая эту славную побѣду, Девора воспѣвала ее въ восторженныхъ стихахъ:

«Пришли цари, сразились.
Тогда сразились цари Хананскіе
Въ Ѳаанахѣ, у водъ Мегиддонскихъ,
Но не получили ни мало славы.
Небо сражалось (за насъ),
Звѣзды съ путей своихъ сражались съ Сисарою.
Потокъ Киссонъ увлекъ ихъ,
Потокъ Кедумимъ, потокъ Киссонъ.
Попирай, душа моя, силу!
Тогда ломались копыта конскія отъ побѣга,
Отъ побѣга сильныхъ его» [2]).

Побоище было столь великимъ, что столѣтіе спустя псалмопѣвецъ говорилъ, какъ трупы избитыхъ служили навозомъ и удобреніемъ для земли (Пс. LXXXII, 11). Дѣло хананеянъ, очевидно, было потеряно, и ничего не оставалось, какъ искать спасенія. Оставляя свою колесницу, Сисара пѣшкомъ бросился бѣжать къ сѣверо-востоку, прикрываясь склонами Ѳавора, чрезъ большую покрытую лавой поляну, на которой стояли близь новѣйшаго Бессума черныя палатки Хевера кенеянина, союзника Іавинова. Такъ какъ молніеносный Варакъ настигалъ его, то Сисара, не видя больше спасенія, хотѣлъ скрыться хотя въ шатрѣ кенеянки Іаили, надѣясь найти у нея временное убѣжище. Палатки арабовъ во всѣ времена были совершенно одинаковаго устройства. Онѣ, обыкновенно, обширны и поддерживаются девятью столбами въ три ряда, на ко-

[1]) Суд. V, 21, 22. Потокъ Киссонъ называется теперь Наръ-Элъ-Мукатта, то-есть, рѣка побоища.

[2]) Суд. V, 19—22.

торыхъ покоится покровъ изъ грубой, сдѣланной изъ верблюжьяго волоса, матеріи, или изъ сшитыхъ воловьихъ шкуръ, часто ниспускающихся до полу. Веревки, которыми поддерживается этотъ навѣсъ, прикрѣпляются къ кольямъ, вбитымъ въ землю огромнымъ деревяннымъ молотомъ, и это грубое построеніе кругомъ завѣшивается различными занавѣсами, которыя, по желанію, можно отдернуть или спустить, съ цѣлью прекратить доступъ внѣшняго воздуха. Палатка обыкновенно раздѣляется на двѣ части, отдѣляемыя ковромъ, свѣшивающимся съ средняго ряда столбовъ: одна слѣва при входѣ предоставляется мужчинамъ, а другая справа составляетъ отдѣленіе женщинъ. Въ этомъ послѣднемъ, обыкновенно, находятся всѣ домашнія кухонныя принадлежности, мѣхи съ водой, сосуды съ молокомъ, масломъ и проч. Постель, какъ обыкновенно на востокѣ, состоитъ только изъ одной или двухъ циновокъ, разостланныхъ на землѣ или на земляной скамьѣ, возвышающейся по сторонамъ палатки; одѣяломъ ночью служитъ тотъ самый плащъ, который носится днемъ въ качествѣ одежды. Такая, несомнѣнно, была и палатка Хевера. У входа въ нее Сисара встрѣтилъ Іаиль, жену шейха, и, полагаясь на существовавшій между Іавиномъ и этимъ племенемъ миръ, просилъ у нея временнаго убѣжища. Была ли у нея съ самаго начала мысль о совершеніи того, что она сдѣлала, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, любезно приглашая Сисару, Іаиль не только предложила ему покровительство, котораго онъ просилъ, но взяла его къ себѣ въ свое собственное отдѣленіе палатки, гдѣ никто не могъ предполагать его пребыванія и никто не сталъ бы искать тамъ, такъ какъ изъ постороннихъ никто не имѣлъ права входить въ женское отдѣленіе безъ особаго приглашенія. Но слѣдующій шагъ ея уже явно выдавалъ ея тайное намѣреніе. Арабы умѣютъ приготовлять великолѣпный напитокъ изъ кислаго молока, называющійся *леббенъ*, который предлагается гостямъ для освѣженія. Но дѣйствуя въ высшей степени освѣжительно на утомленнаго и страдающаго отъ зноя путешественника, онъ въ то же время дѣйствуетъ какъ сильное и быстро усыпляющее средство. На просьбу Сисары дать ему воды для утоленія его ужасной жажды, Іаиль немедленно принесла ему напитокъ леббенъ въ особой чашѣ, считавшейся особенною драгоцѣнностью въ ея палаткѣ, и предложила ему освѣжиться этимъ напиткомъ, быть можетъ, не безъ задней мысли, касательно

его снотворнаго дѣйствія. Утомленный Сисара съ радостью воспользовался этимъ любезнымъ предложеніемъ хозяйки, вдоволь подкрѣпилъ себя напиткомъ и, будучи крайне утомленъ, легъ отдохнуть и быстро впалъ въ глубокій сонъ. Воспользовавшись гостепріимствомъ, онъ былъ въ полной увѣренности, что найдетъ себѣ въ этой палаткѣ вѣрное убѣжище. Но при видѣ того, какъ великій врагъ Израиля безпомощно спалъ въ палаткѣ, у Іаили невольно явилась мысль о томъ, какъ легко теперь избавить Израильскій народъ отъ этого столь страшнаго для нихъ врага. Подъ вліяніемъ этой мысли, у нея тотчасъ же составился планъ убить Сисару. И вотъ, взявъ колъ отъ шатра и вмѣстѣ молотъ, которымъ вбивались эти колья, она тихонько подошла къ нему и изо всей силы вонзила ему колъ въ високъ, такъ что приколола его къ землѣ. Ударъ былъ смертельный, и Сисара, послѣ нѣсколькихъ конвульсивныхъ движеній, былъ бездыханнымъ трупомъ. Когда Варакъ, преслѣдуя Сисару, прибылъ въ Сеннимъ, то Іаиль выбѣжала къ нему на встрѣчу и сказала ему: «войди, я покажу тебѣ человѣка, котораго ты ищешь». «Онъ вошелъ къ ней, и вотъ Сисара лежитъ мертвый, и колъ въ искѣ его» [1]).

Такимъ образомъ, побѣда надъ хананеями была полная, и слава о ней разнеслась по всѣмъ направленіямъ страны. Побѣда была настолько полная, что израильтянамъ уже не приходилось впослѣдствіи сражаться съ хананеями, и сами они поняли преимущества того національнаго единенія, которое теперь дало имъ эту блестящую побѣду. Ихъ взаимопомощь затѣмъ чрезвычайно усилилась, такъ какъ это была ихъ первая великая побѣда со времени Іисуса Навина, и они притомъ одержали ее надъ такимъ врагомъ,

---

[1]) Этотъ подвигъ Іаили, воспѣваемый въ пѣснѣ Деворы, часто возбуждалъ недоумѣніе, такъ какъ онъ является какъ-бы предательствомъ. Но при сужденіи о немъ, нужно имѣть въ виду условія и нравы того времени. «Я соглашаюсь», справедливо говоритъ Гердеръ, «что Іаиль не заслужила бы ордена, назначаемаго въ награду за великіе военные подвиги въ наше время; но народная похвала, заключающаяся въ пѣснѣ Деворы, по праву принадлежитъ ей. Прежде чѣмъ прилагать къ израильтянамъ мораль и законы новѣйшихъ войнъ, нужно бы было сначала преобразовать тѣ дикія орды, съ которыми они должны были сражаться въ качествѣ правильныхъ и дисциплинированныхъ войскъ; главнѣе всего нужно было придать этому отдаленному времени духъ и нравы нашего времени». См. также оправданіе Іаили въ сочиненіи: Thomson, Land and Book, 1870, стр. 438 и слѣд.

который былъ столь страшенъ для нихъ своею силою. Побѣда эта не могла не имѣть и сильнаго вліянія въ религіозной исторіи народа, такъ какъ онъ видѣлъ, что его бѣдствія прекратились, какъ только онъ оставилъ идолопоклонство и искалъ помощи и защиты у Іеговы. Что побѣдой этой народъ былъ обязанъ не себѣ, а именно Богу, это не только ясно сознавалось всѣми, но и нашло отголоски въ народныхъ пѣсняхъ и особенно выразилось въ знаменитой пѣснѣ Деворы, которая начинается прямо съ искренней признательности Богу. Пѣснь эта начинается словами:

«Израиль отмщенъ, народъ показалъ рвеніе;
Прославьте Господа!
Слушайте цари, внимайте вельможи:
Я Господу, я пою, бряцаю Господу, Богу Израилеву,
Когда выходилъ Ты, Господи, отъ Сеира,
Когда шелъ съ поля Едемскаго,
Тогда земля тряслась и небо капало,
И облака проливали воду;
Горы таяли отъ лица Господа,
Даже этотъ Синай, отъ лица Господа, Бога Израиля».

Поразительная параллель побѣды Деворы разсказывается у Плутарха въ его «Жизни Тимолеона». Этотъ полководецъ въ битвѣ на р. Кримесѣ сдѣлалъ нападеніе на карѳагенянъ; послѣдніе, однако, въ своемъ тяжеломъ вооруженіи и съ непроницаемыми щитами, легко отразили нападеніе грековъ. Но вдругъ, когда дѣло дошло до рукопашной схватки мечами, загремѣли сильные раскаты грома, съ горъ разразилась молнія и темныя тучи, покрывавшія доселѣ хребты окружающихъ холмовъ, спустились на мѣсто битвы и разразились бурей дождя и града, ударяя при этомъ въ спины грекамъ, но прямо въ лицо карѳагенянамъ. Такая неожиданная буря, вмѣстѣ съ ослѣпляющею молніею, привела карѳагенянъ въ замѣшательство, и вмѣстѣ съ тѣмъ раскаты грома, шумъ падающаго дождя и града, ударявшагося объ оружіе и щиты, мѣшали имъ слышать команду своихъ полководцевъ. Вдобавокъ къ этому скоро образовалась грязь, послужившая великимъ препятствіемъ для движенія карѳагенянъ, обремененныхъ своимъ тяжелымъ оружіемъ; ихъ нижняя одежда промокла, складки ея около груди наполнились водою, что еще болѣе отягчало сражающихся, такъ что грекамъ легко было повергать ихъ на землю, несмотря на то, что у нихъ въ ру-

кахъ было оружіе, и они уже не въ состояніи были подниматься опять. Рѣка Кримесъ также вздулась, частью отъ дождя, а частью отъ цѣлыхъ массъ переходившихъ чрезъ нее карѳагенскихъ войскъ, вышла вслѣдствіе этого изъ береговъ, и вся окружающая равнина наполнилась ручьями и потоками, не имѣвшими опредѣленнаго теченія, вслѣдствіе чего положеніе карѳагенянъ еще болѣе ухудшилось, и они погибали массами.

Когда Девора и Іаиль ликовали отъ своего торжества, другія женщины испытывали совершенно иныя чувства. Въ пѣснѣ Деворы, между прочимъ, описывается, что въ это время могли чувствовать женщины ханаанскія:

«Въ окно выглядываетъ и вопитъ
Мать Сисарина, сквозь рѣшетку:
Что долго не идетъ конница его,
Что медлятъ колеса колесницъ его?
Умныя изъ ея женщинъ отвѣчаютъ ей,
И сама она отвѣчаетъ на слова свои:
Вѣрно они нашли, дѣлятъ добычу,
По дѣвицѣ, по двѣ дѣвицѣ на каждаго воина,
Въ добычу полученная разноцвѣтная одежда Сисарѣ;
Полученная въ добычу разноцвѣтная одежда,
Вышитая съ обѣихъ сторонъ, снятая съ плечъ плѣнника».

Пѣснь Деворы заканчивается торжествующими словами:

«Такъ, да погибнутъ всѣ враги Твои, Господи!
Любящіе же его да будутъ какъ солнце,
Восходящее во всей силѣ своей».

Іавинъ, потерявъ свое войско и своего военачальника, не могъ уже противиться израильтянамъ. Побѣда была полная: могущество царя Асорскаго и всѣхъ хананеянъ было сокрушено навсегда, и они уже никогда не выступали врагами Израиля. Это служитъ лучшимъ показателемъ величія той побѣды, которую одержали Девора и Варакъ. Вѣрность Израиля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его благоденствіе, послѣ столь славнаго торжества, продолжались въ теченіе сорока лѣтъ, такъ что израильскому народу вновь представлялась возможность для всесторонняго развитія своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ силъ.

ГЛАВА LXII.

Гедеонъ.

Хотя чудесное избавленіе, совершенное Деворой и Варакомъ отъ иноплеменнаго ига, водворило въ землѣ обѣтованной миръ и благоденствіе на цѣлыя сорокъ лѣтъ, но самое состояніе народа въ религіозномъ и гражданскомъ отношеніи было таково, что и въ будущемъ могли угрожать подобныя же бѣдствія. Живя среди идолопоклонниковъ, народъ израильскій, при видѣ сладострастныхъ формъ ихъ идолослуженія, самъ увлекался ими, нравственныя силы его ослабѣвали, внутри усиливались разъединенія между колѣнами, приведшія, наконецъ, къ тому, что каждое колѣно начало считать себя отдѣльнымъ, совершенно самостоятельнымъ государствомъ. Когда это государственное раздробленіе совершенно ослабило народъ, то этимъ не преминули воспользоваться окружающія кочевыя племена, которыхъ постоянно манили къ себѣ богатство и роскошь земли обѣтованной. И вотъ, когда «сыны израилевы стали опять дѣлать злое предъ очами Господа, Господь предалъ ихъ въ руки мадіанитянъ» и сродныхъ съ ними кочевыхъ племенъ. Мадіанитяне постоянно являлись во главѣ подобныхъ нашествій на Палестину. Хотя и потомки Авраама чрезъ Хеттуру [1]), они считались среди самыхъ непримиримыхъ враговъ израильтянъ. Они уже сражались противъ нихъ въ войскѣ Сигона, царя аморрейскаго, и ихъ дочери,

[1]) Быт. XXV, 2. Изъ послѣдующаго разсказа (Суд. VII, 13) видно, что мадіанитяне во времена Гедеона еще говорили языкомъ, сходнымъ съ языкомъ евреевъ.

вмѣстѣ съ моавитянками, увлекали израильтянъ соблазнами распутнаго идолослуженія въ Ситтимѣ, склоняя ихъ къ культу Ваалъ-Фегора. Моисей, для наказанія ихъ, велъ противъ нихъ кровопролитную войну; но ихъ пораженіе усилило въ нихъ только ненависть противъ своихъ побѣдителей. Живя сначала къ востоку отъ залива Еланитскаго, они мало-по-малу передвинулись къ сѣверу, чтобы пасти свои многочисленныя стада на обширныхъ пастбищахъ, разстилавшихся къ востоку отъ Аммона, Моава и за-Іорданскихъ колѣнъ Израиля [1]). Почти двѣсти лѣтъ прошло уже со времени того удара, который нанесенъ имъ былъ Моисеемъ; они имѣли достаточно времени оправиться силами. Возбуждаемые теперь своею наслѣдственною ненавистью и изъ любви къ грабежу, соединившись съ амаликитянами, жившими рядомъ съ ними, къ сѣверу отъ Аравійскаго полуострова, равно какъ и съ бедуинами пустыни, они, составивъ огромную орду въ 120.000 человѣкъ «обнажающихъ мечъ», направились къ бродамъ Іордана, переправились чрезъ него и, сломивъ всякое сопротивленіе, какое только могли оказать имъ раздробленныя силы израильтянъ, наводнили собою всю страну отъ Ездрилонской равнины на сѣверѣ до Газы на самомъ югѣ, и это нашествіе повторялось изъ года въ годъ. Лишь только производились израильтянами посѣвы полей, какъ опять появлялась эта дикая орда, которая своими кибитками покрывала всѣ холмы и долины, угоняла весь встрѣчающійся скотъ и потравляла своими стадами всякую растительность. Ничего не могло быть тяжелѣе и разорительнѣе подобныхъ нашествій, такъ какъ послѣ нихъ не оставалось ни хлѣба, ни скота. Огонь и мечъ распространяли ужасъ по всей странѣ; отчаянное сопротивленіе отдѣльныхъ отрядовъ израильтянъ приводило лишь къ безпощадному избіенію храбрыхъ защитниковъ своего отечества, и, наконецъ, единственнымъ спасеніемъ

---

[1]) Въ Аравіи, на сѣверо-западѣ, еще во времена Абулѳеды, находились близъ Тебуока развалины одного мадіанитскаго города. Онъ былъ расположенъ на Аравійскомъ заливѣ, противъ южной оконечности Синайскаго полуострова къ востоку. Такъ какъ мадіанитяне въ одно и то же время вели караванную торговлю и вмѣстѣ занимались хищническими набѣгами, то положеніе этого города было чрезвычайно выгоднымъ для такого ихъ промысла. Объ ихъ торговлѣ см. Быт. XXXVII, 28, 26. О богатствахъ, которыя она доставляла имъ, см. Суд. VIII, 24, 26.

оставалось лишь поголовное бѣгство населенія въ горы, гдѣ оно и скрывалось въ пещерахъ.

Подобное нашествіе хищнической орды на Палестину отнюдь не безпримѣрное явленіе и повторялось въ самое послѣднее время, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ весь Горъ, то-есть, глубокая долина Іорданская была въ рукахъ феллаховъ или мѣстныхъ крестьянъ и засѣвалась зерновымъ хлѣбомъ. Теперь же вся эта мѣстность находится во владѣніи бедуиновъ, которые уничтожили всякое земледѣліе, исключая нѣсколькихъ клочковъ, обрабатываемыхъ кое-гдѣ ихъ рабами. То же самое произошло и на всей равнинѣ Саронской, гдѣ, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной части земля возвратилась въ первобытное состояніе и цѣлыя деревни совершенно исчезли съ лица земли. Съ 1838 года ихъ исчезло не менѣе двадцати со всѣмъ ихъ скуднымъ населеніемъ. Исключая восточной части, во всей равнинѣ Ездрилонской теперь нѣтъ ни одной обитаемой деревни, и на всей равнинѣ обрабатывается не болѣе одной шестой части ея почвы. Поселяне предпочитаютъ искать себѣ убѣжище гдѣ-нибудь въ окрестныхъ холмахъ, чѣмъ жить въ открытой равнинѣ, гдѣ дикіе арабы то и дѣло совершаютъ набѣги на своихъ быстрыхъ вихреподобныхъ коняхъ, съ цѣлью грабежа. Такіе же совершенно наѣзды, но въ гораздо болѣе усиленномъ видѣ, дѣлались и во времена Гедеона, распространяя повсюду ужасъ и разрушеніе. Война всегда жестока, но она безконечно жестока была еще въ древности. Поразительную иллюстрацію подобныхъ враждебныхъ отношеній между двумя народами представляетъ разсказъ Синеха, который, будучи приблизительно современникомъ Авраама, разсказываетъ, какъ дѣло велось при небольшихъ наѣздахъ одного начальника племени на другого. Этотъ переселенецъ изъ Египта, нашедшій себѣ убѣжище у одного царя южной Палестины, разсказывая о нападеніи на него одного сосѣдняго начальника племени, говоритъ:

«Онъ хотѣлъ отнять у меня кошекъ, собакъ, коровъ,
Взять у меня быковъ, козловъ, воловъ, воспользоваться ими...»

Синеху удалось отразить непріятеля, онъ взялъ его въ плѣнъ и съ своей стороны поступилъ, по его разсказу, такимъ образомъ:

«Я посвятилъ его женѣ Менту (египетскому богу войны).
Я взялъ его имущество, раздѣлилъ на нѣсколько частей его стадо;
Все, что я намѣревался сдѣлать, я сдѣлалъ ему.
Я воспользовался вещами, бывшими въ его домѣ,
Я ограбилъ его жилище,
Я захватилъ сокровища и богатства,
Я пріобрѣлъ много скота» [1]).

Какъ было во времена Синеха, такъ было и во времена Судей, повторялось и во времена Давида, и повторяется еще и теперь. «Весною 1857 г., въ этомъ самомъ мѣстѣ», говоритъ одинъ новѣйшій путешественникъ, «я имѣлъ случай видѣть нѣчто подобное нашествію мадіанитянъ, когда бедуинскій начальникъ Акейль-Ага собралъ своихъ людей и своихъ союзниковъ, послѣ разгрома курдовъ въ Хаттинѣ, для дѣлежа добычи. Ихъ собралось на равнинѣ столь же много, какъ саранчи, и верблюдовъ было у нихъ безчисленное множество, какъ песку на берегу моря. Когда я взглянулъ на эти дикія и свирѣпыя толпы этого безпорядочнаго войска, посмотрѣлъ на награбленную ими добычу, то казалось, будто бы предо мною находится зрѣлище того великаго нашествія мадіанитянъ, которое было во времена Гедеона [2]). «Всякому», говоритъ деканъ Станлей, «кто только проходилъ въ наше время равниной Ездрилонской, приходилось видѣть или, по крайней мѣрѣ, слышать о нападеніяхъ бедуиновъ, когда они наводняютъ эту равнину, прибывая изъ сосѣдней пустыни. Тутъ и тамъ, на берегахъ источниковъ или по срединѣ кустарника, на горахъ, всегда можно видѣть ихъ палатки или ихъ дикія фигуры, наводящія ужасъ одинаково, какъ на эти спокойныя мѣстности, такъ и на мирныхъ путешественниковъ. То, что мы теперь видимъ лишь въ небольшомъ размѣрѣ, есть лишь уменьшенное изображеніе того великаго нашествія на израильтянъ» [3]). Бедуины настоящаго времени съ изумительною точностью похожи на древнихъ мадіанитянъ. Все, даже ихъ одежда, напоминаетъ этихъ послѣднихъ: костюмъ у нихъ тотъ же, что и 3000 лѣтъ тому назадъ. Начальники всегда одѣты въ пурпурный плащъ; ихъ лошади и ихъ верблюды носятъ на шеѣ золотыя и серебряныя цѣпи съ украшені-

---

[1]) Records of the Past. Goodwin. Story of Sancha, v. VI (1876), pp. 140—1, строки 175—6, 208—12.

2) Porter, Handbook for Palestine, p. 346.

[3]) Stanley, Sinai and Palestine, 1868, p. 340.

ями въ видѣ полумѣсяца; ихъ женщины также украшены ожерельями, имѣя, кромѣ того, серьги въ ушахъ и особыя кольца въ носахъ,—все именно такъ, какъ было у древнихъ мадіанитянъ[1]). «Племя Бени-Сакровъ», говоритъ Тристрамъ, «представляетъ собою истинныхъ мадіанитовъ со всѣми ихъ обычаями»[2]). Равнина Ездрилонская всегда имѣла для этихъ сыновъ пустыни непреодолимую притягательность. Съ незапамятнаго времени въ началѣ весны они обыкновенно переправлялись чрезъ Іорданъ и направлялись къ Веесану, который для нихъ есть какъ-бы ворота къ небу. Равнина Ездрилонская есть, дѣйствительно, какъ-бы маленькій рай, такъ что, по мнѣнію одного раввина, «если рай вообще можно находить въ Палестинѣ, то ворота его находятся въ Веесанѣ». Она очаровываетъ всѣхъ путешественниковъ богатствомъ своей почвы и изобиліемъ своей растительности. Послѣдняя настолько роскошна и изобильна, что всадникъ почти совершенно скрывается посреди высокихъ травъ. Въ апрѣлѣ тутъ волнуются обширныя желтѣющія нивы, пересѣкаемыя кое-гдѣ масличными деревьями. Но во всякое время года, пальмы, какъ зонтикъ, оттѣняютъ собою деревни и города, которые обыкновенно окружены ими.

И вотъ, такія именно опустошительныя нашествія дикой орды продолжались цѣлыхъ семь лѣтъ. «И весь мадіанитянъ Израиль». Въ такомъ бѣдствіи онъ опять возопилъ къ Господу. Тогда Господь опять сжалился надъ своимъ невѣрнымъ и непостояннымъ народомъ и послалъ ему избавителя въ лицѣ Гедеона. Гедеонъ происходилъ изъ города Офры, лежащаго въ холмахъ средней Палестины, того именно ея округа, который подвергался наибольшимъ опустошеніямъ дикой орды. Это былъ, какъ показываетъ самое имя его, «отважный воинъ», отличавшійся царственнымъ величіемъ въ своей внѣшности. Онъ былъ младшій членъ семьи, которая дала уже нѣсколькихъ храбрыхъ воиновъ и защитниковъ отечества отъ иноплеменниковъ, и два старшихъ брата его уже положили свою жизнь въ борьбѣ съ этими именно хищниками въ отчаянной схваткѣ при Ѳаворѣ. Живя среди упавшаго духомъ народа, онъ одинъ не терялъ надежды на избавленіе и ждалъ пробужденія въ народѣ духа рас-

---

[1]) Суд. VIII, 24—26.

[2]) Land of Moab, 1873, предисловіе, стр. IV.

каянія и возрожденія. Въ это время среди народа явился пророкъ, который пламенною рѣчью призывалъ къ покаянію, упрекая израильтянъ въ забвеніи ими всѣхъ благодѣяній Божіихъ со времени выхода ихъ изъ Египта [1]). Это естественно пробудило духъ народа, который еще пламеннѣе сталъ просить объ избавленіи отъ тяжкаго ига. И тогда именно Гедеонъ получилъ высшее призваніе къ дѣлу избавленія страждущаго народа.

Было около половины мая, и видимо разносился слухъ о приближеніи дикой орды, желавшей воспользоваться израильскими жатвами. Гедеонъ, украдкой и торопливо, молотилъ пшеницу, чтобы скорѣе укрыться отъ приближавшихся враговъ. Работу эту онъ совершалъ въ виноградномъ точилѣ. Точила въ Палестинѣ обыкновенно состояли изъ двухъ чановъ неодинаковой глубины, какъ можно еще и теперь видѣть, гдѣ они высѣчены въ скалахъ и сохранились до настоящаго времени [2]). Виноградные грозди давились въ верхнемъ чанѣ, а сокъ стекалъ, чрезъ сдѣланный въ камнѣ желобъ, въ нижній чанъ, который обыкновенно былъ больше, такъ что въ немъ можно было скрывать запасы и даже могли находить убѣжище люди [3]). Чтобы не быть замѣченнымъ мадіанитянами, которые, быть можетъ, уже рыскали кругомъ, Гедеонъ обмолачивалъ колосья не на открытомъ воздухѣ, но именно въ точилѣ, и вѣроятно высыпалъ вымолоченное, такимъ образомъ, зерно въ чанъ, предназначенный для вина. Рядомъ со скалою, гдѣ было высѣчено точило, возвышался величественный теревинѳъ или дубъ, который принадлежалъ также семейству Гедеона и теперь давалъ Гедеону защиту отъ палящаго солнца. Занятый спѣшной работой, Гедеонъ не замѣтилъ, какъ подъ дубомъ появился какой-то путникъ. Но то былъ «Ангелъ Господень», который сказалъ ему: «Господь съ тобою, мужъ сильный!» Привѣтствіе это странно поразило Гедеона и болѣзненно затронуло въ немъ чувство угнетеннаго положенія, въ которомъ находился какъ онъ самъ, такъ и весь народъ. Не злая ли это иронія со сто-

---

[1]) Суд. VI, 8—10.

[2]) Робинсонъ описываетъ два сохранившихся еще доселѣ точила: одно, находящееся въ Габлѣ, въ средней Палестинѣ, и другое—въ Ливанѣ.

[3]) Верхній чанъ назывался собственно г а т ъ (Откр. XIV, 20), нижній—і е к е б ъ (Марк. XII, 1; см. Іоиль III, 13). Гедеонъ молотилъ хлѣбъ, очевидно, въ гатѣ или верхнемъ чанѣ (Суд. VI, 11). Зива, убитый въ точилѣ, какъ увидимъ дальше, скрывался въ нижнемъ чанѣ—іекебъ (Суд. VII, 25).

роны незнакомца? «Господинъ»! отвѣчалъ ему Гедеонъ, «если Господь съ нами, то отчего постигло насъ все это бѣдствіе? И гдѣ всѣ чудеса Его, о которыхъ разсказывали отцы наши, говоря: изъ Египта вывелъ насъ Господь? Нынѣ оставилъ насъ Господь и предалъ въ руки мадіанитянъ, съ грустью и отчаяніемъ заключилъ Гедеонъ. Но Господь, «воззрѣвъ на него, сказалъ: иди съ тою силою твоею и спаси Израиля отъ рукъ мадіанитянъ. Я посылаю тебя». Такое порученіе невольно смутило Гедеона, который, какъ и всѣ великіе люди, меньше всего сознавалъ свое величіе и никогда не имѣлъ и мысли о столь великомъ своемъ предназначеніи. Поэтому онъ смущенно отвѣчалъ: «Господи! какъ спасу я Израиля? Вотъ, и племя мое въ колѣнѣ Манассіинѣ самое бѣдное, и я въ домѣ отца своего младшій». Но ангелъ далъ ему ободряющее увѣреніе. «Я буду съ тобою, и ты поразишь мадіанитянъ, какъ одного человѣка». Въ подтвержденіе этого призванія, Гедеону дано было чудесное знаменіе, въ видѣ чудеснаго появленія огня въ принесенной жертвѣ; тогда Гедеонъ убѣдился въ своемъ высшемъ предназначеніи для избавленія народа, и въ его душѣ исчезла и та малѣйшая тѣнь сомнѣнія и отчаянія, которая начала было закрадываться и въ его мужественный и вѣрующій духъ.

Но, чтобы имѣть больше успѣха въ возложенномъ на него дѣлѣ, Гедеонъ долженъ былъ прежде всего возбудить духъ истинной религіи въ народѣ, подавленный вторженіемъ идолопоклонства. Идолопоклонство проявилось даже въ самомъ семействѣ, въ которомъ младшимъ членомъ былъ Гедеонъ. Отецъ его, Іоасъ, отчаявшись въ помощи Іеговы, поддался идолопоклонству и на вершинѣ той скалы, гдѣ находилось точило, воздвигъ жертвенникъ Ваалу, солнечному богу своихъ хананейскихъ сосѣдей; стоявшее рядомъ съ жертвенникомъ дерево было также посвящено Астартѣ. Гедеонъ получилъ божественное внушеніе разрушить это капище и тѣмъ выразить открытый протестъ противъ идолопоклонства. И онъ, пылая ревностью къ вѣрѣ въ истиннаго Бога, немедленно исполнилъ это внушеніе. Взявъ десять человѣкъ рабовъ своихъ и пару тельцовъ, онъ ночью же разрушилъ капище, срубилъ заповѣдное дерево, на мѣстѣ низвергнутаго жертвенника Ваалу воздвигъ жертвенникъ истинному Богу и принесъ въ жертву одного изъ тельцовъ, употребивъ на дрова самое дерево Астарты. Все это было сдѣлано ночью, такъ

какъ днемъ это возбудило бы суевѣрный ужасъ и возстаніе его домашнихъ и жителей города. Но тѣмъ большимъ изумленіемъ и негодованіемъ были охвачены эти послѣдніе, когда съ наступленіемъ дня они увидѣли, что сдѣлано было съ капищемъ и святыней. Народная молва не замедлила приписать это мнимое «святотатство» Гедеону, и среди жителей города раздались яростные голоса, требовавшіе смерти виновнаго, но его спасла мужественная рѣшимость и находчивость его отца, Іоаса. Послѣдній раньше всѣхъ другихъ убѣдился, изъ подвига своего сына, въ жалкомъ ничтожествѣ Ваала, и на требованіе толпы о выдачѣ Гедеона смѣло отвѣчалъ: «вамъ ли вступаться за Ваала? вамъ ли защищать его? Если онъ Богъ, то самъ вступится за себя». Эта смѣлая и просвѣщенная рѣчь, дѣйствительно устыдила толпу и заставила ее убѣдиться въ своемъ заблужденіи, и Гедеонъ получилъ названіе Іероваала, то-есть, противоборца Ваалу.

Слава объ этомъ подвигѣ быстро разнеслась по странѣ, имя Гедеона было у всѣхъ на устахъ, и онъ могъ теперь выступить въ качествѣ избавителя отъ внѣшнихъ враговъ. «Духъ Господень объялъ Гедеона, и онъ вострубилъ трубою». Звуки этой трубы нашли быстрый отголосокъ въ окружающихъ колѣнахъ, и подъ знаменемъ Гедеона собралось 32.000 воиновъ готовыхъ положить свой животъ за истинную вѣру и свое отечество. Между тѣмъ, дикая орда уже начала надвигаться на Палестину, и при приближеніи ея, невольно смутился даже мужественный духъ Гедеона. Для того, чтобы еще разъ увѣриться въ своемъ предназначеніи, онъ вновь попросилъ подтвержденія, которое и дано было ему двумя чудесными знаменіями, именно, появленіемъ росы на шерсти, при отсутствіи ея на окружающей землѣ, и въ другой разъ отсутствіемъ ея на шерсти, при обиліи ея кругомъ [1]). Эти знаменія, какъ-бы отображали собственный характеръ Гедеона: онъ былъ горячъ и ревностенъ, когда все кругомъ его было равнодушно и холодно; онъ былъ

---

[1]) Роса въ Палестинѣ бываетъ чрезвычайно обильною. «Намъ стоило не мало трудовъ», говоритъ Ирвинъ, «защищать себя отъ росы ночью, какъ и отъ зноя днемъ. Роса бываетъ такъ обильна, что утромъ наши одѣяла, подъ которыми мы спали, оказывались столь же мокрыми, какъ если бы они были окунуты въ море». Rosenmüller Morgenland, т. III, стр. 32. «Часто», говоритъ Фурреръ, «роса бываетъ столь обильною, что утромъ палатки кажутся какъ будто облитыми самымъ сильнымъ дождемъ». Bib. Lex. т. V, стр. 496.

спокоенъ и хладнокровенъ, когда все кругомъ его было въ необычайномъ возбужденіи отъ надвигавшагося нашествія орды. Получивъ подобное увѣреніе, Гедеонъ выступилъ противъ непріятеля. Но избавленіе должно было совершиться не собственными силами народа, а силою Божіею, и потому Гедеону повелѣно было уменьшить свое войско, отпустивъ всѣхъ боязливыхъ и робкихъ. Осталось только десять тысячъ человѣкъ, но и этого было слишкомъ много для побѣды, въ которой Іегова долженъ былъ проявить свое могущество. При подошвѣ горы Гелвуи, въ сѣверо-западной части Ездрилона, еще и теперь течетъ обильный источникъ, извѣстный подъ названіемъ Айнъ-Джалутъ, прежде называвшійся Айнъ-Гайротъ, «источникъ трепета», очевидно, получившій свое названіе вслѣдствіе совершившагося на немъ событія. Онъ течетъ изъ-подъ огромной скалы, представляющей внутри себя пещеру, и образуетъ большой прудъ самой чистой воды, въ видѣ полукруга, изъ котораго можно было свободно пить воду. Теперь въ немъ находится множество мелкой рыбы, и дно его было нѣкогда вымощено, но многіе изъ камней теперь повыпали. Выходя отсюда, вода бѣжитъ двумя ручьями, которые частью обложены камнемъ, даютъ силу находящимся по близости двумъ мельницамъ и затѣмъ текутъ къ востоку, направляясь внизъ по крутой вади Эл-Джалутъ къ Іордану. Къ этому-то бассейну и привелъ Гедеонъ своихъ людей на водопой, и при этомъ замѣчалъ, кто изъ нихъ былъ достаточно хладнокровенъ и воздержанъ, даже въ виду приближавшагося непріятеля, чтобы спокойно захватывать воду пригоршнями. Изъ такихъ-то онъ и избралъ тѣхъ, на которыхъ онъ могъ вполнѣ полагаться, отсылая всѣхъ остальныхъ, которые, въ видимомъ опасеніи непріятеля, торопливо приклонялись къ водѣ и пили изъ источника прямо ртомъ. Но хладнокровныхъ воиновъ оказалось только триста. Съ этою-то горстью воиновъ, Гедеонъ и рѣшился выступить противъ непріятелей, которые огромнымъ полчищемъ въ 135.000 человѣкъ расположились на равнинѣ Ездрилонской. Прежде чѣмъ выступать противъ непріятеля, Гедеонъ ночью тайно проникъ въ непріятельскій лагерь, и тамъ узналъ о тревожномъ настроеніи враговъ, до которыхъ уже, очевидно, дошла молва о движеніи среди израильтянъ. И вотъ, тогда-то Гедеонъ рѣшилъ поразить ихъ неожиданнымъ нападеніемъ, прибѣгнувъ къ особому стратегическому пріему, нерѣдко употреб-

лявшемуся въ древности. Раздѣливъ свой отрядъ на три части, онъ далъ каждому воину по трубѣ и по свѣтильнику въ кувшинѣ, приказавъ этимъ частямъ ночью выступить къ обходъ непріятеля, причемъ, по данному сигналу, всѣ воины должны были сразу затрубить въ трубы, разбить кувшины и громко воскликнуть: «мечъ Господа и Гедеона». Такой именно военный пріемъ, къ удивленію, повторился въ одной арабской битвѣ въ срединѣ прошлаго столѣтія, какъ она описана Нибуромъ, и въ Египтѣ доселѣ извѣстно употребленіе кувшиновъ или горшковъ съ цѣлью скрытія свѣтильниковъ. «Забитъ или полицейскій чиновникъ», говоритъ новѣйшій путешественникъ, «дѣлая свои ночные обходы, обыкновенно носитъ факелъ, который горитъ безъ пламени, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ быстро махаетъ имъ въ воздухѣ и когда мгновенно появляется отъ него свѣтъ. Конецъ факела иногда скрывается въ небольшомъ глиняномъ кувшинѣ или покрывается какимъ-нибудь другимъ образомъ, когда нежелательно, чтобы кто-чибудь замѣтилъ этотъ огонь».

Когда все было готово, то воины выступили противъ непріятеля, и по данному знаку, около 11 часовъ ночи, окружающіе холмы вдругъ засвѣтились множествомъ свѣтильниковъ и по нимъ раздался звукъ трехсотъ роговъ, сопровождаемый мужественнымъ военнымъ крикомъ нападающихъ. Такая неожиданность сразу повергла непріятеля въ страшное смятеніе. Войска восточныхъ кочевыхъ племенъ скорѣе представляютъ собою безпорядочную массу, чѣмъ войско въ собственномъ смыслѣ этого слова; это разнородная толпа безъ всякой связи и дисциплины, и поэтому легче всего доступна паническому страху, во время котораго начальники не въ состояніи возстановить какой-нибудь порядокъ и отвратить самыя страшныя послѣдствія его. Поэтому и мадіанитяне, пораженные ужасомъ, въ суматохѣ убивали другъ друга, и, не думая нисколько о сопротивленіи израильтянамъ, бросились въ безпорядочное бѣгство. Первою мыслью объятыхъ ужасомъ мадіанитянъ было именно возможно скорѣе бѣжать. Тѣ, кто не сдѣлались жертвою перваго побоища, происшедшаго среди стана, изъ всѣхъ силъ бѣжали, издавая свойственные имъ пронзительные крики, о которыхъ свидѣтельствуютъ всѣ путешественники; въ безпорядкѣ они направлялись къ городу Веесану теперешней долиной Наръ-Джалудъ, ко-

торая вела изъ Ездрилонской равнины въ этотъ городъ, и затѣмъ всякими путями старались достигнуть бродовъ Іордана, чтобы спастись на другомъ берегу этой рѣки. Не легко представить то смятеніе, которое должно было царствовать въ этой разбитой толпѣ, сбитой въ кучу ужасомъ, отягченной стадами и верблюдами. Трехсотенный отрядъ Гедеона, подкрѣпленный колѣнами Нефеалимовымъ, Асировымъ и Манассіинымъ, энергично преслѣдовалъ непріятелей и производилъ среди нихъ жестокое избіеніе. Между тѣмъ, Гедеонъ, во время этого преслѣдованія, отправилъ посланныхъ къ ефремлянамъ, чтобы они заняли всѣ переправы Іордана, отъ самаго его устья, при впаденіи въ Мертвое море на югѣ, и на всемъ теченіи его къ сѣверу; но прежде чѣмъ было исполнено это приказаніе, часть мадіанитянъ, подъ начальствомъ двухъ своихъ главныхъ вождей, Зивы и Салмана, уже успѣли переправиться чрезъ рѣку, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Іавокъ впадаетъ въ Іорданъ противъ Сокхоѳа. Зато, когда другія массы непріятеля нахлынули къ извѣстнымъ имъ Іорданскимъ бродамъ, они встрѣчены были ефремлянами, и тутъ, на берегахъ рѣки, произошла ожесточенная битва между израильтянами и ихъ врагами, бѣжавшими подъ начальствомъ двухъ мадіамскихъ царей, Оривы и Зивы. Мадіанитяне были поражены, и здѣсь произошло столь страшное избіеніе ихъ, что пророкъ Исаія впослѣдствіи говоритъ о нанесенномъ здѣсь имъ пораженіи, какъ о такомъ, которое могло равняться лишь съ гибелью египтянъ въ Чермномъ морѣ, или съ гибелью войска Сеннахиримова (X, 26). Побѣда Гедеонова прославлялась впослѣдствіи и другими священными писателями. Псалмопѣвецъ, изображая это торжество своего народа, описываетъ, что непріятель былъ разсѣянъ, какъ пыль въ вихрѣ, какъ солома предъ вѣтромъ, какъ лѣсъ сожженъ огнемъ, какъ горы опалены пламенемъ (Пс. LXXXII, 14, 15); среди избитыхъ непріятелей пали и оба его вождя: одинъ на скалѣ, которая съ того времени стала носить его имя, Оривы, а другой въ виноградномъ точилѣ, гдѣ онъ хотѣлъ укрыться и которое съ этого времени стало называться также по его имени, Зивой.

Между тѣмъ, Гедеонъ рѣшилъ довести побѣду до конца и воспользоваться всѣми ея возможными результатами. Онъ одержалъ уже двѣ побѣды, но хотѣлъ нанести еще болѣе рѣшительное пораженіе непріятелю, и съ этою цѣлью переправился за Іорданъ, гдѣ,

несмотря на истомленіе своихъ воиновъ, продолжалъ преслѣдовать бѣжавшихъ мадіамскихъ вождей Зиву и Салмана, и наконецъ, настигнувъ ихъ, разбилъ все ихъ войско, а самихъ князей взялъ въ плѣнъ живыми. Такимъ образомъ, побѣда была полною. Начиная съ этого времени, мадіанитяне, доселѣ бывшіе столь страшными врагами, уже не считались болѣе среди враговъ народа Божія: «такъ смирились мадіанитяне предъ сынами Израиля, и не стали уже поднимать главы своей» (Суд. VIII, 28), такъ что, повидимому, даже исчезли совсѣмъ изъ исторіи [1]).

Если имя побѣдителя мадіанитской орды пріобрѣло такую извѣстность въ потомствѣ, то блескъ его славы былъ не менѣе великимъ и среди его современниковъ. Слава его была такъ велика, что израильтяне предложили ему даже верховную власть. Переносимыя ими бѣдствія за недостаткомъ вождя, который бы умѣлъ организовать защиту и стать во главѣ ихъ, а также храбрость, неустрашимость, ловкость, мудрость и твердость Гедеона дали имъ возможность понять выгоды тѣснаго единства между различными колѣнами подъ начальствомъ человѣка, который, соединяя воедино ихъ разрозненныя силы, могъ бы сдѣлать ихъ непобѣдимыми. Отсюда, какъ увидимъ, въ первый разъ, возникла мысль о центральной власти и объ основаніи монархіи въ Израилѣ. Гедеонъ по истинѣ былъ бы достоинъ быть первымъ царемъ своего народа. Онъ былъ не только храбрый воинъ и герой, но и искусный политикъ. Когда, по возвращеніи изъ похода, ефремляне, всегда обнаруживавшіе свою заносчивость и повелительность, дерзко упрекали его за то, что онъ не призвалъ ихъ раньше на борьбу съ мадіанитянами, онъ отвѣчалъ имъ въ такомъ тонѣ, который совершенно обезоружилъ ихъ: «сдѣлалъ ли я что такое, какъ вы нынѣ», сказалъ онъ имъ; «не счастливѣе ли Ефремъ добиралъ виноградъ, нежели Авіезеръ обиралъ? Въ ваши руки предалъ Богъ князей Мадіамскихъ, Ориву и Зиву, и что могъ сдѣлать я такое, какъ вы?», то-есть, хотѣлъ онъ сказать: «я упустилъ Ориву и Зиву изъ равнины Ездри-

---

[1]) Этотъ день мадіанитянъ, какъ называетъ его пророкъ Исаія (IX, 4), былъ послѣднимъ для нихъ. О мадіанитянахъ упоминается только уже въ книгѣ Іудиѳь, II, 16, гдѣ говорится, что сыны Мадіама были побѣждены Олоферномъ. Затѣмъ о мадіанитянахъ упоминается еще у позднѣйшихъ пророковъ.

лонской, а вы захватили ихъ и убили; такимъ образомъ, ваша побѣда выше моей». Съ этимъ политическимъ тактомъ онъ соединялъ, гдѣ нужно, и непоколебимую твердость. Жители городовъ Сокхоѳа и Пенуела, вмѣсто того, чтобы присоединиться къ тому, даже отказали ему въ жизненныхъ припасахъ, когда онъ нуждался въ нихъ во время преслѣдованія остатковъ мадіанитскаго войска. Этотъ отказъ доказывалъ, что къ бѣдствію остальныхъ израильтянъ они относились совершенно безучастно, или скорѣе то, что они трусливо опасались, какъ бы мадіанитяне, въ пораженіе которыхъ они не вѣрили, не заставили ихъ послѣ дорого заплатить за ту помощь, которую бы они могли оказать своимъ братьямъ. Что собственно служило для нихъ побужденіемъ,—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, теперь необходимо было напомнить различнымъ колѣнамъ о тѣхъ узахъ, которыя должны были соединять ихъ между собою, жестоко наказавъ за это равнодушіе и этотъ преступный эгоизмъ тѣхъ, которые не хотѣли сдѣлать ни малѣйшей жертвы въ пользу общаго блага. Гедеонъ, дѣйствительно, жестоко наказалъ ихъ: онъ разрушилъ башню Пенуельскую и истребилъ ея жителей; главнѣйшихъ представителей семействъ Сокхоѳа онъ также предалъ мучительной смерти, подвергнувъ ихъ наказанію «терновникомъ пустыни и зубчатыми молотильными досками» [1]).

Слава о побѣдѣ Гедеона разнеслась по всей странѣ, и благодарные израильтяне сказали Гедеону: «владѣй нами ты, и сынъ твой, и сынъ сына твоего; ибо ты спасъ насъ изъ руки мадіанитянъ». Но мужественный освободитель страны былъ доволенъ сознаніемъ исполненнаго долга и скромно отказался отъ предложенной ему наслѣдственной власти, отвѣтивъ израильтянамъ: «ни я не буду владѣть вами, ни сынъ мой не будетъ владѣть вами; Господь да владѣетъ вами». Онъ удовольствовался только частью военной добычи (въ 1,700 золотыхъ сиклей, кромѣ пряжекъ, пуговицъ и пурпурныхъ одеждъ съ мадіамскихъ царей, и кромѣ золотыхъ цѣпочекъ съ шеи верблюдовъ ихъ). Къ сожалѣнію, онъ имѣлъ неосторожность сдѣ-

[1]) Какого рода собственно это наказаніе,—въ точности неизвѣстно. Но Давидъ подвергъ такому же наказанію аммонитянъ, 2 Цар. XII, 31; 1 Паралип. XX, 3. Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что въ Египтѣ отцеубійцы наказывались тѣмъ, что ихъ катали по колючему терновнику до тѣхъ поръ, пока они не испускали послѣдній вздохъ.

лать изъ этой добычи эфодъ или священническую ризу, и суевѣрный народъ, придавъ ей магическое значеніе, «сталъ блудно ходить туда за нимъ», совершая нѣчто въ родѣ идолопоклонства. Впрочемъ, земля покоилась сорокъ лѣтъ, и самъ Гедеонъ мирно дожилъ до глубокой старости, оставивъ отъ своихъ многихъ женъ семьдесятъ сыновей и, главнѣе всего, ту добрую славу, которая дала ему впослѣдствіи великую честь быть записаннымъ въ число славнѣйшихъ героевъ вѣры (Евр. XI, 32).

Благородная вѣрность, съ которою Гедеонъ отклонилъ царскую корону, потому что онъ считалъ Іегову единымъ истиннымъ Царемъ Израиля, нашла отголосокъ въ груди нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, кому онъ столь славно служилъ. Неудивительно, однако же, что между его многочисленными сыновьями, съ теченіемъ времени, должно было зашевелиться нѣкоторое чувство честолюбія. Богатая добыча всякаго рода, пріобрѣтенная во время великой побѣды надъ мадіанитянами, несомнѣнно, значительно содѣйствовала обогащенію народа и распространяла среди него вкусъ къ нѣкоторой пышности, которая особенно стала замѣтна въ городахъ. Однимъ изъ результатовъ этого было болѣе тѣсное общеніе съ бойкими торговцами Финикіи; большіе города все болѣе становились рынками для хананскихъ товаровъ и жилищами для языческихъ поселенцевъ. Очевидно, съ цѣлью обезпечить себѣ безопасность личности и собственности и защищать свои торговые караваны, постоянно двигавшіеся съ товарами, иноплеменники составили изъ себя союзы, подъ покровительствомъ своего бога Ваалъ-Бериѳа, и добились даже того, что имъ позволено было построить храмъ въ Сихемѣ, а, быть можетъ, также и въ другихъ городахъ. При такомъ возрастаніи благоденствія, къ сожалѣнію, начало сильнѣе проявляться и соперничеству между отдѣльными городами и мѣстностями. Городъ Офра, родина Гедеона, повидимому, началъ затѣмнять собою эту древнюю столицу Ефремову колѣна, именно, благодаря жительству въ немъ сыновей Гедеона, которые, въ общемъ, поддерживали достоинство своего великаго отца. Но среди нихъ оказался одинъ недостойный членъ, именно, Авимелехъ, сынъ сихемской наложницы Гедеона, который задумалъ воспользоваться проявившимся соперничествомъ съ честолюбивыми цѣлями. Считая наступившее состояніе вещей благопріятнымъ для себя, онъ, вмѣстѣ

съ своею матерью, составилъ смѣлый планъ, чтобы Сихемъ, съ окружающими его городами, провозгласилъ его царемъ и, такимъ образомъ, окончательно возвысился надъ Офрой. Для нихъ было лучше, давалъ онъ имъ понять, находиться подъ управленіемъ одного, чѣмъ семидесяти сыновей Гедеона, въ каковомъ числѣ, быть можетъ, считались и его внуки. Кромѣ того, онъ, Авимелехъ, былъ «отъ ихъ кости и плоти». Этотъ смѣлый шагъ Авимелеха удался. Въ немъ приняли участіе и поселившіеся въ Сихемѣ иноплеменники, такъ что дали ему даже денежную помощь изъ храма Ваалова, и онъ сразу приступилъ къ вербовкѣ воиновъ изъ разныхъ праздныхъ людей, которыхъ было много въ эти смутныя времена. Съ набраннымъ войскомъ, онъ сразу же объявилъ войну своимъ братьямъ, которыхъ окончательно поразилъ и безжалостно предалъ смерти, повидимому, обезглавивъ ихъ на одномъ «камнѣ», который, быть можетъ, пользовался особенною извѣстностью вслѣдствіе того, что на немъ нѣкогда Гедеонъ приносилъ свою жертву. Отъ этого побоища спасся только одинъ Іоѳамъ, младшій сынъ Гедеона, которому удалось скрыться. Онъ убѣжалъ на гору Гаризимъ, поднимающуюся надъ долиною Сихемскою, и оттуда увидѣлъ, что жители города и окружающихъ мѣстностей собрались внизу въ долинѣ, съ цѣлью провозгласить Авимелеха царемъ. Это зрѣлище тотчасъ же внушило Іоѳаму, который отличался смѣлостью и ловкостью своего геніальнаго отца и дѣда,—мысль обратиться къ собранію съ рѣчью. Забравшись на одинъ скалистый отрогъ, выступающій съ Гаризима въ долину, и будучи недоступенъ для воиновъ Авимелеха, вслѣдствіе самой крутизны скалъ, онъ смѣло заявилъ изумленному народу о своемъ присутствіи и обратился къ нему съ обличительною притчей,—первой, какая только разсказывается въ Библіи. Образъ для нея онъ взялъ изъ окружающей сцены. Въ басняхъ Индіи и Греціи, обыкновенно, говорятъ или дѣйствуютъ звѣри и птицы; но въ Палестинѣ сравненіе обыкновенно бралось изъ растительнаго царства, и какъ разъ лежавшая внизу долина представляла самые роскошные образы растительности. «Возвысивъ голосъ свой, Іоѳамъ кричалъ и говорилъ народу: послушайте меня, жители Сихема, и послушаетъ васъ Богъ! Пошли нѣкогда дерева помазать надъ собою царя, и сказали маслинѣ: царствуй надъ нами. Маслина сказала имъ: оставлю ли я тукъ мой, и пойду ли скитаться по дере-

вамъ? И сказали дерева смоковницѣ: иди ты, царствуй надъ нами. Смоковница сказала имъ: оставлю ли я сладость мою, и хорошій плодъ мой, и пойду ли скитаться по деревамъ? И сказали дерева виноградной лозѣ: иди ты, царствуй надъ нами. Виноградная лоза сказала имъ: оставлю ли я сокъ мой, который веселитъ боговъ и человѣковъ, и пойду ли скитаться по деревамъ? Наконецъ, сказали всѣ дерева терновнику: иди ты, царствуй надъ нами. Терновникъ сказалъ деревамъ: если вы поистинѣ поставляете меня царемъ надъ собою, то идите, покойтесь подъ тѣнью моею; если же нѣтъ, то выйдетъ огонь изъ терновника и пожжетъ кедры ливанскіе. Итакъ, смотрите, по истинѣ ли и по правдѣ ли вы поступили, поставивъ Авимелеха царемъ? И хорошо ли вы поступили съ Іерооваломъ (Гедеономъ) и домомъ его, и сообразно ли съ его благодѣяніями поступили вы? За васъ отецъ мой сражался, не дорожилъ жизнью своею и избавилъ васъ отъ руки мадіанитянъ, а вы теперь возстали противъ дома отца моего, и убили семьдесятъ сыновъ отца моего на одномъ камнѣ, и поставили царемъ надъ жителями Сихемскими Авимелеха, сына рабыни его, потому что онъ братъ вашъ. Если вы нынѣ по истинѣ и по правдѣ поступили съ Іерооваломъ и домомъ его, то да будетъ на васъ благословеніе, и радуйтесь объ Авимелехѣ, и онъ пусть радуется о васъ. Если же нѣтъ, то да изыдетъ огонь отъ Авимелеха и да пожжетъ жителей Сихемскихъ, и весь домъ Милло, и да изыдетъ огонь отъ жителей Сихемскихъ и отъ дома Милло, и да пожжетъ Авимелеха» [1]). Закончивъ эту смѣлую и выразительную рѣчь, Іоѳамъ тотчасъ же скрылся, предоставивъ Сихемскимъ жителямъ размышлять о послѣдствіяхъ ихъ неблагоразумнаго, столь ярко изображеннаго поступка.

Но сихимляне, увлекшись выгодами своего главенства въ народѣ, не послушались добраго совѣта и, дѣйствительно, провозгласили Авимелеха царемъ; скоро, однако, они должны были убѣдиться, какъ справедливо было сдѣланное имъ Іоѳамомъ предостереженіе. Авимелехъ оказался именно тѣмъ терновникомъ, который приглашалъ покоиться подъ своею тѣнью. Для обезпеченія своего положенія, онъ не ограничился убійствомъ своихъ братьевъ, а продолжалъ ту же кровожадную политику, истребляя всѣхъ тѣхъ, кто

1) Суд. IX, 8—20.

такъ или иначе могли казаться ему опасными для его власти. Такая политика на востокѣ отнюдь не безпримѣрна. Впослѣдствіи къ ней прибѣгъ Іиуй, когда онъ истреблялъ семейство Ахавово, а также Гоеолія, когда она избивала дѣтей Охозіи. Подобное варварство всегда было въ обычаѣ на востокѣ. Въ Турціи оно существовало до самаго послѣдняго времени, а въ Персіи еще и теперь существуетъ обычай ослѣплять братьевъ шаха и всѣхъ другихъ побочныхъ наслѣдниковъ престола при началѣ каждаго новаго царствованія [1]). Такое начало царствованія Авимелеха вполнѣ обнаружило его характеръ, и онъ остался вѣрнымъ ему во все время своего правленія. До безсердечности себялюбивый, безпринципный и беззастѣнчивый, онъ вслѣдствіе этого скоро долженъ былъ вынудить своихъ подданныхъ къ возстанію. Играя роль царя, онъ имѣлъ войско, собиралъ доходы и организовалъ администрацію, найдя себѣ въ лицѣ Зевула намѣстника, которому онъ поручилъ управленіе Сихемомъ, а самъ переселился въ Аруму, на вершинѣ горы, верстахъ въ пяти къ сѣверо-западу. Его тиранія, между тѣмъ, сдѣлалась столь невыносимой, что въ Сихемѣ образовались шайки повстанцевъ, которые стали грабить все, что принадлежало Авимелеху и даже пытались захватить его самого. Для усмиренія сихемцевъ, Авимелехъ отправилъ Гаала, сихемскаго ханаанитянина, съ отрядомъ войска. Но Гаалъ самъ побратался съ сихемлянами. На одномъ веселомъ пиршествѣ во время собиранія винограда, совершавшемся въ храмѣ Ваала, дѣло дошло до того, что Гаалъ обратился къ собравшимся съ мятежною предательскою рѣчью, въ которой онъ предлагалъ лишить Авимелеха престола и самому стать во главѣ своихъ братьевъ. Объ этой измѣнѣ Зевуломъ тотчасъ же было донесено Авимелеху, который показалъ, что онъ наслѣдовалъ отъ своего отца, если не нравственное достоинство, то, по крайней мѣрѣ, энергію. Онъ тотчасъ же явился въ городъ съ отрядомъ, поразилъ

---

[1]) Г-жа М'Нейль, жена бывшаго англ. посланника въ Персіи, однажды видѣла, какъ одинъ изъ принцевъ, десятилѣтній мальчикъ, завязавъ себѣ глаза платкомъ, бродилъ по комнатѣ. На вопросъ, что онъ дѣлаетъ, мальчикъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ знаетъ, что по смерти царя, его отца, ему будутъ выколоты глаза, то онъ и пробовалъ теперь, что значитъ быть слѣпымъ. Отецъ его обезпечилъ себѣ престолъ при помощи дяди прежняго царя, истребивъ все «сѣмя царское». Въ послѣднее время то же самое дѣлалъ для обезпеченія себѣ престола Бирманскій царь Тибо.

Гаала и его приверженцевъ, изгналъ ихъ изъ города и затѣмъ во второй битвѣ на слѣдующій день поразилъ и сихемлянъ, которые попали въ жестокія руки Авимелеха; всѣ тѣ, которые оказались въ живыхъ послѣ избіенія, были сброшены съ домовъ. Разъяренный самозванецъ безпощадно разрушилъ городъ и засѣялъ солью въ знакъ того, чтобы забыто было и самое мѣстоположеніе Сихема. Остальная часть населенія, однако же, бѣжала въ храмъ Ваала, въ башнѣ котораго они надѣялись найти себѣ убѣжище, но Авимелехъ теперь не зналъ ни состраданія, ни благоговѣнія. Отправившись на прилегающую гору Селмонъ, онъ самъ, вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ, нарубили древесныхъ сучьевъ и затѣмъ, принеся ихъ въ городъ, подложили къ башнѣ и подожгли ее, такъ что въ башнѣ живыми сгорѣло до тысячи мужчинъ и женщинъ [1]).

Изъ Сихема Авимелехъ направился къ другому непокорному городу Тевецу, теперешнему Тубасу, на главной дорогѣ въ получасѣ между Сихемомъ и Веѳсаномъ, и прибѣгъ къ тому же способу для истребленія его жителей, которые бѣжали въ сильную городскую башню послѣ перваго пораженія. Но проклятіе Іоѳама теперь преслѣдовало Авимелеха по пятамъ, и онъ нашелъ здѣсь свою гибель. Когда онъ, съ цѣлью подложить горючій матеріалъ къ башнѣ, подошелъ къ ея стѣнѣ, то одна женщина бросила на него сверху жерновой камень и разбила ему черепъ. Стыдясь умереть отъ руки женщины, Авимелехъ велѣлъ своему оруженосцу пронзить его мечемъ. «Такъ воздалъ Богъ Авимелеху за злодѣяніе, которое онъ сдѣлалъ отцу своему, убивъ семьдесятъ братьевъ своихъ», и такъ безславно окончилась первая попытка самовольно основать царскую власть въ народѣ израильскомъ.

---

[1]) Домъ Милло, упоминаемый въ Суд. IX, 20, былъ, вѣроятно, названіемъ для этой укрѣпленной башни, въ которой искали убѣжища въ Сихемѣ; она, вѣроятно, была на горѣ Гаризимѣ.

ГЛАВА LXIII.

Іефеай.

Послѣ низверженія Авимелеха, наступило довольно продолжительное время, въ теченіе котораго израильтяне наслаждались миромъ и благоденствіемъ. Прежнія испытанія настолько были поучительными для народа, что онъ, повидимому, пришелъ къ сознанію необходимости упорядочить свои общественныя и гражданскія отношенія, и съ этою цѣлью даже и въ мирное время признавалъ отдѣльныхъ лицъ, которыя были его судіями. Таковыми послѣ Авимелеха упоминаются судіи Θола и Іаиръ. Такъ какъ это было время спокойствія и мира, то существованіе этихъ судей имѣло совершенно гражданскій характеръ. Они были судіями въ полномъ смыслѣ этого слова, то-есть главною своею цѣлью имѣли водвореніе внутреннихъ гражданскихъ порядковъ среди народа. Но это благоденствіе, во время котораго мало-по-малу забылись испытанія прежняго времени, опять оказалось вреднымъ для столь непостояннаго и легкомысленнаго народа, какимъ были израильтяне. Забывъ испытанія и уроки прежняго времени, они опять начали склоняться къ идолопоклонству; среди нихъ усилилось обычное развращеніе. Пользуясь благоденствіемъ, народъ еще тѣснѣе сталъ входить въ сношенія съ окружающими идолопоклонническими племенами, и дѣло дошло до того, что народъ, который долженъ бы служить учителемъ вѣры въ единаго истиннаго Бога для всѣхъ окружающихъ народовъ, самъ сталъ рабски подражать имъ въ ихъ идолопоклонническихъ культахъ и началъ безъ разбора «служить

Ваалам, Астартам и богам аморрейским, и богам сидонским, и богам моавским, и богам аммонитским, и богам филистимским», забывъ только единаго истиннаго Господа Бога. «И воспылалъ гнѣвъ Господа на Израиля, и Онъ предалъ ихъ въ руки филистимлянъ, и въ руки аммонитянъ. Они тѣснили и мучили сыновъ Израилевыхъ восемнадцать лѣтъ». Бѣдствіе это было тѣмъ тяжелѣе, что враги тѣснили народъ одновременно съ двухъ сторонъ, съ востока и запада. Западные враги, то-есть филистимляне, доселѣ были лишь незначительными мирными пастухами, но теперь они, видимо, начали выступать въ качествѣ тѣхъ грозныхъ воителей, которые впослѣдствіи наводили такой ужасъ на израильтянъ. Но теперешнее ихъ нападеніе, повидимому, было какимъ-нибудь незначительнымъ набѣгомъ, послужившимъ лишь временнымъ предостереженіемъ для израильскаго народа. Главнымъ врагомъ выступили аммонитяне, потомки Лота. Аммонитяне уже угрожали израильтянамъ во времена Аода, но въ то время они лишь поддерживали моавитянъ, сами, повидимому, не обнаруживая враждебнаго настроенія къ израильскому народу; теперь же они одни были настолько сильны, чтобы сдѣлать нашествіе на Палестину. Ихъ жестокій и хищный характеръ дѣлалъ ихъ особенно страшными. Они вели кочевую жизнь и всецѣло преданы были страсти къ войнѣ и хищничеству, свойственной всѣмъ бедуинамъ. Израильтяне, со времени своего выхода изъ Египта, никогда не встрѣчали болѣе жестокихъ враговъ. Во время исхода, эти потомки Лота отказали потомкамъ Авраама въ жизненныхъ припасахъ въ пустынѣ; они даже старались совратить израильтянъ съ пути нравственнаго долга, слѣдуя вмѣстѣ съ моавитянами, коварнымъ совѣтамъ Валаама (Втор. XXIII, 4), Гдѣ, собственно, они жили въ то время, когда они сдѣлали нашествіе на израильтянъ, неизвѣстно, но несомнѣнно то, что они жили къ востоку отъ страны Галаадской. Какъ ни трудно было проникнуть въ эту послѣднюю страну, горы которой какъ-бы составляютъ для нея непреодолимую крѣпость, аммонитянамъ, во всякомъ случаѣ, удалось сдѣлать на нее нашествіе, и оттуда они, переправившись чрезъ Іорданъ, начали дѣлать свои грабительскіе набѣги и распространяли свое хищничество вглубь до колѣнъ Ефремова, Веніаминова и Іудина.

По обыкновенію, бѣдствіе это опять заставило израильтянъ об-

ратиться съ мольбою о помощи къ забытому ими своему Господу; но на этотъ разъ и Господь, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, отвѣчалъ имъ: «вы оставили Меня, и стали служить другимъ богамъ; за то Я не буду уже спасать васъ. Пойдите, взывайте къ богамъ, которыхъ вы избрали: пусть они спасаютъ васъ въ тѣсное для васъ время». Это былъ страшный урокъ для израильскаго народа, который долженъ былъ познать, какъ окружающіе языческіе боги, служа для него источникомъ преступнаго наслажденія въ мирное время оказываются совершенно безсильными для него во время бѣдствій, и, напротивъ, служатъ для него лишь петлею для навлеченія этихъ бѣдствій. Но милосердіе Божіе безпредѣльно. Когда израильтяне въ покаяніи обратились къ Нему опять и отвергли чужихъ боговъ, ставъ служить только Господу, то «не потерпѣла душа Его страданія Израилева», и Онъ послалъ имъ избавителя въ лицѣ Іефая. Это былъ, даже по своему происхожденію, вполнѣ сынъ своего распущеннаго времени. Мать его была блудницей изъ Галаада, въ за-іорданскомъ колѣнѣ Манассіиномъ, и онъ, лишенный своими сводными братьями наслѣдства въ домѣ своего незаконнаго отца, удалися въ вольную землю Товъ, неизвѣстно, собственно, гдѣ находившуюся, но, вѣроятно, расположенную на границахъ царства аммонитянъ, если даже не составлявшую часть его. Тамъ онъ, собравъ около себя праздныхъ и бездомныхъ людей, сдѣлался начальникомъ шайки грабителей. Но съ своей вольницей Іефай не забывалъ патріотическаго долга, и поэтому онъ дѣлалъ нашествія на враговъ своей страны, отбивая у нихъ стада и караваны. Отвага и храбрость его обратили вниманіе старѣйшинъ Галаада, особенно страдавшаго отъ нападеній аммонитянъ, и они пригласили его стать во главѣ ихъ для борьбы съ врагами. Іефаю тяжело было принимать приглашеніе отъ старѣйшинъ города, гдѣ онъ потерпѣлъ страшную обиду и несправедливость, но любовь къ родинѣ превозмогла, и онъ принялъ предложеніе, выговорить, однако же, себѣ при этомъ условіе главенства въ народѣ въ качествѣ судіи. Тутъ мы видимъ, такимъ образомъ, новый шагъ въ направленіи къ упроченію власти, такъ что должность судіи явно стремилась къ постепенному закрѣпленію ея за отдѣльными личностями. Условіе это было принято со стороны старѣйшинъ и оно торжественно было подтверждено предъ Господомъ.

Выступивъ въ качествѣ предводителя, Іефѳай скоро образовалъ около себя отрядъ, готовый выступить для освобожденія своей страны отъ жестокихъ враговъ; но прежде, чѣмъ выступить въ походъ, Іефѳай попытался сначала уладить дѣло мирнымъ путемъ и вступилъ съ аммонитянами въ переговоры для опредѣленія правъ двухъ враждующихъ народовъ на за-Іорданскія области. При этомъ Іефѳай обнаружилъ тонкое знаніе всей предыдущей исторіи завоеванія земли израильтянами и, опираясь на историческія данныя, требовалъ удаленія аммонитянъ. Послѣдніе оправдывали свое нападеніе на за-Іорданскія колѣна тѣмъ, что будто бы земля, находившаяся между рѣками Арнономъ и Іавокомъ, составляла ихъ наслѣдственное владѣніе. Чрезъ своихъ посланныхъ Іефѳай доказывалъ имъ неосновательность этихъ притязаній. Эта страна, во время израильскаго завоеванія, принадлежала Сигону, царю аморрейскому. Правда, аморреи не были ея первоначальными владѣльцами, такъ какъ сами отняли эту землю у моавитянъ (Числ. XXI, 26). Поэтому притязаніе на нее могъ бы заявлять Валакъ; но хотя онъ и приглашалъ Валаама для защиты того, что оставалось отъ его царства, противъ возможнаго нападенія израильтянъ, которыхъ онъ боялся, онъ, однако же, никогда не пытался возвратить то, что израильтяне отняли у аморревъ, хотя земля эта и принадлежала первоначально ему. Кромѣ того, даже по отношенію къ аморреямъ, какъ раньше по отношенію къ едомитянамъ и моавитянамъ, владѣніе которыхъ израильтяне, въ дѣйствительности, обошли большимъ круговымъ движеніемъ, послѣдніе въ свое время обнаружили необычайную снисходительность. Если аморреи и были лишены своихъ владѣній, то это потому, что они сами сдѣлали ничѣмъ невызванное нападеніе на израильтянъ, которые сначала только просили позволенія пройти чрезъ ихъ землю. Наконецъ, если трехсотлѣтнее безспорное обладаніе землей еще не давало положительнаго права на владѣніе землей, то трудно вообразить, по какому же праву еще можно было владѣть ею. Наконецъ, Іефѳай не смутился даже перенести вопросъ на религіозную точку зрѣнія. Обращаясь къ аммонитянамъ и обобщая всѣ доселѣ бывшіе переговоры, онъ сказалъ имъ: «и такъ, Господь, Богъ Израилевъ, изгналъ Аморрея отъ лица народа Своего Израиля, а ты хочешь взять его наслѣдіе? Не владѣешь ли ты тѣмъ, что далъ тебѣ Хамосъ, Богъ твой? И мы

владѣемъ всѣмъ тѣмъ, что далъ намъ въ наслѣдіе Господь Богъ нашъ» (Суд., XI, 23—24). Когда всѣ эти переговоры не привели ни къ какой желанной цѣли и всѣ мирныя предложенія были гордо отвергнуты аммонитянами, которые заявляли свои притязанія на всѣ за-Іорданскія области, то Іефѳай вынужденъ былъ добиваться своего права оружіемъ. «И былъ на Іефѳаѣ духъ Господень». Сильный собственнымъ мужествомъ и одушевляемый народомъ, который отовсюду сталъ собираться подъ его знамя, Іефѳай, наконецъ, двинулся на непріятеля; но передъ этимъ, по обычаю древняго времени, далъ обѣтъ Господу, говоря: «если Ты предашь аммонитянъ въ руки мои, то, по возвращеніи моемъ съ миромъ отъ аммонитянъ, что выйдетъ отъ воротъ дома моего на встрѣчу мнѣ, будетъ Господу, и вознесу сіе на всесожженіе». Походъ былъ успѣшенъ. Іефѳай разбилъ непріятеля, преслѣдовалъ его отъ Ароера до Миниѳа и взялъ двадцать городовъ до Авель-Керамима, такъ что аммонитяне смирились предъ сынами израилевыми.

Топографія области, расположенной къ востоку отъ Іордана, еще и теперь слишкомъ мало извѣстна, чтобы можно было дать точное представленіе о той мѣстности, которая была свидѣтельницей подвиговъ Іефѳая. Малая обезпеченность этихъ странъ, наводняемыхъ и теперь, какъ и тогда, бедуинами, препятствовала изслѣдователямъ сдѣлать надлежащее розысканіе. Одинъ англійскій путешественникъ, Тристрамъ, однако же, посѣтилъ землю Моава въ 1872 году, и однимъ изъ наиболѣе интересныхъ результатовъ его путешествія было открытіе Авель-Керамима. «Чрезъ 20 минутъ послѣ оставленія Дивана», говоритъ онъ, «нашъ путь привелъ насъ въ долину настолько неглубокую, что она едва заслуживаетъ этого названія. Тамъ еще можно видѣть слѣды стѣнъ и террасъ, сдѣлавшихся теперь простыми кучами земли, покрытыми дерномъ и расположенными правильно вдоль холма на разстояніи почти трехсотъ футовъ. Когда мы спросили, что это такое было, намъ не могли дать какого-либо объясненія, а сказали только, что эта долина называется Хурмъ-Диванъ, то-есть виноградники Диванскіе. Эта низменная поляна имѣетъ почти три англійскихъ мили въ длину ($4^1/_2$ версты). Названіе это было сохранено людьми, которые, вѣроятно, никогда не видѣли виноградника и которые даже не имѣютъ никакого понятія о первоначальномъ назначеніи этихъ древнихъ

рвовъ, какъ можно бы назвать ихъ. Это интересный примѣръ устойчивости семитическихъ названій. Но это еще не все: это интересная иллюстрація одного извѣстнаго изреченія Книги Судей. Когда Іефѳай въ своей войнѣ противъ аммонитянъ поразилъ ихъ въ этой равнинѣ, то мы читаемъ: «и поразилъ ихъ пораженіемъ весьма великимъ, отъ Ароера до Миниѳа двадцать городовъ и до Авель-Керамима, то-есть равнины виноградниковъ, и нанесъ имъ великое пораженіе» (Суд. XI, 33). Такимъ образомъ, здѣсь на этой дорогѣ, по которой, естественно, должно было бѣжать разбитое войско аммонитянъ, направлявшихся съ востока послѣ пораженія при Ароерѣ, древнее названіе сохраняется и доселѣ, хотя выражено на другомъ языкѣ, но съ тѣмъ же самымъ значеніемъ. Но гдѣ лежалъ Миниѳъ? Мы не знаемъ этого. Предполагали, что это, быть можетъ, Менья, мѣстечко, которое находится въ семи миляхъ къ востоку отъ Есевона; но мы не могли найти ни малѣйшаго слѣда, ни имени, ни самаго мѣста, ни тамъ, гдѣ его указываютъ, ни въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ останки, которые свидѣтельствуютъ о точности названія равнины виноградной» [1]). То обстоятельство, что Іефѳай хотѣлъ сначала избѣгнуть воіны мирнымъ улаженіемъ дѣла, показываетъ, что онъ былъ высокаго мнѣнія о могуществѣ аммонитянъ. Осада Іависа Галаадскаго, которую эти послѣдніе предприняли вскорѣ, именно во времена Самуила (1 Цар., XI, 13 и слѣд.), показываетъ, что нанесенное имъ Іефѳаемъ пораженіе не сокрушило совсѣмъ ихъ могущества.

Совершивъ освободительное дѣло, Іефѳай съ торжествомъ возвратился въ свой городъ Массифу и направился къ своему дому. Подъ вліяніемъ торжества и всеобщаго одобренія народа, восхвалявшаго подвиги освободителя, Іефѳай могъ уже забыть о томъ обѣтѣ, который онъ далъ предъ войною. Но, когда онъ уже подходилъ къ своему дому, «вотъ дочь его выходитъ на встрѣчу ему съ тимпанами и ликами», его единственная дочь, хотѣвшая болѣе всѣхъ отпраздновать побѣду своего отца-побѣдителя. Какъ громомъ пораженъ былъ несчастный отецъ, только тогда вспомнившій все неблагоразуміе даннаго имъ необдуманнаго обѣта. Когда онъ увидѣлъ ее, «разодралъ одежду свою и сказалъ: ахъ, дочь моя! ты сразила меня; и ты въ числѣ нарушителей покоя моего! я отверзъ о тебѣ

[1]) Tristram, Land of Moab, pp. 139—40

уста мои предъ Господомъ, и не могу отречься.» Узнавъ страшную тайну, мужественная дочь храбраго отца, однако же, не предалась безпомощному отчаянію и просила у него только двухмѣсячнаго срока, чтобы пойти на горы и оплакать дѣвство свое съ подругами своими. «По прошествіи двухъ мѣсяцевъ, она возвратилась къ отцу своему, и онъ совершилъ надъ нею обѣтъ свой, который далъ, и она не познала мужа» [1]).

Но какъ понимать исполненіе этого обѣта? Вслѣдствіе таинственной неясности библейскаго текста, оно понимается различно. Одни толкователи, по преимуществу древніе, понимаютъ его въ буквальномъ смыслѣ, что именно дѣвица дѣйствительно была принесена въ жертву всесожженія; но въ новѣйшее время все болѣе получаетъ значенія другое толкованіе, что дочь Іефѳая была лишь посвящена на служеніе Богу. Чтобы лучше понять это обстоятельство, нужно рѣшить два вопроса: что собственно Іефѳай разумѣлъ, давая свой обѣтъ? И чувствовалъ ли онъ себя обязаннымъ, въ силу буквальнаго смысла своего обѣта ,принести дочь во всесожженіе? Въ самомъ началѣ мы встрѣчаемся здѣсь съ слѣдующими двумя фактами, именно, что до этого времени Іефѳай дѣйствовалъ и говорилъ, какъ истинный служитель Іеговы, и что его имя занимаетъ почетное мѣсто въ томъ спискѣ героевъ вѣры, который начертанъ апостоломъ въ посланіи къ Евреямъ (XI, 32). Уже отсюда становится почти невозможнымъ думать, чтобы истинный служитель Іеговы могъ когда-либо дать обѣтъ принести человѣческую жертву, и еще менѣе, чтобы онъ, дѣйствительно, принесъ ее, не говоря уже о томъ, чтобы предметомъ этого жертвоприношенія могла служить его собственная и единственная дочь. Такія жертвоприношенія были въ высшей степени чужды и противны всему духу и буквѣ закона Божія [2]), и мы не встрѣчаемъ никакого упоминанія о нихъ до царствованія нечестивыхъ Ахаза и Манассіи. Даже Іезавель не осмѣливалась ввести ихъ; и мы знаемъ, какимъ ужасомъ были объяты изрильтяне, когда они увидѣли, какъ языческій царь Моавскій приносилъ своего сына въ качествѣ искупительной жертвы на стѣнахъ своей столицы [3]). Но затрудненіе становится почти непреодо-

---

1) Суд. XI, 34—39.
2) Левит. XVIII, 21; XX, 2—5; Втор. XII, 31; XVIII, 10.
3) 4 Цар. III, 26 и проч.

лимымъ, когда именно мы встрѣчаемъ послѣ этого имя Іефѳая въ новозавѣтномъ спискѣ среди героевъ вѣры. Виновный въ такомъ противозаконномъ преступленіи, несомнѣнно, не могъ бы найти тамъ мѣста! Но эти соображенія, хотя и важныя, выходятъ за предѣлы самаго повѣствованія, и для истиннаго пониманія дѣла необходимо точнѣе разсмотрѣть самое повѣствованіе Библіи. Дѣлая это, мы прежде всего должны отбросить, какъ не идущіе къ дѣлу, всѣ такіе доводы, какъ варварство тѣхъ временъ, несовершенство религіозныхъ понятій или религіозное невѣдѣніе со стороны такого искателя приключеній, какимъ былъ сначала Іефѳай, проведшій большую часть своей жизни вдали отъ израильтянъ. Библейскій повѣствователь, правда, изображаетъ Іефѳая дикимъ и смѣлымъ Галаадскимъ горцемъ, который занимался разбойническими набѣгами на окрестныхъ жителей. Но, съ другой стороны, Іефѳай постоянно дѣйствуетъ и говоритъ совершенно, какъ истинный служитель Іеговы; и его обѣтъ, который въ ветхомъ завѣтѣ всегда обнаруживаетъ высшее религіозное чувство [1]), былъ для него тѣмъ священнѣе, что онъ данъ былъ Іеговѣ. Затѣмъ въ посольствѣ къ царю аммонитскому, Іефѳай обнаруживаетъ самое близкое знакомство съ Пятокнижіемъ, причемъ не разъ его доводы составляютъ почти буквальную цитату изъ книги. Числъ (XX). Человѣкъ, который такъ хорошо и подробно зналъ священную исторію, не могъ не знать основныхъ началъ истинной вѣры. Имѣя все это въ виду, мы можемъ приступить къ подробному изслѣдованію библейскаго повѣствованія о данномъ имъ обѣтѣ, и изъ него оказывается слѣдующее.

Самыя выраженія, въ которыхъ данъ былъ Іефѳаемъ обѣтъ, во всякомъ случаѣ не исключаютъ возможности того, что какое-нибудь человѣческое существо выйдетъ изъ дверей его дома на встрѣчу ему по его возвращеніи. Подлинный текстъ невольно возбуждаетъ подобную мысль, и очевидныя вѣроятности дѣла сильно говорили въ пользу такой случайности. Въ дѣйствительности, выраженія Іефѳаева обѣта, повидимому, намѣренно сдѣланы были въ такихъ общихъ терминахъ, которые бы покрывали всѣ могущія встрѣтиться случайности. Но даже и въ такомъ случаѣ невозможно предполагать, чтобы Іефѳай могъ преднамѣренно дать обѣтъ, въ которомъ бы онъ имѣлъ

---

1) Быт. XXVIII, 20; 1 Цар. I, 11; Пс. CXV, 14; Исх. XIX, 21.

въ виду именно человѣческое жертвоприношеніе; еще болѣе невозможно предполагать, чтобы у Іефѳая явилась когда-нибудь мысль, что Іегова захочетъ связать его освободительную побѣду съ такимъ ужаснымъ преступленіемъ. Выраженіе, употребленное Іефѳаемъ при даваніи обѣта, замѣчательно и въ другомъ отношеніи. Въ немъ сказано: «что выйдетъ отъ воротъ дома моего на встрѣчу мнѣ, будетъ Господу, и вознесу сіе на всесожженіе». Великіе іудейскіе толкователи среднихъ вѣковъ, въ противоположность Талмуду, доказывали, что эти два послѣднія предложенія не тождественн. Въ законѣ никогда не говорится о приносимомъ во всесожженіи *животномъ*, что оно «будетъ Господу, и это по той простой причинѣ, что подъ всякимъ всесожженіемъ разумѣется именно принесеніе Господу. Но когда приносились Іеговѣ человѣческія существа, то тогда и употреблялось это выраженіе, какъ напр., при принесеніи первородныхъ среди израильтянъ и колѣна Левіина (Числ. III, 12, 13). Но въ такихъ случаяхъ никогда, конечно, не подразумѣвалось, чтобы надъ ними совершалось дѣйствительное человѣческое жертвоприношеніе. Затѣмъ нужно помнить, что по правилу Моисеева закона въ жертву всесожженія приносились только исключительно существа мужскаго пола (Левит. I, 3), и это само собою уже исключаетъ возможность предположенія со стороны Іефѳая, чтобы его дочь могла сдѣлаться предметомъ такой жертвы. Но если даже предположить, что столь любящая его дочь дѣйствительно посвятила себя на смерть, то почти совершенно невѣроятно, чтобы она желала провести два мѣсяца своей остающейся жизни не съ своимъ удрученнымъ горемъ отцемъ, а въ горахъ съ своими сверстницами. Затѣмъ въ этомъ уединеніи она оплакиваетъ не свою молодость, а свое «дѣвство», не то, что она должна умереть, а то, что она должна будетъ умереть безбрачною. Еврейское выраженіе въ первомъ случаѣ было бы совершенно различнымъ отъ того, которое употреблено здѣсь въ св. Писаніи и которое можетъ означать только послѣднее. То обстоятельство, что единственному ребенку приходилось умереть въ безбрачіи и такимъ образомъ обречь имя отца на исчезновеніе въ Израилѣ, въ свѣтѣ ветхозавѣтныхъ временъ считалось по истинѣ великимъ несчастіемъ и тяжкимъ ударомъ. Бездѣтность была однимъ изъ наказаній, назначавшихся за великій грѣхъ (Левит. XX 20), и однимъ изъ великихъ наказаній за богоотступничество народа было, по выраженію

псалмопѣвца, то, что «юношей поядалъ огонь, и дѣвицамъ его не пѣли брачныхъ пѣсенъ» (Пс. LXXVII, 63). Испытаніе это является тѣмъ болѣе тяжкимъ для Іефѳая, когда мы представимъ себѣ, что оно пало на него и на его единственную дочь въ часъ ихъ высшаго торжества, когда все благоденствіе, повидимому, находилось въ ихъ распоряженіи. Величайшій и счастливѣйшій человѣкъ въ Израилѣ дѣлается сразу жалкимъ и несчастнымъ уже потому, что даже по такому смыслу обѣта Іефѳай лишался высшаго счастія, какое только считалось достояніемъ ветхозавѣтнаго человѣка, именно счастія продолженія своего рода. Наконецъ, весьма знаменательно, что въ самомъ свидѣтельствѣ о совершеніи обѣта говорится только, что Іефѳай «совершилъ надъ нею обѣтъ свой, который далъ», безъ всякихъ дальнѣйшихъ подробностей; не говорится, чтобы онъ дѣйствительно принесъ ее во всесожженіе, и напротивъ, только прибавляется, что «она не познала мужа», какъ бы въ намекъ на то, что надъ нею не было совершено всесожженіе, а она осталась въ дѣвствѣ и была посвящена на служеніе Богу.

Всѣ эти основанія настолько серьезны, что въ новѣйшее время толкователи все болѣе склоняются къ тому пониманію Іефѳаева обѣта, что исполненіе его заключалось не въ принесеніи имъ своей дочери во всесожженіе, а въ посвященіи ея Богу на служеніе при скиніи на всю жизнь. И дѣйствительно, у евреевъ было въ обычаѣ давать подобные обѣты. Это можно видѣть уже изъ книги Левитъ, гдѣ точно опредѣляется цѣнность выкупа за душу человѣческую, посвященную Богу (Левит. XXVII, 1 и слѣд.). Посвящались какъ мужчины, такъ и женщины, старые и малые, рабы и свободные. За посвящаемаго человѣка дозволялось вносить опредѣленный закономъ выкупъ, но нѣкоторые не желали пользоваться этимъ правомъ. Такъ, Анна посвятила Богу Самуила на всю жизнь (1 Цар. I, 11, 22). Такой же именно обѣтъ далъ и исполнилъ надъ своею дочерью и судья Іефѳай, и въ воспоминаніе мужественной дочери Іефѳая, «вошло въ обычай у Израиля, что ежегодно дочери Израилевы ходили оплакивать дочь Іефѳая, галаадитянина, четыре дня въ году» (Суд. XI, 40).

Замѣчательнымъ отголоскомъ этого библейскаго событія служитъ обычай, еще и теперь сохраняющійся на Синайскомъ полуостровѣ. Когда дѣвицѣ объявляютъ о томъ, что она должна выйти замужъ, то, по древнему обычаю, она обыкновенно на нѣкоторое время убѣ-

гаетъ на горы. Бѣгство это у многихъ бываетъ лишь притворнымъ, кажущимся, но у одного изъ четырехъ племенъ, живущихъ теперь на этомъ полуостровѣ, именно у емзенеховъ, бѣгство это бываетъ дѣйствительнымъ: невѣста отправляется на горы на три дня и тамъ скрывается все время, какъ-бы оплакивая свое дѣвство [1]). Этому же соотвѣтствуетъ любопытный обычай, сохранявшійся среди іудеевъ даже во времена Спасителя. Дважды въ году, именно въ пятнадцатый день мѣсяца, Авива, когда заканчивался сборъ даровъ для святилища, и въ день всеобщаго покаянія, дѣвицы Іерусалимскія, въ бѣлыхъ платьяхъ, нарочито дававшихся имъ съ этою цѣлью, такъ чтобы одинаково были одѣты всѣ, богатыя и бѣдныя, отправлялись въ виноградники близъ города, гдѣ онѣ танцовали и пѣли. Не былъ ли этотъ интересный обычай также отдаленнымъ отголоскомъ восхваленія дѣвицами дочери Іефѳая?

Какъ бы то ни было, все это событіе должно было лечь тяжелымъ бременемъ на омраченный духъ Іефѳая, но его ожидало еще и другое испытаніе Ему пришлось быть свидѣтелемъ печальнаго событія, показывающаго, до какой степени дошло разъединеніе между колѣнами въ это время. Гордые ефремляне, съ надменностью относясь къ за-іорданскимъ колѣнамъ и особенно къ Манассіину полуколѣну, которое они считали частью своего колѣна, отказались признать право на отдѣльное независимое существованіе, а тѣмъ болѣе имѣть изъ себя судію народа, и довели дѣло до междуусобицы. Народное воодушевленіе однако же было еще сильно: ефремляне понесли страшное пораженіе въ битвѣ и стали спастись бѣгствомъ на противоположный берегъ Іордана. Но раздраженные галаадитяне перехватили броды и, узнавая ефремлянъ по своеобразному выговору ими слова: «шибболетъ» (они выговаривали «сибболетъ»), избили изъ нихъ 42.000 человѣкъ, подвергнувъ, такимъ образомъ, жестокому наказанію возмутителей общественнаго мира. Это горестное событіе должно было еще болѣе обременить душу такого пламеннаго патріота, какимъ былъ Іефѳай. Онъ былъ судіей Израиля только шесть лѣтъ послѣ этого и скончался, будучи погребенъ въ одномъ изъ городовъ Галаадскихъ. Одинокимъ онъ жилъ, одинокимъ и померъ, не оставивъ въ потомствѣ даже воспоминанія о точномъ мѣстѣ его погребенія.

---

[1]) Нелишне замѣтить при этомъ, что собственно въ еврейскомъ текстѣ употребленный въ Суд. XI, 40, глаголъ означаетъ не «оплакивать», а «восхвалять».

ГЛАВА LXIV.

Самсонъ.

Къ концу бурнаго періода судей самымъ дѣятельнымъ и могущественнымъ народомъ Палестины были филистимляне. О существованіи ихъ въ Палестинѣ упоминалось уже въ такое отдаленное время, какъ времена Авраама. Они, повидимому, переселились съ о. Кипра и были пелазгическаго происхожденія, хотя впослѣдствіи и поддались семитическому вліянію ханаанскихъ народовъ. Составляя союзъ изъ пяти городовъ, они къ этому времени пріобрѣли особенное вліяніе въ странѣ и были единственнымъ ханаанскимъ народомъ, который не только совершенно оставался независимымъ отъ израильтянъ, но и постоянно держалъ ихъ въ страхѣ своими неожиданными нападеніями. Сильное своей военной организаціей, мужественные своимъ воинственнымъ духомъ и обогащаемые вслѣдствіе выгоднаго положенія своихъ городовъ на большомъ торговомъ трактѣ въ Египетъ, они даже угрожали древнему торговому главенству финикіянъ. Города ихъ были оживленными центрами всякой промышленности. Азотъ и Газа, какъ ключи къ Египту, командовали всею торговлею, направлявшеюся въ Египетъ и шедшею оттуда, и служили главными складочными пунктами для ввозныхъ и вывозныхъ товаровъ. Всѣ эти города, кромѣ того, торговали рабами съ Эдомомъ и южной Аравіей, и ихъ торговля процвѣтала и въ другихъ направленіяхъ, такъ что въ приложеніи къ нимъ самое имя хананеевъ

сдѣлалось однозначущимъ съ именемъ торговцевъ [1]). Они славились также своимъ кузнечнымъ и оружейнымъ искусствомъ; крѣпость ихъ городовъ свидѣтельствовала объ успѣхѣ ихъ строительнаго искусства, а ихъ идолы и выдѣлывавшіяся ими изъ золота различныя вещицы и фигуры показываютъ, что они искусны были и въ предметахъ мирной промышленности. Но болѣе всего они преданы были войнѣ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Со своими смертоносными желѣзными колесницами они то и дѣло совершали набѣги на окружающія племена и наводили на всѣхъ ужасъ, вліяніе котораго чувствовалось даже до земли фараоновъ. Египетъ только недавно передъ тѣмъ подвергался нападенію отъ ихъ флота, и вскорѣ затѣмъ, повидимому въ то время, когда Іефѳай боролся съ аммонитянами на возвышенностяхъ Галаада, ихъ корабли, отправившись изъ пристани Газы и Аскалона, сдѣлали нападеніе на Сидонъ—великій городъ сѣверной Финикіи, разбили его флотъ и взяли самый городъ, который съ этого времени потерялъ свое значеніе. Вся аристократія его нашла себя вынужденною бѣжать въ Тиръ, и даже многіе жители этого города вскорѣ должны были искать убѣжища на близь лежащемъ островѣ, чтобы быть въ большей безопасности отъ этихъ страшныхъ владыкъ моря. Сидонъ отселѣ потерялъ свое значеніе въ качествѣ столицы и на нѣсколько столѣтій исчезъ со страницъ исторіи, и паденіе его, несомнѣнно, встрѣчено было невыразимою радостью со стороны сѣверныхъ колѣнъ Израиля, которыя, наконецъ, могли свободно вздохнуть, освободившись отъ своего грознаго угнетателя.

Уже за нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ, именно во время Самегара, колѣна Дановo и Іудино страдали отъ набѣговъ филистимскихъ шаекъ, которыя вторгались въ ихъ горныя долины и производили грабежи, такъ что и выселенія столь многихъ жителей перваго колѣна видимо причиняемы были этими набѣгами. Но эти отдѣльные набѣги мало-по-малу настолько пробудили смѣлость въ филистимлянахъ, что, наконецъ, они пытались окончательно завоевать прилегающую Израильскую страну, что и сдѣлано было ко времени рожденія Самсона. Это завоеваніе было однимъ изъ величайшихъ бѣдствій для Израильскаго народа, и иго филистимское было настолько

[1]) Софон. II, 5. Это названіе, однако же, впервые было дано въ этомъ смыслѣ финикіянамъ. Слово Палестина происходитъ отъ филистимлянъ (пелиштимъ).

тяжелымъ, что, повидимому, рѣшительно отнимало у всѣхъ всякую надежду на избавленіе. Филистимляне совершенно сокрушили силы израильтянъ, которые, какъ земледѣльческій народъ, не въ состояніи были выдержать напора народа, главнымъ ремесломъ котораго была война. Даже храброе колѣно Іудино должно было положить предъ ними свое оружіе и подчиниться тяжелому и позорному игу, для обезпеченія котораго филистимляне къ тому же, совершенно обезоруживая побѣжденныхъ, увели у нихъ въ плѣнъ всѣхъ кузнецовъ и оружейниковъ, такъ что израильтяне для всякой кузнечной и слесарной работы вынуждены были обращаться къ своимъ жестокимъ угнетателямъ. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ филистимское иго могло тяготѣть цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, не вызывая даже попытокъ къ освобожденію отъ него. Народъ палъ духомъ, и въ полномъ унынiи отчаялся уже во всякой надеждѣ на какое-либо избавленіе; но избавитель уже явился въ его средѣ и готовъ былъ выступить на защиту своего народа. Это былъ необычайный герой—по имени Самсонъ.

На краю этой гористой области, верстахъ въ тридцати отъ Азота, на склонѣ холма, возвышающагося надъ зеленой вади Сураръ (древній Сорекъ), среди виноградниковъ и смоковницъ, гнѣздилась деревня Цора. Округъ этотъ лежитъ на 2000 фут. надъ уровнемъ моря и извѣстенъ подъ названіемъ Аркубъ или «хребетъ»—длинный отрогъ горъ съ многочисленными развѣтвляющимися отъ него меньшими хребтами, въ сѣверныхъ и южныхъ складкахъ которыхъ лежатъ двѣ долины: Сорекъ и Елахъ. Первая изъ нихъ, съ полверсты шириною, лѣтомъ бываетъ наполнена роскошными нивами, чрезъ которыя посреди нѣ извивается кремнистое ложе потока; причемъ по обѣимъ сторонамъ тянутся низкіе бѣлые холмы. На холмѣ, окруженномъ рощами, тамъ именно, гдѣ соединяются эти двѣ долины, лежатъ развалины Веѳсамиса—«дома солнца»; въ южной части Сорека лежитъ Тимна, а въ сѣверной части расположены двѣ маленькія грязныя деревушки—Цора и Естаолъ. Начиная отъ склоновъ Шефелы, по направленію къ Филистимской равнинѣ, тянется прекрасная, засѣянная хлѣбомъ, широкая долина, которая представляетъ превосходную картину какъ съ окружающихъ высотъ, такъ и съ низменности, причемъ съ одной стороны открывается видъ на богатую равнину, а съ другой—на лежащіе за ней высокіе и скалистые холмы. Этотъ-то не-

большой округъ и былъ поприщемъ знаменитыхъ подвиговъ Самсона.

Въ одномъ изъ находившихся здѣсь поселеній, именно въ Цорѣ, жило одно изъ тѣхъ немногихъ семействъ, которыя среди все возростающаго богоотступничества этого времени оставались все еще вѣрными Іеговѣ, и у него-то родился сынъ, предназначенный съ самаго дѣтства обратить на себя вниманіе всего окружающаго населенія. Самсонъ былъ сынъ бездѣтной дотолѣ четы Маноя съ женой изъ колѣна Данова, сосѣдняго съ филистимской землей и потому наиболѣе терпѣвшаго отъ жестокихъ враговъ. Самое рожденіе его было возвѣщено ангеломъ, который объявилъ женѣ Маноя, что «она зачнетъ и родитъ сына, и бритва не коснется головы его, потому что отъ самаго чрева младенецъ сей будетъ назорей Божій, и онъ начнетъ спасать Израиля отъ руки филистимлянъ». То же извѣстіе повторено было и самому Маною, съ подтвержденіемъ его особымъ видѣніемъ ангела, поднимавшагося въ пламени жертвенника. Въ опредѣленное время дѣйствительно родился у нихъ сынъ, которому было дано имя Самсонъ.

Колѣно Даново, къ которому принадлежалъ Самсонъ, всегда было сравнительно малымъ и не въ силахъ было даже отвоевать отведенную ему равнину у филистимлянъ, которые совершенно отрѣзали его отъ приморской равнины и стѣснили въ горахъ. Положеніе его было столь стѣсненнымъ, что впослѣдствіи оно вынуждено было даже выселить изъ себя значительную часть, предоставивъ ей искать себѣ мѣстожительство на сѣверной границѣ страны. Но у него былъ укрѣпленный станъ на горахъ, господствовавшихъ надъ филистимской равниной, и тамъ-то именно возросталъ Самсонъ. Будучи назореемъ, то-есть, человѣкомъ, всецѣло посвященнымъ на служеніе Богу и Его царству и представляя живой урокъ, что сила и спасеніе избраннаго народа заключались только въ его невидимомъ Царѣ, который даваль свою помощь только за исполненіе Его святыхъ законовъ. Самсонъ возросталъ въ виду городовъ и деревень своихъ угнетателей. При видѣ угнетеннаго положенія своего народа, терпѣвшаго всевозможныя притѣсненія отъ жителей этихъ идолопоклонническихъ городовъ, и страдая за честь своего отечества и своего Бога, юный назорей возмущался духомъ, и въ народѣ уже носились слухи, какъ «духъ Господень» по временамъ дѣйствовалъ въ длин-

новолосомъ отрокѣ, уже начинавшемъ обнаруживать необычайную силу.

Будучи отъ рожденія посвященъ Богу, Самсонъ возросталъ именно въ качествѣ назорея. Самый обѣтъ назорейства существовалъ уже давно, и касательно его существовали опредѣленныя постановленія въ Моисеевомъ законѣ (Числ. VI, 1—21). Но личный примѣръ назорейства впервые является на Самсонѣ. Различіе между чистыми и нечистыми дѣйствіями уже установлено было нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ, но вся обрядовая система, повидимому, подверглась значительному забвенію въ теченіе смутъ и идолопоклонства, которыя постоянно болѣе или менѣе царствовали со времени смерти Іисуса Навина. Въ виду этого, гдѣ бы ни появлялся этотъ юный назорей, онъ, такимъ образомъ, былъ уже самъ по себѣ живымъ укоромъ народу, напоминая ему о его обязанностяхъ и о его богоотступничествѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ возросталъ, все болѣе оказывалось, что это посвященіе его Іеговѣ развивало въ немъ особыя дарованія, обезпечивавшія надежду на то, въ чемъ уже давно нуждался Израиль, именно ту непреклонную силу и энергію, которая сама по себѣ могла бы служить залогомъ національной независимости, если бы такія дарованія подобнымъ же образомъ были получены многими. Духъ Господень, который облекалъ Іефѳая мужествомъ и рѣшимостью, проявился и въ юномъ Самсонѣ, давая ему чудесную силу и непоколебимую безбоязненность. Что если бы Израиль, возвращаясь къ служенію единому истинному Богу, весь пріобрѣлъ обладаніе такими дарованіями, столь неоцѣнимыми при его теперешнемъ положеніи? Религіозное оживленіе при Самуилѣ, который былъ самъ назореемъ отъ рожденія, несомнѣнно, получило свое первое возбужденіе именно въ разсказахъ объ этомъ городѣ, который былъ столь могущественъ именно потому, что посвященъ былъ Іеговѣ и жилъ всего за нѣсколько лѣтъ до рожденія великаго пророка. О его вліяніи можно составить себѣ правильное представленіе, только имѣя въ виду то положеніе, до котораго низведены были израильтяне въ его время. Филистимляне наложили свое тяжкое иго даже на великое колѣно Іудино и настолько смирили его духъ, что оно не только не осмѣливалось выступать противъ своихъ властителей, но пресмыкалось предъ ними и готово было выдать имъ даже единственнаго героя, боровшагося за свободу народа.

Только подвиги одного Самсона и поддерживали чувство надежды на избавленіе при такихъ обстоятельствахъ. Примѣръ его воспламенялъ въ народѣ духъ и мужество настолько, что въ послѣдующіе годы при всевозможныхъ угнетеніяхъ народъ постоянно дѣлалъ новыя попытки низвергнуть иго ненавистныхъ, необрѣзанныхъ иноплеменниковъ. Неравная борьба поддерживалась съ изумительнымъ упорствомъ въ теченіе цѣлыхъ поколѣній среди частыхъ пораженій отъ временъ Илія до временъ Давида, который наконецъ окончательно сломилъ рогъ филистимлянъ (Сирах. XLVII,7). Въ теченіе всего этого продолжительнаго періода, даже когда израильтяне находились въ наиболѣе угнетенномъ состояніи и принуждены были скрываться въ пещерахъ и ущельяхъ горъ или бѣжать за Іорданъ, единичные герои, въ родѣ Саула и Іонаѳана, воспламеняемые разсказомъ о прошедшемъ, возставали среди своихъ безоружныхъ братьевъ съ мечемъ въ рукѣ, для того, чтобы еще разъ вступить въ борьбу за свободу. Продолжительное господство филистимлянъ было именно, благодаря Самсону, своего рода героическимъ періодомъ Израиля. Подъ вліяніемъ его подвиговъ, народъ не отчаявался, но все болѣе и болѣе надѣялся, что въ концѣ концовъ Іегова поможетъ имъ. Это было время, когда независимость и свободное пользованіе ихъ учрежденіями были завоеваны ими при помощи Божіей чрезъ посредство храбрыхъ усилій народа и отдѣльныхъ патріотовъ. Позднѣйшія поколѣнія съ гордостью смотрѣли на то время, когда ихъ мужественные предки выходили на борьбу противъ исполинскихъ евеевъ, издѣвавшихся надъ Израилемъ, противъ Голіаѳа и Іесвія, съ его страшнымъ копьемъ, и противъ исполина съ двадцатью-четырьмя пальцами на рукахъ и на ногахъ [1]). Увлекательные разсказы о дѣлахъ этихъ героевъ, несомнѣнно, возбуждали духъ каждаго новаго поколѣнія и съ гордостью передавались лѣтописцами, сообщавшими такую исторію славы своего народа. Къ несчастью, однако же, съ теченіемъ времени эти разсказы затерялись и до насъ дошли только отдѣльныя короткія замѣчанія о нихъ.

Въ этомъ спискѣ благородныхъ борцовъ за свободу первымъ, несомнѣнно, стоялъ Самсонъ, который въ то же время своими блестящими подвигами превосходилъ ихъ всѣхъ. Одаренный сверхчело-

[1]) 2 Цар. XXI, XXIII.

вѣческою силою, онъ одинъ предпринялъ трудную задачу противодѣйствовать угнетателю, когда израильтяне уже всецѣло подчинились игу. Онъ ни разу не имѣлъ никакой помощи отъ окружающаго его населенія. Равнодушіе, недостатокъ мужества или страхъ лишали его помощи даже хотя бы одного какого-нибудь колѣна. Самое имя его характеризуетъ его подвиги и тотъ ужасъ, который онъ возбуждалъ во врагѣ, потому что имя его означаетъ «разрушитель», а не «солнечный герой», какъ думали другіе [1]). Во всѣхъ своихъ подвигахъ, онъ является поистинѣ геройскимъ служителемъ Бога, такъ какъ чувство, одушевлявшее его во всѣхъ этихъ подвигахъ, было исключительно чувствомъ ненависти къ врагамъ Іеговы и своего народа.

Достигнувъ возмужалости, Самсонъ не сразу выступилъ на спасеніе своего народа отъ враговъ, а обнаружилъ сначала ту же слабость, которой страдали всѣ вообще израильтяне. Онъ былъ въ нравственномъ отношеніи какъ-бы зеркаломъ своего народа. Будучи, какъ и весь народъ, посвященнымъ Богу, онъ воплотилъ въ своей жизни какъ добродѣтели, такъ и пороки своего народа, и потому на первыхъ же порахъ привязался къ одной филистимлянкѣ, и просилъ своихъ родителей позволить ему жениться на ней. Увидѣвъ, какъ напрасно было бы ихъ сопротивленіе неразумному поступку ихъ пылкаго юноши сына, они согласились и вмѣстѣ съ нимъ отправились для заключенія брака въ Ѳимнаѳу, мѣстожительство его невѣсты. Ѳимнаѳа находилась въ одномъ часѣ пути къ западу отъ Веѳсамиса, но закрыта была цѣпью холмовъ. На пути туда изъ Виѳсамиса, быть можетъ, въ той горловинѣ, которая ведетъ въ Ѳимнаѳу, по берегу потока, онъ встрѣтилъ молодаго льва. Эта мѣстность въ прежнее время изобиловала дикими звѣрями, какъ показываютъ самыя имена окружающихъ деревень, именно Леваоѳъ, то есть «львицы» [2]), Шаалаввинъ, то-есть, «шакалы». Эти два названія особенно интересны въ смыслѣ подтвержденія существованія въ колѣнѣ Дановомъ двухъ родовъ тѣхъ дикихъ животныхъ, о

[1]) Деканъ Станлей, вмѣстѣ съ прежними нѣмецкими толкователями, понималъ слово Самсонъ въ смыслѣ «солнечнаго героя», но новѣйшіе толкователи, и особенно Берто и Шенкель, повидимому, правильнѣе переводятъ это слово въ смыслѣ «разрушитель».

[2]) I. Нав. XV, 32. Въ колѣнѣ Симеона былъ также городъ Беѳъ-Леваоѳъ. I. Нав. XIX, 6.

которыхъ упоминается въ исторіи Самсона. Теперь львы исчезли изъ этихъ горъ, но шакалы и доселѣ многочисленны. Самый городъ Θимнаѳа или Θамна существуетъ еще и теперь въ видѣ небольшой деревни, извѣстной подъ названіемъ Тибне. Окружающіе холмы были сплошь заняты виноградниками, славившимися по всей Палестинѣ. Въ этой именно мѣстности находилась долина Сорекъ, растительность которой пророки Исаія и Іеремія провозглашали лучшей въ землѣ обѣтованной. Среди этихъ-то виноградниковъ, въ глубинѣ, несомнѣнно, одной изъ горловинъ, или ложбинъ потоковъ, разсѣкающихъ въ разныхъ направленіяхъ эту мѣстность, Самсонъ и встрѣтилъ молодаго льва. Почувствовавъ въ себѣ необычайную силу, онъ не только не смутился отъ нападенія этого царя пустынь, но смѣло схватилъ его своими могучими руками и задушилъ, какъ какого-нибудь козленка, и притомъ такъ быстро и съ такимъ хладнокровіемъ, что его родители, путешествовавшіе вмѣстѣ съ нимъ, но видимо, нѣсколько отставшіе отъ него, даже не подозрѣвали, что случилось съ ихъ сыномъ [1]). Самъ Самсонъ тоже никому не сказалъ объ этомъ, быть можетъ, на первый разъ удивившемъ его самого, подвигѣ; но, проходя въ другой разъ той же дорогой, онъ полюбопытствовалъ взглянуть на предметъ своей чудесной побѣды и увидѣлъ, что въ трупѣ убитаго имъ льва завелся рой пчелъ. Это обстоятельство издавна давало матеріалъ для самыхъ распространенныхъ возраженій противъ истинности повѣствованія о Самсонѣ. Именно, раціоналисты отрицаютъ возможность того, чтобы въ трупѣ убитаго льва могъ завестись рой пчелъ. Но прежде чѣмъ дѣлать это возраженіе, они должны бы были сначала принять во вниманіе, что израильскій историкъ описывалъ жизнь Самсона на самомъ мѣстѣ

---

[1]) Въ Палестинѣ теперь уже не встрѣчается львовъ, но въ прежнее время ихъ было весьма много. Въ св. Писаніи о львахъ упоминается во многихъ мѣстахъ, какъ напр., Суд. XIV, 8; 1 Цар. XVI, 34; 3 Цар. XII, 24; XX,36; 4 Цар. XVII, 25; Пѣсн. IV, 8; Іерем. V, 6; XII, 8; Амос. III, 4, 12 и проч. Они въ особенности обитали повсюду по берегамъ Іордана, высокіе кустарники котораго представляли имъ удобное убѣжище. Они существовали тамъ по крайней мѣрѣ, до XII столѣтія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ греческій пилигримъ этого времени, именно Іоаннъ Фока (De Locis Sanctis, XXIII). Левъ Палестины былъ, вѣроятно, азіатскою разновидностью, описываемою Аристотелемъ въ качествѣ обычнаго явленія въ Сиріи. Въ сравненіи съ обыкновеннымъ львомъ, онъ имѣлъ менѣе длинную гриву, болѣе короткій хвостъ и вообще болѣе коренастую форму, какъ левъ, открытый Лейярдомъ въ гробницахъ Арбана и воспроизведенный выше.

событій, и поэтому долженъ былъ лучше ихъ знать, насколько разсказываемое имъ событіе было возможнымъ и могло казаться правдоподобнымъ читателямъ. Но и помимо этого возраженіе разрѣшается не трудно. «Извѣстно, говоритъ Штольбергъ, что пчелы избѣгаютъ труповъ, но онѣ не избѣгаютъ высушенныхъ скелетовъ. Выраженіе—«послѣ нѣсколькихъ дней» не разъ употребляется въ св. Писаніи для обозначенія довольно значительнаго пространства времени и даже нѣсколькихъ лѣтъ. Самсонъ могъ оставаться женихомъ своей невѣсты въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ какъ невѣста его могла оказаться еще слишкомъ молодою. Геродотъ затѣмъ разсказываетъ, что пчелы дѣлали медовые соты въ черепѣ Онесила, тирана острова Кипра, голова котораго была вывѣшена жителями Амѳонта» [1]). Но нѣтъ надобности даже допускать и значительнаго промежутка времени между смертью льва и появленіемъ въ его трупѣ меда. Извѣстно, что въ этихъ странахъ, въ извѣстныя времена года, жара въ какіе-нибудь 24 часа настолько иссушаетъ трупы мертвыхъ верблюдовъ, не давая имъ разложиться, что ихъ трупы сохраняются долгое время въ родѣ мумій безъ всякаго гніенія и дурнаго запаха. То же самое, несомнѣнно, случилось и со львомъ, убитымъ Самсономъ, и такъ какъ лѣса Палестины всегда изобиловали безчисленными роями дикихъ пчелъ, которыя обитаютъ не только въ дуплахъ деревъ, но, за недостаткомъ другихъ мѣстъ, находятъ себѣ убѣжище даже въ ущельяхъ скалъ и въ подземныхъ пещерахъ, то въ виду всего этого повѣствованіе библейскаго историка устраняетъ всякую возможность для серьезнаго возраженія [2]). И вотъ, увидѣвъ, что случилось съ убитымъ имъ львомъ, Самсонъ захватилъ съ собою медъ и, вновь прибывъ въ Ѳимнаѳу, въ качествѣ жениха устроилъ семидневный пиръ, на который пригласилъ тридцать филистимлянъ въ качествѣ брачныхъ друзей. Будучи въ веселомъ расположеніи духа, онъ задумалъ предложить имъ отгадать загад-

---

[1]) Stolberg, Geschichte der Religion, II, 292.

[2]) Что касается изобилія меда въ Палестинѣ, то о немъ свидѣтельствуютъ всѣ путешественники. Вотъ что, напр., говоритъ изслѣдователь и знатокъ Св. Земли Томсонъ: «недавно еще пчелъ было такъ много въ лѣсу на недалекомъ разстояніи отъ этого именно мѣста, что медъ капалъ съ деревъ на землю, и я изслѣдовалъ густо покрытыя лѣсомъ ущелья на Ермонѣ и южномъ Ливанѣ, гдѣ дикія пчелы существуютъ еще и теперь, какъ на деревьяхъ, такъ и въ ущльяхъ скалъ».

ку, подъ условіемъ, въ случаѣ успѣха, уплатить имъ тридцать синдоновъ (рубашекъ изъ тканаго полотна) и тридцать перемѣнъ одежды, выговоривъ то же и себѣ, въ случаѣ ихъ неумѣнья отгадать ее. Любовь жителей востока къ загадкамъ и къ игрѣ словами составляетъ одну изъ выдающихся чертъ ихъ характера, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и Самсонъ захотѣлъ повеселиться такимъ именно образомъ, чтобы, имѣя въ виду доказать свою физическую силу, въ то же время показать и свое остроуміе. Когда брачные друзья согласились на предложеніе, то онъ сказалъ имъ:

«Изъ ядущаго вышло ядомое,
Изъ сильнаго вышло сладкое».

Три дня безплодно бились брачные друзья его надъ этой таинственной для нихъ загадкой; наконецъ, видя, что они не въ силахъ разгадать ее, они обратились къ его новобрачной женѣ и начали приставать къ ней, чтобы она добилась отъ Самсона разгадки, угрожая, въ противномъ случаѣ сжечь ее и домъ отца ея. «Развѣ вы призвали насъ, чтобы обобрать насъ»? грубо приступали къ ней озадаченные брачные друзья. Слезами и мольбами новобрачная склонила Самсона отгадать ей загадку и, добившись отъ него рѣшенія, передала его брачнымъ друзьямъ, которые съ торжествомъ и отгадали ее Самсону. «Что слаще меда и что сильнѣе льва!» сказали они негодующему Самсону, который сразу же понялъ измѣну своей жены и замѣтилъ имъ: «если бы вы не орали на моей телицѣ, то не отгадали бы моей загадки!» Однако же, нужно было уплатить по условію, и тутъ Самсонъ въ первый разъ воспользовался случаемъ отмстить филистимлянамъ. Придя въ филистимскій городъ Аскалонъ, онъ убилъ тамъ тридцать человѣкъ, снялъ съ нихъ одежды и отдалъ перемѣны платья ихъ разгадавшимъ загадку. Съ гнѣвомъ онъ оставилъ свою невѣрную жену, а она вышла за одного изъ его брачныхъ друзей. Терзаемый ревностью, онъ хотѣлъ вновь сойтись съ своей женой, но получилъ отказъ отъ бывшаго тестя. Раздраженный этимъ, Самсонъ оставилъ Θимнаѳу, произнеся при этомъ страшную угрозу: «теперь я буду правъ предъ филистимлянами, если сдѣлаю имъ зло». (Суд. XV, 3). И онъ сдержалъ свое слово.

Пять городовъ филистимлянъ были расположены на обширной равнинѣ, называющейся въ Библіи Шефела или «низменная стра-

на» [1]). По прибрежью моря тянется широкая полоса безплодныхъ песковъ, но вся остальная часть равнины представляетъ собою необозримое, удивительно плодородное хлѣбное поле, кое-гдѣ лишь пересѣченное небольшими холмами, покрытыми зеленѣющими садами и богатыми виноградниками. Эта плодородная равнина была гордостью и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ богатства филистимлянъ: это былъ какъ-бы маленькій Египетъ, житница, гдѣ во времена голодныхъ годовъ всѣ искали себѣ убѣжища, чтобы спастись отъ голодной смерти. Еще и теперь плодородіе этой мѣстности часто привлекаетъ сюда хищническихъ бедуиновъ. Когда Самсонъ былъ такъ позорно лишенъ своей жены ея филистимскимъ отцемъ, то Шефела находилась во всемъ блескѣ своей роскошной растительности, и народъ готовился уже къ жатвѣ ячменя, который созрѣвалъ къ тому времени. Это было въ началѣ или въ серединѣ мая, то-есть, по-палестински, уже лѣтомъ,—въ тотъ періодъ, когда не выпадаетъ ни капли дождя. Израильскій герой, рѣшившись отмстить филистимлянамъ, хотѣлъ именно опустошить эту богатую равнину и разрушить на корню уже созрѣвавшую ниву. Для этого онъ воспользовался тремя стами лисицъ или, вѣрнѣе, шакаловъ. Употребленное здѣсь слово шуалъ по-еврейски, собственно, означаетъ не лисицу, а есть именно шакалъ. Хотя этотъ послѣдній и имѣетъ съ лисицей много сходнаго, однако же, отличается отъ нея нѣсколькими важными чертами и особенно своею стадностью. Шакалъ занимаетъ средину между волкомъ и лисицей. Онъ темно-коричневаго цвѣта, въ верхней части своего тѣла и имѣетъ бѣлое брюхо. Водится онъ не одиноко, какъ лисица, а живетъ цѣлыми стаями, доходящими до двухъ или трехъ сотъ. Его можно встрѣтить на всемъ востокѣ и въ особенности въ Палестинѣ, въ окрестностяхъ Яффы, Газы и въ Галилеѣ. Шакалы чрезвычайно прожорливы. Они имѣютъ особенную склонность къ пожиранію труповъ, и во время ночи, когда они рыщутъ въ поискахъ за добычей, часто можно слышать ихъ пронзительные и унылые крики. Одинъ новѣйшій путешественникъ, недавно посѣтившій равнину Шефела, разсказываетъ слѣдующее: «Послѣ ужина,

---

[1]) Названіе Шефела, повидимому, воспроизводится въ испанскомъ городѣ Испалисъ, новѣйшая Севилья, которая названа была такъ первыми финикійскими колонистами, вслѣдствіе своего положенія на равнинѣ Гвадалквивира.

красота ясной луны заставила насъ выйти изъ палатки, чтобы съ высоты холма, на которомъ расположена была деревня, полюбоваться видомъ обширной равнины со стороны филистимлянъ, озаренной блѣднымъ свѣтомъ ночнаго свѣтила. Бездомныя собаки еще не спали и лаяли, благоразумно, однако же, избѣгая насъ; шакалы отвѣчали имъ въ окрестныхъ поляхъ своимъ жалобнымъ и протяжнымъ воемъ» [1]). Другой путешественникъ разсказываетъ также: «когда пришла ночь, шакалы дали намъ самый дисгармоническій концертъ, какой только мнѣ приходилось когда-либо слышать въ жизни. Эти завыванія, выходящія изъ всѣхъ пещеръ, изъ всѣхъ расщелинъ скалъ, раздающіяся лишь во время ночи и въ самыхъ ужасныхъ по своей уединенности мѣстахъ, производятъ чрезвычайно странное чувство... Я не знаю, было ли ихъ именно триста, но я увѣренъ, что если бы новый Самсонъ захотѣлъ поджечь всѣ нивы древней страны филистимлянъ, то онъ нашелъ бы въ этой одной долинѣ еще и теперь болѣе лисицъ, чѣмъ сколько бы ему потребовалось... Въ тотъ же самый день я нашелъ ту самую равнину, гдѣ Самсонъ пустилъ триста лисицъ въ поля филистимлянъ, и въ слѣдующую же ночь потомки этихъ самыхъ лисицъ, своими протяжными криками, доказали мнѣ, что они пережили всѣ народы, которые нѣкогда обитали на этой землѣ и, павъ подъ остріемъ меча, сдѣлались добычей шакаловъ» [2]). Своими криками шакалы сами выдаютъ мѣсто своего нахожденія, вслѣдствіе чего ихъ не трудно ловить. Поэтому Самсону не нужно было особенныхъ усилій для того, чтобы поймать триста шакаловъ и при помощи ихъ совершить задуманное имъ мщеніе. «Впрочемъ», говоритъ Гердеръ, «у него не могло быть недостатка въ сотоварищахъ, готовыхъ помочь ему въ подобныхъ предпріятіяхъ, отвѣтственность за которыя Самсонъ всецѣло бралъ на себя» [3]). Пойманныхъ шакаловъ Самсонъ хвостами

---

1) A. H. Fünf Philister Städt (Das Heilige Land) VI Heft, p. 1876, p. 181.

[1]) Mislin, Les Saints Lieux, 1858, II, 156. Портеръ разсказываетъ также, что завыванія шакаловъ часто мѣшали ему спать въ Палестинѣ. Kitto, Biblical Ciclopedia, 1866, III, 843. См. также Thomson, Land and Book, I, VIII, 93 4; XXXVI, 552.

[2]) Herder, «Исторія еврейской поэзіи», во французскомъ переводѣ, 1845, стр. 439. Въ томъ же мѣстѣ Гердеръ справедливо говоритъ: «исторія трехсотъ шакаловъ и зажженныхъ факеловъ въ ихъ хвостахъ совершенно въ характерѣ Самсона, и немѣшки, которымъ старались подвергнуть это повѣствованіе, не заслуживаютъ даже того, чтобы опровергать ихъ».

связалъ по два, затѣмъ привязалъ къ нимъ смолистые факелы и, зажегши ихъ, пустилъ всѣхъ этихъ животныхъ въ поля филистимлянъ. Во время лѣтнихъ мѣсяцевъ, вся равнина Шефела представляетъ собою какъ-бы море спѣющаго хлѣба, и притомъ лишеннаго всякой влаги. Вся эта равнина представляетъ сплошную площадь, непрерываемую ни стѣнами, ни загородями. Одна часть хлѣба была уже сжата и лежала въ стогахъ, а другая еще стояла на корню [1]). Испуганныя животныя мгновенно разнесли пламя по всей равнинѣ, и все запылло, не только хлѣбъ, но и виноградники и даже маслины. Съ возвышенностей Цоры открывается далекій видъ на всю равнину Шефела, и очень возможно, что Самсонъ могъ оттуда слѣдить за опустошительнымъ распространеніемъ огня и наслаждаться результатами своего мщенія. Нѣкоторые находятъ невѣроятнымъ, чтобы все поле могло быть зажжено этими животными. Но не нужно забывать, что Самсонъ былъ судія израильскій, такъ что для него, во всякомъ случаѣ, не трудно было, при помощи подчиненныхъ, наловить этихъ животныхъ въ большомъ числѣ и принять всѣ мѣры для нанесенія своимъ врагамъ наиболѣе чувствительнаго вреда. Онъ, очевидно, хотѣлъ произвести голодъ среди своихъ враговъ и тѣмъ смирить ихъ гордость. Сами израильтяне едва ли могли нанести филистимлянамъ большой вредъ, если бы они собственными руками поджигали ихъ нивы, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, могли встрѣтить сопротивленіе со стороны филистимлянъ. Поэтому, мысль связать шакаловъ по два хвостами представляла наиболѣе лучшее средство для достиженія предположенной цѣли. Одиночныя животныя, при быстромъ бѣгѣ, скоро потушили бы привязанные къ нимъ факелы; напротивъ, два связанныхъ животныхъ не только затрудняли себѣ движеніе, но и не могли найти достаточно большаго ущелья, чтобы проникнуть туда вмѣстѣ; вслѣдствіе этого, они принуждены были бѣшено бѣгать по полямъ, повсюду распространяя огонь среди сноповъ и еще несжатыхъ колосьевъ, равно какъ и среди виноградниковъ и смоковницъ. Филистимляне въ то же время не имѣли никакой возможности похватать всѣхъ виновниковъ зла.

---

1) Изъ сравненія Суд. XV, 1 и Суд. XV, 5, можно видѣть, что со времени посѣщенія Самсономъ своей жены до исполненія имъ своего мщенія протекло нѣсколько дней. Въ этотъ промежутокъ часть нивы была уже сжата.

Самые факелы, несомнѣнно, состояли изъ смолистыхъ пуковъ сосны, которые сразу зажигаются и пстухаютъ съ трудомъ.

Такой способъ борьбы съ непріятелемъ, именно, чрезъ уничтоженіе его жатвъ, извѣстенъ былъ съ глубокой древности. Въ египетской надписи, Уны, , относящейся, по мнѣнію Шаба, за 28 или 30 вѣковъ до Р. Х., мы читаемъ слѣдующее:

«Войско прошло въ мирѣ:
Оно ниспровергло укрѣпленные посты.
Войско прошло въ мирѣ:
Оно истребило масличные сады и виноградники страны.
Войско прошло въ мирѣ:
Оно подожгло всѣ нивы».

Въ другихъ текстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о юго-востокѣ Палестины, быть можетъ, именно о Шефела, говорится также, что хлѣба и жатвы были преданы пламени. Равнымъ образомъ въ надписи, которую Осортесенъ III повелѣлъ начертать въ Семнѣ, на берегу Нила, говорится:

«Эти люди недостойны уваженія (онъ говоритъ о неграхъ Нубіи).
Я завладѣлъ ихъ женщинами,
Я захватилъ ихъ населеніе, выходившее къ колодцамъ,
Я поразилъ ихъ стада, Я опустошилъ ихъ жатвы пожаромъ» [1]).

Самая мысль поджечь жатву чрезъ выпущенныхъ лисицъ съ зажженными факелами не составляла исключительнаго изобрѣтенія Самсона. Различныя мѣста древнихъ авторовъ доказываютъ, что то, что сдѣлалъ Самсонъ, дѣлали также и другіе. Кассандръ, въ поэмѣ Ликофронъ, называетъ Улисса «лисицей, носящей въ хвостѣ горящій факелъ», потому что, гдѣ бы онъ ни появлялся—за нимъ слѣдовали всевозможныя бѣдствія [2]). Овидій также описываетъ праздникъ, который совершался въ Римѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, подъ названіемъ «caerealia», и который состоялъ въ томъ, что въ циркѣ заставляли бѣгать лисицъ, къ хвостамъ которыхъ привязаны были зажженые факелы. По мнѣнію нѣкоторыхъ толкователей, самый этотъ праздникъ ведетъ свое происхожденіе отъ исторіи Самсона,

---

[1]) Lepsius, Denkmäler, II, Chabas, Etudes sur l'antiquités, 1-ое изд., стр. 122, 123, 138.

[2]) Кассандръ, V, 34.

но, вѣрнѣе, поводомъ къ происхожденію этого праздника было какое-нибудь мѣстное событіе. Овидій говоритъ, что это было въ воспоминаніе лисицы, которая сожгла жатвы въ Карсеолѣ, и передаваемое имъ преданіе, быть можетъ, въ точности, соотвѣтствуетъ дѣйствительности [1]).

Какъ бы то ни было, извѣстно, что арабы считаютъ смертельнымъ оскорбленіемъ для себя поступокъ врага, который поджигаетъ жатвы. Филистимляне, конечно, въ этомъ отношеніи держались тѣхъ же воззрѣній, какъ и теперешніе бедуины. Не трудно вообразить, вслѣдствіе этого, какою яростью были они охвачены, когда вся ихъ жатва погибла. Когда они узнали, кто именно былъ виновникомъ ихъ бѣдствія, а также узнали и причину, которая побудила Самсона къ этому опустошительному дѣлу, то они, согласно страшнымъ обычаямъ, довольно распространеннымъ на востокѣ, въ отмщеніе ему подожгли домъ его тестя и вмѣстѣ съ тѣмъ сожгли и жену его [2]). Услышавъ о такомъ мщеніи филистимлянъ, Самсонъ самъ выступилъ противъ нихъ и, произведя между ними значительное избіеніе, скрылся въ ущельѣ скалы Этома. Это ущелье, вѣроятно, представляло собою одну изъ тѣхъ многочисленныхъ пещеръ, которыя находятся на восточной оконечности равнины Шефела въ послѣднихъ отрогахъ горъ Іудейскихъ, близъ Лекіе и Деиръ-Дуббана. Поверхность скалистой площади, занимаемой Деиръ-Дуббаномъ прорѣзана по мѣстамъ круглообразными отверстіями, въ которыхъ находится по нѣсколько подземныхъ помѣщеній. Всѣ окрестности одинаково изобилуютъ подобными пещерами, древними жилищами троглодитовъ, о которыхъ Библія сохранила воспоминаніе подъ названіемъ горимовъ или жителей пещеръ [3]). Онѣ обыкновенно вырыты въ очень мягкомъ туфѣ и однако же весьма крѣпкомъ, такъ какъ онъ твердѣетъ отъ воздуха и представляетъ блестящую бѣ-

[1]) Fastes, IV, V, 681 и слѣд. Изъ исторіи извѣстны и другіе подобные случаи. Аннибалъ пускалъ воловъ съ привязанными къ ихъ рогамъ зажженными факелами. (Титъ Ливій, XXII, 16 и слѣд.). Греки объявляли войну посредствомъ бросанія зажженныхъ факеловъ на землю враговъ.

[2]) Суд. XV, 6, Ср. Суд. XII, 1; XIV, 15. Арабы такъ боятся пожаровъ во время жатвы, что они еще и теперь наказываютъ смертью всякаго, кто поджигаетъ хлѣбное поле даж случайно. Thomson, Land and Book, 553.

[3]) Горимы, вѣроятно, производили свое названіе отъ слова Горъ «пещера». Еще и теперь въ окрестностяхъ Петры можно видѣть пещеры, въ которыхъ обитали они.

лизну. Пещера, извѣстная теперь подъ названіемъ Аракъ-Эдъ-Деиръ-Дуббанъ, представляетъ три различныхъ группы помѣщеній. Самая значительная изъ нихъ содержитъ не менѣе пятнадцати помѣщеній, сообщающихся между собою и заканчивающихся въ видѣ куполовъ или опрокинутыхъ воронокъ. Свѣтъ онѣ получаютъ чрезъ особое отверстіе. Высота ихъ разнообразится отъ 4 до 6 саженъ, въ діаметрѣ онѣ имѣютъ среднимъ числомъ до 3 саженъ. Эти величественныя подземныя галлереи существуютъ, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части, со временъ Самсона, и ему легко было найти тамъ себѣ убѣжище отъ преслѣдованія своихъ враговъ. Послѣ нанесеннаго имъ филистимлянамъ бѣдствія, онъ, конечно, долженъ былъ ожидать со стороны ихъ страшнаго возмездія. И онъ не ошибся въ этомъ. Филистимляне рѣшились взять его лично, и съ этою цѣлью съ войскомъ сдѣлали нашествіе на колѣно Іудино. Со времени Гоѳониила, левъ Іуды никогда не появлялся въ битвахъ. И теперь, чтобы избѣгнуть военнаго столкновенія съ страшными врагами, колѣно Іудино не только не выступило на защиту своего народнаго героя, а увидѣло въ немъ возмутителя общественнаго мира и рѣшилось выдать Самсона своимъ врагамъ. Герой добровольно согласился отдаться въ руки своихъ братьевъ, подъ однимъ условіемъ, чтобы они сами связали его и отвели въ лагерь филистимлянъ. Самсонъ, дѣйствительно, былъ связанъ новыми евревками и въ такомъ безмощномъ положеніи отведенъ былъ къ филистимлянамъ. Но, когда тѣ, увидѣвъ своего заклятаго врага въ такомъ положеніи, огласили лагерь криками торжества, на Самсона сошелъ Духъ Господень; онъ двинулъ своими могучими руками, и новыя веревки разорвались, какъ полусгорѣвшія нитки, а онъ, схвативъ попавшуюся ему тутъ же свѣжую челюсть осла, бросился съ нею на изумленныхъ филистимлянъ и избилъ тысячу враговъ своихъ. Этотъ и подобные подвиги Самсона могутъ казаться сказочными, но для сужденія о нихъ прежде всего нужно помнить, что Самсонъ былъ надѣленъ чудесною силою, и въ этихъ подвигахъ помогалъ ему тотъ Духъ Господень, который всегда подкрѣплялъ его въ такихъ случаяхъ. Но и помимо этого, для должнаго пониманія подвига Самсона не лишне имѣть въ виду нѣкоторыя черты изъ военной жизни, какъ древнихъ, такъ и теперешнихъ арабовъ. Войны арабовъ обыкновенно не кровопролитны; два племени могутъ находиться въ войнѣ въ теченіе

цѣлаго года, не теряя съ обѣихъ сторонъ болѣе тридцати или сорока человѣкъ. Но когда арабъ находится предъ лицомъ національнаго врага, то онъ часто проявляетъ изумительное геройство. Между ними еще и теперь встрѣчаются воины, имена которыхъ славятся по всей пустынѣ. Приписываемые имъ подвиги храбрости могутъ показаться сказочными, если мы не будемъ помнить, что войны арабовъ представляютъ обширное поприще для личнаго мужества. Такъ, въ исторіи Антара мы читаемъ, что этотъ мужественный арабъ, сидя на своемъ конѣ Габарѣ, убилъ своимъ копьемъ во время одной битвы 800 человѣкъ. Если въ этой цифрѣ допустить и преувеличеніе, то въ самомъ фактѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ и въ новѣйшее время были извѣстны подобные герои, подвиги которыхъ могутъ быть засвидѣтельствованы очевидцами. Такъ, арабскій герой Гедда-Ибнъ-Геіянъ-Эл-Шамси въ одной стычкѣ лично убилъ тридцать непріятелей и славился тѣмъ, что онъ никогда не бѣжалъ предъ лицомъ непріятеля и пріобрѣлъ богатѣйшую добычу. Шерифъ-Гамудъ, правитель Іеменскаго берега, былъ отраженъ съ своимъ отрядомъ въ 24 всадника однимъ Шаммеромъ. Амадзей и Джилмей, два арабскихъ воина, по арабскимъ преданіямъ, однажды вдвоемъ оказали сопротивленіе цѣлому вооруженному войску изъ 500 человѣкъ и перебили ихъ всѣхъ [1]). Въ виду такихъ фактовъ, и подвиги Самсона, даже разсматриваемые съ естественной точки зрѣнія, устраняютъ всякую возможность для возраженій противъ ихъ правдоподобности. —Произведенное побоище крайне утомило Самсона, и онъ почувствовалъ нестерпимую жажду, которую и утолилъ изъ чудесно образовавшагося источника. Послѣ этого Самсонъ возвратился домой, и такъ какъ слава о его подвигахъ распространилась среди народа, то онъ и былъ судіею Израиля въ дни филистимлянъ въ теченіе двадцати лѣтъ.

Съ теченіемъ времени, однако же, свойственная всему народу порочность все болѣе и болѣе одолѣвала богатыря—судію, и чудесный побѣдитель храбрыхъ воиновъ поддался чувственной страсти къ коварнымъ женщинамъ. Застигнутый однажды въ Газѣ, филистимскомъ городѣ, на ночлегѣ, у одной блудницы, Самсонъ былъ

---

[1]) Burckhardt, Notes on the Bedouins, I, 133—135. Palmer, The desert of the Exodus, II, 415.

окруженъ врагами, рѣшившися убить его по утру. Но онъ, вставъ въ полночь, вырвалъ городскія ворота вмѣстѣ съ косяками и, взваливъ ихъ себѣ на могучія плечи, отнесъ ихъ на вершину горы, въ получасѣ пути отъ города. Чтобы понять это обстоятельство, нужно имѣть въ виду самое устройство городскихъ воротъ въ Палестинѣ. Городскія ворота тамъ обыкновенно сводообразны; ночью они охраняются и запираются. Они бываютъ большія, массивныя, въ двѣ створки изъ прочнаго дерева, обложеннаго желѣзомъ. Крѣпкій желѣзный шестъ, заканчивающійся на одномъ концѣ крючкомъ, обыкновенно, виситъ на толстомъ желѣзномъ кольцѣ, которое прикрѣплено къ косяку и съ обѣихъ сторонъ воротъ пропущено въ стѣнѣ. Если ворота закрываются, то шестъ пропускается въ другое желѣзное кольцо, такъ что ворота въ состояніи выдержать самый сильный натискъ совнѣ. Запоръ дѣлается массивнымъ изъ кованаго желѣза, и ключъ, имѣющій длинную ручку, носится караульщикомъ за поясомъ или виситъ гдѣ-нибудь тутъ же въ особомъ назначенномъ для него мѣстѣ. Чтобы вырвать ворота въ Газѣ, вмѣстѣ съ его двумя косяками, балками и другими принадлежностями, поднять ихъ изъ петель и отнести на вершину сосѣдняго холма, требовалась, поистинѣ, сила Самсонова. Рядомъ съ воротами обыкновенно строилась башня, а часто и двѣ. Съ обѣихъ сторонъ входа устраивались скамейки, на которыхъ часто сидятъ караульные, живущіе, обыкновенно, въ тутъ же находящихся помѣщеніяхъ. Площадка предъ воротами служитъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ для жителей, въ особенности, богатыхъ, которыхъ привлекаетъ сюда свѣжій токъ воздуха, проходящій подъ даваемою воротами тѣнью, а также и то развлеченіе, которое представляетъ картина проходящихъ и входящихъ здѣсь народа и скота. Судіи и даже градоначальники часто бываютъ на этомъ мѣстѣ, чтобы тамъ обсуждать важнѣйшія дѣла. Гражданскія и уголовныя дѣла часто обсуждаются именно здѣсь. Городскія ворота закрываются съ заходомъ солнца. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ сбоку маленькую калитку, которая остается открытою на нѣсколько часовъ и послѣ заката солнца, чтобы дать возможность пѣшеходамъ, случайно запоздавшимъ, проникнуть въ городъ или выйти изъ него. Ее можно открывать и позже, если за это приплачивается особый бакшишъ. Но животныя не пропускаются, и запоздавшіе путешественники часто вы-

нуждены ночевать внѣ стѣнъ, если они не достигли воротъ до заката солнца. Что касается того холма, на который Самсонъ отнесъ городскія ворота, то преданіе еще и теперь указываетъ его къ юго-востоку отъ города [1]).

Такимъ образомъ, Самсонъ еще разъ избѣжалъ мщенія филистимлянъ; но часъ паденія его былъ уже близокъ. Свое назорейство онъ нарушилъ позорнымъ распутствомъ, и потому, еще и нося на себѣ длинные волосы, уже не носилъ на себѣ Духа Божія, и гибель его скоро была довершена новой, увлекшей его въ свои сѣти, женщиной, коварной Далидой. Это была извѣстная красавица, злоупотреблявшая своей красотой, и она жила въ долинѣ Сорекъ, той именно горловинѣ, которая лежитъ у подошвы Сараа и направляется къ западу. Зная сластолюбивый нравъ Самсона, филистимскіе князья рѣшили воспользоваться этой женщиной для погубленія своего страшнаго врага, и, какъ это нерѣдко дѣлалось въ древности, подкупили ее, чтобы она своими ласками склонила его открыть ей, въ чемъ заключалась тайна его чудесной сверхъестественной силы. Съ цѣлью усмиренія и погубленія своего врага, филистимляне не жалѣли никакихъ средствъ и обѣщали заплатить Далидѣ за ея услугу громадныя деньги, именно, каждый изъ филистимскихъ правителей обѣщался дать ей по 1,100 сиклей серебра. Искушеніе было великое, и Далида дала слово достигнуть желаемаго. И вотъ, она начала приставать къ Самсону съ коварными разспросами: «Скажи мнѣ, въ чемъ великая сила твоя, и чѣмъ связать тебя, чтобы усмирить тебя»? Самсонъ, конечно, сразу понялъ цѣль этого вопроса, и шутливо отвѣчалъ ей; «если свяжутъ меня семью сѣрыми тетивами, которыя не засушены, то я сдѣлаюсь безсильнымъ и буду, какъ и прочіе». Когда Далида тайно передала объ этомъ филистимскимъ князьямъ, то они немедленно доставили ей требуемыя тетивы, которыми Самсонъ и позволилъ связать себя. Одинъ изъ филистимскихъ князей, между тѣмъ, скрытно сидѣлъ въ спальнѣ у Далиды, чтобы дать знакъ, въ случаѣ нужды, другимъ филистимлянамъ явиться сюда и захватить обезсиленнаго героя. Но когда Далида сказала Самсону: «Самсонъ, филистимляне идутъ на тебя», то онъ,

---

[1]) Холмъ этотъ называется Эл-Монтаръ, по имени одной мечети, построенной на его вершинѣ.

двинувъ своими могучими руками, «разорвалъ тетивы, какъ разрываютъ нитку изъ пакли, когда пережжетъ ее огонь». Такимъ образомъ, филистимлянамъ на этотъ разъ не удалось достигнуть своей цѣли, и Далида увидѣла себя обманутою. Еще два раза послѣ этого Самсонъ уклонялся отъ раскрытія тайны своей необычайной силы, но коварство Далиды побѣдило, наконецъ. Далида неотступно приставала къ нему, говоря: «какъ же ты говоришь: люблю тебя, а сердце твое не со мною? Вотъ ты трижды обманулъ меня, и не сказалъ, въ чемъ великая сила твоя». И когда она, съ настойчивостью коварной женщины, подобными словами тяготила и мучила его ежедневно, «то душѣ его тяжело стало до смерти», и онъ, чтобы, наконецъ, избавиться отъ этихъ постоянныхъ попрековъ, рѣшилъ открыть ей истину, надѣясь, что она, изъ любви къ нему, не выдастъ этой тайны его злѣйшимъ врагамъ». И онъ открылъ ей все сердце свое и сказалъ ей: бритва не касалась головы моей; ибо я назорей Божій отъ чрева матери моей. Если же остричь меня, то отступитъ отъ меня сила моя; я сдѣлаюсь слабъ и буду, какъ прочіе люди». Узнавъ эту тайну и видя искренность заявленія Самсона, Далида тотчасъ же рѣшилась воспользоваться этимъ открытіемъ, чтобы получить обѣщанную плату. Она тотчасъ же отправила филистимскимъ князьямъ извѣстіе, что теперь она знаетъ, въ чемъ тайна Самсоновской силы, и готова была обезсилить его, если князья принесутъ ей обѣщанное серебро. Тѣ, конечно, не замедлили тайно явиться съ своимъ подкупомъ, и ждали обезсиленія героя. «И усыпила его (Далида) на колѣняхъ своихъ, и призвала человѣка, и велѣла ему остричь семь косъ съ головы его, и началъ онъ ослабѣвать, и отступила отъ него сила его». Когда она, совершивъ свое коварное дѣло, разбудила Самсона и, по обычаю, воскликнула ему: «филистимляне идутъ на тебя, Самсонъ!» то герой, пробудившись отъ сна и не сознавая еще своего безпомощнаго положенія, бодро вскочилъ, въ ожиданіи встрѣчи враговъ: но, когда враги явились, то оказалось, что прежняя сила совершенно его оставила, и онъ былъ таковъ же, какъ и прочіе люди. Тогда филистимляне, убѣдившись въ дѣйствительности безсилія Самсона, съ торжествомъ схватили его и съ жестокимъ варварствомъ, показывавшимъ, до какой степени они ненавидѣли Самсона, тутъ же выкололи ему глаза, затѣмъ повели его въ городъ Газу, сковали его двумя мѣдными цѣпями и заставили его

молоть хлѣбъ въ домѣ узниковъ, то-есть, ради издѣвательства приставили его къ работѣ, которая предоставлялась только женщинамъ и рабамъ.

Священные писатели часто говорятъ о ручныхъ мельницахъ, которыя употреблялись въ ихъ время въ Палестинѣ и которыя еще и теперь употребляются въ различныхъ мѣстностяхъ востока [1]). Шумъ мельницъ, растирающихъ зерно, составляетъ характеристическую черту обитаемыхъ мѣстъ на востокѣ, какъ шумъ каретъ составляетъ характеристическую черту большихъ городовъ запада. Проходя по улицамъ Газы, шумъ этотъ можно слышать еще и теперь, какъ его слышали во времена Самсона. «Однимъ изъ пріятныхъ совпаденій, говоритъ новѣйшій изслѣдователь, было то, что здѣсь, въ Газѣ, въ связи съ которой мы въ Библіи, именно въ исторіи Самсона, читаемъ о молоніи на мельницѣ, мы слышали, какъ шумъ отъ той же самой работы раздавался въ нашихъ ушахъ... Я видѣлъ во время моей прогулки по городу, какъ эта работа шла въ различныхъ мѣстахъ, и мы слышали, какъ ея рѣзкій, звенящій звукъ раздавался до поздняго часа ночи... Причина заключается въ томъ, что этотъ городъ не имѣетъ вблизи себя какихъ-нибудь потоковъ, пригодныхъ для мельницы; тамъ нѣтъ ни вѣтряныхъ, ни водяныхъ мельницъ, и отсюда этотъ первобытный приборъ встрѣчается на каждой улицѣ [2]). Тотъ же ученый изслѣдователь дѣлаетъ слѣдующее интересное описаніе этого своеобразнаго мельничнаго шума. «Когда я,—говоритъ онъ,—случайно завернулъ въ Лидду, то предъ мною открылась прекрасная иллюстрація св. Писанія. Двѣ женщины сидѣли передъ дверью своего дома, на широкомъ полотнѣ, и занимались молоніемъ хлѣба, на ручной мельницѣ. Своеобразный шумъ этого прибора я уже слышалъ не разъ и раньше, прежде чѣмъ видѣть его, и отсюда я понялъ то мѣсто, гдѣ Екклесіастъ говоритъ: «и помни Создателя твоего въ дни юности твоей, доколѣ

---

[1]) Числ. XI, Втор. XXIV, 6 и проч. Водяныя или вѣтряныя мельницы были изобрѣтены уже довольно поздно. Самымъ первобытнымъ способомъ молонія было растираніе зеренъ между двумя камнями, изъ которыхъ одинъ служилъ какъ бы ступой (медака), а другой пестомъ. Одинъ египетскій барельефъ изображаетъ двухъ людей, толкущихъ зерно въ ступѣ. Lenner, Bible Lands, II, 417; ср. Eneid, I, 179. Ручная мельница существовала уже во времена Авраама, ткъ ккъ есть извѣстіе о молотой мукѣ, а не толченой или растертой. Быт. XVIII,6.

[2]) Thomson, Land and Book, III, XXXIV, изд. 1870 г., стр. 550, 551; 552.

не пришли тяжелые дни, когда... запираться будутъ двери на улицу, когда замолкнетъ *звукъ жернова*, и будетъ вставать человѣкъ по крику пѣтуха, и замолкнутъ дщери пѣнія» (Екклес. XII, 1—4). Пророкъ Іеремія, начертывая картину опустошенія Израиля Навуходоносоромъ, также прибавляетъ, что въ то время не слышно будетъ звука мельничнаго (XXV, 10). Въ Новомъ Завѣтѣ св. ап. Іоаннъ, говоря о Вавилонѣ, царь котораго заставилъ замолкнуть мельничныя жернова въ Іерусалимѣ, въ угрозахъ своего Апокалипсиса, при описаніи этого опустошенія, говоритъ: «и шума отъ жерновъ не слышно уже будетъ въ тебѣ» (Откр. XVIII, 22). Изъ этихъ различныхъ мѣстъ видно, что шумъ жернова, на которомъ мололось хлѣбное зерно, изображается, какъ знакъ обитаемаго мѣста: шумъ этотъ постоянно слышится тамъ, гдѣ живутъ люди. Направляясь отсюда къ югу, чрезъ всю страну филистимлянъ,—продолжаетъ Томсонъ,—мы нигдѣ не встрѣчали водяныхъ мельницъ, и постоянно слышали тотъ же шумъ ручныхъ мельницъ утромъ и вечеромъ, и иногда даже очень поздно ночью, во всѣхъ деревняхъ и во всѣхъ становищахъ арабскихъ» [1]). Англійскій путешественникъ изображаетъ самую операцію молонія. Двѣ женщины, обыкновенно, садились по сторонамъ мельницы, одна противъ другой [2]). Каждая изъ нихъ дѣлаетъ рукою полуоборотъ, причемъ работа производится правой рукой. Взявшись рукою за деревянную ручку на верхнемъ камнѣ, каждая изъ нихъ крутитъ этотъ верхній камень на нижнемъ. Верхній жерновъ называется по-арабски *реккабъ*, то-есть, всадникъ, какъ нѣкогда называли его и сами евреи. По срединѣ его сдѣлано отверстіе, въ которое пропущенъ желѣзный шворень, скрѣпляющій его съ нижнимъ жерновомъ, лежащимъ совершенно на полу. Одна изъ женщинъ подсыпаетъ зерно, по мѣрѣ надобности, въ это отверстіе. Верхній жерновъ имѣетъ вогнутость, которою онъ и соединяется съ нижнимъ жерновомъ, имѣющимъ, на-

1) Thomson, Land and Book, p. 526.

2) На это дѣлается указаніе и въ Новомъ Завѣтѣ въ извѣстномъ изреченіи Спасителя: «двѣ мелющія въ жерновахъ» (Матѳ. XXIV, 41). Это самый обычный способъ молонія. Иногда, однако же, когда мельница очень мала, то молоніемъ занимается и одна женщина. Но обыкновенно бываетъ двѣ, потому что работа эта утомительна. Обѣ онѣ держатся руками за верхній камень, потому что иначе было бы слишкомъ трудно вновь каждый разъ браться за жерновъ, что естественно производило бы скачки въ самомъ движеніи камня, вредные для молонія.

оборотъ, соотвѣтствующую выпуклость. Этотъ послѣдній, наконецъ, укрѣпляется на полу. Оба жернова имѣютъ круглую форму. Теперь жернова эти въ Палестинѣ, обыкновенно, дѣлаются изъ пористой лавы Авранской. Камень этотъ имѣетъ особыя преимущества, вслѣдствіе своей легкости и дѣлаетъ работу менѣе тяжелой и утомительной. Нижній жерновъ, обыкновенно, дѣлается изъ болѣе твердаго матеріала. Грубо смолотое зерно выбрасывается во время работы между жерновами и падаетъ на полотно, которое разстилается подъ жерновомъ.

Такъ какъ у жителей востока не существовало ни общественныхъ мельницъ, ни хлѣбопековъ, то каждое семейство должно было имѣть свою ручную мельницу [1]), и такъ какъ ежедневно пекся новый хлѣбъ, то каждый день и должна была заготовляться молотая мука. Поэтому-то въ законѣ Моисея запрещается брать въ залогъ ручную мельницу, изъ опасенія, что тѣ, которые будутъ лишены этого необходимаго орудія, могутъ подвергнуться голоданію [2]). Трудъ на жерновой мельницѣ, поручавшійся обыкновенно женщинамъ и рабамъ, въ то же время считался настолько тяжелымъ и утомительнымъ занятіемъ, что въ народной мысли составилось общее представленіе, по которому работающій на этихъ мельницахъ считался несчастнѣйшимъ изъ людей [3]). У древнихъ народовъ на мельничный трудъ часто осуждали заключенныхъ въ тюрьму, какъ это сдѣлали и филистимляне съ Самсономъ. Отсюда, для героя израильтянъ не могло быть ничего болѣе унизительнаго, какъ эта женская и рабская работа. Изображая это положеніе израильскаго героя, знменитый поэтъ Мильтонъ, между прочимъ, говоритъ: «какое несчастіе молоть въ мѣдныхъ оковахъ подъ ударами, слѣпымъ въ Газѣ работать на мельницѣ съ рабами! Могъ ли выносить это тотъ,

---

1) Во времена Христа были уже мельницы, которыя работали при посредствѣ ословъ, какъ на это указываетъ выраженіе у св. Матеея, XVIII, 6: такія мельницы встрѣчались уже и у египтянъ.

2) Втор. XXIV, 6; I. Флавій, Antiq. IV, 8, 26. Евреи, при оставленіи Египта, захватили съ собою такія ручныя мельницы, какъ небоходимыя домашнія принадлежности, которыми они пользовались, такъ же, какъ и ступами. Числ. XI, 8.

3) Въ книгѣ Исходъ, при исчисленіи различныхъ состояній и положеній въ жизни, говорится: «отъ первенца фараона, который сидитъ на престолѣ своемъ, до первенца рабыни, которая при жерновахъ» (XI, 5), причемъ рабыня при жерновахъ занимаетъ самую низкую общественную ступень, послѣ которой уже слѣдуетъ рабочій скотъ.

кто нѣкогда разорвалъ льва, какъ левъ разрываетъ козленка?» [1]). Бѣдственность этого положенія Мильтону, какъ слѣпцу, возможно было представить еще живѣе, чѣмъ кому бы то ни было, и это-то именно и возбуждало въ немъ такой глубокій интересъ къ герой-скому судіи, который былъ лишенъ зрѣнія своими жестокими вра-гами. Какія тяжелыя думы должны были проноситься по душѣ, нѣкогда славнаго героя, который теперь униженъ былъ до состоянія самаго жалкаго раба! «Я не помню», говоритъ Томсонъ, «ни одного примѣра, когда бы за ручными мельницами работали мужчины»; такъ и доселѣ считается унизительнымъ для мужчины этотъ тяже-лый трудъ [2]).

Неизвѣстно, сколько времени томился въ этой унизительной, рабской работѣ великій герой. Но вотъ однажды филистимляне, въ честь своего національнаго бога Дагона, устроили великолѣпный пиръ, соединивъ вмѣстѣ съ нимъ торжество въ память побѣды надъ своимъ страшнымъ врагомъ. Чтобы позабавиться безпомощнымъ бо-гатыремъ, они привели на пиръ также и Самсона, гдѣ и подвергли его всевозможнымъ издѣвательствамъ и побоямъ. Между тѣмъ во-лосы его успѣли уже отрости опять. Вновь почувствовавъ въ себѣ силу, ослѣпленный богатырь велѣлъ своему вожатому подвести его къ колоннамъ, на которыхъ утверждался увеселительный домъ, пе-реполненный веселящимися филистимлянами. Полагаясь теперь бо-лѣе на Бога, чѣмъ на свою возвратившуюся силу, онъ обратился къ Господу съ трогательной молитвой, которая, по своему смирен-ному тону, вдвойнѣ трогательна въ устахъ этого скованнаго льва: «Господи Боже», трогательно молился Самсонъ, «вспомни меня и укрѣпи меня только теперь, о, Боже! чтобы мнѣ въ одинъ разъ отмстить филистимлянамъ за два глаза мои». Затѣмъ, обхвативъ два среднихъ столба зданія, и воскликувъ: «умри душа моя съ филистимлянами»!—Самсонъ зашаталъ колонны, и весь домъ, со всѣми веселящимися въ немъ, рухнулъ на Самсона, похоронивъ его

---

[1]) Milton, Samson Agonistes.

[2]) Thomson, Land and Book, 527. Не безъинтересно замѣтить, что на востокѣ часто и теперь за ручными мельницами работаютъ слѣпые нищіе, чтобы заработывать себѣ кусокъ хлѣба. Переходя изъ дома въ домъ, слѣ-пецъ занимается верченіемъ жернова и, такимъ образомъ, прокармливаетъ себя. Тамъ же, стр. 38.

подъ своими развалинами, вмѣстѣ съ тысячами отмщенныхъ имъ за свое поношеніе филистимлянъ.

Объясненіе этой части исторіи Самсона, всегда было самымъ труднымъ и давало болѣе всего простора для воображенія толкователей. Но новѣйшія изслѣдованія, производившіяся въ отношеніи Газы и вообще быта древнихъ филистимлянъ, значительно уясняютъ эту исторію и подтверждаютъ ея правдоподобіе. Вотъ какъ объясняетъ всю эту исторію новѣйшій изслѣдователь (Штаркъ): «Дагону приносилась великая жертва и именно предъ князьями филистимскими, въ присутствіи большаго собранія народа. Баитъ (то-есть, домъ или храмъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова) при этомъ наполнялся людьми, какъ мужчинами, такъ и женщинами. Кромѣ того, до трехъ тысячъ человѣкъ, хотѣвшихъ видѣть издѣвательство надъ Самсономъ, собралось на гагѣ, то-есть, плоской кровлѣ зданія [1]). Эти особенности уже объясняютъ намъ, что здѣсь рѣчь идетъ о большомъ храмѣ, который стоялъ на просторѣ, окруженный просторнымъ дворомъ, составлявшимъ въ то же время часть храма, какъ это было впослѣдствіи и при построеніи храма Іерусалимскаго. Торжественная жертва, а также и издѣвательство надъ Самсономъ, сопровождаемое пѣснями и плясками, происходили на этомъ именно дворѣ. Народъ смотрѣлъ на все это зрѣлище съ гага, то-есть, съ галлереи или эстрады, которая окружала дворъ и возвышалась надъ нимъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о томъ гагѣ, который служилъ кровлей для святилища въ собственномъ смыслѣ этого слова, гдѣ, собственно, находился истуканъ Дагона. Это святилище, несомнѣнно, было небольшимъ, такъ какъ оно считалось исключительно священнымъ мѣстомъ и въ него не смѣли входить непосвященные. Самсонъ поэтому также не могъ войти туда, чтобы служить предметомъ забавы для зрителей. Галлерея или эстрада, о которой мы говоримъ, поддерживалась особыми колоннами и деревянными столбами, похожими на тѣ колонны, которыя позднѣе устроены были въ притворахъ Соломонова храма. Чтобы погубить филистимлянъ, Самсонъ велѣлъ своему вожатому поставить себя именно между двумя главными колоннами, которыя стояли посре-

---

[1]) Кровли въ Газѣ и теперь, какъ и всегда были плоски,—говоритъ Томсонъ.

динѣ, и ниспровергъ ихъ обѣ. Зданіе обрушилось и похоронило подъ своими развалинами всѣхъ филистимлянъ, которые находились на галлереѣ, равно, какъ и тѣхъ, которые стояли подъ галлереей. Ниспроверженіе верхняго помѣщенія и эстрады на одну сторону легко могло повлечь за собою паденіе всего зданія, въ особенности, благодаря множеству людей, которые попадали другъ на друга. Храмъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этой части исторіи Самсона, содержалъ въ себѣ также и капище идола Дагона, вмѣстѣ съ открытымъ дворомъ, который, если и не со всѣхъ сторонъ, то все-таки, съ одной стороны заканчивался галлереей или полукруглымъ помѣщеніемъ, на которомъ устроена была, своего рода, эстрада или амфитеатръ для зрителей. Но въ общемъ трудно сказать, какой, собственно, формы было все это зданіе, было ли оно круглымъ, какъ храмъ на Мальтѣ, или четырехъугольнымъ, какъ храмы въ Мараѳонѣ и Пафѣ» [1]).

Пораженные ужасомъ филистимляне не воспрепятствовали родственникамъ Самсона взять его тѣло, которое было погребено на его родинѣ, между Цорою и Естаоломъ, въ гробницѣ отца его, Маноя. Геринъ недавно открылъ самое мѣсто гробницы Самсона. «Мы остановились», говоритъ онъ, «на нѣкоторое время въ срединѣ Хирбетъ-Аселинъ. Я уже проходилъ однажды этимъ округомъ, для посѣщенія котораго возвратился еще разъ, но въ то время совершенно упустилъ изъ вида многія интересныя развалины, не подвергнувъ ихъ изслѣдованію. Когда я возвратился въ Бейть-Атабъ, то многіе жители, у которыхъ я дѣлалъ разспросы касательно древностей и преданій извѣстной имъ мѣстности, спрашивали меня, изслѣдовалъ ли я уже округъ по близости Сараа и Артуфа. Тамъ, говорили они мнѣ, находится святилище, которое, обыкновенно, называется вали Шейхъ-Герибъ и которое они вмѣстѣ съ тѣмъ почитаютъ подъ названіемъ Кабръ-Шамшумъ (гробница Самсона). Это указаніе было для меня какъ-бы лучемъ свѣта. Жители прибавляли къ этому, что мѣстечко Ашуа раньше называлось Ашуалъ или Агитулъ, — названіе, въ которомъ легко слышать отголосокъ названія Естаола. Это второе сообщеніе заставило меня вновь посѣтить берегъ Кедъ-Эсъ-Серара и въ осо-

[1]) Stark, Gaza und die philistäische Küste, I, III, 332.

бенности Хирбетъ-Аселина, въ надеждѣ, что тамъ, при посредствѣ этихъ совершенно неожиданныхъ, только что сдѣланныхъ мнѣ указаній, можно будетъ найти гробницу того необычайнаго человѣка, который такъ долго заставлялъ трепетать предъ собою филистимлянъ. Прибывъ отсюда въ вышеназванный Хирбетъ, гдѣ можно видѣть развалины почти сорока небольшихъ домовъ, я поспѣшилъ проникнуть въ вали Шейхъ-Гарибъ, но нашелъ тамъ только одно мусульманское святилище, снаружи прямоугольной формы и внутри сводообразное, оттѣняемое старыми смоковницами. Внутри, въ одномъ изъ угловъ, можно было видѣть каменный саркофагъ, на которомъ лежала крышка въ видѣ ослинаго хребта, какъ это часто можно встрѣчать въ подобныхъ гробничныхъ помѣщеніяхъ. Я самъ сомнѣваюсь, происходитъ ли эта гробница отъ древне-іудейскихъ временъ, но окружающее гробницу вали могло быть воздвигнуто на мѣстѣ той древней іудейской гробницы, которая теперь разрушена или скрыта подъ мусульманскимъ зданіемъ, и которая, согласно съ сообщеннымъ мнѣ жителями Бейтъ-Атаба преданіемъ, не можетъ быть ни чѣмъ другимъ, какъ именно гробницей Самсона: самое имя его сохранилось за названіемъ этого вали, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ похороненъ и шейхъ. Во всякомъ случаѣ, можно замѣтить, что это преданіе находится въ полномъ согласіи съ 31 стихомъ XVI главы книги Судей. Въ этомъ стихѣ именно говорится, что Самсонъ былъ погребенъ между Цорою и Естаоломъ, во гробѣ отца своего Маноя. Этотъ послѣдній, происходившій изъ перваго изъ этихъ двухъ городовъ, который тождественъ съ теперешнимъ Сараа и лежитъ почти въ двухъ верстахъ къ югу отъ Хирбетъ-Аселина, имѣлъ свое поле и свою собственную семейную гробницу между Цорою и Естаолемъ въ томъ мѣстѣ, которое называлось Магане-Данъ или станомъ Дановымъ [1]). Цора, какъ признано всѣми изслѣдователями, тождественна съ теперешнимъ мѣстечкомъ Сараа, которое, съ незначительнымъ видоизмѣненіемъ, удержало за собою древнее названіе этого города. Что касается Естаола, который въ Библіи всегда упоминается съ ней вмѣстѣ и, слѣдовательно, долженъ былъ находиться по близости къ ней, то преданіе отождествляетъ его съ Ашуа, прежнимъ Ашуалъ или Аштуалъ. Такъ какъ

[1]) Суд. XIII, 24—5.

Хирбетъ-Аселинъ лежитъ между Сараа на югѣ и Ашуа на востоко-сѣверо-востокѣ, то отсюда я заключаю, что вали Шейхъ-Герибъ съ правомъ можетъ присваивать себѣ честь, приписываемую ему преданіемъ, и что въ немъ можно видѣть именно мѣсто гробницы Самсона. Раввинъ Ишакъ Хело, путешествовавшій въ Палестину, около 1333 года, въ своемъ описаніи, называющемся «Пути Іерусалима», говоритъ слѣдующее: «отъ Іерусалима до Сараи, къ гробу Самсона. Теперь называютъ ее Сара, и тамъ показываютъ гробницу Самсона. Это весьма древній памятникъ, украшенный челюстью осла, которою Самсонъ избилъ филистимлянъ». Это мѣсто вполнѣ согласуется съ преданіемъ, о которомъ я говорилъ и которое полагаетъ гробницу Самсона неподалеку отъ Сараа. Къ сожалѣнію, описанный Ишакомъ Хело памятникъ не существуетъ болѣе, и вѣроятно, на мѣстѣ этого именно гроба и построено было впослѣдствіи вали Шейхъ-Герибъ [1]).

Такимъ образомъ, всѣ подробности, сообщаемыя библейскимъ повѣствованіемъ касательно жизни Самсона и тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ жилъ, дѣйствовалъ и умеръ, съ поразительностью доказываютъ, какъ вѣренъ, даже, можно сказать, до мелочности точенъ, разсказъ книги Судей касательно этого необыкновеннаго человѣка.

Чтобы понять и оцѣнить все величіе Самсона, нужно принять во вниманіе обстоятельства его времени. По истинѣ великъ и силенъ вѣрою въ непреложность божественнаго обѣтованія о высшемъ предназначеніи избраннаго народа былъ человѣкъ, который одинъ, среди всеобщаго унынія и подавленности, осмѣлился выступить противъ жестокихъ угнетателей. И это было въ такую мрачную пору нравственнаго паденія, когда даже колѣно Іудино совершенно пало духомъ и готово было выдать израильскаго героя его смертельнымъ врагамъ, дѣлая ему оскорбительный укоръ: «Развѣ ты не знаешь», говорили ему раболѣпные и малодушные собратья, «что филистимляне господа наши? Что ты сдѣлалъ намъ, навлекая месть филистимлянъ?» Народъ уже примирился съ своимъ тяжелымъ положеніемъ и согласенъ былъ жить въ рабствѣ у идолопоклонниковъ, и за такой-то народъ Самсонъ, не имѣя никакой поддержки отъ него, долженъ былъ вести отчаянную борьбу съ врагами. Онъ и самъ

---

1) Guérin, «Description», etc. III, 324.

тяжко и часто падалъ нравственно, но, несмотря на всѣ эти паденія, сохранялъ самую трогательную вѣрность Іеговѣ, которая еще болѣе окрѣпла въ немъ подъ вліяніемъ тяжкихъ испытаній послѣдующей жизни. Несмотря на кажущееся оставленіе его Богомъ отцовъ, когда онъ находился въ плѣну и филистимлянъ и ослѣпленный осужденъ былъ на каторжную работу, вѣра его не ослабѣвала и тамъ, и ее-то онъ неопровержимо доказалъ, когда потрясъ столбы зданія, въ которомъ веселились идолопоклонники, торжествовавшіе побѣду своего бога Дагона надъ поборникомъ Іеговы. И неудивительно, что память о немъ свято сохранялась изъ вѣка въ вѣкъ, и въ этой памяти народъ черпалъ новое мужество и новыя жизненныя силы.

Но, кромѣ личнаго величія, исторія Самсона имѣла глубокопоучительный характеръ и для всего народа. Весь смыслъ ея заключается въ томъ, что онъ былъ назорей. Своею необычайною силою онъ обязанъ своему назорейству, какъ посвященіе Богу; но слабость его заключалась въ преданности чувственнымъ, плотскимъ похотямъ, предаваясь которымъ, онъ нарушалъ свой обѣтъ. Въ обоихъ отношеніяхъ онъ былъ не только типомъ своего народа, но и зеркаломъ, въ которомъ Израиль воочію могъ видѣть и себя, и свою исторію. Израиль также былъ своего рода назорей, какъ народъ посвященный Богу, и пока соблюдалъ свой завѣтъ съ Богомъ, онъ былъ непреоборимъ въ своей силѣ; но когда онъ нарушалъ свой завѣтъ, предавался чувственности и грязному идолопоклонству, этому духовному прелюбодѣйству, то сила его ослабѣвала, онъ дѣлался жалкимъ рабомъ и повергался въ бездну духовнаго и гражданскаго паденія. Такимъ образомъ исторія Самсона есть какъ-бы олицетвореніе исторіи самого израильскаго народа, и она показывала, что сила народа заключается только въ сохраненіи имъ своего завѣта съ Богомъ. Самсонъ своею жизнью преподалъ всему народу поразительный и глубочайшій урокъ, что Израиль, нарушая свой завѣтъ, неизбѣжно найдетъ свою коварную Далиду, которая, лишивъ его назорейства, отдастъ его врагамъ на попраніе и издѣвательство.

ГЛАВА LXV.

Внутреннее состояніе народа.—Руѳь.

Жизнь Самсона, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ судей израильскихъ, ясно показываетъ, до какого религіозно-нравственнаго паденія дошелъ народъ израильскій въ землѣ обѣтованной. Вся исторія періода судей есть печальная исторія постоянныхъ заблужденій, беззаконій и идолопоклонства съ неразлучно слѣдовавшими за ними бѣдствіями. Даже въ жизни самихъ судей пороки часто берутъ верхъ надъ добродѣтелями, и злыя вожделѣнія заглушаютъ робкій голосъ совѣсти и сознанія долга. Среди избраннаго народа почти совсѣмъ забыта была истинная религія разными бродячими, безпутными левитами. Безнравственность сдѣлалась настолько всеобщею, что прелюбодѣйное сожительство считалось обычнымъ дѣломъ и какъ-бы замѣняло бракъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ развились даже такіе гнусные пороки, которые нѣкогда навлекли на Содомское пятиградіе страшный гнѣвъ Божій. Внутреннее безначаліе и всеобщее самоуправство довершаютъ картину жизни израильскаго народа «въ тѣ дни, когда у него не было царя и когда каждый дѣлалъ то, что ему казалось справедливымъ». Въ подтвержденіе всего этого «Книга Судей», излагающая исторію времени судей до смерти Самсона, въ заключеніе приводитъ нѣсколько поразительныхъ случаевъ и событій, ярко характеризующихъ религіозно-нравственное и общественно-государственное состояніе народа въ это время.

Въ колѣнѣ Ефремовомъ жилъ нѣкій Миха, который укралъ у

своей матери тысячу сто сиклей серебра [1]). Мать прокляла неизвѣстнаго ей вора, но сынъ, устрашенный проклятіемъ, сознался въ своей винѣ, возвратилъ деньги, и суевѣрная мать обратила эти деньги на слитіе истукана и кумира, которые поставлены были въ домѣ, ставшемъ вслѣдствіе этого какъ-бы «домомъ Божіимъ». Чтобы довершить подобіе святилища, Миха сдѣлалъ эфодъ и терафимы, и самовольно посвятилъ одного изъ своихъ сыновей въ священники. Но видя незаконность своего поступка, онъ скоро воспользовался для этой цѣли однимъ праздно блуждавшимъ молодымъ левитомъ изъ Виѳлеема іудейскаго и нанялъ его служить себѣ въ качествѣ священника за ежегодное жалованье въ десять сиклей серебра съ готовымъ одѣяніемъ и пропитаніемъ. Но вотъ тутъ случилось проходить сынамъ Дановымъ въ поискахъ за новыми владѣніями для себя. Зайдя однажды въ домъ Михи, они украли его святыни и сманили къ себѣ молодаго левита, а затѣмъ, завоевавъ городъ Лаисъ, переименованный ими въ Данъ, сдѣлали изъ истукана Михина свое особое святилище, которому и покланялись во все то время, когда истинная святыня народа «Домъ Божій», находился въ Силомѣ.

Другое происшествіе еще ярче обнаруживаетъ ужасное нравственное и общественное разстройство израильскаго народа въ періодъ управленія судей. Одинъ левитъ, ѣздившій въ Виѳлеемъ за своей сбѣжавшей отъ него наложницей, возвращаясь домой, по пути зашелъ съ ней на ночлегъ въ городъ Гиву, въ колѣнѣ Веніаминовомъ. Но когда онъ, найдя пріютъ въ домѣ одного старца, пользовался его гостепріимнымъ угощеніемъ, развратные жители города сдѣлали нападеніе на этотъ домъ и требовали къ себѣ самого левита—странника

---

[1]) На распространенность воровства и всякаго грабительства и своеволія въ Палестинѣ этого времени, между прочимъ, есть интересныя указанія въ одномъ египетскомъ документѣ, именно, описаніи путешествія въ Палестину одного египтянина времени Рамзеса II. Такъ египетскій путешественникъ разсказываетъ, какъ однажды во время ночлега къ нему забрался воръ и укралъ его одежды, а его служитель не только не помогалъ своему господину въ поимкѣ вора, но вмѣстѣ съ нимъ убѣжалъ въ пустыню и присоединился къ кочевому племени. Въ Іоппіи египтянинъ также былъ обокраденъ, причемъ у него украли лукъ, колчанъ и кинжалъ. Во время дальнѣйшаго путешествія у него ночью обрѣзали возжи и угнали лошадей. Однимъ словомъ, мы тутъ видимъ то же нравственное и общественное разложеніе, которое въ страшныхъ чертахъ излагается въ заключительныхъ главахъ книги Судей. См. Travels of an Egyptian, перев. Гудвина, 1858; то-же во франц. переводѣ Шаба, 1866 г.

для удовлетворенія своихъ гнусныхъ похотей. Старецъ заступился за своего гостя. «Вотъ у меня дочь дѣвица и у него наложница, говорилъ онъ развратной толпѣ: выведу я ихъ, смирите ихъ, и дѣлайте съ ними, что вамъ угодно; а съ человѣкомъ симъ не дѣлайте этого безумія. Но они не хотѣли слушать его». Однако же левитъ, опасаясь за свою честь и жизнь, дѣйствительно вывелъ свою наложницу на улицу и грязная чернь «ругалась надъ нею всю ночь до утра», и по утру она найдена была мертвою у порога дома. Тогда левитъ разрубилъ трупъ несчастной женщины на двѣнадцать частей и разослалъ ихъ во всѣ колѣна съ извѣстіемъ о случившемся злодѣяніи. И «всякій, видѣвшій это, говорилъ: не бывало и не видано было подобнаго сему со дня исшествія сыновъ израилевыхъ изъ земли Египетской до сего дня». Страшное негодованіе распространилось по всей землѣ и отовсюду стали собираться воины для наказанія гнусныхъ злодѣевъ. Собравшись въ городѣ Массифѣ, они потребовали отъ колѣна Веніаминова выдачи преступниковъ, чтобы предать ихъ смерти и такимъ образомъ «искоренить зло изъ Израиля». Но веніамитяне отказали въ этомъ, и тогда неизбѣжной сдѣлалась междуусобная война. Два раза израильтяне терпѣли неудачу въ столкновеніи съ войскомъ колѣна Веніаминова, но потомъ посредствомъ военной хитрости овладѣли городомъ Гивой, преступный городъ разрушили до основанія, истребивъ и всѣ сосѣдніе города со всѣмъ ихъ населеніемъ и богатствомъ. 50,100 сыновъ Веніаминовыхъ пало въ битвѣ, и осталось только 600 человѣкъ, спасшихся бѣгствомъ на пустынной горѣ Риммонъ, гдѣ они и оставались четыре мѣсяца. Между тѣмъ, когда чувство мщенія было удовлетворено и пылъ негодованія остылъ въ израильтянахъ, они невольно ужаснулись всего случившагося и, собравшись въ Домъ Божій, начали горько плакать: «Господи Боже Израилевъ! для чего случилось это во Израилѣ, что не стало теперь у Израиля одного колѣна!» Принесены были жертвы всесожженія въ знакъ примиренія, и тогда рѣшено было позаботиться о возстановленіи погубленнаго колѣна. Но въ гнѣвѣ своемъ они поклялись не отдавать своихъ дочерей въ замужество преступному колѣну. Чтобы выдти изъ затрудненія, они воспользовались невѣрностью жителей города Іависа Галаадскаго, отказавшихся принять участіе въ общенародномъ дѣлѣ наказанія виновныхъ, и въ наказаніе за это избили ихъ, кромѣ четырехсотъ дѣвицъ, которыхъ и отдали въ замужество оставшимся въ живыхъ веніамитянамъ.

Остальные двѣсти человѣкъ должны были достать себѣ женъ посредствомъ похищенія силомскихъ дѣвицъ во время праздничныхъ хороводовъ въ виноградникахъ, какъ это они и сдѣлали съ согласія старѣйшинъ израильскихъ. Тогда успокоившись за судьбу двѣнадцатаго колѣна, израильтяне разошлись по домамъ каждый въ удѣлъ свой. «Тогда не было царя у Израиля, заключаетъ повѣствователь эту печальную исторію; каждый дѣлалъ то, что ему казалось справедливымъ» [1]).

Какъ ни мрачна была эта эпоха въ исторіи израильскаго народа, но въ ней встрѣчаются и свѣтлыя стороны, показывающія, что свѣтъ истинной религіи и добродѣтели еще свѣтилъ въ этой ужасающей тьмы, хотя лучи его, въ посрамленіе самимъ израильтянамъ, иногда исходили даже отъ ненавистныхъ для нихъ хананеевъ. Къ этому именно времени, къ концу періода судей, относится исторія одной женщины, получившей впослѣдствіе громадное значеніе для исторіи народа и всего человѣчества. Это именно исторія Р у ѳ и.

Во время правленія судей, несмотря на всю распущенность народа, были еще отдѣльныя семейства, которыя сохраняли вѣру въ истиннаго Бога и придерживались добрыхъ нравственныхъ началъ стараго времени. Такое семейство жило въ Виѳлеемѣ, и оно состояло изъ четырехъ лицъ—Елимелеха («мой Богъ есть Царь») съ его женою Ноеминьею («пріятною») и двумя сыновьями, Махлономъ и Хилеономъ. Жизнь этого семейства текла мирно и ровно. Но вотъ случился въ округѣ голодъ, который довелъ ихъ до того, что они лишены были всякихъ средствъ къ жизни и вынуждены были выселиться куда-нибудь въ болѣе плодородную землю. Они дѣйствительно направились въ богато орошаемыя возвышенности Моава, гдѣ народъ говорилъ тѣмъ же языкомъ, хотя и былъ различной вѣры. Но бѣдствіе, котораго хотѣло избѣгнуть это благочестивое семейство, преслѣдовало его и въ чужой странѣ, и даже еще въ болѣе худшей формѣ. Чрезъ нѣсколько времени по переселеніи туда, Елимелехъ умеръ, такъ что Ноеминь осталась вдовою съ двумя сыновьями. Тѣмъ не менѣе, семейство это настолько освоилось съ мѣстными обстоятельствами, что оно рѣшилось остаться въ землѣ Моавитской, и два сына Ноемини поженились на моавитянкахъ, изъ которыхъ имя

---

[1]) Суд. XVII—XXI, 25.

одной было Орфа, и имя другой Руѳь. Снохи оказались добрыя и скромныя, и семейство это прожило тамъ около десяти лѣтъ. Но потомъ и оба сына Ноемини, Махлонъ и Хилеонъ, умерли, такъ что Ноеминь осталась одна съ двумя своими снохами. Будучи совершенно одинокою въ чужой землѣ Ноеминь естественно вспоминала о своей родной странѣ, гдѣ у нея оставались родственники, и, услышавъ, что въ землѣ израильской настали урожайные годы, она рѣшилась возвратиться въ родную землю и стала прощаться съ своими снохами. Выйдя съ ними на дорогу, ведшую въ землю іудейскую, она обратилась къ нимъ съ такими словами: «пойдите, возвратитесь каждая въ домъ матери своей: да сотворитъ Господь съ вами милость, какъ вы поступали съ умершими и со мною! Да дастъ вамъ Господь, чтобы вы нашли пристанище, каждая въ домѣ своего мужа!» и поцѣловала ихъ. Но обѣ снохи уже настолько сжились съ своею доброю свекровью, что не могли разстаться съ нею, начали горько плакать и рѣшительно отвѣчали ей: «нѣтъ, мы съ тобою возвратимся къ народу твоему». Ноеминь, полагая, что ея снохамъ, какъ моавитянкамъ, трудно будетъ жить среди израильтянъ, при ихъ предубѣжденіи къ чужеземцамъ, опять всячески стала увѣщевать ихъ возвратиться въ свою землю, но онѣ продолжали настаивать на своемъ и плакали. аНконецъ, Орфа простилась съ своею свекровью и воротилась, но другая сноха. Руѳь, осталась. Обращаясь къ ней, Ноеминь говорила: «вотъ, невѣстка твоя возвратилась къ народу своему и къ своимъ богамъ, возвратись и ты вслѣдъ за невѣсткою твоею». Но Руѳь уже слишкомъ привязалась и сроднилась съ матерью своего покойнаго мужа и съ плачемъ отвѣчала: «не принуждай меня оставить тебя и возвратиться отъ тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и гдѣ ты жить будешь, тамъ и я буду жить. Народъ твой будетъ моимъ народомъ, твой Богъ моимъ Богомъ, и гдѣ ты умрешь, тамъ и я умру и погребена буду. Пусть то и то сдѣлаетъ мнѣ Господь, и еще больше сдѣлаетъ; смерть одна разлучитъ меня съ тобою!» Тогда Ноеминь, видя, что Руѳь твердо рѣшилась идти съ нею, перестала уговаривать ее, и онѣ дѣйствительно отправились въ землю израильскую и прибыли въ Виѳлеемъ. Прибытіе Ноемини въ Виѳлеемъ привело въ движеніе всѣхъ жителей, хорошо знавшихъ ее раньше, и всѣ съ удивленіемъ говорили: «это Ноеминь?» Такая радостная встрѣча однако еще болѣе поразила

скорбью сердце Ноемини, особенно, когда ей пришлось вспомнить свою прежнюю жизнь въ Виѳлеемѣ, въ довольномъ семействѣ, и свое теперешнее одиночество, и она отвѣчала жителямъ Виѳлеема: «не называйте меня Ноеминью (пріятною), а называйте меня Марою (горькою), потому что Вседержитель послалъ мнѣ великую горесть. Я вышла отсюда съ достаткомъ, а возвратилъ меня Господь съ пустыми руками. Зачѣмъ называть меня Ноеминью, когда Господь заставилъ меня страдать и Вседержитель послалъ мнѣ несчастье?».

Ноеминь съ своей снохой поселились въ самомъ Виѳлеемѣ, гдѣ-нибудь на окраинѣ города, какъ это и сообразно было съ ея вдовьимъ положеніемъ. Прибытіе ихъ въ Виѳлеемъ совпало съ временемъ жатвы ячменя. Виѳлеемъ расположенъ былъ на горномъ хребтѣ изъ бѣлаго известняка и лежалъ на 2,000 футовъ надъ уровнемъ моря; склоны хребта представляли собою какъ-бы висячіе сады съ длинными рядами смоковницъ и виноградныхъ лозъ; прекрасная, лежащая внизу долина, съ трехъ сторонъ которой звонко журчатъ источники, своею восточною оконечностью почти соприкасается съ страшной пустыней іудейской. Вся она въ это время была покрыта желтѣющимъ ячменемъ и богатою зеленѣющею пшеницей, уже начавшей поспѣвать къ жатвѣ. На нивахъ ячменя уже кипѣла работа, и жнецы занимались уборкой хлѣба. Чтобы прокормить себя и свою свекровь, Руѳь, не имѣя пока никакихъ другихъ занятій, рѣшилась пойти хотя собирать остававшіеся послѣ жнецовъ колосья на полѣ жатвы, какъ это позволялось бѣднымъ жителямъ по закону Моисееву. Поле, на которомъ ей пришлось собирать колосья, оказалось принадлежащимъ богатому и знатному человѣку, Воозу, родственнику ея покойнаго свекра, Елимелеха. Когда Руѳь занималась подбираніемъ колосьевъ, на поле пришелъ самъ Воозъ изъ Виѳлеема и обратился къ жнецамъ съ добродушнымъ привѣтомъ: «Господь съ вами!» на что они дружно отвѣчали ему: «да благословитъ тебя Господь!» Окинувъ глазами своихъ рабочихъ и замѣтивъ Руѳь, онъ спросилъ приставника надъ жнецами, чья это молодая женщина. Слуга отвѣчалъ, что эта молодая женщина—моавитянка, пришедшая съ Ноеминью изъ степей моавитскихъ, и что она, по бѣдности своей, пришла подбирать колосья между снопами позади жнецовъ, и работаетъ настолько усердно, что мало даже отлучается домой. Названное ему слугами имя Ноеминьи напомнило ему о его родственныхъ отношеніяхъ къ ней, и такъ какъ онъ уже слышалъ отчасти и о Руѳи, то съ родственнымъ радушіемъ обратился къ ней, говоря: «послушай, дочь

моя, не ходи подбирать на другомъ полѣ и не переходи отсюда, но будь здѣсь съ моими служанками; пусть въ глазахъ твоихъ будетъ то поле, гдѣ онѣ жнутъ, и ходи за ними. Вотъ я приказалъ слугамъ моимъ не трогать тебя, когда захочешь пить; иди къ сосудамъ, и пей, откуда черпаютъ слуги мои». Руѳь была чрезвычайно обрадована такимъ вниманіемъ и, поклонившись доброму господину, сказала ему: «чѣмъ снискала я въ глазахъ твоихъ милость, что ты принимаешь меня, хотя я и чужеземка?» Воозъ отвѣчалъ ей: «мнѣ сказано все, что сдѣлала ты для свекрови твоей по смерти мужа твоего, что ты оставила твоего отца и твою мать, и твою родину, и пришла къ народу, котораго ты не знала вчера, и третьяго дня. Да воздастъ Господь за это дѣло твое, и да будетъ тебѣ полная награда отъ Господа Бога Израилева, къ которому ты пришла, чтобы успокоиться подъ Его крылами!»—«Да буду я въ милости предъ очами твоими, господинъ мой», отвѣчали Руѳь. «Ты, утѣшая меня, говорилъ по сердцу рабы твоей, между тѣмъ какъ я не стою ни одной изъ рабынь твоихъ».

Когда настало время обѣда, то Воозъ даже пригласилъ ее за общую трапезу, въ которой, вмѣстѣ съ другими рабочими, обѣдалъ и самъ онъ. Съ любезностью добраго хозяина, онъ самъ подалъ ей хлѣба и притомъ такъ много, что не только она сама насытилась, но еще и осталось у нея для свекрови. Послѣ обѣда Воозъ далъ приказъ своимъ слугамъ, чтобы они отнюдь не препятствовали Руѳи собирать между снопами, и велѣлъ даже часть отбрасывать и отъ сноповъ, чтобы дать ей возможность набрать побольше. Вслѣдствіе этого, она къ вечеру набрала не мало колосьевъ, тутъ же обмолотила ихъ, и у нея вышло около ефы ячменя [1]). Взявъ вымолоченный хлѣбъ и взваливъ его себѣ на сильныя молодыя плечи, она отправилась въ городъ и принесла ячмень домой, вмѣстѣ съ захваченными послѣ обѣда остатками пищи для своей свекрови. Какъ количество собраннаго ячменя, такъ и запасъ хлѣба, все это было столь неожиданнымъ для Ноемини, что она изумленно спросила ее: «гдѣ ты собирала сегодня и гдѣ работала? Да будетъ благословенъ принявшій тебя!» Когда Руѳь подробно разсказала все, что случилось съ нею, и что она работала на полѣ нѣкоего Вооза, то Неоминь отъ радости воскликнула: «благосло-

[1]) Шесть гарнцевъ.

венъ онъ отъ Господа за то, что не лишилъ милости своей ни живыхъ, ни мертвыхъ! Этотъ человѣкъ близокъ къ намъ; онъ изъ нашихъ родственниковъ». Руѳь, воспользовавшись позволеніемъ Вооза, продолжала собирать колосья и въ слѣдующіе дни, пока не окончилась жатва ячменя и слѣдовавшая затѣмъ жатва пшеницы, такъ что все это время она могла безбѣдно кормить и себя, и свою престарѣлую свекровь.

Но вотъ, когда закончилась жатва, то Ноеминь, думая, что все случившееся съ Руѳью, совершилось по особому намѣренію Божію, стала говорить Руѳи, что ей время теперь подумать и о томъ, чтобы поискать себѣ пристанище, такъ какъ не всегда же ей жить съ своею престарѣлою свекровью и тратить свои молодыя силы въ тяжелой работѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ноеминь разъяснила Руѳи, что такъ какъ Воозъ ближайшій родственникъ ея мужа и, по закону, долженъ возстановить сѣмя ея умершему бездѣтнымъ мужу, то ей самое лучшее воспользоваться правомъ на замужество съ этимъ богатымъ человѣкомъ. Для достиженія этого, Ноеминь посовѣтовала Руѳи принять соотвѣтствующія мѣры. «Вотъ, сказала она, Воозъ, съ служанками котораго ты была, родственникъ намъ. Вотъ, онъ въ эту ночь вѣетъ на гумнѣ ячмень. Умойся, помажься, надѣнь на себя нарядныя одежды твои и пойди на гумно, но не показывайся ему, доколѣ не кончитъ ѣсть и пить. Когда же онъ ляжетъ спать, узнай мѣсто, гдѣ онъ ляжетъ; тогда придешь, и откроешь у ногъ его, и ляжешь. Онъ скажетъ тебѣ, что дѣлать». Руѳь, подчиняясь указанію Ноемини, исполнила все, какъ ей было сказано. «Воозъ наѣлся и напился, и развеселилъ сердце свое, и пошелъ, и легъ спать подлѣ скирда. И она пришла тихонько, и открыла у ногъ его, и легла. Въ полночь онъ содрогнулся, приподнялся, и вотъ, у ногъ его лежитъ женщина. И сказалъ ей Воозъ: кто ты? Она сказала: я Руѳь, раба твоя, простри крыло твое на рабу твою, ибо ты родственникъ. Воозъ сказалъ: благословенна ты отъ Господа Бога, дочь моя! Это послѣднее твое доброе дѣло сдѣлала ты еще лучше прежняго, что ты не пошла искать молодыхъ людей, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. И такъ, дочь моя, не бойся, я сдѣлаю тебѣ все, что ты сказала, ибо у всѣхъ воротъ народа моего знаютъ, что ты женщина добродѣтельная. Хотя и правда, что я родственникъ, но есть еще родственникъ ближе меня. Переночуй эту ночь; завтра же, если онъ приметъ тебя, то хорошо, пусть приметъ, а если онъ не захочетъ принять тебя, то я приму.. Живъ

Господь! Спи до утра. И спала она у ногъ его до утра, и встала прежде, нежели могли они распознать другъ друга».

Утромъ Воозъ далъ приказъ слугамъ, чтобы они никому не разсказывали о томъ, что на гумно приходила женщина, а самой Руѳи сказалъ: «подай верхнюю одежду твою, которая на тебѣ; подержи ее». И когда она держала свою одежду, то Воозъ отмѣрилъ ей шесть мѣръ ячменя и, положивъ на нее, самъ отправился въ городъ. Возвратившись домой, Руѳь о всемъ разсказала своей свекрови, и та достойно отвѣчала: «подожди, дочь моя, доколѣ не узнаешь, чѣмъ кончится дѣло; ибо человѣкъ тотъ не останется въ покоѣ, не кончивъ сегодня дѣла».

Тѣлесная красота и душевная добродѣтель молодой Руѳи уже успѣли совершенно очаровать Вооза, и онъ, по возвращеніи въ городъ, немедленно приступилъ къ дѣлу устроенія свадьбы. Выйдя къ городскимъ воротамъ, обычному мѣсту рѣшенія всякихъ общественныхъ дѣлъ, Воозъ сѣлъ тамъ и, увидѣвъ проходящаго мимо родственника, о которомъ онъ говорилъ Руѳи, онъ подозвалъ его къ себѣ, говоря: «иди сюда и сядь здѣсь». Онъ подозвалъ также еще десять человѣкъ изъ старѣйшинъ города, которыхъ также пригласилъ сѣсть. Затѣмъ, обращаясь къ своему родственнику, Воозъ началъ вести съ нимъ переговоры о дѣлѣ. «Ноеминь», объяснялъ онъ ему, «возвратилась съ полей моавитскихъ, продаетъ часть поля, принадлежащаго брату нашему Елимелеху. Я рѣшился довести до ушей твоихъ и сказать: купи при сидящихъ здѣсь старѣйшинахъ народа моего. Если хочешь выкупить, выкупай, а если не хочешь выкупить, скажи мнѣ, и я буду знать, ибо кромѣ тебя некому выкупить, а по тебѣ—я». Родственникъ отвѣчалъ: «я выкупаю». Тогда Воозъ продолжалъ: «когда ты купишь поле у Ноемини, то долженъ купить и у Руѳи, моавитянки, жены умершаго, и долженъ взять ее въ замужество, чтобы возстановить имя умершаго въ удѣлѣ его». На это родственникъ отвѣчалъ: «не могу я взять ее себѣ, чтобы не разстроить своего удѣла; прими ее ты, ибо я не могу принять». Для подтвержденія всякаго дѣла, у израильтянъ былъ при выкупѣ и при мѣнѣ такой обычай: одинъ снималъ сапогъ свой и давалъ другому, который принималъ право родственника, и это считалось достаточнымъ свидѣтельствомъ заключенной сдѣлки. И вотъ дѣйствительно, родственникъ снялъ съ себя сапогъ и передалъ Воозу, и Воозъ, обращаясь къ старѣйшинамъ и всему народу, говорилъ: «вы теперь сви-

дѣтели тому, что я покупаю у Ноемини все Елимелехово, и все Хилеоново, и Махлоново. Также у Руѳь, моавитянку, беру себѣ въ жены, что оставить имя умершаго въ удѣлъ его и чтобы не исчезло имя умершаго между братьями его и у воротъ пребыванія его. Вы сегодня свидѣтели сему». Какъ старѣйшины, такъ и весь собравшійся при воротахъ народъ единогласно отвѣчали: «мы свидѣтели; да сдѣлаетъ Господь жену, входящую въ домъ твой, какъ Рахиль и какъ Лію, которыя обѣ устроили домъ Израилевъ; пріобрѣтай богатство въ Ефраѳѣ, и да славится имя твое въ Виѳлеемѣ, и да будетъ домъ твой, какъ домъ Фареса, котораго родила Ѳамарь отъ Іуды, отъ того сѣмени, которое дастъ тебѣ Господь отъ этой молодой женщины».

И вотъ такимъ образомъ бракъ былъ заключенъ. Воозъ взялъ Руѳь, и она сдѣлалась его женою. Бракъ этотъ былъ благословленъ Богомъ, и у Вооза съ Руѳью родился сынъ, что было общею радостью какъ для родителей, такъ и особенно для престарѣлой Ноемини. Выражая свою радость ей, женщины Виѳлеема говорили ей: «благословенъ Господь, что Онъ не оставилъ тебя нынѣ безъ наслѣдника! И да будетъ славно имя его въ Израилѣ. Онъ будетъ тебѣ отрадою и питателемъ въ старости твоей; ибо его родила сноха твоя, которая любитъ тебя, которая для тебя лучше семи сыновей». Сама Ноеминь не знала предѣловъ своей радости, она носила ребенка въ объятіяхъ своихъ и была ему любящею нянькою. Ребенокъ этотъ названъ былъ Овидомъ, и онъ былъ впослѣдствіи отцомъ Іессея, отца царя Давида. И такимъ образомъ эта благочестивая моавитянка, которая обнаружила вѣру, рѣдкую и въ Израилѣ, и мужъ которой былъ потомкомъ Раавы, вѣрующей блудницы Іерихонской, сдѣлалась одною изъ родоначальницъ Христа, сына Давидова.

Исторія Руѳи представляетъ свѣтлый лучъ истинной добродѣтели и законности среди тьмы преобладавшаго развращенія и беззаконія, и эта тьма вслѣдствіе этого становится еще болѣе мрачною. Религіозно- нравственное и общественное состояніе народа Израильскаго дошло уже до печальнаго паденія во время судейства Самсона; но послѣ него скоро случилось событіе, которое грозило окончательною гибелью народу, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ оно послужило и спасительнымъ началомъ религіозно-нравственнаго и государственно-общественнаго возрожденія.

КОНЕЦЪ I ТОМА.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА Общественной академіи Не